

Государственный Эрмитаж
Фонд имени Д.С. Лихачева

Программа
**«Южный берег Крыма —
территория всемирного наследия»**

Государственный
Эрмитаж

Министерство культуры
Республики Крым

Фонд имени
Д.С. Лихачева

Алупкинский
дворцово-парковый
музей-заповедник

Национальный комитет
ИКОМОС, Россия

Союз музеев
России

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА

Материалы
к описанию культурного ландшафта

Выпуск 1

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2019

Благодарим за содействие

Составители:

Е.В. Витенберг, А.В. Кобак

Редактор

Б.В. Останин

Подготовка текста

Г.Б. Богуславская

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА: Материалы к описанию культурного ландшафта. Вып. 1. — Сост. Е.В. Витенберг, А.В. Кобак. — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2019 — 380 стр., ил.

ISBN 978-5-8015-0399-8

© Фонд имени Д.С. Лихачёва, 2019

© Издательство «Европейский Дом», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Уникальность природы Южного берега Крыма и формирование культурного ландшафта. <i>В.И. Мысливец</i>	15
Общая характеристика природы	15
Природопользование и охрана природы	31
Культурный ландшафт Южного берега Крыма	42
Заключение	49
Пространственно-планировочная структура как основа культурно-ландшафтного комплекса Южного берега Крыма. <i>Н.П. Старикова</i>	52
Историческое развитие планировочной структуры	52
Охранное зонирование и современное состояние территории	70
Выводы	78
Археологический комплекс Южного берега Крыма <i>С.Б. Адаксина, В.Л. Мыц</i>	82
Царский берег в Крыму. <i>И.В. Манцыгина</i>	100
Общая характеристика	100
Уникальность объекта	101
Этапы формирования Царского берега	103
Заключительный этап (1895–1920)	104
Система зонирования	105
Усадьбы Царского берега	106
Характерные признаки усадеб раннего периода	108
Характерные признаки усадеб позднего периода	109
Степень подлинности и сохранности объектов	110
Царский берег и критерии Всемирного наследия ЮНЕСКО	111
Заключение	112

Архитектура дворцов-музеев	117
Воронцовский дворец. <i>Г.Г. Филатова</i>	118
Массандровский дворец. <i>Г.Г. Филатова</i>	129
Большой Ливадийский дворец. <i>М.А. Земляниченко</i>	141
Парки Южного берега Крыма. Часть 1. <i>И.И. Головнев</i>	151
Никитский ботанический сад	
Национальный научный центр РАН	154
Парк-памятник садово-паркового искусства «Харакский»	172
Парк-памятник садово-паркового искусства «Утёс Карасан»	183
Парк-памятник садово-паркового искусства «Гурзуфский»	193
Парки Южного берега Крыма. Часть 2. <i>А.А. Анненков</i>	207
Парки-памятники на территории	
Международного детского центра «Артек»	207
Парк «Кипарисный»	207
Парк «Горный»	210
Парк «Комсомольский»	213
Парк «Лазурный»	219
Форосский парк	232
Заключение	239
Ласточкино гнездо в Гаспре: Опыт исторического исследования частновладельческой южнобережной дачи. <i>А.Е. Медведева</i>	242
Гаспра как дачная местность	245
История имения «Ласточкино гнездо»	259
Гаспра и «Ласточкино гнездо»: проблема сохранности исторического памятника в ландшафте	271
Архитектура Южного берега Крыма советского периода. <i>Б.В. Попов</i>	280
Первый этап (1920–1941 годы)	280
Охрана объектов культурного наследия в 1920–1941 годах	286
Второй этап (1945–1960 годы)	287
Третий этап (1960–1991 годы)	293
Заключение	300
Основные архитектурные памятники советского периода. <i>Б.В. Попов</i>	303
Первый этап (1920–1941 годы)	303
Второй этап (1945–1960 годы)	308
Третий этап (1960–1991 годы)	315

Развитие курортного дела	
на Южном берегу Крыма. <i>В.В. Ежов</i>	318
Курортное дело в Российской империи	319
Курорты в период СССР: «Всесоюзная здравница»	330
Курорты в наше время	335
Выводы	336
История виноградарства и виноделия	
на Южном берегу Крыма. <i>Р.Б. Кушхова, Е.П. Морозова</i>	343
Всероссийский научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия «Магарач» РАН	352
Производственно-аграрное объединение «Массандра» Управления делами Президента РФ	357
Список авторов	377

Участники презентации проекта «Южный берег Крыма — территория всемирного наследия» в Алупкинском дворцово-парковом музее-заповеднике. Воронцовский дворец, 28 апреля 2018 года

Предисловие

Фонд имени Д.С. Лихачева в партнерстве с Государственным Эрмитажем реализует проект «Южный берег Крыма — территория всемирного наследия». Его цель — сохранение культурного и природного наследия Южного берега Крыма.

Этот проект — инициатива людей, которые любят Южный берег, приезжают сюда на археологические раскопки, в геологические экспедиции, походы и просто отдыхать. Мы наблюдали, как в постсоветские годы вырубался Никитский сад, разрушался завод Магарач, строились огромные здания на заповедных землях. Смотреть на это было очень больно. Для Фонда Лихачева охрана наследия является, безусловно, важнейшей целью. Мы просто не могли бездействовать.

Размышляя о Южном берегу, сопоставляя его с другими прекрасными берегами, мы убеждались, что здесь есть что-то особенное, уникальное, то, что невозможно найти больше нигде.

*И глупо звать его «Красная Ницца»,
и скушно звать «Всесоюзная здравница».
Нашему Крыму с чем сравниться?
Не с чем нашему Крыму сравниться!*

В.В. Маяковский

Своеобразие Южнобережья невозможно определить в нескольких словах. Крымская природа поражает и вдохновляет. Ценность ее осознавали все, кто создавал здесь свои имения в XVIII — начале XX века. Освоение Южнобережья в это время было настоящим сотворчеством природы и человека. Чтобы не нарушать совершенство природы, художник Архип Куинджи даже не строил дом в своем имении, а каждое лето сколачивал сарайчик из фанеры, который разбирал перед отъездом.

Многовековая история Южнобережья, в написании которой приняли участие древние тавры и скифы, античные греки-колонизаторы

и римские легионеры, византийцы, венецианцы и генуэзцы, татары Крымского ханства, вдохновляла на исследования не только профессиональных историков и археологов, но и великих князей, отдыхавших здесь творческих людей, дачников и местных жителей.

Виноделие, садоводство, устройство парков было и основным видом крымского творчества, и серьезным производственным процессом с выдающимися достижениями. А курортология и медицина стали делом чести и долгом для многих живших здесь людей.

Это действительно особенная территория, которая, как мы предположили, достойна войти даже в список объектов Всемирного наследия. Наследие Южного берега очень многогранно. Поэтому требуется междисциплинарный «консилиум», взгляд профессионалов из разных областей.

Первой задачей проекта стало создание группы экспертов самого высокого уровня. В течение 2018 года эта экспертная группа специалистов из Петербурга, Москвы и Крыма исследовала культурный ландшафт Южного берега, чтобы определить, несет ли он признаки объекта Всемирного наследия.

В издании «Южный берег Крыма: Материалы к описанию культурного ландшафта» представлены статьи о разных видах культурного и природного наследия. Сборник является первым в предполагаемой серии. В него вошли статьи по археологии, природе и климату, паркам, архитектуре «Царского берега» и советского периода, виноделию, а также об уникальной курортологической функции Южнобережья.

Во второй выпуск мы планируем включить описания других ценных элементов и характеристик культурного ландшафта: архитектура XIX – начала XX века, музейная сеть, исторические события всемирного значения, выдающиеся исторические деятели на Южном берегу, нематериальное наследие (в том числе «Крымский текст в русской и мировой культуре»). А также обобщающие статьи о культурном ландшафте Южного берега в целом и его сравнение с другими схожими территориями, входящими в список Всемирного наследия.

Сейчас на Южнобережье находится 33 парка федерального и местного значения общей площадью 1000 га. В этом сборнике описаны только наиболее значимые и хорошо сохранившиеся из них. Очень сложным для экспертной работы оказался вопрос доступа к паркам и другим объектам наследия, многие из которых находятся в частной собственности или являются закрытыми объектами.

Это огромная проблема — как обеспечить не только сохранность, но и доступ к объектам культурного наследия и береговой линии. Во многих странах этот вопрос решен радикально на основании «права

прохода» — люди имеют возможность постоянного доступа к пляжам и паркам, которые «не принадлежат никому и принадлежат всем». Закрытость территорий на Южном берегу вредит и развитию культурного туризма, и изучению наследия.

Экспертная группа предложила гипотезу рассмотрения Южного берега Крыма как уникального культурного ландшафта «берега-парка». Его необходимо рассматривать не как совокупность отдельных памятников различного типа и значения, а как выдающийся культурный ландшафт, как единый комплексный объект культурного и природного наследия. Именно в таком качестве исторический «берег-парк» представляет собой уникальную территорию всемирной ценности, требующую особого режима охраны. Южный берег Крыма должен стоять в одном ряду с лучшими побережьями мира — Амальфитанским берегом в Италии или Лазурным берегом во Франции.

В этом рукотворном «береге-парке» есть магистральные многокилометровые «аллеи» (Царская тропа), существовавшие до недавнего времени пешеходные направления вдоль всего берега. Дворцово-парковые ансамбли и имения, курортные комплексы и дачи — архитектурные элементы этого рукотворного парка.

По словам выдающего исследователя ЮБК А.А. Галиченко: «Накануне революции в Таврической губернии числилось 1100 крупных и мелких имений. Среди нескольких поколений, связавших свою жизнь с Крымом, были разные люди: деятельно служившие своему Отечеству и праздные, проявившие себя в сражениях и на государственной службе, очень знаменитые и никому не известные. Роднило их одно — восторженное, романтическое отношение к сказочно прекрасному краю с богатым историческим прошлым. Здесь невольно проявлялось творческое начало человека. В каждом имении или курорте была вилла-дворец и огромный парк. Парки переходили один в другой — на всем протяжении берега».

Эпицентром развития этого рукотворного ландшафта стал Никитский ботанический сад, основанный в 1812 году. Как велела еще Екатерина Великая, «одним из главных предметов в Тавриде могли бы быть сады и особенно сады ботанические». Никитский сад — родоначальник всех парков Крыма и почти сотни парков в разных уголках России. Растения из него раздавали бесплатно или продавали очень дешево. Первый директор сада Христиан Стевен за время своей работы лично роздал свыше ста тысяч саженцев деревьев. С каждого получателя бралась расписка в том, что деревца будут посажены по всем правилам.

По выражению литературоведа и исследовательницы Крыма И.Н. Медведевой-Томашевской, «аристократической полосой, за-

поведником знати сделалось побережье от Артека до Фороса. Было достаточно пятнадцати лет, чтобы побережье превратилось в «блистательную дачу».

Повсюду на ЮБК к работе привлекались зарубежные архитекторы, инженеры, ландшафтные архитекторы, управляющие. Это автор проекта Воронцовского дворца в Алушке англичанин Эдвард Блор, садовник князя Потемкина англичанин Вильям Гульд, первый директор Никитского сада швед Христиан Стевен. К слову, свой гербарий Стевен подарил соотечественнику, и сейчас он хранится в Ботаническом музее Университета Хельсинки.

Сажены растений и виноградные лозы прибывали по обмену в Никитский сад со всего мира, а винотека Массандры пополнялась эталонными европейскими образцами. Владельцы имений были в основном из России, но не только — достаточно вспомнить панслависта, одного из основателей Чехословакии Карела Крамаржа, сыгравшего ключевую роль в поддержке молодым Чехословацким государством русской эмиграции. Южный берег Крыма по праву можно считать общеевропейским наследием.

Проект создания такого масштабного берега-парка мог быть реализован только как государственный. В течение столетия после присоединения Крыма к России в 1783 году государственной политикой стало разведение садов, парков и виноградников на ранее пустующих землях. Владельцы бесплатно получали земли, но за это должны были создавать прекрасные имения, иначе они облагались штрафом или их земли передавались в другие руки. По выражению крымоведа XIX века Е.Л. Маркова, «имения создавались не для прибыли, а от избытка».

И.Н. Медведева-Томашевская писала: «Крым был олицетворением черноморской политики Русского государства. Крым был сокровищницей южных природных богатств. Крым связывал Россию с миром античной древности, колыбелью европейской культуры».

Рукотворный ландшафт Южного берега, парки, виноградники, имения и курорты создавали поколения людей. Исторический берег-парк пронизан и одухотворен историей и людьми, которые здесь творили — и мы все это чувствуем. Это и прекрасный берег Утопии, и Вишневый сад. Чехов писал «Вишневый сад» на курорте в Гурзуфе, организованном на месте дворянского имения выкупившим себя из крепостного права предпринимателем Губониным.

Здесь невозможно чувствовать себя одиноко — рядом идут по темным аллеям герои Бунина, сидят на скамейке герои Чехова, и пушкинское «прощай, свободная стихия» вспоминается всем, кто смотрит на это море. Люди, оставившие здесь свой след, рассказавшие о ЮБК в своих произведениях — это тоже важнейшая часть культурного наследия.

Особого внимания заслуживает тот факт, что берег-парк сохранялся и развивался и в советский период — и тоже как государственный проект «Всесоюзной здравницы». Разумеется, послереволюционные годы нанесли культурному наследию серьезный урон.

Но при этом генеральные планы Южнобережья, составленные ведущими архитекторами, начиная с Моисея Гинзбурга, были планами города-сада, берега-парка. Советские санатории подражали традициям южнокрымских аристократических имений и курортов начала XX века — основой новых санаториев были парки, постройки создавались в едином архитектурном стиле.

Некоторые выдающиеся комплексы, например, санаторий «Горный» архитектора Ивана Жолтовского, заняли достойное место в ландшафте «берега-парка». В послевоенное время появился прекрасный Приморский парк в Ялте (ныне окончательно уничтоженный высотной застройкой). И даже новый парк в Никитском саду — Монтедор. Действовали жесткие охранные меры, существовали строгие запреты на строительство в заповедниках и парках.

Потери Южнобережья после распада СССР открывают такие вопиющие утраты, как разрушение винзавода «Магарач» (основан в 1828 году, снесен в 2013), утраты огромных территорий Никитского сада (на месте розария и исторических коллекций растений построено более 50 коттеджей и высотных зданий). В постсоветский период были окончательно разрушены пешеходные тропы вдоль моря, и доступ к морю прегражден частным строительством.

Необходимо составить меморандум потерь — для того, чтобы лучше осознать с какой скоростью был утрачен огромный пласт культурного наследия.

Берег-парк изначально был российским государственным проектом. Сохранить и возродить его возможно тоже только как проект государственной культурной политики.

В 2014 году слово «Крым» узнали во всем мире. При этом он остается в широком сознании европейцев только спорной территорией. В мире очень мало знают о наследии ЮБК. Не только за последние четыре года, но и за все постсоветское время практически не было ни зарубежных исследований, ни переводов, ни статей в зарубежных популярных журналах.

Мы посвятили значительную часть проекта задаче рассказать в разных странах о культурном наследии ЮБК. Выставка выдающегося фотографа-портретиста Брижит Лакомб (Франция—США) и фотографа Эрмитажа Юрия Молодковца состоялась в Эрмитаже в ноябре 2018 года. В 2019 году она будет показана в Крыму и в Париже.

Мы встретились с прекрасными людьми, сохраняющими историческую память и наследие ЮБК, и захотели рассказать о них. Героями выставки стали историки, архитекторы, виноделы, археологи. Многие живут здесь постоянно, другие приезжают для работы и исследований.

Керченский мост, воплощение инфраструктурной политики, должен стать и воплощением культурной политики в отношении Южно-бережья. Мы убеждены, что наследие ЮБК достойно самого внимательного и ответственного отношения. Особый охранный статус, с одной стороны, должен закрепить неприкосновенность берега-парка, а с другой стороны, служить привлечению международного внимания и развитию культурного туризма.

Мы хотели бы поблагодарить авторов этого сборника и всех партнеров и экспертов проекта, без которых работа была бы невозможна. Благодарим Алупкинский дворцово-парковый музей-заповедник, Никитский Ботанический сад, Дом-музей Чехова в Ялте, Ялтинский историко-литературный музей.

Сердечной благодарности заслуживают:

Балинченко Александр Петрович
Галиченко Анна Абрамовна
Иванова Людмила Михайловна
Клепайло Анна Ивановна
Коротков Олег Игоревич
Крюкова Ирина Вадимовна
Макарухина Наталия Михайловна
Нариманова Наталия
Науменко Ирина Владимировна
Семина Наталья Николаевна
Сырбу Наталия Александровна
Титоренко Лина Александровна

Елена Витенберг

Руководитель проекта Фонда имени Д.С. Лихачева
«Южный берег Крыма — территория всемирного наследия»

Александр Кобак

Директор Фонда имени Д.С. Лихачева

В.И. Мысливец (Москва)

УНИКАЛЬНОСТЬ ПРИРОДЫ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Общая характеристика природы

Географическое положение Южного берега Крыма и его границы

Крымский полуостров лежит между параллелями 44° и 46° с.ш. 45-я параллель проходит около Джанкоя. Широта самой южной точки полуострова Крым, мыса Сарыч — 44°23' с.ш. На этих широтах лежат такие приморские регионы, как юг Дальнего Востока России, север Тихоокеанского побережья США, южная часть Франции, побережья Лигурии, Венеции, северной части Хорватии.

Крым состоит из равнинной части, занимающей большую часть его площади, и горной части, протянувшейся от Балаклавы до Феодосии почти на 150 км при ширине около 50 км. Переход от равнины к горам постепенный — в районе Симферополя поверхность полого повышается, образуя сначала невысокую (до 250 м) Внешнюю грядку, затем Внутреннюю грядку (высота до 500 м) и, наконец, Главную грядку с наибольшими высотами в районе Гурзуфа — 1400–1500 м (вершина Роман-Кош 1545 м).

Вершинная поверхность Главной гряды имеет характер слегка всхолмленной равнины, повышающейся от 500–700 м на западе до 1200–1500 м в центральной части, осложнённой карстовыми воронками, невысокими скальными грядами, холмами, котловинами, карстовыми полями. Поперечные понижения разделяют её на отдельные

плато — по крымскотатарски яйлы (пастбища). С запада на восток это Байдарская, Ай-Петринская, Ялтинская, Никитская, Гурзуфская, Бабуган, образующие западную группу яйл. Центральная группа состоит из плато Чатыр-Даг (верхнего и нижнего), Демерджи, Тырке, Долгоруковской яйлы и нагорья Караби. Восточнее этого нагорья с высотами 1100—1200 м плато исчезают, и Главная гряда представлена короткими хребтами с заострёнными гребнями, пиками и густой сетью речных долин. Абсолютные высоты уменьшаются до 600—700 м. У Феодосии последний гребень Тепе-Оба имеет высоту менее 300 м, а невысоким мысом св. Ильи Главная гряда заканчивается.

В противоположность постепенно снижающейся восточной оконечности Главной гряды Крымских гор, западная оконечность представлена скальным 400-метровым обрывом хребта Кокиябель и мыса Айя, срезающим Главную гряду и на 50 м уходящим под воду.

Такой же контраст пологому северному макросклону Крымских гор представляет южный макросклон, круто опускающийся к берегу

Мыс Айя — западное окончание Крымских гор.

Сложен известняками верхней юры. В районе горы Ай-Петри эти известняки подняты на высоту более 1200 м, а здесь образуют обрыв, вертикально уходящий под воду — свидетельство проявления сбросовых движений. Западное окончание Главной гряды составляет резкий контраст восточному окончанию, где в районе Феодосии постепенно снижающиеся горы переходят в равнину.

Фото В.И. Мысливца.

моря. От мыса Айя на западе до мыса Киик-Атлама перед Феодосией протягивается узкая полоска, охватывающая собственно берег и нижнюю часть склона Главной гряды до высоты 350–400 м — Южный берег Крыма (ЮБК). Верхняя часть склона представляет собой скальные обрывы (Форосско-Кастропольская стена), крутые склоны или участки интенсивно расчленённого рельефа.

Общая протяжённость Южного берега Крыма составляет около 180 км. По ландшафтным признакам он делится на две части — западную (около 80 км) и восточную (100 км). Граница между ними проходит по восточному ограничению Алуштинского амфитеатра.

Относительно верхней границы ЮБК существуют две точки зрения. Согласно первой, её следует проводить на высотах около 300 м (Павлова, 1964). Верхняя, наиболее крутая, часть южного склона Главной гряды, таким образом, в состав Южного берега не входит. Согласно второй точке зрения, Главная гряда ограничивает с севера не морской берег в узком понимании этого термина, а особую географическую область Крымского южнобережного субсредиземноморья со специфическими растительными и животными видами, своим вариантом высотной поясности, особой структурой и динамикой ландшафтов (Ена, 1960). Границей этой области на севере служит бровка яйлинских плато (в западной части ЮБК). С геолого-геоморфологической позиции второй вариант предпочтительнее.

Происхождение ландшафта

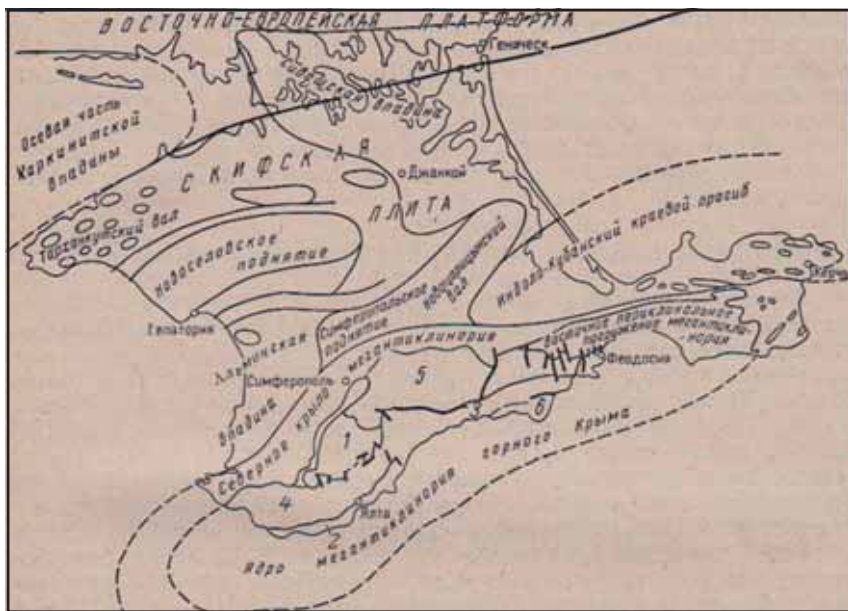
В верхнем триасе — нижней юре (220–175 млн лет назад) на месте Горного Крыма существовал линейно вытянутый прогиб, в котором накапливались песчаники, алевролиты и аргиллиты. В среднеюрское время темпы опускания снизились, глубина прогиба стала уменьшаться и начал проявляться вулканизм. Образовались внедрения расплава, интрузии — лакколиты и вулканогенно-осадочные породы. В верхней юре (160–145 млн лет назад) глубина бассейна ещё уменьшилась, стали накапливаться известняки, местами возникали коралловые рифы.

Опускания продолжались и позже, но около 10 млн лет назад они сменились поднятиями, и на месте нынешних плато Главной гряды над водой поднялся низкий остров, поверхность которого выровнивали морские волны. На месте нынешнего Чёрного моря существовали опускающиеся бассейны с разделявшими их перемычками. Позже не только перемычки, но и южная часть поднимающегося Крымского горного сооружения были втянуты в опускание под весом накопившейся осадочной толщи (Муратов, 1960, 1973; Геология СССР..., 1969; Моргунов и др., 1979). Это, во-первых, привело к асимметрично-

му строению Горного Крыма, во-вторых, продолжающееся поднятие гор сочеталось с опусканиями побережья и шельфа (Лохин, Маев, 1989). На этом фоне активно проявились внешние (экзогенные) процессы. Вертикальные движения — поднятия и опускания — сложно сочетались с горизонтальными перемещениями. Это определило высокую сейсмичность территории.

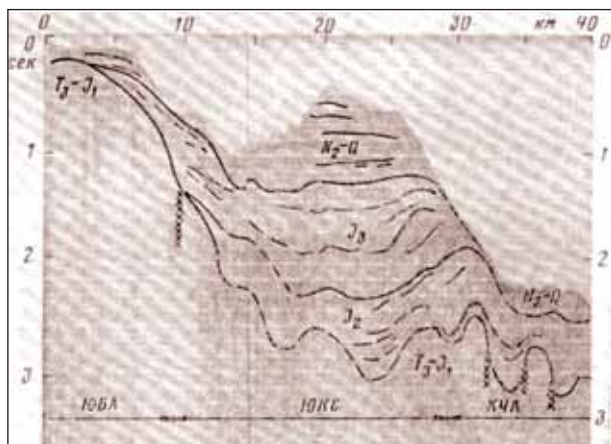
Северный, пологий склон Горного Крыма сложен чередующимися поддающимися размыву породами и устойчивыми, бронирующими пластами известняков. Южный, крутой склон был лишён такой защиты, и глинистые породы легко размывались. Известняки, которые могли бы защитить их от размыва, во-первых, в своё время накапливались в прогибах-синклинариях, отстоящих от современного шельфа и берега; во-вторых, в ходе поднятия гор сами стали разрушаться, создавая многочисленные смещённые массивы. Эти массивы по пластичным глинистым породам сползали до самого моря, образуя скалы, мысы и островки.

В ходе размыва, разрушения Южного макросклона стали проявляться существующие и возникать новые латеральные неоднородно-

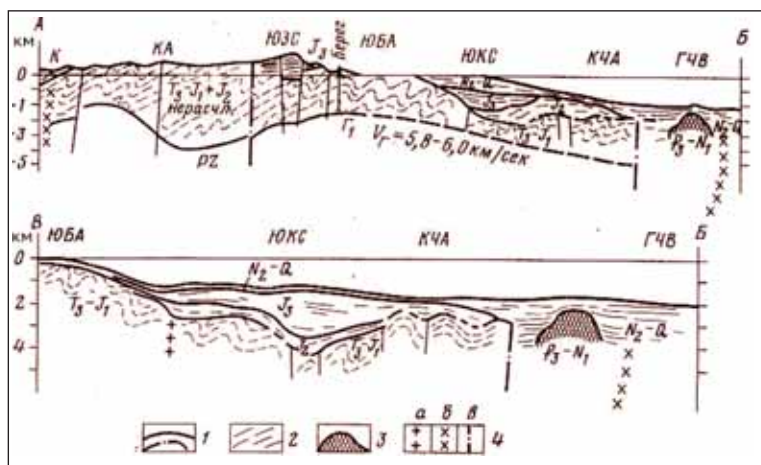

Структурные элементы Крыма.

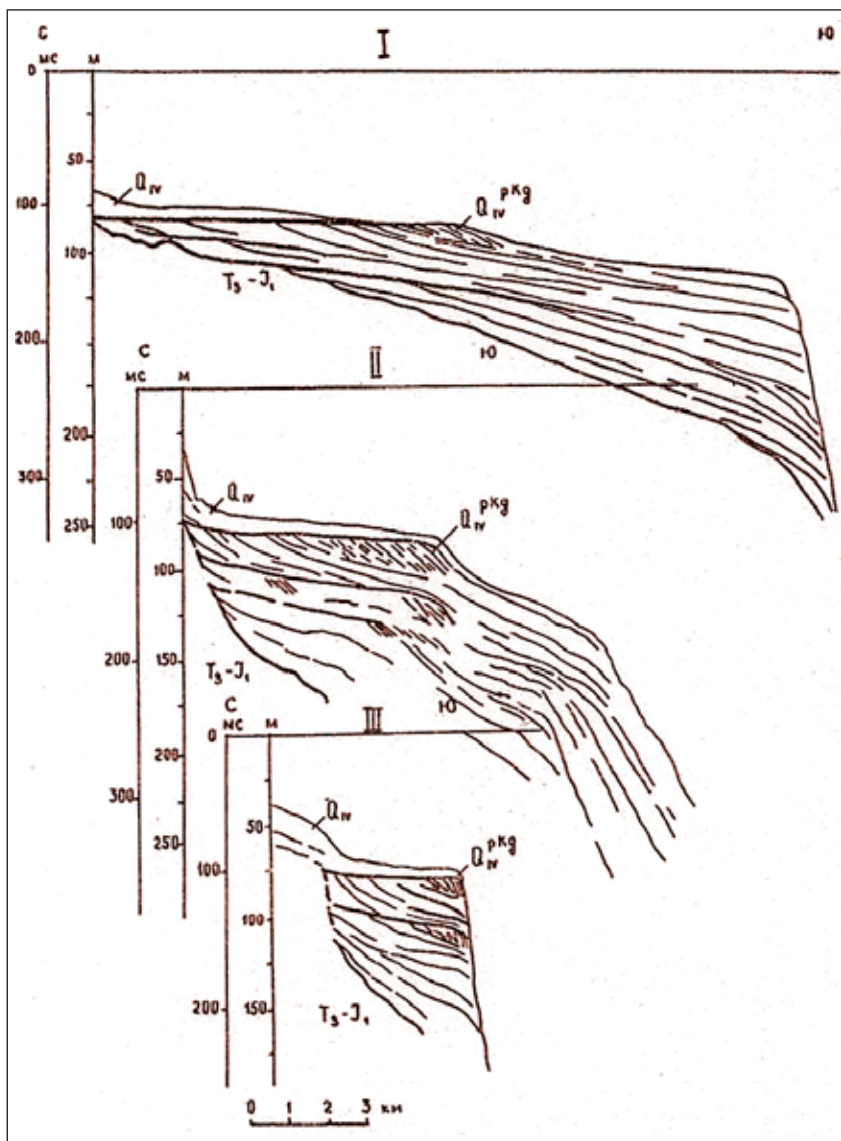
Антиклинории: 1 — Качинский, 2 — Южнобережный, 3 — Туакский. Синклинории: 4 — Юго-Западный, 5 — Восточнокрымский, 6 — Судакский (Муратов, 1973).

Внутреннее строение опустившейся под воды Чёрного моря части Крымского мегантиклинория по материалам непрерывного сейсмоакустического профилирования (Моргунов и др., 1979).

Сводные геологические профили, показывающие положение опущенного крыла Крымского мегантиклинория (Моргунов и др., 1979). На профилях Крым слева, Чёрное море справа, вертикальный масштаб в километрах, горизонтальный — условный. Буквами обозначены: КА — Качинский антиклинорий; ЮЗС — Юго-Западный синклиний; ЮБА — Южнобережный антиклинорий; ЮКС — Южно-Крымский синклиний; КЧА — Крымско-Черноморский антиклинорий; ГЧВ — глубоководная Черноморская впадина. Вертикальные линии — разломы разного порядка. Латинские буквенные индексы — геологический возраст отложений (установленный и предполагаемый).

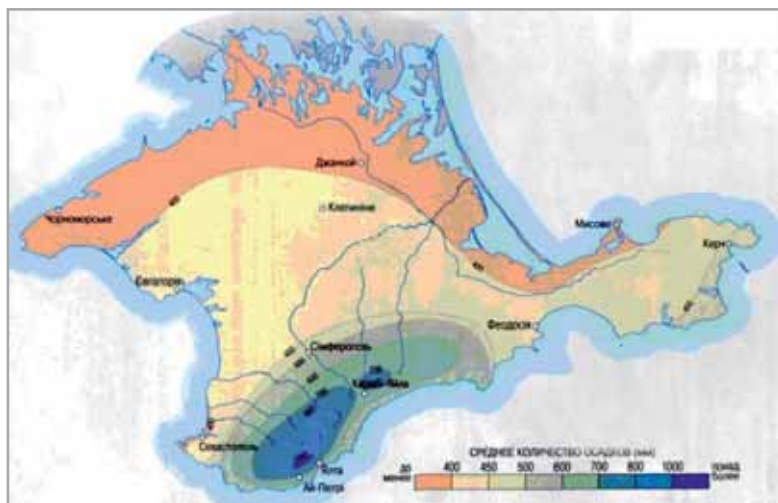
Строение осадочной толщи шельфа у Южного берега Крыма (Лохин, Маев, 1989). Первый разрез показывает строение шельфа у бухты Ласпи, второй — к западу от Ялты, третий — напротив Гурзуфа. На срезанной абразией поверхности таврической серии, слагающей шельф, накопились слои осадочных отложений. Это происходило в ходе повышений и понижений уровня моря на фоне непрерывного опускания шельфа.

сти геолого-геоморфологического строения. Продолжающееся поднятие гор привело к проявлению их климатообразующей роли (феновый эффект) и вертикальной дифференциации природных явлений. Так возникли основные черты пространственной структуры природного ландшафта Южного берега Крыма.

Климат и реки

Климат района субсредиземноморский, с жарким летом и мягкой зимой. Средние температуры июля +23–24 градуса, января +2–4 градуса. Безморозный период продолжается 230–260 дней. Осадков в среднем выпадает 350–650 мм, при этом зимние осадки более чем вдвое превышают летние. По годам осадки распределяются крайне неравномерно. Малое количество осадков препятствует образованию дернины на склонах и способствует развитию эрозии. Тёплый для этих широт климат обусловлен барьером Крымских гор, переваливая который воздушные массы сначала, при подъёме, охлаждаются и освобождаются от влаги, а опускаясь, нагреваются, как сухой воздух — сильнее, чем первоначальный влажный. В результате самое большое количество осадков в Крыму выпадает на северном склоне Главной гряды, а Южный берег на несколько градусов теплее степных равнин на той же широте (*Бабков, 1961*).

Тепловая инерция моря определяет тёплую осень и прохладную, туманную погоду весной. Общий наклон поверхности к югу увеличи-

Годовое количество осадков на территории Крыма (Атлас, 2003).

вает угол падения солнечных лучей; он соответствует широтам 30–35 градусов. Это также способствует нагреванию воздуха.

На Южном берегу от мыса Айя до горы Демерджи насчитывается более 30 рек. Длина их от 2–3 км до 12 км; она зависит от ширины прибрежной полосы, которая изменяется от 1–2 км на западе до 10–15 км в районе Алушты. Поскольку амплитуды высот рельефа достигают 1200 м, в регионе хорошо проявляется высотная поясность. В нижней части побережья осадков выпадает очень мало, особенно в районе мыса Сарыч: 350–400 мм/год. В верхней части макросклона, под бровкой яйлинских обрывов, их количество увеличивается до 600–700 мм/год, а на плато Яйлы достигает 1000 мм/год, поэтому верховья рек расположены в верхней части макросклона, у основания обрывов.

Ландшафты

Разделение территории Крыма на отдельные природные единицы в значительной степени определяется масштабом работы. Последний вариант такого районирования приведён в Атласе Автономной республики Крым (2003, масштаб 1 : 1 200 000). В пределах южного макросклона Главной гряды, ниже бровки яйлинских плато, выделяются три группы ландшафтов — в соответствии с характером высотной поясности.

Первые две группы включают среднегорные ландшафты верхней части макросклона ЮБК. Третья группа — югобережные низкогорные субсредиземноморские ландшафты. Это ландшафты собственно Южного берега в узком смысле. Они протягиваются от мыса Айя (точнее, от расположенного западнее мыса урочища Аязьма) до мыса Святого Ильи на окраине Феодосии. Вся западная часть Южного берега в ландшафтном отношении и при данном масштабе районирования может быть отнесена к одному району, характеризующемуся однородными ведущими признаками — геолого-геоморфологической основой, гидролого-климатическими особенностями и почвенно-растительным покровом. Это денудационные низкогорья на таврическом флише с древнеползновыми формами и на эффузивно-интрузивных породах, с коричневыми карбонатными почвами под фисташково-дубовыми, можжевельново-сосновыми и дубово-можжевельновыми лесами в комплексе с шибляковыми зарослями. Такой ландшафт распространён от мыса Айя до горы Демерджи.

Кроме вертикальной дифференциации, обусловленной климатической поясностью, природным комплексам Южного берега присуща и горизонтальная дифференциация, первоначально связанная со степенью эрозии и денудации (разрушения) в разных местах подни-

мающегося горного сооружения. В свою очередь степень денудации определялась различиями в тектоническом и геологическом строении побережья. На более размытых участках известняки Яйлы отступили от берега, а небольшие реки сформировали эрозионно-оползневые амфитеатры различной степени выраженности. Небольшие гребни, хребты и скальные массивы, протягивающиеся поперёк склона, также способствовали разделению природных комплексов на отдельные части.

Это разделение хорошо показано на карте ландшафтов, составленных В.Г. Еной. Крымская горная страна на этой карте состоит из четырех физико-географических краев:

- 1) Крымское высокогорье — Главная Крымская гряда;
- 2) Крымское предгорье (Внутренняя и Внешняя куэстовые гряды и разделяющие их южное и северное продольные понижения);
- 3) Южный берег Крыма;
- 4) Керченское мелкогорье.

В пределах Южного берега Крыма В.Г. Ена выделяет несколько ландшафтов, из которых два первых образуют верхний пояс.

- 1) Юго-западный крутосклонный подъяйлинский сосново-лесной ландшафт, слабо изменённый. Расположен на высотах 700–1500 м,

Ландшафты Крымского полуострова (Ена, 1960).

В тексте упоминаются ландшафты с 1 по 13, которые на схеме В.Г. Ены показаны под номерами 15–27.

представляет собой тектонико-денудационный, известняковый, скалистый склон; годовое количество осадков около 900 мм; растительность — леса из крымской сосны на маломощных бурых горно-лесных почвах.

2) Юго-восточный склоновый подъяйлинский, буково-лесной, слабо изменённый. Высоты от 700 до 1200–1500 м; рельеф — крутой известняковый склон, рассечённый горными проходами. Количество осадков — более 550 мм; буковые леса на бурых горно-лесных почвах.

Остальные ландшафты приурочены к нижнему, прибрежному поясу. От Ласпинской котловины до Алушты абсолютные высоты этого пояса 0–600 м.

3) Айя-Ласпинский котловинно-амфитеатрообразный, лесной, значительно изменённый ландшафт. Годовое количество осадков более 300 мм. Смешанный лес с вечнозелёным подлеском на бурых и коричневых почвах. Рельеф этой территории В.Г. Ена определяет как сочетание котловин в глинистых сланцах с известняковыми массивами. С нашей точки зрения, наиболее важной особенностью рельефа является крупный древний оползневой язык, занявший вершину бухты; меньших размеров оползневые тела образуют склон в районе Батилимана. Это первый из серии оползневых языков, типичных для Южного берега.

Ласпинский амфитеатр.

В центре Ласпинской бухты — выдвинутый в море оползневой язык, который постепенно начинает застраиваться. Фото В.И. Мысливца.

Выдающиеся в море оползневые языки валдайского времени образуют мысы с пологой поверхностью; на мысах расположены санатории, парки, посёлки. У двух ближних оползневых языков видны окаймляющие их гравитационные набережные. Поверхность склона Южного берега пересекает лента шоссе Ялта—Севастополь. Пример того, как природное явление определяет структуру расселения. Фото В.И. Мысливца.

4) Сарыч-Кекенеизский крутосклонный оползнево-террасовый, лесной ландшафт, значительно изменённый. Склон осложнён оползнями, обвалами, есть оползневые террасовые площадки. Осадков более 350 мм; почвы бурые и коричневые под дубом пушистым. К этой характеристике, данной В.Г. Еной, следует добавить некоторые детали. Если проводить более дробное разделение этого ландшафта, можно выделить урочище Комперия в районе мыса Сарыч, далее участок до горы Челеби-Яурн-Бели, участок до гребня Ай-Юри, участок до Оползневого, обширный амфитеатр выше Понизовки — Кикенеиза с небольшим хребтом Хыр-Пиляки, протяжённую долину в районе села Голубой Залив (бывш. Лимены). Для береговой линии Сарыч-Кекенеизского ландшафта особенно характерен фестончатый рисунок, обусловленный конфигурацией оползневых тел (*Зенкович, 1958*).

5) Симеиз-Алупкинский амфитеатрообразный, лесной преобразованный ландшафт. Его западной границей служит смещённый массив горы Кошка. Рельеф склона осложнён оврагами, оползнями, «хаосами», смещёнными известняковыми массивами. Количество осадков более 400 мм; смешанный лес с вечнозелёным подлеском на бурых и коричневых почвах. Небольшая возвышенность делит его на Симеизский и Алупкинский амфитеатры.

Смещённый массив горы Кошка.
Фото В.И. Мысливца.

6) Ялтинский амфитеатрообразный, лесной преобразованный ландшафт. Эрозионный и оползневой рельеф, смещённые массивы. Осадков более 550 мм в год. Коричневые почвы под смешанными и сосновыми лесами с вечнозелёным подлеском. Ялтинский амфитеатр с запада ограничен горой Могаби, с севера — обрывами яйл, с востока — Никитским отрогом Главной гряды. Отрог Главной гряды — Иограф с холмом Дарсан делит амфитеатр на бассейны рек Учан-Су и Дерекойки; верховья рек по ландшафтным особенностям сильно отличаются от средних и нижних частей их долин. Особенно впечатляет ущелье Уч-Кош в верховьях реки Гувы — одного из истоков Дерекойки.

7) Гурзуфский амфитеатрообразный лесной преобразованный ландшафт; осадков более 500 мм. Можжевельново-дубовый лес с вечнозелёным подлеском на коричневых, местами красноземных почвах.

8) Аю-Даг — Кастельский крутосклонный лакколитовый лесной ландшафт. Осадков более 450 мм. Крутой, расчленённый эрозией склон с куполообразными лакколитами (до 20 интрузивных тел). Дубово-можжевельниковые леса на жёлто-бурых и коричневых почвах.

9) Алуштинский амфитеатрообразный (самый большой на Южном берегу амфитеатр), лесной ландшафт. Осадков более 400 мм. Изреженный лес и шибляк с редким подлеском на коричневых почвах.

10) Малореченский амфитеатрообразный.

11) Ускут-Воронский мелкогорный ландшафт — эрозионный с возможными селями на реках; породы — глинистые сланцы. Осадков около 350 мм; шибляк на маломощных коричневых почвах.

12) Судак-Меганомский низкогорный, шибляково-фриганный на коричневых почвах; осадков 250–300 мм. Чередование известняковых и песчаниковых возвышенностей с эрозионными понижениями.

13) Карадагский древневулканический, фриганно-лесной — скалистый массив верхнеюрского разрушенного вулкана, окружённый эрозионными котловинами.

В основе пространственной неоднородности природы Южного берега лежат геолого-геоморфологические особенности, из которых наиболее яркая — наличие ряда эрозионно-оползневых по происхождению (хотя отчасти обусловленных и другими причинами) амфитеатров — понижений, выработанных в аргиллитах и алевролитах таврической серии и обращённых в сторону Чёрного моря. Между этими амфитеатрами находятся разделяющие их повышения рельефа разной природы. В.Г. Ена и его соавторы (*Ена и др., 2004*) называют основные амфитеатры:

- ♦ Форосский между мысом Николая и мысом Корнилова,
- ♦ Кастропольский между мысом Корнилова и мысом Троицы,

Лакколит — гора Аю-Даг.

Массив расплава, застывший на глубине, выражен в современном рельефе, так как вмещавшие его породы были снесены процессами разрушения (денудации) в ходе поднятия гор.

Фото: <https://vesturism.ru/russia/respublika-krym/ayu-dag>

Гребень Ай-Юри сложен туфобрекчиями средней юры. Он протягивается поперёк Южного берега от обрывов Главной гряды до берега моря. Виден западный портал туннеля, в который уходит шоссе. На заднем плане — обрывы, сложенные известняками верхней юры. Фото В.И. Мысливца.

- ♦ Лименский между мысом Троицы и горой Кошка,
- ♦ Симеизский между горой Кошка и мысом Опасный,
- ♦ Алуштинский между мысом Опасный и мысом Ай-Тодор,
- ♦ Ялтинский между мысом Ай-Тодор и мысом Мартьян (Никитский),
- ♦ Гурзуфский между мысом Мартьян и мысом Аю-Даг.

К этому перечню надо добавить самый крупный — Алуштинский амфитеатр, между горой-лакколитом Кафель и горой Демерджи, и Ласпинский — между мысами Айя и Сарыч.

В пределах крупных амфитеатров часто расположены меньшие по размерам — например, Понизовский к западу от горы Пиляки, Водопадный и Дерекоевский, разделённые хребтом Иограф и холмом Дарсан, Партенитский и Рабочий уголок, разделённые мысом Плака, и другие.

Сравнение Крымских гор с другими горами

Для гор Земли характерно необычайное разнообразие. Можно сравнивать горы по самым разным критериям. Ведущий отечественный специалист по рельефу гор Г.Ф. Уфимцев в монографии «Горы Земли» (2008) сравнивает Крымские горы с Предальпами, с зонами Юры

Приморская часть Лименского амфитеатра.
 Скала слева — уступ горы Кошка. На заднем плане — посёлок Кацивели
 с антенной радиотелескопа. Фото В.И. Мысливца.

и Веркора. В частности, массив горы Гранд Веймо в Веркоре, Французские Предальпы, состоит из двух частей — верхней, сложенной известняками, и нижней, сложенной более пластичными породами; утёсы известняков нависают над внутригорным понижением. В результате горизонтальных движений верхняя часть массива надвигается на понижение, и глыбы известняка обрушиваются вниз. Г.Ф. Уфимцев находит геодинамические аналогии Крымским горам в Гималаях и Перуанских Андах, хотя масштабы, конечно, несопоставимы.

На Северо-Западном Кавказе, в районе станиц Хаджох и Даховская в бассейне реки Белой, левого притока Кубани, есть асимметричные горы (их называют куэстами) с южным обрывистым склоном, сложенным известняками; в этих известняках есть карстовые формы, в том числе пещеры; в некоторых из них открыты стоянки первобытного человека. Над этими обрывами — поросшие травой и кустарником наклонённые к северу плато. Местами встречаются отколовшиеся от основного массива циклопические глыбы известняков.

Можно найти и другие аналоги. Например, в районе мыса Айя воды атмосферных осадков проходят через карстовые полости внутри

массива и выходят на морском дне ниже уровня моря. Такие источники называются воклюз — по имени источника на Средиземноморском побережье Франции. Есть такие источники и на Западном Кавказе, в районе Гагрского хребта. Везде, где есть известняки, проявляется карст различных климатических типов.

Горы разных регионов мира имеют одно кардинальное отличие от гор Крыма: эти горы — приморские, причём это не географическая случайность, а причинно обусловленная связь. Образование Черноморской впадины вызвало ту цепь последствий, которая в конце концов и привела к возникновению современной ситуации.

Можно, не обращая внимания на геодинамические процессы (всякого рода движения земной коры и связанные с ними явления), искать аналоги в приморских горах, сложенных скальными породами, в частности, известняками. В той или иной степени похожие ландшафты можно найти на побережьях Средиземноморья (Французская Ривьера, побережья Италии и, конечно, Далматинское побережье в районе Дубровника и Риеки, побережья Эгейского моря); юго-восточной Азии — Таиланда, Сиамского залива. Сказочной красоты ландшафт вьетнамского залива Ха-Лонг — масса скалистых островков, сложенных карстующимися известняками (полузатопленный башенный карст — форма тропического карста).

Однако сочетание широты местности (45-я параллель), субсредиземноморского климата, не интродуцированной, а местной реликтовой субтропической растительности, присутствия под известняковой толщей пластичных глинистых пород — что и определяет уникальность южнобережной природы, специфического проявления вулканизма, приморского положения — делают этот регион неповторимым. Взятые по отдельности, эти особенности природы могут быть встречены во многих районах, но здесь уникально их сочетание.

В эстетическом отношении более или менее общепринятым критерием живописности пейзажа является разнообразие зрительных видов. В этом отношении Южный берег Крыма безусловно выдерживает самую строгую критику. Скалистые (хотя и невысокие) горы, пологий зелёный склон с белеющими домами, дворцы и замки, растительность садов и парков, дубовые, можжевеловые, сосновые леса, тёплое море. Лучше цитировать классиков: «Я шёл, любясь красотой этого клочка земли, ласкаемого морем» (М. Горький).

Природопользование и охрана природы

Формирование системы расселения и инфраструктуры

Древнейший этап

Вероятно, самыми ранними следами пребывания человека в Крыму является стоянка с галечными орудиями олдовайского типа над Артеком. Возраст её оценивается в 700–500 тыс. лет; высота над уровнем моря — 120 м (Жук, 1994, 1997; Адаксина, Мыц, 2018).

Крымский полуостров осваивался первобытными людьми в ходе их миграции в освобождающуюся от покровного ледника Восточную Европу; одна из самых ранних стоянок этого времени — Староселье под Бахчисараем. Основными занятиями людей были охота, рыбная ловля, собирательство — присваивающее хозяйство. Древнейший вид природопользования — добыча пищевых ресурсов береговой зоны и прибрежного моря. Самыми важными такими ресурсами были съедобные моллюски и промысловые виды рыб. В районе Ласпи, от мыса Айя до мыса Сарыч, выявлено 12 местонахождений скоплений раковин этих моллюсков мощностью 20–30 см. Исследователи выделяют эту группу стоянок в особую категорию «стоянок типа раковинных куч», а находки кремневых орудий позволяют датировать стоянки временем мезолита (Иванов, 2005).

Расположение стоянок этого времени было привязано к береговой линии. Другое вероятное местоположение стоянок — плато Яйлы (стоянка над Кастрополем у горы Пиляки); объектами охоты служили млекопитающие мамонтового фаунистического комплекса (остатки мамонтов в Крыму известны в балке Сотера к востоку от Алушты, находка Н.А. Головкинского; в пещере Эмине-Баир-Хосар на Чатырдаге).

Античная эпоха

Во времена античности, две с половиной — полторы тысячи лет назад, Южный берег был населён таврами античной письменной традиции; памятником этой эпохи являются таврские каменные ящики и убежище на горе Кошка, в Байдарской долине и других районах. Остатки таврского неукреплённого поселения сохранились в районе мыса Кекенеиз. В римское время существовало укрепление Харакс на мысе Ай-Тодор. Эти и другие населённые пункты связывала сеть дорог, выючных и пешеходных троп. К числу наиболее впечатляющих памятников относится недавно открытое таврское святилище на пе-

ревале Гурзуфское седло; при его раскопках обнаружено большое количество артефактов, в том числе жертвенных статуэток (греко-римской работы). Масштабы находки говорят о длительном использовании перевала и ведущей на него дороги; это один из главных элементов инфраструктуры того времени.

Другой такой элемент представлен в виде фрагментов Мордвиновской дороги, названной по имени владельца этих земель в конце XVIII — начале XIX века. Дорога сохранилась на северных склонах Яйлы, покрытых лесом, и вела из Байдарской долины к перевалам Шайтан-Мердвен и Эски-Богаз. Л.В. Фирсов (1974) предполагает, что это остатки *via militaris* — римской военной дороги, ведущей от Херсонеса — центра римской оккупации Таврики — к перевалу Эски-Богаз и далее к крепости Харакс на мысе Ай-Тодор.

Эпоха средневековья

Богата археологическими и письменными источниками — хрониками, житиями святых, записками путешественников, хозяйственными документами и другими памятниками. К числу часто упоминаемых относится свидетельство византийского автора Прокопия Кесарийского. В трактате «О постройках» он говорит, что император Юстиниан I распорядился построить крепости «в Алустане и Горзувитях»; их остатки сохранились и сейчас. Они напоминают о том, что с VI века эта территория входила в состав Византии (фема Климатов) и была (примерно с VIII века, после притока из восточновизантийских провинций иконопочитателей) довольно плотно заселена. Л.В. Фирсов на пространстве от Алушты до Ласпи насчитывает около 40 укреплений разного масштаба, от Мелласа до Фороса — около десяти полей рассеяния керамики, а в окрестностях Гурзуфа и Партенита — до 10 открытых средневековых поселений. Между Лименами и скалами Чобан-Таш поля рассеяния керамики и остатки жилищ говорят о существовании около тридцати поселений.

Обитатели населённых пунктов выполняли хозяйственные (производственные и рыболовные), торговые, религиозные (монастыри), оборонительные и некоторые другие (например, фискальные) функции. Часто несколько функций совмещались в одном населённом пункте, но обычно какая-то из функций была ведущей и определяла выбор места поселения. Фортификационные сооружения, как правило, были приурочены к возвышениям рельефа — скалистым отторженцам, горам-лакколлитам, эрозионным останцам. Рыболовецкие, морские торговые функции требовали размещения у моря; земледельческие — наличия пригодных для обработки, свободных от крупных обломков камня земель; религиозные — достаточного количе-

Расселение на Аю-Даге в средние века
(Домбровский и др., 1974).

ства прихожан и заметного положения в ландшафте и так далее. Религиозным, военным, возможно — феодальным и административным центром был Аю-Даг, на котором раскопаны остатки укрепленного монастыря, жилых построек и крепостных стен (Домбровский и др., 1975). Как и раньше, большую роль играли перевалы: Хайту, ведущий из Байдарской долины в Ласпи; Шайтан-Мердвен; Эски-Богаз; Василь-Богаз; Гаспра-Богаз; Гурзуфское седло, Кебит-Богаз.

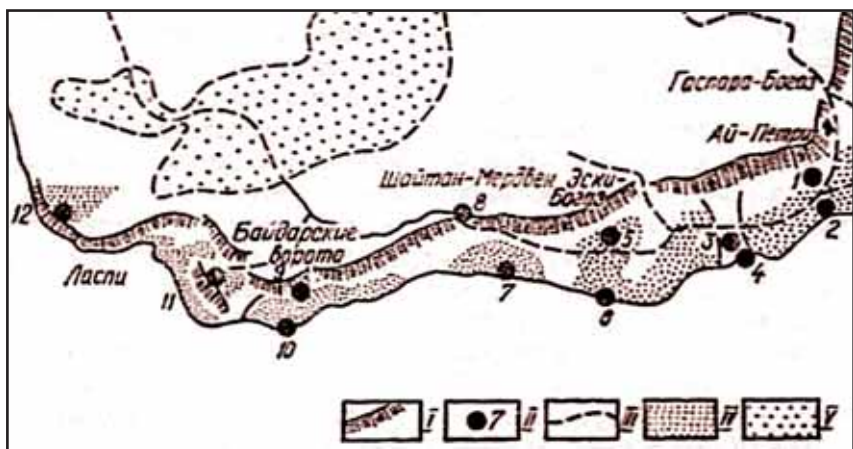
Поскольку элементы природы расположены не случайно, а вполне закономерно, можно сделать вывод, что организация ландшафта Южного берега определяла организацию системы расселения. О том, что это была именно система, связанная сетью путей сообщения, говорит характер функций отдельных населённых пунктов: их невозможно выполнять, если эти пункты полностью изолированы. Только совокупность связей — хозяйственных, торговых, военных, религиозных, административных и иных — позволяла осуществлять эти функции и создавала средневековую систему расселения.

В расселении работающего населения О.И. Домбровский отмечает определённую вертикальную зональность: на берегу живёт население, связанное с рыболовством; дальше от берега выровненные участки занимают земледельцы, а плато Яйлы и прилегающее среднегорье — скотоводы. Эти поселения связаны сетью дорог, средневеко-

вая принадлежность которых определяется по подъёмному материалу, возрасту перекрывающих дороги древесных зарослей, характеру крепид, остаткам вымосток с врезавшимися колеями и т. д. (Домбровский, 1974).

В начале XIV века побережье захватили генуэзцы, для которых главными занятиями были война и торговля. Поэтому основным типом их поселений от Судака до Балаклавы были приморские крепости на скалистых возвышенностях. Л.В. Фирсов (1974) обратил внимание на то, что почти каждому укреплению генуэзцев на побережье противостоит фортификационное сооружение в среднегорной полосе, на тропах, ведущих на перевалы, или у самих перевалов, как крепость Исар-Кая у перевала Шайтан-Мердвен. Он высказал предположение, что в этой системе противостоящих укреплений зафиксирована военно-политическая ситуация — военное соперничество Генуи и княжества Феодоро — осколка Византии в Юго-Западном Крыму.

Если ландшафт оказывал влияние на систему расселения и возможности обитателей края заниматься тем или иным видом жизнеобеспечения, то население, в свою очередь, действуя в течение многих веков, кардинально преобразовало природу. Изменения рельефа при строительстве носили более или менее локальный характер. На значительных площадях ландшафт преобразовывался в ходе земледельческих

Средневековые укрепления (исары) между Алушкой и Ласпи (Фирсов, 1974). I — обрывы Яйлы; II — исары; III — главные дороги средневековья; IV — зоны средневековых поселений; V — Байдарская долина. Цифрами 1–12 обозначены отдельные исары, перечень которых здесь не приводится.

работ, при выпасе скота, в результате вырубки леса на дрова для бытовых нужд, выжигания древесного угля для кузнечного и керамического производства, при пожарах. Укрепление дорог подпорными стенками, создание террас на оползневых склонах для земледелия, прокладка оросительных арыков также приводили к изменениям природной среды. Л.В. Фирсов отмечает, что на положение бывших населённых пунктов на Южном берегу указывают не только остатки построек и обломки керамики, но и пятна растительности, выделяющиеся на общем фоне: группы старых олив, миндаля и фисташек, заросли терновника, кусты мушмулы, одичавшие гранатовые деревья.

В течение XIII столетия на Крымский полуостров и Южный берег проникают татаро-монголы, ногайцы, начинается исламизация населения. После турецкого нашествия в 1475 году Южный берег оказался в составе домена султана. Возможно, эти перемены отразились на характере природопользования, но вопрос этот приходится считать недостаточно изученным.

Новейшее время

В 1783 г. Крым вошел в состав Российской империи. Начинается освоение русскими Южного берега, сопровождаемое перестройкой системы расселения. На старую, унаследованную от средневековой систему татарских и греческих поселений в XIX столетии накладывалась система поместий и имений российской знати — первоначально рассеянных по территории от берега моря до подножия яйлинских обрывов, а с появлением на Южном берегу дворцов и имений царской семьи концентрировавшихся поблизости от Ялты, в Алупке, Гурзуфе и других местах.

В конце XIX — начале XX столетия появляются дома и дачи различной интеллигенции, врачей, юристов, профессоров, людей творческих профессий — писателей, художников, актёров. Приоритетами для этих людей были не близость к дворцам коронованных особ, а доступность (территориальная и экономическая) тех или иных мест, эстетические свойства местности, а для многих — медицинские показания (туберкулёз был тогда одним из основных заболеваний).

В 1848 году, в дополнение к прежней дороге Симферополь—Алушта—Ялта была построена дорога Севастополь—Ялта через Байдарский перевал. На отрезке от перевала до Кучук-Коя (ныне Парковое) дорога прижималась к основанию известняковых обрывов, что позволяло избегать подрезки оползневых склонов. В 1865—1891 годах была построена дорога Ялта—Ай-Петри—Бахчисарай через перевал Мисхор-Богаз. От этих и других дорог отходили ответвления к имениям, дворцам, паркам, населённым пунктам.

Восточная граница территории санатория Меллас.

На переднем плане гравитационная набережная, окаймляющая оползневой язык с расположенными на нём парком и зданиями санатория. Основание набережной образует насыпь из привезённых глыб известняка объёмом около 1 м³; поверхность насыпи устроена прогулочная эспланада. Насыпь защищает оползневые отложения от размыва и пригружает фронтальную часть оползня. Далее вдоль берега расположены насыпной пляж и буны; естественное состояние берега видно к востоку от территории санатория. На среднем плане выше по склону — слоистые, существенно глинистые отложения таврической серии, в которые врезан крутой крупный и серия небольших оврагов. На дальнем плане — известняки верхней юры; понижение уступа Главной гряды — перевал Шайтан-Мердвень.

Фото В.И. Мысливца.

Примерно в это же время начинается постепенное освоение и застройка Ялтинского, Алуштинского, Алушкинского и других, меньших по размерам, амфитеатров.

Очередная смена приоритетов в заселении Южного берега произошла после окончания Гражданской войны, в 1920-е годы. С этого времени ведущей функцией Южного берега стала рекреационно-лечебно-восстановительная, а основным природным объектом — морской берег. Соответственно центр тяжести новой застройки был смещён к берегу.

Во второй половине столетия в полосе от Алушты до Фороса были проведены грандиозные берегоукрепительные работы, включающие отсыпку пляжей, устройство бун, причалов, набережных; на территориях лечебных и оздоровительных учреждений — строительство лифтов, соляриев, обустройство пляжей и т.д.

К числу наиболее крупных инфраструктурных проектов этого времени надо отнести еще два. Во-первых, проект водоснабжения Юж-

ного берега (Олиферов, Тимченко, 2005; Олиферов, 2011). К воде здесь всегда относились уважительно. Водосборные бассейны, цистерны известны в самых разных местах. Для водоснабжения Алушты и Ялты были устроены водохранилища в верхних течениях рек. Когда в 1960-х годах воды стало не хватать, в верховьях рек северного склона Крымских гор были построены водохранилища — три на реке Бельбек и одно на реке Кача. Одновременно через известняки Яйлы, сквозь Главную гряду был пробит тоннель длиной более 7 км, диаметром около 3 м и с перепадом высот от северного входа к южному 35 м. Через этот тоннель вода из водохранилищ северного склона поступает в Ялту и далее по специальному водоводу вдоль всей западной части Южного берега.

Второй проект включает строительство современного шоссе вдоль всего Южного берега. Начальный этап проекта связан со строительством в конце 1950-х — начале 1960-х годов горно-троллейбусной трассы Симферополь—Ангарский перевал—Алушта—Ялта. Далее строительство было продолжено трассой Ялта—перевал Ласпи—Севастополь. Оно предварялось археологическими разведками, принесшими много нового. Главной трудностью во время строительства были многочисленные оползни, поскольку шоссе не вписывалось в существующий рельеф, а подрезало и без того неустойчивые склоны. На отдельных участках борьба с оползнями продолжается и включает устройство дренажа, водоотведение, снятие нагрузки на оползневые тела, забивку свай, сооружение подпорных стенок и другие мероприятия.

К настоящему времени сложилась пространственная структура природопользования, вписанного в ландшафт и воздействующего на него. Эта структура включает латеральную составляющую (эрозионно-оползневые крупные и ряд менее крупных амфитеатров), бассейны отдельных рек, разделённых возвышениями различной природы, оползневые мысы, мысы-лакколиты, мысы, сложенные вулканогенно-осадочными отложениями, мысы — смещённые массивы. Вертикальная составляющая включает прибрежный пояс парков, санаториев, детских лагерей, домов отдыха и других лечебно-оздоровительных учреждений; жилую зону с обслуживающими структурами и дорогами местного значения; магистральные пути сообщения — скоростная трасса Симферополь—Алушта—Ялта (объездная дорога)—Севастополь; пояс полей и виноградников; природоохранную зону — Ялтинский горно-лесной заповедник; старое Южнобережное шоссе; обрывы Яйлы или крутые, преимущественно залесенные склоны.

Существуют многочисленные исключения из этой схемы: населённые пункты, расположенные выше скоростной трассы; Массандровский дворец, стоящий на отшибе; санатории горнолесного про-

филя, расположенные вдали от берега; территории заповедника, выходящие к морю, и т. д. Тем не менее, предложенная схема в целом адекватно отражает основные особенности природопользования.

В настоящее время широко распространённой, а местами господствующей растительной ассоциацией является шибляк из дуба пушистого и можжевельника древовидного; встречаются фисташка туполистная и — обычно на скальных грунтах — единственный вечнозелёный лиственный естественный реликт, земляничник мелкоплодный (*Рубцов, 1978*). Распространены также держидерево, иглица, ладанник. Места исчезнувших усадеб XIX века, как правило, отмечены кипарисами (иногда в форме «кипарисовых залов» — деревьев, растущих по окружности). Очень богатая растительность характерна для парков, представляющих собой особую категорию культурных ландшафтов.

Как известно, шибляк — вторичная ассоциация, возникающая на месте первичной растительности после её уничтожения в результате порубок, пожаров, выпаса скота. Первичной ассоциацией в рассматриваемом районе, видимо, был лес в основном из крупностовольных дубов и древовидных можжевельников с примесью сосны, фисташки туполистной и некоторых других видов. Разведением садов и парков, лесонасаждением человек частично возмещает нанесённый природе ущерб.

Обводненность территории сильно уменьшилась после вырубки лесов на плоскогорье Яйлы и прилегающих склонах, принявшей к началу XX века откровенно хищнический характер. В районе Чёртовой лестницы брёвна сбрасывались по специально устроенному желобу вниз к подножию обрыва. По данным В.В. Мухина и А.Я. Кузнецова (*Мухин, Кузнецов, 2007*), хвойные леса на ласпинских склонах активно вырубали до 1850-х годов. На Байдарской яйле интенсивно уничтожались леса имения графа Мордвинова и его наследников: в 1911 году их площадь составляла чуть более 13% от площади 1893 года. Современным лесам большой ущерб наносят поджоги.

В 1930-х годах от мыса Айя до Мухалатки насчитывалось 62 источника, от Кастрополя до Симеиза — 220; большинство из них уже тогда были весьма скудными, а сейчас исчезли и они (*Мухин, Кузнецов, 2007*). В конце XIX века в имении Комперия, около мыса Сарыч, был устроен фонтан из пяти струй, во что сейчас верится с трудом.

Для каждого исторического этапа была характерна своя система расселения и природопользования, отражавшая основные черты общества в данную эпоху, а иногда конкретные военно-политические ситуации. При этом на каждом этапе система расселения вписывалась в ландшафт, используя те или иные благоприятные его свойства, и изменяла его.

Кадастр водных источников и списки природных объектов

Степень изученности различных компонентов природы — важный фактор при организации рационального природопользования на той или иной территории. В этом отношении Южный берег Крыма может быть взят за образец.

Оползни опасны не только для дорожного или другого строительства, но и для давно существующих строений и сооружений. На участке Южного берега от мыса Айя до горы Кабель около Алушты известно 583 оползня. Они изучены, закартированы, исследованы главные черты строения и динамики, составлен каталог. То же касается других опасных и неблагоприятных процессов — обвально-осыпных, эрозионных, селей, абразии (*Рудько, Ерыш, 2006*).

Смещенные массивы — характерная черта Южного берега. Являясь чуждыми для окружающей глинисто-сланцевой толщи, они часто служат ландшафтообразующим фактором. Всего на побережье к западу от Алушты насчитывается около 40 таких массивов размерами от 200 до 2000 м; они образуют три группы — наиболее древние прибрежные, молодые — под обрывами Яйлы и промежуточные (*Ена и др., 2004*).

Водные источники. К воде всегда было самое бережное отношение. К началу XX века в Гурзуфском амфитеатре, бассейнах рек Дерекойка и Учан-Су, районах Гаспры, Мисхора, Кореиза, Алупки не было ни одного безымянного источника. Известны были не только их названия, но и число выходов воды в каждом — это при том, что от мыса Айя до Мухалатки было 62 источника, от Кастрополя до Симеиза — 220, от мыса Кутур-Бурун в Симеизе до мыса Ай-Тодор — 177, от Ореанды до Никиты — 181, от Ай-Даниля до Кучук-Ламбата — 199 и от него до горы Кабель — 178. Всего в 1930-е годы на Южном берегу было известно 1017 источников (*Мухин, Кузнецов, 2007*).

Земляничник мелкоплодный — средиземноморский субтропический реликт, единственное на Южном берегу лиственное вечнозелёное дерево. Занесено в Красную книгу. Предпочитает скальные места обитания у основания обрывов Главной гряды или на смещённых массивах. Растёт группами по несколько десятков особей. Все места обитания земляничника мелкоплодного нанесены на карту, каждая особь взята на учёт. Четыре популяции — Байдари-Кастропольская (540 деревьев), Алупкинская (400 деревьев), самая крупная Айтодорская (5000 деревьев), Ялтинская (70 экземпляров); кроме того, около 10 экземпляров растут в районе Никитского сада (*Ена и др., 2004*).

Особо охраняемые природные территории (ООПТ)

Сводка данных по ООПТ Южного берега содержится в книге В.Г. Ены, Ал. В. Ены, Ан. В. Ены «Заповедные ландшафты Тавриды» (2004). Приводимые ниже данные взяты из этой книги.

По состоянию на 1 января 2003 года в Крымском лесошибляком субсредиземноморье (от мыса Фиолент до мыса св. Ильи) на площади в 1255 км² насчитывалось 3 заповедника (Ялтинский, мыс Мартыан и Карадагский); 9 заказников (6 — общегосударственного значения); 26 памятников природы (из них 2 — общегосударственного значения); парков и ботанических садов — 33 (из них 11 общегосударственного значения); 4 заповедных урочища. Всего — 75 особо охраняемых природных территорий общей площадью 229 км², что составляет более 18% всей территории.

В 1973 году был создан Ялтинский природный горно-лесной заповедник — самая крупная на Южном берегу ООПТ. Его протяжённость с запада на восток, от Фороса до Никитской яйлы, 53 км. Северная граница в западной части совпадает с бровкой Байдарской и Ай-Петринской яйл, а в восточной выходит на плато, захватывая часть Ай-Петринской и Ялтинской яйл. Южная граница проходит по нижней части крутого южнобережного макросклона, местами выходя к морю.

Ялтинский природный горно-лесной заповедник.
Цветом обозначены территории отдельных лесничеств в составе заповедника (Google Earth).

В этом же году заповедником стал мыс Мартьян, прилегающий к Никитскому ботаническому саду. Третий заповедник, Карадагский, расположен на востоке Южного берега, за пределами рассматриваемой здесь территории.

В число заказников общегосударственного значения входят (здесь и далее упомянуты лишь памятники западной части Южного берега):

- ♦ мыс Айя;
- ♦ гора Аю-Даг;
- ♦ мыс Фиолент.

К памятникам природы общегосударственного значения относится гора Кошка.

11 заповедных территорий являются ботаническими садами и парками-памятниками садово-паркового искусства общегосударственного значения.

К ним относятся:

- ♦ Никитский ботанический сад — Национальный научный центр;
- ♦ Алушкинский парк-памятник;
- ♦ Форосский парк-памятник;
- ♦ Харакский парк-памятник;
- ♦ Парк-памятник «Утёс».

Общая площадь этих парков составляет 11,5 км². Если к ним добавить 22 парка-памятника местного значения (парк Тессели, Мелласский, парк в Парковом, Симеизский ландшафтный парк, Юсуповский парк, парк санатория «Морской прибой», парк дачи «Мисхор», парк санатория «Дюльбер», парк санатория «Горный», парк «Нижняя Ореанда», парк эмира Бухарского (санаторий «Узбекистан»), парк санатория «Черноморье», парк «Чукурлар» (санаторий «Россия»), парк «Южнобережные дубравы», парк «Прибрежный», парк санатория «Ай-Даниль», парк «Лазурный», парк «Горный», парк «Морской», парк «Комсомольский», парк «Айвазовское»), получится 33 парка-памятника садово-паркового искусства, расположенных преимущественно вдоль береговой полосы (*Ена и др., 2004*). Такая высокая степень насыщенности этими объектами оправдывает квалификацию прибрежной территории как «берега-парка».

Несмотря на то, что при создании парков использовалась естественная растительность, это всегда приводило к глубоким преобразованиям всех компонентов ландшафта. Изменялась морфолитогенная основа, поскольку преобразовывался рельеф — убирались камни, устраивались террасы, подпорные стенки, дорожки и аллеи, лестницы, видовые площадки; завозился грунт и вносились удобрения. Если были естественные водотоки — создавались пруды, каскады, искусст-

венные водопады; поверхностный сток кардинально уменьшался и переводился в подземный; менялось альbedo поверхности, усиливалась транспирация и создавался особый микроклимат и так далее. Надо иметь в виду, что вся эта деятельность проходила в условиях проявления активных оползневых процессов, эрозии, сейсмичности, с которыми также надо было вести борьбу.

Культурный ландшафт Южного берега Крыма

Формирование социоприродной системы Южного берега

Теперь из приведенного материала можно сделать некоторые выводы. Население, несмотря на неоднократную смену этнического состава и его неоднородность, создавало систему природопользования, используя наиболее подходящие в данную эпоху элементы и свойства ландшафта. В античное время и в средние века особенно большую роль играли отдельно стоящие возвышенности разной природы (лакколиты, смещённые массивы, эрозионные останцы, древние коралловые рифы); для сети путей сообщения важны были перевалы, многие из которых были перекрыты каменными стенами или охранялись гарнизонами специальных укреплений. Особо важными были приморские крепости (тоже на возвышенностях), охранявшие морские пути сообщений и обеспечивавшие экспансию на новые территории.

В последние два столетия начала формироваться современная система природопользования и расселения. Начали осваиваться (чем дальше, тем больше) эрозионно-оползневые амфитеатры разного порядка, оползневые языки — мысы и особенно — прибрежная зона, вдоль которой возникло уникальное явление — берег-парк протяжённостью во многие десятки километров. Иную роль стали играть столь востребованные в средние века возвышенности: теперь это места археологических раскопок, играющие культурно-познавательную роль, объекты рекреации, видовые и обзорные точки.

Тысячелетия взаимодействия природы и человека создали на этой территории социоприродное явление — культурный ландшафт Южного берега Крыма.

Культурный слой культурного ландшафта

В современной российской географии выделяются следующие подходы к изучению культурных ландшафтов (*Культурный ландшафт, 2004; Калуцков, 2008*): антропогенный; эстетический; культурно-экологический; феноменологический; этнокультурный. Для целей настоящей работы больше всего подходит культурно-экологический подход, в рамках которого культурный ландшафт понимается как природно-культурный территориальный комплекс, сформировавшийся в результате эволюционного взаимодействия природы и человека, его социокультурной и хозяйственной деятельности и состоящий из характерных сочетаний природных и культурных компонентов, находящихся в устойчивой взаимосвязи и взаимообусловленности (*Веденин, Кулешова, 2004*). Структура такого ландшафта показана на схеме. На ней видно место культурного слоя ландшафта, который включает материальную и духовную культуру.

Вертикальная структура культурного ландшафта
(по Ю.А. Веденину, из книги *Калуцков, 2008*).

Ю.А. Веденин (*Веденин, 2004*) ввёл понятие информационного слоя культурного ландшафта, который не только создаёт образ ландшафта, но и развивается относительно самостоятельно. ЮНЕСКО разделяет культурные ландшафты на целенаправленно созданные, или рукотворные; естественно сформировавшиеся; ассоциативные. Информационный слой каждого ландшафта создается людьми разных профессий: первых двух типов — специалистами, историками архитектуры, искусствоведами, этнологами, фольклористами, специалистами в области культурной географии; третьего типа — представителями творческих профессий, художниками, писателями, поэтами (*Веденин, 2004*).

Представляется, что на Южном берегу эти типы существуют не отдельно друг от друга — в виде некоторой мозаики, а как компоненты единой социоприродной системы — культурного ландшафта (ландшафтной области, социоприродного единства более высокого порядка, чем отдельный парк-памятник, заповедная скала или ландшафт эрозионно-оползневого амфитеатра). Связи между этими компонентами обеспечиваются потоками вещества, энергии и информации. Они формируют целостность всей системы. Соответственно информационный слой этой системы — необыкновенно объёмный массив информации, содержащийся в национальном сознании.

Этот информационный поток берёт начало на заре русской истории. В Херсонесе — принятие христианства, причём по восточному, византийскому, а не западному обряду. Через Крым шла значительная часть связей с Византией. Многие струи этого потока навсегда исчезли, и лишь «готские девы» «Слова о полку Игореве» и подобные моменты служат далёкими отголосками былых представлений.

Через Крым возвращался на родину Афанасий Никитин, которому знакомо было географическое название «Кафа» — через нее пролегал путь путешественника. До конца XVII века Крым не давал о себе забыть татарскими набегами. XVIII век — долгое и трудное завоевание (Кутузов потерял глаз в бою с турецким десантом под Алуштой). Блистательная эпопея русского Черноморского флота; позднее Крымская война с героической обороной Севастополя. Освоение Южного берега, дворцы, имения, усадьбы; романтизм пушкинской поры, античные реминисценции, художники Ф. Васильев, А. Куинджи, И. Айвазовский, К. Богаевский, К. Боссоли, К. Коровин, И. Билибин, А. Дейнека. Трагедия гражданской войны, белый Крым, эмиграция. Отечественная война и опять героическая оборона Севастополя, Ялтинская конференция. Ялтинская киностудия, Артек, Всесоюзная здравница, Форос, Украина, Крымский мост. Этот список имен и событий, возникающий при слове «Крым», далеко не полный.

Попытки осмысления культурной роли Крыма как явления семиосферы предпринял А.П. Люсый (Люсый, 2003а, б), частично М.Н. Эпштейн (*Эпштейн, 1990*) и другие авторы. Роль парков Крыма интересно анализирует А.А. Галиченко (1992). Событием стал выход в свет книг Г.Н. Кунцевской (2008, 2011). В этих и других работах литературное краеведение используется как фундамент, на основе которого анализируются структура, функции, эволюция информационного слоя культурного ландшафта Крыма в целом и Южного берега в частности.

С.О. Курьянов отмечает, что понятие «Крымский текст» появилось как продолжение «Петербургского текста» В.Н. Топорова и вы-

росло из Крымского мифа (мифа Тавриды) и Крымской темы. Автор различает понятия Крымский мотив, образ Крыма и Крымская тема. Крымский мотив — любой из мельчайших смысловых элементов Крымского мифа. Образ Крыма основан на восприятии Крыма автором, а затем и читателем, но в заданном автором ключе. Крымская тема — комплекс проблем и явлений, отраженных в литературном произведении и скрепленных единой направленностью, подчиненной авторскому замыслу, зависящему от идеологических установок писателя, исторического контекста, художественной традиции (*Курьянов, 2013*).

Выше речь шла преимущественно о художественной культуре. Особая тема — Крым и наука. Никитский ботанический сад — первое научное учреждение на полуострове. Крымский заповедник, Ялтинский горно-лесной заповедник, заповедник мыс Мартыан, Карадагский заповедник, вся система ООПТ, научное обеспечение рационального природопользования и борьбы с неблагоприятными и опасными явлениями и процессами — эти и многие другие направления развивались на полуострове.

Пространства Крыма входили в периферию античного мира. Первые путешественники ещё застали остатки памятников, позже исчезнувших. Историческое и археологическое изучение Крыма ведут специалисты научных организаций, музеев, вузов. Крым — одно из мест, где зарождалась отечественная геология; с ним связаны имена Н.А. Головкинского, В.И. Вернадского, А.Е. Ферсмана, Д.И. Щербатова, М.В. Муратова и других выдающихся геологов. Посёлок Качивели на Южном берегу — колыбель отечественной физики моря; её основы закладывал здесь В.В. Шулейкин. Институт биологии южных морей и Гидрофизический институт — старейшие в Севастополе. В Симеизе и поселке Научном проводят исследования астрономы. Много можно сказать о технических науках, судостроении, приборостроении, электронике и информатике, химической науке и промышленности и т.д.

Специальное направление — Крым и медицина — клиническая, курортология, грязелечение, климатолечение, физиотерапия и т.д. Важное место в XX веке занимает в Крыму отработка социальных технологий, направленных на решение медицинских, оздоровительных, рекреационных, научно-познавательных, воспитательно-педагогических задач.

Синтез науки, технологии и искусства — виноградарство и виноделие; Крым был колыбелью виноделия в России. Широко известны производственное объединение «Массандра» и научно-исследовательский институт «Магарач».

Этот перечень можно продолжать, но и так понятно, что если из национального сознания мысленно убрать всё, так или иначе связанное со словом «Крым», образуется огромных размеров брешь.

Выше было частично показано содержание информационного слоя Крымского культурного ландшафта (в понимании Ю.А. Веденина). В качестве основных движущих сил, создающих и поддерживающих информационный слой, рассматриваются наука и искусство.

Важно обратить внимание и на другой аспект содержащейся в ландшафте информации. Осваивающие ландшафт Южного берега человеческие сообщества на каждом этапе своего развития воспринимали определённые черты организации, структуры и динамики этого ландшафта — воспринимали заложенную в ландшафте информацию. Она ограничивала разнообразие структур и состояний социума, осваивающего ландшафт. На каждом этапе человеческое сообщество приспособлялось к тем или иным элементам местности, изменяя их в силу своих возможностей. Тропинки древности, дороги средневековья прокладывались с минимальным вмешательством в природу; Южнобережное шоссе, хотя и сопровождалось земляными работами, но было максимально вписано в неровности рельефа. Современная трасса Алушта—Ялта—Севастополь с рельефом считается очень мало.

Эстетическое восприятие Крымских гор русским этносом

Русские — равнинный этнос. В каком бы объёме мы ни взяли этот народ — великороссы, малороссы, белорусы, какой бы этап исторического развития ни рассматривали — домонгольский Киевской Руси, средневековый Московской Руси, имперская Россия — он всегда был этносом, сформировавшимся и видоизменявшимся на равнине.

Впервые с горным рельефом невысокого Урала русские познакомились в XVI веке; дальше было освоение гор Сибири и Камчатки, но массовым его не назовёшь. Лишь в XIX веке русский этнос стал осваивать горы Кавказа и Крыма. И если в первой ситуации — величественная и суровая природа, грандиозные громады гор, то во второй — «прекрасны вы, брега Тавриды» — совершенно другая тональность.

М.Н. Эпштейн (Эпштейн, 1990) так говорит об этом противопоставлении. Кавказ — место романтическое, Крым — классическое, Кавказ — возвышен, Крым — прекрасен.

Представляется важным и то обстоятельство, что освоение русскими Крыма (как и Кавказа) совпало с временем становления рус-

ской классической культуры. Пётр I «прорубал окно» в технически развитую, передовую по тем временам Европу. А Крым был окошком в «европейскую колыбель», «сказочную древность Эллады». Два ключевых слова — Таврида и Колхида. Интересно, что это начальное, во многом романтически-наивное, восприятие Крыма получило в дальнейшем научное подкрепление в виде достижений исторической науки и результатов археологических исследований.

Тени прошлого. Сакральный ландшафт

У американского писателя Рэя Бредбери в одном из рассказов есть такая сцена. Люди давно освоили Марс, и звёздным вечером несколько человек сидят на берегу одного из марсианских каналов и чувствуют тени когда-то живших здесь марсиан. Это чувство иногда возникает на Южном берегу, в частности, когда слышишь названия местных географических объектов: Мухалатка, Мшатка, Кучук-Кой, Дере-Кой, Учан-Су, Кизил-Таш, Азис-Дере, Ат-Чокрак, Копсу-Чокрак, Куру-Узень, Шайтан-Мердвен, Исар-Кая, Биюк-Исар, Кебит-Богаз и так далее.

Здесь существуют несколько пластов топонимики. Самый древний и редкий — иранский, оставшийся от киммерийцев. Греческий пласт сильно изменённый, но часто распознаваемый. Самый последний перед русским — тюркский. Насколько можно судить, ничего не осталось от хазар (иногда Крым называли Газарией), от готов — очень немного (Алустон, Фуна), хотя в церковных документах есть Готская епархия, а в генуэзских — капитанство Готия. То же можно сказать о генуэзцах: они использовали местные названия, переделывая их на свой лад (Алушта—Луста, Форос—Фори и т.д.).

Татарские названия иногда монтируются с греческими корнями или суффиксами: Кикенеиз, Лимнеиз, Олеиз, Симеиз, Кореиз («-из» — земля, владения). Очень много названий связаны с христианскими святыми, имена которых переделаны на тюркский лад: Ай-Юри (св. Георгий), Ай-Георгий, Ай-Йори (два названия), Ай-Констант, Ай-Тодор (св. Фёдор), Ай-Василь (св. Василий), Ай-Даниль (св. Даниил), Ильяс-Кая — Ай-Илья, Ай-Лия-Сырым (св. Илья + тюркск. утёс), Ай-Никола (св. Николай), Ай-Фока, Ай-Никита, Ай-Димитрий, Ай-Алексий, Ай-Андрей и т.д. (Белянский и др., 1997). О.И. Домбровский считает, что и Аю-Даг с его монастырями и храмами изначально назывался Ай-Даг — Святая гора. Это маловероятно — надо посмотреть на Аю-Даг сверху, со стороны яйлы, чтобы понять: все попытки назвать этого Медведя по-другому обречены на неудачу.

Начинается полоса святых топонимов расположенным на западе Южного берега высоким скалистым мысом Айя (греч. святой) и примыкающим к нему с запада урочищем Аязма (греч. освящённый, благословенный) — узкой прибрежной полоской каменистого берега у подножия скалистого обрыва. К западу от Балаклавы скалистый выступ берега носит имя Айя-Бурун (Святой мыс), а в другом конце Южного берега балка к востоку от Алушты называется Ай-Серез — Святой Сергей. В целом на этом берегу насчитывается более 20 подобных топонимов.

Центром южнокрымского ландшафта — не только географическим, но религиозным, идеологическим (возможно и военно-административным) была гора Аю-Даг. О.И. Домбровский был совершенно прав, подчёркивая эту её функцию (см. схему «Расселение на Аю-Даге в средние века». *Домбровский и др., 1974*). С.Б. Адаксина и В.Л. Мыц (*Адаксина, Мыц, 2018*) отмечают, что на территории Южного берега раскопаны остатки более 140 церквей (как правило, небольших, одноапсидных), а на Аю-Даге существовал укреплённый монастырь Святых Апостолов Петра и Павла, имевший в подчинении 12 монастырских комплексов и подворий. Гора Аю-Даг играла роль крымского Афона. Понятно, что не все 140 церквей функционировали одновременно — в ходе бурных исторических событий одни разрушались, другие строились, третьи продолжали действовать. Несомненно лишь, что жизнь, сознание, практика средневековых обитателей Южного берега были буквально пропитаны религиозным содержанием (как и человека средневековья вообще).

В эпоху, когда эти названия бытовали (имеются в виду имена святых), отдельные возвышенности, горы, родники и другие объекты не просто носили их имена, а, скорее всего, были им посвящены. Похоже, они воспринимались как обиталища этих святых, одухотворялись; их совокупность образовывала сакральный ландшафт, над которым поднималась гора хранителя ключей от рая, святого Петра — Ай-Петри.

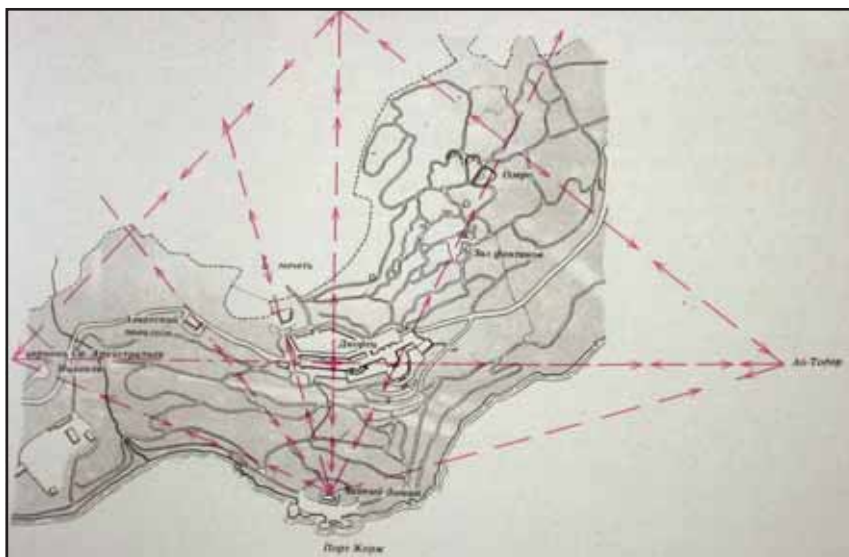
П. Паллас (1999) и Г. Радде (2008) — первые исследователи местного населения — выделяли четыре этнических группы крымских татар: 1. степные; 2. предгорные; 3. горные; 4. южнобережные. Южнобережные татары вообще не походили на тюрок, несмотря на принадлежность к мусульманскому вероисповеданию. По-видимому, эта этническая группа представляла собой исламизированное местное население — потомков многих народов, оставивших свой след в Крыму. До татарского завоевания это население было христианским. Ислам — веротерпимая религия, и христианские святыне остались обитать в своих элементах ландшафта, только немного изменили имена.

Заключение

С западной точки зрения культурные достижения Российской цивилизации неизменно имеют вторичный характер. Художественные стили — барокко, романтизм, классицизм, эклектика, модерн — пришли в Россию из Европы. Башни с зубцами, шпили и колоннады южнобережных дворцов многими западными экспертами рассматриваются как подражания.

Поэтому попытка представить к номинации в список Всемирного наследия один или несколько дворцово-парковых ансамблей (серийный объект) не имеет, как кажется, шансов на успех — все они не вполне удовлетворяют требованию аутентичности. Но этому требованию может удовлетворять расположение дворца на местности, умение архитектора сделать своё творение элементом окружающей природы, вписать его в ландшафт.

Приведённый материал показывает, что исконно местной, аутентичной во все времена была организация природопользования, пространственная структура социоприродной системы Южного берега

Алупка.

Схема визуально-смысловых связей (Галиченко, 1992).

Точкаверху рисунка, в которой сходятся стрелки — зубцы Ай-Петри. Дворец в Алупке с северной стороны — английский замок, с южной — «Альгамбра» и в этом смысле не оригинален. Аутентична, оригинальна организация пространства, в которой дворец играет роль центра композиции.

Крыма. Не имеющими аналогов были и некоторые социальные технологии (например, аналогов детской «республике» Артек, включающей пять детских оздоровительных лагерей, в мире нет). В этом смысле они тоже могут считаться «аутентичными».

Представляется поэтому, что большими шансами может обладать номинация «берега-парка». Границы его и со стороны гор, и со стороны моря надо обсуждать специально.

Список литературы

1. Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Археологический комплекс Южного берега Крыма (настоящее издание).
2. Атлас Автономная республика Крым. Киев; Симферополь, 2003. 80 с.
3. Бабков И.И. Климат Крыма. Л.: Гидрометеиздат, 1961. 88 с.
4. Белянский И.Л., Лезина И.Н., Суперанская А.В. Крым. Географические названия: Краткий словарь. Симферополь: Таврия, 1997. 160 с.
5. Веденин Ю.А. Информационная парадигма культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 68–81.
6. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурные ландшафты как категория наследия // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 13–36.
7. Галиченко А.А. Алупка. Дворец и парк. Киев: Мистецтво, 1992. 186 с.
8. Геология СССР. Т. VIII. Крым. Ч. I. Геологическое описание. М.: Недра, 1969. 576 с.
9. Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южно-бережья // Феодальная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 5–56.
10. Домбровский О.И., Столбунов А.А., Баранов И.А. Аю-Даг — «святая» гора. Симферополь: Таврия, 1975. 135 с.
11. Ена В.Г. Физико-географическое районирование Крымского полуострова // Вестн. Московск. ун-та. Сер. V. География. 1960. № 2. С. 33–43.
12. Ена В.Г., Ена Ал.В., Ена Ан.В. Заповедные ландшафты Тавриды. Симферополь: Бизнес-Информ, 2004. 424 с.
13. Жук С.М. Археологические разведки и охранные раскопки в окрестностях Ялты // Археологические исследования в Крыму в 1993 году. Симферополь, 1994. С.102–103.
14. Жук С.М. Разведки и охранные раскопки на Южном берегу Крыма // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 100–101.
15. Зенкович В.П. Берега Чёрного и Азовского морей. М.: Географгиз, 1958. 376 с.
16. Иванов А.В. Ласпи: от Айя до Сарыча. Севастополь: Библекс, 2005. 192 с.
17. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.

18. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
19. *Кунцевская Г.Н.* Неповторимый Крым. Кн. 1. Симферополь: Таврия, 2008. 392 с. Кн. 2. Симферополь: Изд-во и типогр. «Таврида», 2011. 364 с.
20. *Курьянов С.О.* Несколько слов о Крымском тексте (Разграничения понятий Крымский мотив, образ Крыма и Крымская тема) // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2013. Т. 27 (66). № 2. С. 171–176.
21. *Лохин М.Ю., Маев Е.Г.* Морфология дна и структура верхних горизонтов осадков западной части Крымского шельфа // Геология континентальной террасы окраинных и внутренних морей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 75–83.
22. *Люсый А.П.* Крымский текст в русской литературе. СПб.: Алетейя, 2003. 314 с.
23. *Люсый А.П.* Крымский текст в русской культуре и проблема мифологического контекста. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. кандидата культурологич. наук. М., 2003. 22 с.
24. *Мореунов Ю.Г., Калинин А.В., Калинин В.В., Куприн П.Н., Лимонов А.Ф., Пивоваров Б.Л., Щербаков Ф.А.* Основные элементы тектоники южного крыла Крымского мегантиклинория (Чёрное море) // Геотектоника. 1979. № 4. С. 90–97.
25. *Муратов М.В.* Краткий очерк геологического строения Крымского полуострова. М.: Гостеолтехиздат, 1960. 208 с.
26. *Муратов М.В.* Геология Крымского полуострова (Руководство по учебной геологической практике в Крыму. Т. II). М.: Недра, 1973. 192 с.
27. *Мухин В.В., Кузнецов А.Я.* Крымские горы: возвращение к истокам. Киев: Стилос, 2007. 256 с.
28. *Олиферов А.Н.* Яйла: география, лес, вода. Симферополь: Бизнес-Информ, 2011. 192 с.
29. *Олиферов А.Н., Тимченко З.В.* Реки и озера Крыма. Симферополь: Доля, 2005. 216 с.
30. *Павлова Н.Н.* Физическая география Крыма. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 108 с.
31. *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999. 246 с.
32. *Радде Г.* Крымские татары. Киев: Стилос, 2008. 112 с.
33. *Рудько Г.И., Ерыш И.Ф.* Оползни и другие геодинамические процессы горноскладчатых областей Украины (Крым, Карпаты). Киев: Задруга, 2006. 620 с.
34. *Рубцов Н.И.* Растительный мир Крыма. Симферополь: Изд-во Таврия, 1978. 128 с.
35. *Уфимцев Г.Ф.* Горы Земли. М: Научный мир, 2008. 352 с.
36. *Фирсов Л.В.* Археологические разведки на Исар-Кая и Шайтан-Мердвене в 1967 г. // Феодалная Таврика. Киев: Наукова думка, 1974. С. 94–108.
37. *Эпштейн М.Н.* Природа, мир, тайник вселенной... М.: Высшая школа, 1990. 303 с.

Н.П. Старикова (Ялта)

ПРОСТРАНСТВЕННО-ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА КАК ОСНОВА КУЛЬТУРНО-ЛАНДШАФТНОГО КОМПЛЕКСА ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА

Историческое развитие пространственно-планировочной структуры

Исторический обзор формирования пространственно-планировочной структуры Южного берега Крыма основан на изучении литературных и архивных источников с привлечением картографических материалов, наглядно иллюстрирующих динамику этого процесса.

Природный ландшафт ЮБК является уникальным по своим пространственным характеристикам (высота и разнообразие силуэта горной гряды, конфигурация береговой линии, варьирующаяся по ширине и микрорельефу прибрежно-предгорная полоса, видовое разнообразие растительности). На протяжении всей истории освоения Крыма человеком он был первостепенным фактором организации среды обитания. Трассировка дорог, конных и пешеходных троп, расположение очагов расселения — всё это было предопределено ландшафтом и соответствующими стадиями развития культуры, системой ценностей и образом жизни людей.

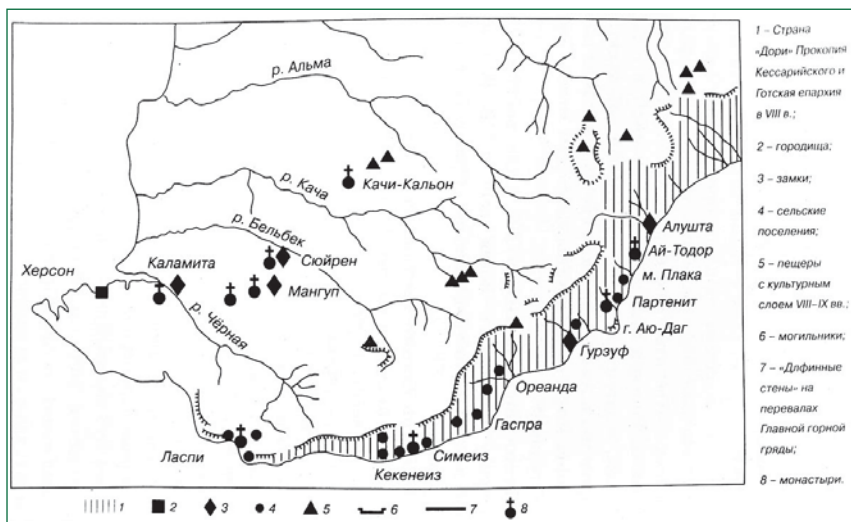
Античный период, связанный с греческой и римской колонизацией, параллельным существованием на полуострове Боспорского царства, скифских племён, тавров, Херсонеса, с непрерывными вооружёнными конфликтами, характеризуется дисперсной структурой расселения на Южном берегу Крыма. Локальные образования, размеще-

Карта-схема античных и средневековых дорог Южного берега Крыма.
<https://culturelandshaft.wordpress.com/>

ние которых диктовалось стратегическими задачами обеспечения военного и экономического господства на Чёрном море, были связаны между собой и с внешним миром, в первую очередь, морским сообщением, а также немногочисленными пешеходными и конными тропами. Они концентрировались в прибрежной, труднодоступной по условиям рельефа зоне. Более раннее освоение крымских гор и предгорий таврами, хозяйственно-культурный тип этноса которых был связан с яйлажным скотоводством, не сформировало структуры долговременных поселений.

Начиная с середины I века, с появлением на полуострове римлян, гарнизон которых пребывал здесь более 100 лет, формируется структура римских опорных пунктов. Помимо Херсонеса, появились крепость Харакс на мысе Ай-Тодор и поселение Альма-Кермен на территории современной Балаклавы. Сохранившиеся до наших дней свидетельства существования римской дороги (via militaris) на перевале Шайтан-Мердвен наглядно подтверждают наличие на Южном берегу Крыма «транспортной инфраструктуры» античности.

Таврика в VI-IX веках.
Из кн.: Васильев, Автушенко [3]

В период раннего средневековья, начиная с III века, началась экспансия в Северное Причерноморье и степной Крым германских племён готов, вытесненных затем первой волной гуннского вторжения в горы. Горный Крым и Южный берег с VI по XV век традиционно именовался Крымской Готией, или страной Дори, первое упоминание о которой относится к годам правления византийского императора Юстиниана I (VI век). Этому времени соответствует проведение больших строительных работ в Таврике, в том числе возведение укреплений «в Гурзувитах и Алусте», а также строительство «длинных стен» на главных перевалах горной гряды, предназначенных для защиты от вторжения врагов с севера.

Утверждение на берегах Понта христианства сопровождалось активизацией культового строительства, в частности, появлением монастырей (в том числе пещерных), включённых в единую структуру городищ, сельских поселений, замков и оборонительных сооружений, объединяемых сетью дорог и, в условиях Южного берега, пешеходных и конных троп.

Происходила трансформация «точечного» принципа системы расселения античного периода в «линейно-кустовой», с группировкой элементов вдоль побережья и концентрацией их в местах, приближённых к удобным для судоходства бухтам и главным горным проходам (бухта Ласпи, Кикинеиз-Симеиз, Гаспра, Ореанда, Гурзуф-Аю-

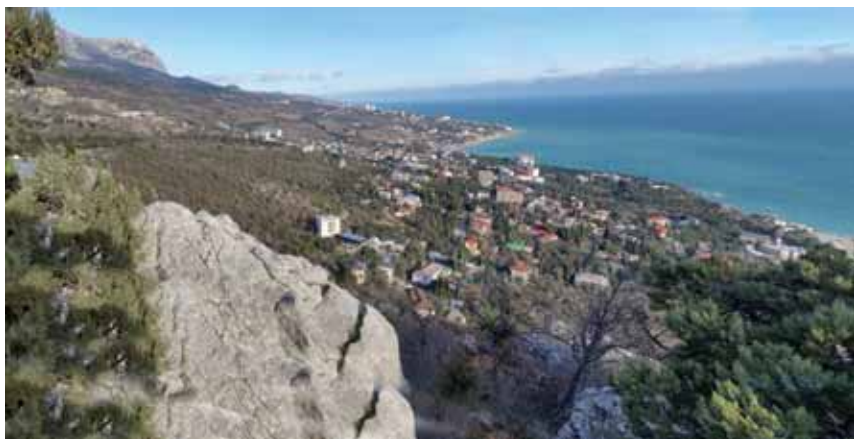

Княжество Феодоро накануне его завоевания турками.
Из кн.: Васильев, Автушенко [3]

Даг, Партенит). Таким образом, освоённость Южнобережья хозяйственной и «градостроительной» деятельностью, несомненно, возросла, однако масштаб антропогенного воздействия был несопоставим с гигантскими формами природного ландшафта — величественных обрывов Главной гряды Крымских гор, прибрежных скальных «хаосов», крупных массивов хвойных и лиственных лесов, бескрайних морских перспектив.

В XIV–XV веках крымское Южнобережье стало ареной борьбы православного княжества Феодоро, преемника раннесредневекового государства крымских готов, с могущественной Генуэзской республикой, экспансии которой Таврика подверглась со второй половины XIII столетия, с получением Генуей от Византийского императора Михаила VIII Палеолога торговых привилегий в Чёрном море. Более 40 лет продолжалась борьба, в результате которой в Генуэзскую «империю Газарии» вошли принадлежавшие феодоритам Херсон, Балаклава, Форос, Кикенеиз, Алушка, Мисхор, Ореанда, Ялта, Никита, Гурзуф, Партенит, Ламбада и Сугдея.

В начале XV века возродившееся после катастрофического татарского набега княжество Феодоро успешно вело борьбу с генуэзцами за возвращение южнобережных территорий, овладение которыми гарантировало контроль над важнейшими торговыми коммуникациями — частью Великого шёлкового пути. Феодориты вели на южном

Симеиз. Панорама с горы Кошка.
Фото Н.П. Стариковой

берегу серьёзные фортификационные работы: строили замки, укрепления, закрывали дороги и горные проходы напротив генуэзских крепостей. После войны 1422 года Феодоро вернуло под свою юрисдикцию область Кинсанус (побережье от Гурзуфа до Алушты), затем крепость Чембало; впоследствии приморские крепости Алустон, Гурзуф и Партенит также перешли под контроль феодоритов.

В XIV–XV веке появились крепости: Камары (напротив Чембало), Фуны (напротив Алустана); между морем и обрывами Главной гряды Крымских гор располагались Кокия-Исар, Шайтан-Мердвен, Биюк-Исар, Кошка, Учансу-Исар, Палеокастрон, Гелин-Кая, Дегермен. Благодаря фортификационному строительству феодоритов произошло развёртывание пространственно-планировочной структуры «вглубь» по всей линии южного побережья.

В конце XV века территория Южного берега Крыма приходит в запустение. После падения в 1475 году под натиском Османской империи генуэзской Кафы прибрежные торговые поселения генуэзцев одно за другим сдавались туркам, население было частично уничтожено, частично перемещено в Стамбул и на Кавказ. Южное побережье опустело и стало турецкой провинцией. Оставшееся немногочисленное христианское население постепенно ассимилировалось преобладавшими в Крыму мусульманами.

Последующие пять веков татарского владычества сопровождались усилением влияния Турции. Власть султана, начиная с 1475 года, всё более ограничивала полномочия ханов, с 1523 года назначаемых непосредственно султаном. В конце XV — начале XVI века экономичес-

кой основой существования Крымского ханства стали разбойничьи набеги на сопредельные территории, грабежи и работорговля. Невольничьи рынки Кафы и других приморских городов пропускали через себя огромное количество пленников, поступающих в Крым через Перекоп и продаваемых через иностранных купцов по всему свету.

Южный берег находился в относительном удалении от главных работорговых путей и благодаря труднодоступности не претерпел в своём планировочном развитии каких-либо серьёзных изменений. Заселение Южного берега в период татарского владычества происходило неравномерно. В ходе противостояния России и Турции, после переселения христиан в 1779 году на берега Азовского моря, опустевший край заполнялся мусульманами, выходцами из степного Крыма, поначалу малоприспособленными к ведению традиционного южного сельского хозяйства — садоводства и виноградарства, а также скотоводства, имевшего свои региональные особенности.

Подводя итог многовековому процессу развития пространственно-планировочной структуры Южного берега Крыма до вхождения полуострова в состав Российской империи, можно определить общие принципы её формирования:

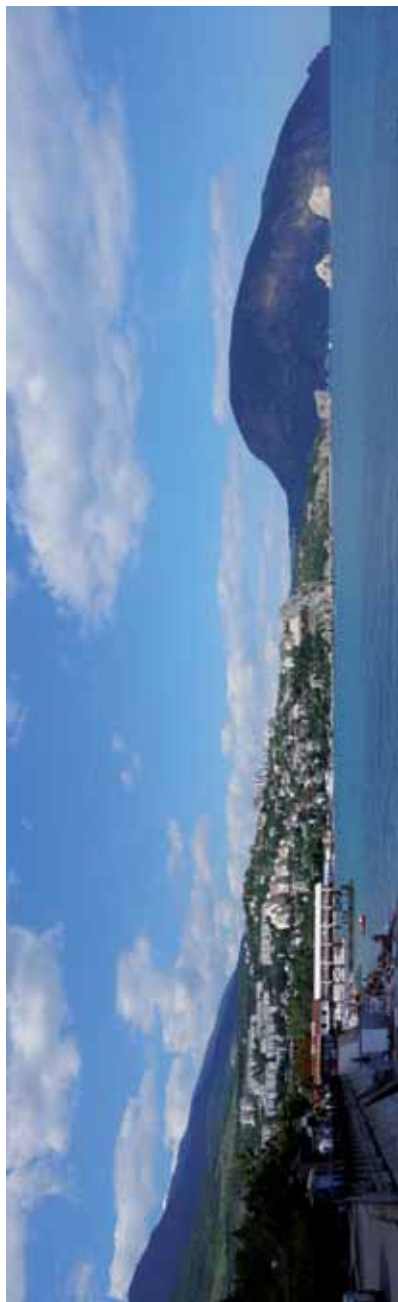
- ♦ Приоритетной функцией в освоении территории Южного берега неизменно была военно-стратегическая. Благодаря местоположению и особенностям рельефа Южный берег являлся идеальным плацдармом для охраны границ государств, а также для осуществления контроля над морскими торговыми путями, служившего стабильным источником доходов в различных формах — от прямого разбоя у тавров до «цивилизованного» взимания пошлины при генуэзцах и легализованной работорговли времён Крымского ханства и Османской империи.
- ♦ Труднодоступность Южного берега с суши предопределила относительную автономность его развития. Приближенные к акватории Чёрного моря фортификационные объекты и связанные с ними элементы системы расселения со временем сформировали планировочную структуру, где помимо обособленности каждого элемента существовала определённая автономность системы в целом. Подходы «внешних» связей с запада и востока, при большой протяжённости территории и практической недоступности её со стороны горной гряды, обеспечивали высокую степень пространственной изоляции и долговременную «консервацию» планировочной структуры.

Поселок Голубой Залив (Лимена). Фото Н.П. Стариковой.

Алутка. Современная застройка западнее Воронцовского парка.
Фото Н.П. Стариковой.

Гурзуф. Панорама с востока. Фото Н.П. Стариковой.

Бухта Ласпи. Фото Н.П. Стариковой.

- ♦ К последней четверти XVIII столетия Южнобережье представляло собой хорошо сохранившийся природный ландшафт с элементами его преобразования человеком в местах концентрации строительной деятельности различных периодов. Помимо существовавших на побережье руинированных фортификационных сооружений, следы вмешательства человека можно было наблюдать в изменении структуры ландшафта. Изначально залесенные территории частично были распаханы под сады, виноградники, табачные плантации, а частично оголены — там, где лес использовался для хозяйственных нужд. Широкие долины рек и пологие горные склоны, с древности служившие местами обитания и по разным причинам обезлюдевшие (в частности, Ялта и её окрестности), являли собой наглядную картину внедрения человека в природный ландшафт. Тем не менее, Южный берег в целом представлял собой девственный природный оазис, полностью сохранивший свой экологический и эстетический потенциал.

Присоединение в 1783 году Крыма к России и организация Таврической губернии — переломный момент в истории полуострова. Создание Черноморского флота, строительство его главной базы — Севастополя, административное переустройство бывшей турецкой провинции, прокладка дорог, изменение структуры землевладений и направленности хозяйственной деятельности привели к радикальному преобразованию крымского, в том числе южнобережного, ландшафта.

Первый этап этого процесса связан с деятельностью светл. кн. Григория Потёмкина, генерал-губернатора Екатеринославского и Таврического, которому принадлежала вся полнота власти в Крыму. Потёмкину Таврида обязана определением стратегии развития на первые десятилетия в составе российской империи. Многие принципы формирования будущего культурного ландшафта Южного берега были сформулированы в этот период.

Ключевой установкой деятельности Потёмкина было превращение Южного берега Крыма в «райский сад», что свидетельствовало о готовности государства предпринимать титанические усилия и вкладывать большие деньги в преобразование южнобережья как территории с благодатным лечебным климатом и исключительным по красоте ландшафтом. Очевидна изначальная нацеленность Российской государственной программы освоения Южного берега Крыма на использование «эстетической» компоненты природного ландшафтного комплекса, аналогов которому в границах Империи прежде не существовало.

В рамках этой программы происходило развёртывание нескольких направлений деятельности. Во-первых, изменение структуры земле- владения. Крупные участки южнобережных земель предоставлялись дворянской аристократии, высокопоставленным вельможам и чинов- никам высшего ранга, потенциально способным финансировать се- рьёзные и дорогие преобразования в своих новых имениях. Им вме- нялось в обязанность под угрозой больших штрафов в определённые сроки заселить и обработать полученные земли. Во-вторых, усматри- вая в природе Южного берега Крыма разительное сходство с Пело- поннесом, Потёмкин предполагал широкое развёртывание парко- строения с использованием средиземноморской растительности. Его представление о перспективах преобразования южнобережного лан- дшафта разделяла императрица Екатерина II: «Одним из главных предметов в Тавриде могли бы быть сады и особенно сады ботани- ческие».

Закладка первых парков началась весной 1784 года на собствен- ных землях Потёмкина между Ласпи и Форосом, а также в Алушке. Посадочный материал закупался в Константинополе, Смирне, на Принцевых островах. Ассортимент был чрезвычайно широк: масли- на, шелковица, лавр, гранат, чинара, пиния, кипарис, рододендроны; приобреталось огромное количество виноградной лозы, множество лукович и семян экзотических цветов. Шелковица и маслина в каче- стве эксперимента по внедрению культур для «промышленного» про- изводства шелка и оливкового масла были высажены в Ласпи, все остальное попало в обильно обводненное и благодатное по климату Алушкинское имение, где и «укоренилось с успехом». Парковые и фруктовые деревья потёмкинских посадок распространились по юж- ному берегу на восток далеко за пределы Алушки, составив основу усадебных парков конца XVIII и начала XIX столетия.

Особо следует отметить первые законодательные меры по предот- вращению ущерба природному богатству Тавриды. Под угрозой серь- езных штрафов запрещалась рубка деревьев, землевладельцам вменя- лось в обязанность восстановление зелёных насаждений. Хозяйствен- ная и строительная деятельность на Южнобережье направлялась, го- воря современным языком, в сторону экологических приоритетов.

Расширение сети дорог на полуострове, заложившее основу его хозяйственно-экономического развития, в первую очередь определя- лось военно-стратегическими соображениями. Как можно видеть из анализа первых топографических карт (*Приложения I–II*), транспорт- ный «костяк» зафиксировал важнейшие связи между ключевыми зве- ньями — внешним «вводом» со стороны материка (Перекоп) и опор- ными пунктами (Керчь и Севастополь).

Подготовка Потёмкиным дорог для кортежа императрицы в 1787 году коснулась и Южного берега. Был организован доступ (из Севастополя через Балаклаву) на Байдарский перевал с панорамой экзотического ландшафта Южного бережья. Строительство этого участка дороги, вызвавшее многочисленные нарекания как чиновничьего аппарата (из-за дополнительных расходов), так и высокопоставленных участников екатерининского вояжа, было первым важным шагом к формированию транспортной структуры Южного берега. Но лишь через три десятилетия российскую «южнобережную» программу начали реализовывать, что связано с деятельностью графа М.С. Воронцова, генерал-губернатора Новороссии (в состав которой входила Таврическая губерния).

До середины 1820-х годов существовали всего два сухопутных пути на Южный берег: через Кебат-Богазский перевал на Алушту и через Байдарский перевал. При этом проезжая дорога доходила лишь до селения Байдары, принадлежавшего графу Мордвинову, и представляла собой тракт, проложенный Потёмкиным для путешествия Екатерины II в 1787 году. Далее путешествие продолжалось верхом по нескольким узким тропам. Самым популярным у путешественников был маршрут через перевал Шайтан-Мердвен. По Южному берегу были проложены немногочисленные труднопроходимые тропы, зачастую приходилось пробираться по кромке берега. Наиболее сложные участки (крутой рельеф, обвалы, осыпи) находились в районе Кучук-Коя и Кикинеиза, на подходе к Гурзуфу и перед Алуштой со стороны Партенита.

Мысль о необходимости постройки дороги высказал император Александр I после путешествия на Южный берег в 1818 году. В 1821 Таврический губернатор А. Бороздин подал правительству докладную записку «Проект об устройстве путевого сообщения на Южном берегу Крыма и в нагорной части Таврического полуострова».

Инженер ведомства путей сообщения России А. Бетанкур разработал шесть вариантов проекта. Один из них был утвержден при активной поддержке графа М.С. Воронцова, который, вступив в должность генерал-губернатора Новороссии, приобрёл в первой половине 1820-х годов участки на Южном берегу для строительства имений, в частности, на Мартьяне, в Ай-Даниле, Гурзуфе и Алупке.

Дорога строилась, главным образом, силами воинских подразделений. Общее руководство осуществлял инженер-майор Славич, после его смерти в 1834 году работами руководил инженер-полковник Шипилов. Участок от Симферополя до Алушты был завершён в 1826 году, вслед за ним был сооружён участок между Алупкой и Ялтой.

Устройство участка дороги от Алушты до Ялты началось по распоряжению Воронцова в 1832 году. На Байдарский перевал дорога пришла в 1837 году, однако строительные работы продолжались до середины 1840-х годов. Через каждые 12—16 вёрст на дороге были устроены почтовые станции, к проектированию которых привлекли первого казённого архитектора Южного берега Крыма Филиппа Эльсона. Через каждые 6—8 вёрст стояли домики караульных, следящих за техническим состоянием дороги.

Новая дорога прошла гораздо выше прежнего «торгового пути» (который стал называться «нижней дорогой») и стала первым в России искусственным путём, проложенным не по старым трактам, а по новой трассе в сложных инженерно-геологических условиях, с большим объёмом взрывных работ, возведением многочисленных мостов, тоннелей, подпорных стен. Трассировка дороги и последовательность сооружения её участков наглядно прослеживаются на представленных в Приложении I—I картах.

Задолго до открытия новой дороги началась земельная лихорадка, взлетели цены на землю. Активизировались мелкие землевладельцы, участки которых соседствовали с крупными имениями аристократии или вклинивались в них. Значительная их часть принадлежала татарам и грекам и постепенно выкупалась крупными землевладельцами.

К середине 1830-х годов лучшие земли Южного берега оказались в руках русской сановной аристократии, среди которых были Нарышкины, Голицыны, Потоцкие, Завадовские, Румянцевы, представители других знатных родов. В 1825 году императорская семья купила Ореанду. Законченные постройки в усадьбах владениях на вновь приобретённых землях были немногочисленны. Среди них, помимо усадебного дома генерала А.М. Бороздина в Кучук-Ламбаде, начатого строительством в 1807 году, были владельческие дома М.С. Воронцова (бывш. Ришелье) в Гурзуфе и А.С. Голицыной в Кореизе. Вокруг имений высшей аристократии формировался круг землевладений из дворян, купцов, заводчиков, богатых откупщиков, тяготевших к «сильным мира сего», но не допущенных ко «двору». Так появились дачные колонии близ Ялты, в районе Алушты, на запад от Алупки; на землях, отведённых Воронцовым чиновникам его канцелярии — в Магараче, между Симеизом и Алупкой и в других местах.

Помимо сооружения дороги важным средством оживления края явилось судоходство. По ходатайству Воронцова были выданы казённые средства на покупку судов, которые становились собственностью акционерного общества. Уже к концу 1830-х годов было организовано регулярное морское сообщение между Одессой и Ялтой, Феодосией, Севастополем. Вместе с «перевальной» дорогой, завершение стро-

ительства которой относится к этому же времени, морское сообщение сформировало полноценную транспортную инфраструктуру Южного берега Крыма и «произвело истинную революцию в его судьбе».

Вскоре побережье от Алушты до Алупки превратилось в «пространство обширного сада», по которому путешественник ехал «как по какому-нибудь английскому парку».

Центральным «звеном» формирующейся береговой цепи усадеб с дворцами и дачами была избрана Ялта. На базе крохотной деревушки, расположенной на берегу удобной бухты и окружённой редким по красоте горным амфитеатром, по замыслу Воронцова должна была вырасти «новая Ницца» с главной гаванью Южного берега. В 1837 году Ялте был высочайше пожалован статус уездного города. Будучи главным перевалочным пунктом для приезжающих на отдых в Крым морем, подлинным центром Южнобережья она стала лишь с приобретением в 1860 году Ливадийского имения удельным ведомством. Превращение Ливадии в летнюю резиденцию царской семьи было первым шагом к формированию во второй половине XIX века обширной структуры императорских и великокняжеских имений, составлявших Царский берег, и общей активизации строительной и хозяйственной деятельности на Южном берегу Крыма.

Воронцову Южный берег обязан ещё одним начинанием, серьёзно преобразившим его ландшафт и давшим толчок экономическому развитию — закладкой основ промышленного виноделия. Вопреки позиции учёных-ботаников, рекомендовавших оставить винодельческий центр в Судаке (старом и «испытанном» винодельческом районе, где находилось и училище для виноделов) генерал-губернатор развернул масштабную программу акклиматизации и внедрения лучших итальянских, французских, испанских сортов на Южном берегу, в урочище Магарач, присоединённом к Никитскому ботаническому саду. В 1828 году сюда перевели из Судака училище виноградарей и виноделов. Появление виноградников и винодельческих хозяйств Воронцова в Ай-Даниле, Магараче, Гурзуфе, Массандре, а также строительство первых винподвалов и винотек, в том числе казённых, способствовало быстрому распространению новой для Южнобережья сельскохозяйственной специализации. Вскоре ровные ряды посадок виноградской лозы покрыли долины и склоны холмов и стали неотъемлемой частью южнобережного ландшафта.

Следующий этап развития планировочной структуры Южного берега связан с прокладкой после Крымской войны 1853–1856 годов железнодорожного пути в Крым. Лозово-Севастопольская железная дорога, завершённая в 1875 году, представляла собой сложное и доро-

Гурзуф. Застройка над историческим курортом Суук-Су.
Фото Н.П. Стариковой.

гостящее инженерно-техническое сооружение. Только на подходе к Севастополю в скальных массивах было пробито шесть тоннелей. Строительство железной дороги диктовалось в первую очередь военно-стратегической необходимостью. Пользование ею для пассажирских сообщений до середины 1890-х годов было ограничено высокой стоимостью проезда.

В 1894 году на железных дорогах империи ввели единый тариф, существенно удешевивший проезд в Крым и ставший важным стимулом развития югобережных курортов. В условиях развивающегося российского капитализма происходила стремительная коммерциализация землевладений Южного берега. Значительная их часть дробилась на автономные участки, выставляемые на продажу. Целью самых дальновидных собственников стала организация на базе индивидуальных участков единой курортной структуры — так возник, например, «Новый Симеиз» Мальцовых.

Другой формой коммерческих проектов было плановое строительство курортно-гостиничных комплексов с единым источником финансирования, высоким уровнем инженерного оборудования и формированием комфортной «рекреационной среды» — обширных благоустроенных парков. В лучших своих образцах это курорты европейского уровня — Губонина в Гурзуфе или соседнего «Суук-Су» Соловьёвой. Были и нереализованные проекты, например, остался на бумаге план межевания землевладения Филиберов в Лимене, приводимый в книге А.А. Галиченко. Тем не менее, общая тенденция к новому функциональному использованию землевладений знаменует

Южнобережное шоссе.
Фото Н.П. Стариковой.

собой качественный скачок в освоении Южного берега — от романтически-созерцательного семейного обустройства усадьбы к формированию в известной степени демократичных курортных образований.

Намеченная тенденция развития южнобережных курортных комплексов развивалась в проекте прокладки железнодорожной ветки по территории Южного берега Крыма. Изыскательские работы велись в начале XX века под руководством инженера Н.Г. Гарина-Михайловского. К сожалению, трагические события русско-японской, а затем Первой мировой войны и революции не позволили реализовать актуальный для того времени проект.

Проблема оптимизации транспортного сообщения с Южным берегом приобрела особую остроту во второй половине 1920-х годов, в связи с развёртыванием грандиозной, теперь уже советской программы по курортному освоению ЮБК. Использование для оздоровительных целей южнобережных дворцов и особняков, строительство первых санаториев и проектирование курортных комплексов предполагало значительное увеличение количества лечащихся и отдыхающих. Пропускная способность существующей дорожной сети явно не соответствовала новому масштабу.

Однако до конца 1950-х годов концентрация финансовых и технических средств государства была направлена на строительство отдельных объектов Южнобережного комплекса — санаториев, пансион-

Воронцовска дорога.
Фото Н.П. Стариковой.

натов, домов отдыха, обслуживающей инфраструктуры, в том числе на строительство жилья для постоянного населения. Перспективы развития транспортной структуры, определённые документами тер-

Ялта. Выход к ущелью Уч-Кош.
Фото Н.П. Стариковой.

риториального планирования, в частности, Схемой районной планировки Южного берега Крыма 1935 года и конкретизированные в более поздних генеральных планах городов и посёлков, оставались не реализованными. Строительство скоростного Южнобережного шоссе (с использованием инженерных изысканий начала XX века) было осуществлено лишь в 1960—1970-х годах. Завершение строительства Южнобережного шоссе и введение регулярного троллейбусного сообщения между Ялтой, Алуштой и Симферополем обеспечило качественно новый уровень транспортного обслуживания всего курортного побережья.

Полувековой период развития Южного берега как советского курорта на базе «старой» транспортной сети демонстрирует определённую преемственность пространственно-планировочной структуры дореволюционного Южнобережья. Несмотря на изменившуюся функцию и иной масштаб сооружений, сохранялся приоритет ландшафтного окружения, баланс озеленённых и освоенных застройкой территорий, сбалансированность силуэтного восприятия архитектурных сооружений и главных элементов ландшафта. Наиболее благоприятная в климатическом и самая привлекательная в ландшафтном отношении прибрежная полоса неизменно оставалась

Бухта Ласпи. Панорама с запада.
Фото Н.П. Стариковой.

монофункциональной и неприкосновенной курортной зоной, органически включённой в природную макроструктуру Южного берега Крыма.

Наглядную картину динамики градостроительного освоения территории Южного берега можно проследить, используя аналитические материалы «Историко-культурного опорного плана» (ООО «Кирамет», Симферополь, 2016), выполненного в составе проекта Генерального плана муниципального образования — городского округа Ялта. Пространственная локализация градостроительных структур различных исторических периодов вызывает вопросы относительно существующего и проектного этапов развития.

Площадь земель в границах городской черты современных городов и посёлков, освоенная строительством в 1991–2016 годах, сопоставима, а часто и превосходит территорию освоения всех предшествующих исторических этапов. Масштаб внедрения антропогенных структур в природный ландшафт разительно отличается от ранее существовавшего. Характер планировочной организации прибрежной зоны, сохранявшийся на протяжении всего советского периода, принципиально изменился. К сожалению, эта тенденция сохраняется: участки застройки санаторно-курортных учреждений, ранее перемежавшиеся свободными выходами к береговой линии (потенциальными парковыми массивами), превращаются в сплошную урбанизированную полосу, теряющую визуальные связи с окружающим ландшафтом и уничтожающую рекреационную привлекательность Южного берега Крыма.

Охранное зонирование и современное состояние территории

Комплексный подход к разработке документов территориального планирования и генеральных планов населённых мест с учётом приоритетной ценности историко-культурного наследия постепенно формировался во второй половине XX века. Список древних городов, посёлков и сёл УССР, в состав которой входила Крымская область, был утверждён в 1968 году. В список вошли города Ялта и Алупка, посёлки Гурзуф, Никита, Массандра, Ливадия, Харакс, Мисхор, Симеиз, Форос.

Принятый в 1975 году Генеральный план Большой Ялты (проектный институт «Гипроград», Киев) предусматривал застройку Южного берега Крыма санаторно-курортными комплексами, зачастую не предполагавшими сохранения сложившейся планировочной структуры и исторической архитектурной среды городов и поселков.

Тогда же, в 1973 году, был объявлен Всесоюзный конкурс на проект планировки центра Ялты. Предложенное коллективом крымских проектировщиков (Ялтинский филиал «Гипроград») проектное решение, оставлявшее практически неприкосновенным весь исторический центр города, стало первой убедительной попыткой сохранения и регенерации историко-культурной городской среды. Предложение было одобрено и легло в основу Проекта детальной планировки, завершённого в 1978 году и определившего развитие Ялты до середины 1990-х годов.

Форос. Панорама от байдарских врат.
Фото Н.П. Стариковой.

Новые жилые комплексы в районе Нижней Ореанды.
Фото Н.П. Стариковой.

К перестроечному рубежу город подошёл с минимальными потерями в плане сохранения историко-культурного наследия в его градостроительном аспекте. Жёсткая функциональная регламентация освоения территории накладывала запрет на строительство в курортной зоне (1-я и 2-я зоны санитарной охраны курортов), простиравшейся на глубину более одного километра от берега Чёрного моря, и разрешала возведение новых жилых комплексов лишь в периферийной, предгорной части Ялты. Аналогичное зонирование охватывало всю территорию ЮБК и строго соблюдалось, благодаря чему была обеспечена высокая сохранность архитектурно-ландшафтной среды Южного берега — исторических парков с дворцовыми и усадебными комплексами, а также «новых» парковых массивов санаторных учреждений советского периода.

Параллельно с 1980 по 1990 год выполнялись комплексные научные исследования, и в 1991 году был завершён «Историко-архитектурный опорный план административного района Большой Ялты» (КиевНИИТАГ, 1991), содержащий предложения по охранному зонированию и обоснованию границ природных и историко-архитектурных заповедных территорий. В 1995 году документ получил юридическую силу, став приложением к Постановлению правительства АР Крым № 330 от 16 ноября 1995 года «Об утверждении историко-архитектурного опорного плана и комплексного охранного зонирования памятников истории, архитектуры и природы».

Период пребывания Крыма в составе независимой Украины сопровождался откровенно конъюнктурным характером разработки гра-

Ялта. Историческая и современная панорамы.
Фото Н.П. Стариковой.

Приморский парк в Ялте. Панорама 2018 и 2002 годов.
Фото Н.П. Стариковой.

Панорама Гаспра-Кореиз-Мисхор.
Фото Н.П. Стариковой.

Дворец Кичкине.
Фото Н.П. Стариковой.

достоительной документации. В частности, работа по корректировке Генерального плана Большой Ялты в начале 2000-х годов («Гипроград», Киев) повлекла за собой отмену Постановления № 330 и корректировку границ и режимов зон охраны. В результате в 2007 году вместо «Историко-архитектурного опорного плана» 1991 года с детально разработанными границами и режимами появился документ, в изрядной степени нивелирующий особенности исторических ландшафтных комплексов Южного берега Крыма — «Исторические ареалы района Большой Ялты». Документ вошёл как раздел в состав Генерального плана района Большой Ялты, утверждённого в 2007 году.

«Исторические ареалы» остаются единственным официально действующим документом, отражающим структуру югобережного историко-культурного комплекса и её состояние на рубеже XX–XXI веков как итог исторического градостроительного развития ЮБК. Документ содержит предложения по включению в «Список исторических населённых мест» новых территорий. В частности, в этот перечень вошли Курпаты, Кацивели, Понизовка, Парковое (Новый Кучук-Кой), Меллас, Санаторное (Мшатка), а также Отрадное, Ай-Даниль и «Артек», в совокупности с линейными структурами исторических дорог Ялта–Севастополь и Ялта–Бахчисарай. Это было результатом осмысления исторического архитектурно-ландшафтного комплекса ЮБК как целостной структуры.

«Исторические ареалы» были последним документом комплексного историко-охранного зонирования ЮБК. В 2013 году Генплан 2007 года вместе с соответствующим разделом был отменён. Взамен на базе наспех утверждённого проблематичного Генплана 2013 года появились (по большей части так и не утверждённые) Генпланы территории отдельных городских и поселковых советов — Ялты, Алупки, Массандры, Гурзуфа, Гаспры, Кореиза, Симеиза и Фороса, в состав которых входили разделы по историко-охранному зонированию. Работы эти имели локальный и вторичный характер и общей картины охраны исторического наследия Югобережья не составляли.

В 2015–2016 годах в составе проектируемого нового Генерального плана, фактически в границах прежней «Большой Ялты», разрабатывается в соответствии с российским законодательством «Историко-культурный опорный план городского округа Ялта». Помимо определения предмета охраны территории, он содержит уточнённый и дополненный список объектов культурного наследия и раздел историко-охранного зонирования.

Согласно этому документу, на территории городского округа Ялта находятся 18 объектов культурного наследия федерального значения,

Река Учан-Су в Ялте.
Фото Н.П. Стариковой

349 — регионального, 225 — выявленных (не внесенных в Госреестр), в том числе 58 археологических объектов. Особо охраняемые природные территории представлены сорока семью участками, крупнейший из которых — Крымский горнолесной заповедник.

К сожалению, существующее положение с застройкой ЮБК, сложившееся к 2015 году, радикально уменьшило возможности формирования зон охраны. Массовая коммерческая застройка, диссонансная как в плане размещения зданий, так и в их геометрических параметрах и архитектуре, существенно деформировала функциональную и пространственно-планировочную структуру исторического Южного бережья.

Переход под юрисдикцию России, требующий адаптации историко-охранной документации Украины в российское законодательное поле, приводит к её радикальной переработке, которая сопровождается утратой наиболее ценного и обоснованного в научно-проектных разработках предшественников. Например, чертёж Генплана 2016 года «Территории объектов культурного наследия» и чертёж «Охраняемые природные территории», содержащий сведения об исторических парках-памятниках, корреспондируются только на «Основном чертеже»

Партенитский залив и гора Аю-Даг.
Фото Н.П. Стариковой.

Генплана, загруженном, прежде всего, информацией о проектном функциональном зонировании территории. Единая наглядная картина взаимопроникновения ландшафтных объектов и архитектурных комплексов, в реальности неразрывно связанных между собой, в проектной документации отсутствует, что закладывает возможность разночтений в трактовке границ и режимов зон охраны. Соответственно, вопрос о составе и оформлении графических материалов отнюдь не является техническим и второстепенным.

В редакции 2018 года чертеж «Территории объектов культурного наследия», вошедший в состав материалов утвержденного 3 декабря 2018 года Генерального плана, не содержит сведений о зонах регулирования застройки 1 и 2 степени на участках побережья от Ялты до Гурзуфа и от п. Береговое до Фороса. Отсутствует также зона охраняемого природного ландшафта (за исключением узкой береговой полосы) на всей территории Городского округа Ялта западнее Кастрополя и восточнее п. Восход. Кроме того, режим ООПТ федерального значения, распространяемый на Крымский горно-лесной заповедник с сентября 2018 года, не объясняет исчезновение с упомянутой карты ОКН исторических линейных структур Воронцовской дороги и южнобережного участка шоссе Ялта–Бахчисарай, которые присутствовали на чертеже «Исторические ареалы» 2007 года.

Речь идёт о «размывании» ключевой установки в охранном зонировании ЮБК — понимании историко-культурного наследия Южного берега Крыма как единого цельного архитектурно-ландшафтного образования, включающего в свою структуру — в силу широты раскрытия панорам и глубины визуальных коридоров — обширные территории за пределами собственно исторических поселений. Современные административные границы и установленные категории земель не должны препятствовать решению задачи действенной охраны уникального южнобережного историко-культурного комплекса.

Выводы

1. Планировочная структура ЮБК — связующее звено между уникальным природным комплексом и развивающимся во времени антропогенным фактором. Характер системы расселения, сеть коммуникаций, начиная с пешеходных и конных троп раннего периода и заканчивая шоссейными дорогами XIX и XX веков, составляют тот каркас, на базе которого сформировался уникальный исторический архитектурно-ландшафтный комплекс Южнобережья.
2. Территория ЮБК, понимаемая как целостный природно-культурный ландшафт, довольно чётко локализована в пространственном отношении. Кромка главной гряды Крымских гор и береговая линия Чёрного моря служат естественными границами линейной структуры протяженностью более 70 км от мыса Айя на западе до мыса Плака на востоке.
3. Исторически сложившаяся система коммуникаций имеет ряд особенностей, позволяющих охарактеризовать её как уникальную. Это сочетание связей широтного направления (Воронцовское шоссе XIX века, Южнобережное шоссе конца XX века) и серпантинных спусков к побережью, в зону дворцовых и усадебных комплексов, курортного строительства начала XX века и советского периода. Редкие по красоте и разнообразию природные ландшафты, преобладание озеленённых пространств, динамика видовых раскрытий и панорам делает транспортно-пешеходную систему Южнобережья важнейшей составляющей единого ландшафтно-архитектурного комплекса.
4. Сохранявшаяся в своей основе до середины 1990-х годов историческая планировочная структура ЮБК на рубеже XXI века понесла значительные утраты. В первую очередь это коснулось баланса застроенных и незастроенных (озеленённых) территорий, причём больше всего пострадала исторически насыщенная прибрежная часть Южного берега.

5. Определяющим фактором процесса «расползания» застройки стала целевая установка (Генплан 2007) на постепенное свёртывание санаторно-курортной функции территории и разворачивание инвестиционных программ с приоритетом многоэтажного коммерческого жилья. Кроме того, планируемое развитие индивидуального жилищного строительства на приусадебных участках привело к интенсивной застройке обширных территорий в «ближних» ландшафтных зонах городов и посёлков, быстро теряющих свой первоначальный природный облик.
6. Научно-исследовательские и проектные работы, направленные на обеспечение охраны культурного наследия, системно выполнялись с начала 1980-х годов. Анализ проектных материалов показывает трансформацию охрannого зонирования в сторону сокращения территории зон охраны и ослабления режима ограничений в их границах под влиянием концептуальной установки генеральных планов 2007 года и, особенно, 2013 года.
7. Современное состояние застройки ЮБК демонстрирует полный провал практики установления границ и режимов зон охраны даже в их «трансформированном» виде. Несмотря на своевременную разработку и утверждение проектов зон охраны, на протяжении почти трёх десятилетий развивается коммерческая застройка с систематическим нарушением положений охрannого зонирования. Развивается по большей части под прикрытием проектной документации, якобы учитывавшей положения проектов зон охраны, а на деле открывавшей «зелёную улицу» откровенно диссонансной застройке.
8. Причиной грубейших нарушений охрannого зонирования следует считать не только безнаказанное пренебрежение градостроительной дисциплиной, но и определённые недочёты в разработке самих проектов зон охраны. В частности, соответствующий раздел «Генерального плана городского округа Ялта» 2016 года в его аналитической части не содержит детальной характеристики современного состояния планировочной и объёмно-пространственной структуры «исторической» территории, а также классификации диссонансной застройки по критериям, чётко сформулированным в действующих нормативных документах:

«Предмет охраны исторического поселения включает в себя:

- 1) *исторически ценные градостроительные объекты — здания и сооружения, формирующие историческую застройку и объединенные в том числе масштабом, объемом, структурой, стилем, конструктивными материалами, цветовым решением и декоративными элементами;*

- 2) *планировочную структуру, включая ее элементы;*
- 3) *объемно-пространственную структуру;*
- 4) *композицию и силуэт застройки — соотношение вертикальных и горизонтальных доминант и акцентов;*
- 5) *соотношение между различными городскими пространствами (свободными, застроенными, озелененными);*
- 6) *композиционно-видовые связи (панорамы), соотношение природного и созданного человеком окружения.»*

Без достоверной картины существующего состояния территории проектные границы зон охраны с назначением «универсальных» нормативных режимов заведомо становятся бессмысленными, так как появляются «вдогонку» уже свершившейся необратимой деформации исторической среды.

9. На переходном этапе 2014–2018 годов территории исторических населённых мест ЮБК, как и всего Крыма, откровенно запаздывают в получении юридически полномочных проектов зон охраны. Скупые пятна действующих в российском законодательном поле охранных зон (373-ФЗ от 25.06.2002) и защитных зон (№ 95-ФЗ от 05.04.2016) оставляют «неприкрытыми» от разномасштабной застройки огромные участки территории. Между тем, на эти территории давно, еще в 1995 году, были наложены соответствующие историко-охранные ограничения, зафиксированные в документе «Историко-архитектурный опорный план и комплексное охранное зонирование района Большой Ялты». Преемственный документ «Исторические ареалы района Большой Ялты» (2007) действует и поныне. Готовящаяся к утверждению в составе Генплана 2016 года проектная документация по охрannому зонированию явно уступает предыдущей научно-исследовательской и проектной разработке по конкретике и содержательности. Это делает проблематичной реализацию её положений в проектной и строительной практике.
10. Эффективная охрана и возрождение уникального архитектурно-ландшафтного комплекса ЮБК возможны только с учётом негативного опыта реализации охрannого зонирования и «упреждающим», прогнозным анализом генеральных планов и проектов планировки территории на предмет соответствия требованиям охраны исторического культурного наследия, понимаемого в самом широком контексте.

Список литературы

1. *Безчинский А.Я.* Путеводитель по Крыму. М., Кушнерев и Ко, 1908, 6-е изд. исп. и доп.
2. *Брагина Т.А., Васильева Н.В.* Путешествие по дворянским имениям Крыма. Симферополь, 2008.
3. *Васильев А.В. Автушенко М.Н.* Загадка княжества Феодоро. Севастополь: Изд. «Библекс», 2013.
4. Галиченко А.А. Старинные усадьбы Крыма. Симферополь, 2008.
5. *Ена Ал.В., Ена Ан.В.* Лоция Крыма. Симферополь, 2008.
6. История Крыма. М., 2015.
7. *Кеппен П.И.* Крымский сборник. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
8. *Кондараки В.Х.* Универсальное описание Крыма. СПб., 1875.
9. Крым: Книга рекордов. Справочное издание. Симферополь, 1999.
10. *Мальгин А.В.* Русская Ривьера. Курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи. Конец XVIII – начало XX в. Симферополь, 2006.
11. *Марков Е.* Очерки Крыма. СПб.; М., 1902. Репринт: Симферополь, 1994.
12. *Медведева И.Н.* Таврида. Исторические очерки и рассказы. Л.: Лениздат, 1956.
13. *Монтандон К.* Путеводитель путешественника по Крыму. Перевод с французского изд.: Одесса, 1834. Симферополь, 1999.
14. *Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Одесса, 1914.
15. *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах. М., 1999.
16. *Петрова М.М.* Симеиз: Путешествие по старым дачам. Симферополь, 2006.
17. *Сосногорова М.А.* [*Караулов Г.Э., Вернер К.А., Головкинский Н.А.*]. Путеводитель по Крыму. 1–6 издания. Одесса, 1871–1894.

С.Б. Адаксина, В.Л. Мыц (Санкт-Петербург)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА

Крым по многочисленности и разнообразию археологических памятников всех исторических эпох — от первоначального заселения Восточной Европы первобытным человеком до позднего средневековья — занимает одно из видных мест среди историко-культурных регионов Причерноморья и Средиземноморья.

Наличие на сравнительно небольшой территории Крымского полуострова шести ландшафтно-климатических зон создало условия для динамичного освоения ресурсов полуострова его населением на протяжении последних 150 тыс. лет. Значительный интерес представляет Южный берег Крыма в силу ярко выраженных особенностей его природной среды.

Южный берег Крыма (ЮБК) из-за разнообразия выявленных и сохранившихся на его территории памятников принято считать историко-археологическим заповедником. Он занимает узкую полосу побережья полуострова между Главной грядой и морем. Её ширина составляет от нескольких сот метров у мыса Сарыч до 12 км в Алуштинской долине (в среднем ширина 3 км). Площадь ЮБК не превышает 1% территории Крыма.

Изучение археологических памятников ЮБК начато в конце XVIII — первой трети XIX века представителями российской и европейской академической науки — П.С. Палласом (1794), Е.Е. Кёллером (1804, 1821), Кёппеном (1834), Дюбуа де Монпере (1833–1834) и др. За прошедшие 200 лет на ЮБК открыты и исследованы десятки археологических памятников, некоторые из них получили мировую известность.

Гора Аю-Даг. Западный склон со стороны Гурзуфа.
Фото: <http://profconsult.spb.ru/image/7828-12.html>

К числу самых ранних памятников не только ЮБК, но и всего полуострова относится местонахождение раннепалеолитической галечной индустрии, обнаруженное северо-восточнее Ялты близ горы Аю-Даг, между пионерлагерем «Артек» и поселком Краснокаменка (бывш. Кизил-Таш), на территории виноградника. Высота расположения памятника над уровнем моря — 120 м, площадь распространения подъёмного материала около 2 тыс. кв. м. В рельефе данного участка местности прослеживаются остатки древней морской террасы, которая предположительно может быть связана с чаудинской (гюнц-миндель?) трансгрессией Чёрного моря. Сырьём для изготовления орудий служила крупная морская галька. Собранные здесь орудия по своим технико-типологическим особенностям могут быть отнесены к позднему олдуваку (700—500 тыс. лет).

К мустьерской эпохе (от 100—80 до 38 тыс. лет) на Южном берегу принадлежат находки кремнёвых орудий на яйлах и в Алуштинской долине (у поселка Розовое). К востоку от Алушты обнаружены костные останки и бивень мамонта. Кроме того, в коллекции Ялтинского историко-литературного музея хранится чоппер, типологические характеристики которого соответствуют комплексам раннеашельского времени. Изделие происходит с известного неолитического-энеолитического местонахождения Балин-Кош, расположенного на северном склоне Ай-Петринской яйлы, изготовлено из морской гальки (роговик), происходящей с Южного берега Крыма.

В настоящее время здесь известно относительно небольшое количество финальнопалеолитических (мезолитических — 10–6 тыс. лет до н.э.) стоянок — Ласпи VII, Мыс Троицы I, II, Кореиз III, Артек. Особого внимания заслуживает стоянка охотников на благородного оленя — Кореиз III. Она расположена на южном макросклоне Ай-Петринской яйлы на высоте около 450 м над уровнем моря и удалена от него на 3 км. Кремнёвый комплекс данного местонахождения (датируется в пределах второй половины 7-го тысячелетия до н.э.) представляет собой относительно многочисленную и выразительную коллекцию — 736 орудий и их фрагментов.

Неолитические (около 5500–3200 лет до н.э.) памятники, тяготеющие к Южному берегу Крыма, расположены в основном на яйлах (Балин-Кош, Ат-Баш, Суат, Бештекне). Следует отметить временную стоянку Улу-Узень, расположенную в долине одноимённой реки к востоку от Алушты, поселение Ат-Баш (над Симеизом) и поселение близ Гурзуфа.

К эпохе энеолита (3 тыс. лет до н.э.) на Южном берегу Крыма относятся стоянки, получившие в 1920-х годах название «раковинные кучи». Они известны на большей части морского побережья Крыма — от Черноморского (на западе) до Судака (на востоке). Наибольшее их количество (12) выявлено в приморской долине Ласпи. К настоящему времени почти все прибрежные энеолитические стоянки уничтожены в ходе строительства.

Долина Ласпи. Мыс Сарыч.

Фото: <http://karta-krym.com/buhty-i-mysy-kryma/mys-sarych.html>

К числу редких и неизученных памятников энеолита и бронзы (3 – начало 1 тыс. до н.э.) ЮБК относятся курганы. До настоящего времени археологами исследован только один памятник к западу от Алушты. Другие объекты, выявленные на склоне Чатырдага и у села Виноградное, ещё ожидают своего изучения.

В период раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.) на Южном берегу обитали племена, которые древние греки называли таврами, т.е. обитателями гор (горцами). Это самое раннее население побережья, отмеченное в античных письменных источниках. Одним из первых обычаи и верования тавров описал в V веке до н.э. Геродот (484–425 годы до н.э.), а после него и другие античные авторы. Геродот говорит о таврах как пиратах, наводящих страх на эллинов.

Современные исследователи относят время формирования культуры тавров к рубежу бронзового и железного веков, а их обитание в горах Крыма прослеживают вплоть до II в. н.э. Тавры, длительное время заселявшие долины горного Крыма, не создали государства, для них была характерна родоплеменная система. Античные историки рассказывают о них как о племенах, ведущих независимое существование, что подтверждает рассказ об отказе тавров принять участие в войне скифов с персидским царём Дарием. Длительное и относительно мирное сосуществование с поздними (перешедшими к оседлости) скифами способствовало не только взаимопроникновению материальных и духовных элементов культур, но и к появлению единого этноса, называемого в письменных источниках позднеантичного времени тавро-скифами или скифо-таврами.

Как показали археологические исследования поселений, расположенных на северных склонах Крымских гор, тавры вели оседлый образ жизни, занимаясь сельским хозяйством с применением отгонного скотоводства. На южном берегу Крыма открыто несколько поселений. В 1950-е годы Тавро-Скифской экспедицией под руководством П.Н. Шульца на горе Кошка были выявлены следы стационарного таврского поселения. Вместе с тем, следует отметить, что фрагменты весьма специфической лепной таврской керамики обнаружены при раскопках на мысе св. Троицы, скале Панеа в Симеизе и в других местах Южного берега.

Отношения тавров с греческими колонистами, очевидно, не всегда были мирными. Между ними происходил обмен товарами в небольшом количестве, на что указывают редкие находки в поселениях горцев фрагментов эллинистических амфор. Почти все античные авторы, писавшие о таврах, рассказывают о том, что они занимались пиратством, нападая на шедшие вдоль побережья корабли эллинов. Попавших в плен греков они приносили в жертву своей богине Деве.

Например, Скимн Хиосский (185 год до н. э.) отмечал: «Тавры народ многочисленный и любят кочевую жизнь в горах; по своей жестокости они варвары и убийцы и умилоствуют своих богов нечестивыми деяниями».

Подобные взгляды на культуру горцев Тавриды породили мифологические сюжеты, нашедшие отражение в литературных произведениях античного мира. Ярким примером является трагедия Еврипида (480–406 годы до н.э.) «Ифигения в Тавриде» (414 год до н.э.), в которой попавшая к таврам Ифигения выступает жрицей и вынуждена приносить эллинов в жертву языческой богине Деве. Орест, брат Ифигении, со своим другом Пиладом должны по повелению Афины увезти из Тавриды упавшую туда с неба статую Артемиды. Пытавшихся похитить статую Артемиды Ореста и Пилада схватили тавры — их и должна была принести в жертву Артемиде Ифигения. Счастливый конец пьесы был угоден богам: его венчает появление Афины, которая просит «царя» тавров не преследовать беглецов.

Следует отметить, что в выявленных в горах античных святилищах до сих пор не обнаружены следы человеческих жертвоприношений. Как в пещерах, так и на открытых площадках горцы на протяжении столетий приносили в жертву животных, которых выпасали на яйлах. Ярким примером и наиболее известным памятником этого типа является открытое святилище на Гурзуфском седле (в 5 км к северо-западу от Гурзуфа). Топографическая примечательность данного места состоит в том, что это самый высокий перевал горного Крыма — 1348 м над уровнем моря. В 1980–1990-х годах святилище исследовали Н.Г. и В.И. Новиченковы. Место для жертвоприношений представляло собой открытую площадку в виде овала размером около 30 м. Здесь в специальных ямках захоранивали остатки жертвенных животных и сопровождавшие их предметы. Обрядовая форма указывает на то, что святилище было связано с культом плодородия в скотоводческой среде.

В ходе раскопок обнаружены сотни разновременных и разнохарактерных артефактов, свидетельствующих об использовании святилища с VII по I век до н. э. О том, что это место оставалось священным для местных жителей (охотников и пастухов) до XVIII века говорят находки средневекового и нового времени, в числе которых выдающиеся произведения искусства в виде 20 статуэток из бронзы и серебра, более 200 античных монет, изделия из стекла, вооружение, инструменты, кухонная утварь, украшения, набор медицинских инструментов римского времени. Наиболее выразительную часть коллекции представляют изображения коней, орла, змеи, пантеры, бронзовая фигура юноши, миниатюрные статуэтки Зевса, Посейдона,

Аполлона, Деметры, Артемиды, Исиды, Ареса, Гермеса. В святилище обнаружены редкие монеты: статер с изображением Александра Македонского, боспорской царицы Динамии, серебряные тетрадрахмы с изображением Митридата VI Евпатора, номиналы императоров Рима (от Августа до Трояна).

Иного типа святилище было открыто в 1905 году в лесу над Ауткой близ Ялты. Его исследовал и частично опубликовал А.Л. Бертье-Делагард. На этом памятнике найдены стилизованные лепные женские статуэтки и более 1000 античных монет (римские, боспорские, херсонесские и проч.) конца I века до н.э. — первой четверти IV века н. э. Фигурки женщин покрывают гематии, наброшенные на голову. Здесь же обнаружены женские украшения (браслеты, кольца, бусы), стеклянная посуда, бронзовая лошадь. Бертье-Делагард, ввиду того, что памятник находится недалеко от римского Харакса («семь-восемь вёрст»), полагал, что святилище принадлежало таврам, которые к этому времени находились под сильным влиянием римской культуры. Следует отметить, что современные исследователи позднеантичных памятников горного Крыма склоняются к версии не исключительно «автохтонной» («таврской») принадлежности местного населения той поры, а его связью с синкретичной культурой пришлого этноса, проникшего сюда с территории Боспора.

Широкую известность с XIX века получили некрополи тавров (Кошка, Гаспра, Тоха-Дахыр, Малаба, Таклук и др.) в виде массивных каменных ящиков (дольменов), использовавшихся для коллективных захоронений. Но если на Южнобережье известно 12 таврских могильников, то раскопками выявлено только два постоянных поселения — на горе Кошка в Симеизе и на мысе св. Троицы. Одним из первых на эту группу памятников обратил внимание путешествовавший по Южнобережью в 1830-х годах Ф. Дюбуа де Монпере, сравнивший их с дольменами Европы. Археологическое изучение могильников тавров на ЮБК было начато только в конце XIX века. В 1890 году на водоразделе выше горы Кошка Н.И. Лыжиным были начаты раскопки некрополя, состоявшего из «каменных ящиков». Всего исследователь вскрыл 20 погребальных сооружений, сложенных из массивных (толщиной до 0,45 м) каменных плит размером 1,75 × 1,25 м. Дольмены состояли из четырёх плит, поставленных вертикально, а сверху перекрывались горизонтально уложенной массивной плитой. Все погребения были ограблены ещё в древности: в них нашли фрагменты лепной посуды и череп. В 1904 году на могильнике провёл небольшие охранные раскопки А.Л. Бертье-Делагард, в 1907 исследования продолжил А.М. Васнецов. Находки были представлены бронзовыми украшениями (браслеты, кольца, восьмёркообразные бляш-

ки, спиралевидные пронизки, раковины каури). В 1950 году Тавро-Скифской экспедицией под руководством П.Н. Шульца был снят план этого таврского некрополя из 43 дольменов, располагавшихся тремя группами. Наибольшее число (58) погребальных сооружений выявлено на могильнике Эклизи-Бурун (у села Розовое в Алуштинской долине).

Особо яркой страницей в истории ЮБК стала позднеантичная эпоха, представленная несколькими десятками разнохарактерных памятников (крепостей, поселений, некрополей, святилищ). К этому времени (I—III века н. э.) относятся остатки римской крепости Харакс на мысе Ай-Тодор, крупнейший римский памятник на юге нашей страны. В переводе с греческого «Харакс» (*Χαραξ*) означает «обнесённое частоколом место, вал с частоколом, укреплённый лагерь». В «Естественной истории» Плиния Старшего (22/24—79 годы) приведено иное название этой крепости — Харакены (*Characeni*). В других известных источниках это название римского укрепления в Тавриде не встречается. Его важность для империи отмечена в «Географии»

«Каменные ящики» на горе Кошка.
Фото С.Б. Адаксиной.

Клавдия Птолемея (ок. 100 — ок. 170 годы), где указано местоположение Харакса.

Исследователи пришли к заключению, что Харакс построен римлянами при императоре Веспасиане (69–79 годы). Появление римских войск в Тавриде относится к 60-м годам н.э., когда Херсонес обратился к Риму за помощью в борьбе против «тавро-скифов». На полуостров были направлены воинские контингенты под командованием легата Нижней Мезии Плавтия Сильвана. После этого римляне устанавливают протекторат над Херсонесом, размещают на юго-западной части полуострова свои войска, возводят стационарные опорные пункты. По-видимому, одной из таких крепостей стал Харакс на мысе Ай-Тодор.

Строительство укреплений Харакса осуществлялось силами Равенской эскадры Мезийского флота и служащими векселяции XI Клавдиева легиона. В правление императора Доминициана (81–96 годы) римские войска были эвакуированы из Харакса, а крепость частично разобрана. Только примерно в 120 году на территории Ай-Тодора фиксируется пребывание векселяции I Италийского легиона. В конце II века в Хараксе несут службу солдаты XI Клавдиева легиона. Окончательно крепость на мысе Ай-Тодор была покинута римскими войсками в середине III века (вероятно, в 244 году). После ухода римлян крепость заняли готы, часть которых являлась союзниками империи. Это продлило жизнь на территории Харакса до середины V века.

Укрепление Харакс занимало площадь в 4,5 га. Его фортификационная система отличается от классической схемы укреплённого римского лагеря отсутствием традиционных прямолинейных форм. Крепость состояла из двух дугообразных линий каменных крепостных стен, защищавших территорию скального мыса с напольной стороны и опирающихся концами в скальные обрывы. Кладка оборонительных стен выполнена из разномерного бутового камня с применением связующего известкового раствора, перемешанного с морской галькой. Использование в кладке крупных скальных глыб породило в историографии легенду о возведении первоначальной крепости на мысе Ай-Тодор таврами.

В 1960-х годах первая линия обороны Харакса была полностью разобрана, и территория памятника сократилась на 2 га. Частично сохранившаяся вторая (внутренняя) линия обороны с единственными воротами видна на территории современного парка.

Первым обследование древних руин на мысе Ай-Тодор предпринял в 1833–1834 годах П.И. Кеппен. В 1839 он провёл (при финансовой поддержке графа Шувалова) на памятнике небольшие раскопки,

однако материалы данных исследований не нашли должного отражения в печати. В 1865 году на высшей точке мыса Ай-Тодор был возведён маяк, действующий до сих пор. При его строительстве были открыты основания стен квадратного здания с колоннами, здесь же обнаружили алтарь, посвящённый Юпитеру. Этот комплекс исследователи стали именовать «преторием».

К регулярным раскопкам в Хараксе приступили в 1896 году. Инициатором работ выступил вел. кн. Александр Михайлович (владелец имения Харакс и большей части мыса Ай-Тодор). С 1901 в исследованиях стал принимать активное участие профессор Санкт-Петербургского университета Михаил Иванович Ростовцев, которому удалось убедительно отождествить руины древней крепости на мысе Ай-Тодор с римской крепостью Харакс. Раскопки на памятнике продолжались до 1911 года, полученные материалы позволили в 1907 году открыть в Хараксе музей, в котором посетителям демонстрировались разнообразные археологические находки. К моменту прекращения работ на территории крепости были открыты две линии оборонительных стен с воротами и фланкирующими их башнями, пост бенефициариев (дорожной полиции) и святилище при нём, нимфей, жилые дома. Раскопки позволили получить значительную коллекцию римских артефактов в виде монет, фибул, гемм, керамических изделий, фрагментов мраморных скульптур.

Исследования на территории Харакса удалось продолжить в 1931, 1932, 1935 годах, работами руководил Владимир Дмитриевич Блаватский. Были открыты термы с палестрой, акведук и готский некрополь с кремациями и ингумациями. Все работы, выполненные на памятнике, нашли своё отражение в сводной публикации В.Д. Блаватского «Харакс» (1951). Исследования проводились в Хараксе и в 1980–2000-х годах, но не нашли ещё полного отражения в научных изданиях.

Самыми загадочными памятниками этого времени остаются пещерные некрополи, оставленные в горной части полуострова во II–III веках н. э. Один из них находится на горе Ай-Никола в Ореанде. В ходе исследований здесь были открыты захоронения молодых женщин, сопровождавшихся жертвоприношениями в виде целых тушек зайцев. В отдельном зале пещеры происходили возлияния, после которых остались в обломках и целые кувшины и амфоры II–III веков.

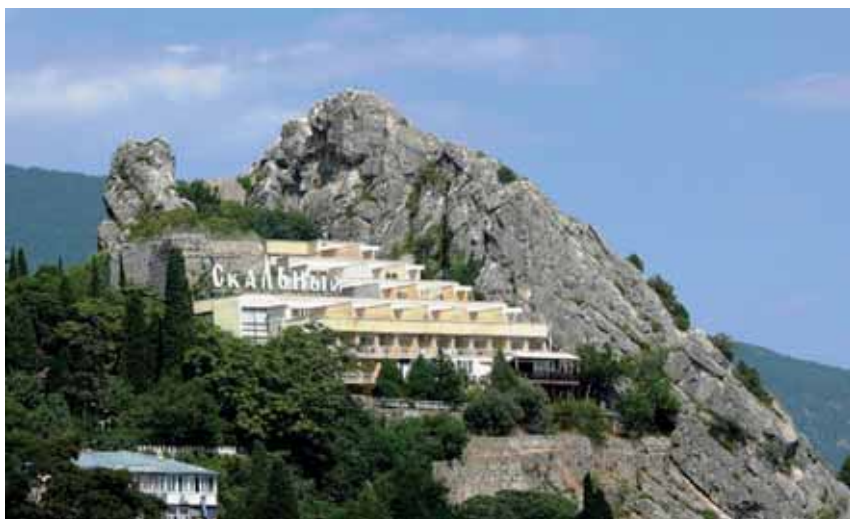
Проникшие на территорию Крыма во второй половине III века германские племена, возглавляемые готами, оставили на побережье два необычайно интересных памятника — некрополи с кремациями на южном склоне горы Чатырдаг и у крепости Харакс. При исследовании захоронений обнаружены не только предметы быта и украше-

Крепость Алустон (современная Алушта).
Нижняя башня. Фото С.Б. Адаксиной.

ний народов Северо-Западной Европы и Южной Скандинавии (кольца, браслеты, гривны, бусы, фибулы), орудия труда (серпы), но и вооружения (мечи, наконечники копий, кинжалы, умбоны от щитов). Кроме того, готы оставили свой след в топонимике региона: название юго-западного Крыма и Южного побережья — «Готия», а также Алустон («Ольховая») и Фуна («Огонь»). Эти названия фигурируют в письменных источниках до конца XVIII века, а Алушта используется до настоящего времени.

Проникшие вместе с готами на Южное побережье аланы создали здесь в V–VII веках синкретичную по своему характеру культуру. К этому времени германцы перестают сжигать умерших и начинают хоронить их в грунтовых склепах-катакомбах, сопровождая захоронения богатым инвентарём (пряжками, браслетами, кольцами, ножами, бусами и проч.) и сосудами с заупокойной пищей. Наличие многочисленных предметов (в том числе изготовленных из благородных металлов) в погребениях указывает на слабое влияние христианства в среде местного населения. Богатые могильники готов и алан V–VII веков открыты и частично исследованы археологами в районе Алушты (Лучистое, Семидворье), Артека, Ялты (Алония), Симеиза.

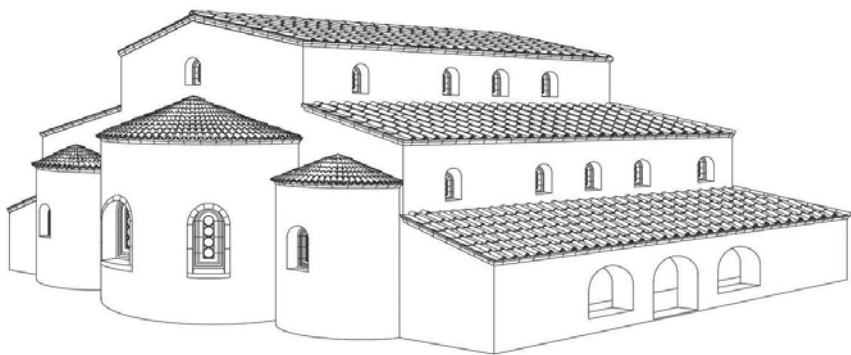
Скала, на которой под современными строениями находятся остатки византийской крепости Горзувиты (современный Гурзуф).

Фото: <http://krimea.ru/architecture/krepost-gorzuviti.html>

При императоре Юстиниане I (527–565) Южнобережье попадает в русло внешнеполитических интересов Византии. Для осуществления действенного контроля за берегами Таврики возводятся два сторожевых укрепления (фруриона) — Алустон и «в Горзубитах». Несмотря на свои небольшие размеры в 1 акр (0,25 га), обе крепости были хорошо укреплены. Например, стена Алустана с напольной стороны достигала толщины 2,8 м, что соответствует 6 «локтям», принятым в византийской метрологии, а высота стены — 22 «локтя», около 10,5 м.

Об этих мероприятиях Юстиниана сообщает историограф Прокопий Кесарийский (490/507–565) в трактате «О постройках» (около 554 года). Живущих на полуострове готов Прокопий называет союзниками (федератами) империи и указывает их место проживания — «страна Дори». Несмотря на длительные споры, в историографии укрепилось мнение, что Южный берег Крыма также входил в страну готов — Дори.

Население ЮБК на протяжении VI–XIII веков (до катастрофы 1204 года, когда Константинополь был захвачен крестоносцами) находилось в сфере экономических, культурных, идеологических и политических интересов Византийской империи. В ходе археологических исследований побережья выявлены руины средневековых поселений и производственных комплексов, в которых изготавливалась строительная, хозяйственная и бытовая керамика.

Реконструкция базилики Апостолов Петра и Павла в Партените,
на северо-восточном склоне горы Аю-Даг. Арх. А.В. Мыц.

Особое внимание уделялось обращению местного языческого населения в христианство. Этот процесс протекал очень медленно, сохраняя многочисленные рудименты языческой обрядности в культуре жителей приморских и горных селений. Несмотря на то, что первые признаки обращения в христианство (предметы с христианской символикой) встречаются в захоронениях V–VII веков, храмы на Южном берегу появляются относительно поздно — не ранее рубежа IX–X веков. Христианские храмы — самая многочисленная группа археологических памятников Южного берега Крыма. Достаточно сказать, что сейчас их известно более 140. В основном это небольшие строения с прямоугольным нефом и полукруглой апсидой, обращённой на восток или северо-восток. В одном поселении могло находиться от одного до восьми (например, средневековая Фуна в Алуштинской долине) церквей. В некоторых случаях местная топонимика (названия скал, родников, урочищ) сохранила имена святых, которым были посвящены церкви. На местном наречии эти топонимы выглядели как Ай-Тодор (св. Фёдор), Ай-Петри, Ай-Андрий, Ай-Констант, Ай-Прокл, Ай-Никола, Ай-Йори и т.д. Особенно популярными у грекоязычного средневекового населения Южного берега являлись святые Фёдор, Андрей, Илья, Павел, Пётр, Георгий, Константин и Елена.

Помимо малых церковных строений, принадлежавших православным общинам сельских поселений, согласно агиографическим источникам, с VIII века (?) начинают появляться монастыри, среди которых особое место занимает монастырь св. Апостолов Петра и Павла в Партените. Располагаясь на северо-восточном склоне горы

Храм на восточном склоне горы Аю-Даг.

Фото: http://журналкрым.рф/bolshaya_alushta/relef_bolshoj_alushty/gora_ayudag/print:page,1

Аюдаг (Святая Гора), этот монастырь к X веку превратился в своеобразный Крымский Афон, в состав которого входило примерно 12 монастырских комплексов с церквями и подворьями.

До настоящего времени ранний храм монастыря св. Апостолов VIII – первой половины X века не найден. В 1869 году на северо-восточном склоне Аю-Дага (в имени Раевских) были случайно открыты руины базилики. Раскопки храма в 1871 году проводили алуштинский священник о. Николай (Клопотович) и московский художник Д.М. Струков. На всей площади церкви в 1907 году осуществлял работы Н.И. Репников. В 1998–2001 годах памятник доисследовался С.Б. Адаксиной. Как показали последние раскопки, храм возведён не ранее последней трети X века и первоначально представлял собой прямоугольную в плане трёхнефную базилику с тремя полукруглыми апсидами, трёхчастным нартексом и окружавшей здание с трёх сторон галерей. Общие размеры храма 12 × 17 м. Внутри церковь имела два замкнутых объёма пастофориев, из которых входы вели в глубокую виму, укороченный наос, разделённый на пролёты аркадами с двумя промежуточными опорами в виде четырёх квадратных столпов.

Храм ориентирован на северо-восток. Из галереи в притвор вело два входа: главный — посредине и ещё один с северной стороны. Притвор сообщался с наосом посредством трёх отдельных входов. Строе-ние возведено в основном из местного камня извержённых пород. В кладке углов, откосов и столпов использовался привозной кап-сельский ракушечник и нуммулитовый известняк. Внутренняя обли-цовка стен и резной декор карнизов, предалтарной преграды и пре-стола выполнялся из мергеля. Мозаичный пол боковых нефов пасто-фориев, притвора и галереи имел геометрический рисунок, выпол-ненный в технике *opus sectile*: набран из околотого полевого шпата, керамических и каменных прямоугольных и квадратных плиток. Вы-мостка центрального нефа состояла из прямоугольных плит нумму-литового известняка. В ходе исследований установлено, что первоначальная церковь пострадала во второй половине XI века от землетря-сения, когда произошло обрушение галереи и примыкавших с севера монастырских строений. Отремонтированный храм продолжал суще-ствовать до второй половины XIII века, когда, по-видимому, вновь подвергся разрушению. Освящение восстановленной базилики было проведено 10 сентября 1427 года митрополитом Готии и города Тео-доро Дамианом. Тогда же в южном пастофории соорудили отделан-ный белым мрамором кенотаф, вероятно, посвящённый основателю монастыря Иоанну Готскому.

Большинство церквей Южнобережья имели довольно скромное внутреннее убранство — в ходе раскопок не всегда удаётся обнару-жить наличие в них стенной фресковой росписи. На этом фоне выделяется храм, открытый на скале Панае (Панагия) в 1966 году О.И. Домбровским, где в ходе исследований были выявлены руины трёх сменивших друг друга строений IX—XIII веков. Самая ранняя церковь IX—X веков имела мозаичный пол, найден её фрагмент размером 3 × 1,5 м. На нём представлено изображение двух павлинов, расположенных по сторонам канфара, украшенное фигурами других птиц, стилизованными цветами и гроздьями винограда. После пожара храма с мозаичным полом его перекрыло строение, пол которого покрыли плитами белого мрамора.

Жизнь средневекового населения ЮБК далеко не всегда была мирной, о чём свидетельствуют сохранившиеся здесь руины более двух десятков крепостей. Эти крепости возникли в разное время и служили защитой от нападения через горные перевалы кочевников (печенегов и половцев), а со стороны моря — от викингов и русов (в X—XI веках) до синопских пиратов, совершавших нападения на Хер-сонес и побережье Готии в начале XIII века. Некоторые укрепления постепенно превращались в небольшие приморские города. Так, араб-

ский географ и путешественник XII века Абу Абдаллах Мухаммед ал-Идриси (ок. 1100–1165) пишет об Алуште, Партените, Ялите как о красивых городах, расположенных у моря. Через эти малые городские центры вёлся активный обмен товарами, доставлявшимися морем на рынки Херсонеса и Сугдеи.

Появление монголов в Северном Причерноморье в первой трети XIII века принципиально изменило политическую карту региона. В 1249 году на территориях, ранее принадлежавших Византии, производится перепись податного населения. С этого момента главы сельских общин (протосы) и городов (архонты) собирают и выплачивают дань монголам. Этот зыбкий миропорядок был нарушен в 1278 году, когда все бывшие владения Византии, в том числе прибрежная Готия, подверглись тотальному разгрому монголами. Ни до, ни после Таврика не испытывала таких катастроф. Археологическими раскопками выявлены повсеместные пожары того времени в Алустане и Партените. Первая вспышка гражданской войны в Золотой Орде 1298–1299 годов, когда идёт борьба за власть между ханом Токтой и беклярибеком Ногаем, по-видимому, коснулась и южнобережной территории.

Ослабление монгольского государства (Улуса Джучи) в ходе гражданской войны 1360–1380-х годов привело к тому, что в борьбу за побережье между Каффой и Чембало активно включаются генуэзцы. К 1380 году им удаётся заключить договоры, по которым все селения «приморской Готии» переходят под управление коммуны Генуи. Потеря татарской элитой прибыльных территорий приводит в 1385–1386 годах к конфликту между Солхатом и Каффой, который получил в лигурийских документах название «Солхатской войны». Интересно, что на стороне Крымского улуса выступило население прибрежной Готии, для умирения которого генуэзцам пришлось направить специально снаряжённый корабль. «Вечный мир» между новыми (генуэзцы) и бывшими (татары) хозяевами побережья был заключён 12 августа 1387 года. Генуэзцы, стремясь закрепить своё господство в прибрежных пунктах (Алуште, Партените, Гурзуфе, Ялите, Симеизе), возводят укрепления. Исследования генуэзской Лусты (Алушты) показали, что лигурийцы до 1460-х годов занимались усилением оборонительных сооружений принадлежавших им замков. В 1429 ими было создано новое военно-административное управление прибрежными территориями в виде «Капитанства Готии». Согласно «Уставу Каффы 1449 года» в четыре населённых пункта (Луста, Партенит, Гурзуф и Ялита) назначались консулы.

В 1420-х годах в борьбу с генуэзцами за обладание землями приморской Готии (Южнобережья) включается стремительно

крепнувшее православное греческое государство — Феодоро, возникшее в 60-х годах XIV века на части византийских земель Юго-Западного Крыма. На побережье возводятся четыре укрепления (Фуна, Дегерменкой, Гелин-Кая и Учансу-Исар), которые были призваны препятствовать расширению генуэзских владений, а при необходимости служить плацдармами для захвата лигурийских укреплений. Летом 1434 года все замки феодоритов, находящиеся в приморской Готии, были разрушены карательными войсками Карло Ломеллини, однако борьба с переменным успехом продолжалась до 1441 года, когда между враждующими сторонами был заключён мир.

Спор между генуэзцами и феодоритами за обладание приморскими территориями Крыма был решён в свою пользу турками-османами, когда 30 мая 1475 года к Каффе прибыла турецкая армада во главе с великим визирем Гедык-Ахмед пашой. Следы тотальных пожаров и разрушений, вызванных османскими погромами 1475 года, выявлены как на территории феодоритских (Фуна), так и генуэзских (Луста) крепостей. С этого момента завоёванные турками территории с проживавшим на них населением, прежде принадлежавшие генуэзцам и феодоритам, переходят до 1770-х годов в домен султанов.

Выводы

Историко-культурной особенностью Южного берега Крыма является то, что на протяжении двух тысячелетий этой территорией стремились овладеть самые сильные государства, имевшие выход к Чёрному морю: Римская империя (I—III века), Византийская империя (IV—XIII века), Золотая Орда (XIII—XIV века), Османская империя (XV—XVIII века), Российская империя (с конца XVIII века). Стоило только ослабнуть имперскому правлению, как на этой территории появлялись управленческие структуры иных государств. Так, ослабление Византии позволило контролировать в VIII—IX веках часть побережья Крыма Хазарскому каганату. Золотая Орда после династического кризиса XIV века была вынуждена уступить побережье от Балаклавы (Чембало) до Судака Генуе.

Необычайная пестрота государственных и политических структур, владевших ЮБК на протяжении позднеантичного и средневекового времени, отразилась на разнообразии археологических памятников, оставив яркие следы как в архитектуре, так и коллекциях бытовых предметов. На это указывают и многочисленные кладовые комплексы, обнаруженные здесь за последнее столетие.

Не менее интересны для изучения (и требуют специальной охраны) памятники шельфовой зоны, где открыты скопления раз-

новременных артефактов на местах кораблекрушений и стоянок кораблей.

Бурное, чаще всего стихийное хозяйственное освоение ЮБК привело за последние 100 лет к полному или частичному исчезновению десятков археологических памятников: некрополей, церквей, святых мест (Селим-Бек в Ялте), поселений, производственных комплексов и крепостей (Гаспра-Исар), учёт которых никем и никогда не осуществлялся.

В настоящее время на ЮБК на государственном учёте состоит 84 археологических памятника (58 на территории Большой Ялты, 26 в Алуштинском регионе), хотя их известно более 250. Только четыре объекта (крепости Алустон, Фуна, Гурзуф и Харакс) поставлены на учёт как памятники федерального значения. Некоторые из них, благодаря стараниям исследователей, получили мировую известность, но находятся в жалком состоянии (Алустон, Партенитская базилика, Гурзуфская крепость, Харакс). Грунтовые некрополи гото-алан VI–VII веков (Лучистое, Алония, Симеиз), святилища (на Чатырдаге, Пахкал-Кая, Алигорах) на протяжении последних двух десятилетий подвергались систематическому разграблению.

Поэтому в настоящее время наиболее актуальным является не только постановка органами охраны памятников на государственный учёт всех выявленных археологических памятников с определением границ охраняемых территорий (в том числе и в зоне шельфа), но и эффективная их охрана.

Список литературы

1. Адаксина С.Б., Мыц В.Л. Партенитская базилика в X–XI вв. (первый этап существования памятника) // Христианский Восток. Т. 6 (XII), СПб., 2013. С. 401–503.
2. Айбабин А.И., Хайреддинова Э.А. Крымские готы страны Дори (середина III–VII вв.), Симферополь, 2017.
3. Бертъе-Делагард А.Л. Исследование некоторых недоумённых вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. Вып. 57. Симферополь, 1920. С. 35–66.
4. Блаватский В.Д. Харакс // Материалы и исследования по археологии СССР. № 19. М.; Л., 1951.
5. Бочаров С.Г., Кирилло В.П. Средневековые церкви Южного берега Крыма (материалы к археологической карте) // Добруджа. Вып. 32. 2017. С. 279–304.
6. Домбровский О.И. Средневековые поселения и «исары» Крымского Южно-бережья // Феодалная Таврика. Киев, 1974. С. 5–54.

7. Дьяков В.Н. Древности Ай-Тодора // Сборник научных трудов Алушкинского музея. Ялта, 1930. С. 21–27.
8. Дюбуа де Монпере Ф. Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым. В 6 томах. Париж, 1863. Т. 5, 6 / Перевод Т.М. Фадеевой. Симферополь, 2009.
9. Жук С.М. Археологические разведки и охранные раскопки в окрестностях Ялты // Археологические исследования в Крыму в 1993 году. Симферополь, 1994. С. 102–103.
10. Кеппен П.И. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. Крымский сборник. СПб., 1837.
11. Колотухин В.А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы — начале железного века. Киев, 1996.
12. Кондораки В.Х. Подробное описание Южного берега Крыма. Николаев, 1867.
13. Крис Х.И. Кизил-Кобинская культура и тавры. М., 1981.
14. Мыц В.Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. Симферополь, 2009.
15. Мыц В.Л. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991.
16. Новиченкова Н. Горный Крым: II в. до н.э. — II н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское седло. Симферополь, 2015.
17. Паллас П.С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах // Научное наследство. Вып. 27. М., 1999.
18. Репников Н.И. Некоторые могильники области крымских готов // Известия Археологической Комиссии. Вып. 19. 1906. С. 1–80.
19. Ростовцев М.И. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре // Известия Археологической Комиссии. Вып. 40. 1911. С. 1–42.
20. Струков Д. Древние памятники христианства в Тавриде. М., 1876.
21. Толстой И., Кондаков Н. Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева // Русские древности в памятниках искусства. СПб., 1891.
22. Турова Н.П. Пещерный христианский комплекс Иограф на юге Крыма // Stratum plus, 6. 2013. С. 79–105.
23. Фирсов Л.В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990.
24. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Вып. IV. Симферополь; Керчь, 2004. С. 45–66.
25. Эрнст Н.Л. Историко-археологические памятники Южного берега Крыма // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма. Симферополь, 1935. С. 425–443.

И.В. Манцыгина (Ялта)

ЦАРСКИЙ БЕРЕГ В КРЫМУ

Общая характеристика

Южный берег Крыма, или Таврида, — это побережье от мыса Айя до селения Малый Маяк, он же — Кучук-Ламбат или древний греческий Ламбадие. Последующие за ним Биюк-Ламбат и Алушта считались расположенными уже на восточном побережье. Такая градация принята была в дореволюционных научных географических источниках. Южный берег Крыма как уникальный объект природного и культурного достояния заслуживает самого пристального внимания с точки зрения охраны, реставрации и воссоздания отдельных ценностных фрагментов природной и рукотворной среды.

130-летняя царская эпоха — яркая страница в истории Южного берега. Своеобразие её становится особенно очевидным в контрасте как с предыдущим периодом (колониальной зависимости Тавриды от Турции), так и с последующим периодом советской власти. Каждая эпоха оставила свой отпечаток в истории и архитектуре. К началу переселения русских помещиков в Тавриду она представляла собой дикий, скалистый берег, покрытый аборигенной растительностью, прорезанный глубокими оврагами горных рек. В ранних рисунках, гравюрах, заметках путешественников отображены панорамы первозданной природы. В первое тридцатилетие было проведено всестороннее обследование местности, в последующее столетие шёл постепенный рост строительства, все время набравший ускорение.

В ретроспективном обзоре двух с половиной тысячелетнего развития строительных культур на Крымском побережье русское усадебное зодчество предстаёт одной из несомненных вершин. Оно явилось вполне адекватным отображением главной идеи своей эпохи, её социально-

экономического и культурного уровня. Это был неуклонный преобразовательский процесс в русле общеевропейской традиции.

С 1820-х—1830-х годов, в связи деятельностью генерал-губернатора М.С. Воронцова, с проведением шоссейных дорог Симферополь—Алушта—Ялта—Симеиз—Севастополь (1833—1848), с прибытием архитекторов и «учёных садовников» из Санкт-Петербурга и стран Европы, произошёл резкий поворот в экономических возможностях и эстетическом сознании общества. Главенствующие позиции занял романтизм с его культом готики и восточных мотивов. Строительство и благоустройство усадеб было обусловлено индивидуальным заказом, ориентированным на создание романтических, идеализированных пространств. Усадебное зодчество приобрело известную целостность, и идеи романтизма не исчезали на протяжении всей царской эпохи вплоть до 1920 года, выезда князей Романовых и Белой гвардии от Мисхорской пристани и Ялтинского мола.

Район Ливадия—Мисхор это береговая полоса, протяжённостью примерно 10 км, расположенная к востоку и западу от мыса Ай-Тодор, венчаемого замком Генералиф, более известным как Ласточкино гнездо. К началу XX века здесь сформировался ареал царских, великокняжеских, дворянских и купеческих поместий, включающий десять наиболее значимых дворцово-парковых комплексов. Район подучил неофициальное название «Царский берег».

Уникальность объекта

Район Ливадия—Мисхор находится в центре Южного берега Крыма. В его качественной характеристике главенствующая роль принадлежит ландшафту с его безусловной доминантой — горой Ай-Петри, тогда как рукотворные объекты архитектуры играют дополнительную роль. Обширная территория Царского берега представляет собой в плане широкий развёрнутый треугольник, выступающий тупым углом в море. В точке излома, на мысе Ай-Тодор, береговая линия меняет своё направление с южного в Мисхоре на юго-восточное в Орианде и Ливадии.

Топографическая структура района неоднородна. Две долины — Мисхорская и Ориандская — разделены высоким протяжённым массивом горы Магоби, завершающимся в море мысом Ай-Тодор. Оба субрайона доступны круговому обзору и предстают в виде панорам и силуэтов последовательно удаляющихся гор. Выразительность природы чрезвычайно высока, именно поэтому пейзаж требует архитектуру высокого качества. Здесь легко «приемлемую архитектуру» от «инойродной», художественную от антихудожественной.

Мисхор (лежащий к западу от Ай-Тодора) протяжённостью в 5 км насыщен многочисленными усадьбами — великокняжескими, дворянскими, купеческими, его можно квалифицировать как единый дворцово-парковый комплекс. Юго-восточное побережье, также протяжённостью в 5 км, это культивированный лесопарк, включающий природные леса и обширные Ориандские и Ливадийские сады и виноградники. На этом пространстве находились всего два дворца: от Ласточкина гнезда до дворца Кичкенэ — 1 км, от Кичкенэ до комплекса Ливадии — 4 км. Расстояния между дворцами слишком велики, чтобы считать эту территорию единым архитектурно-парковым комплексом. К сожалению, в настоящее время на ней построены многочисленные современные корпуса, хотя берег и не утратил своего значения как культивированного лесопаркового ландшафта.

Именно здесь, в центре Южного берега, были размещены царские и великокняжеские дворцы и парки, что и составляет главную уникальность района, его историческую и эстетическую ценность. Своеобразие природно-географической среды Южного берега сыграло основополагающую роль в выработке региональной специфики усадебной архитектуры XIX — начала XX века. Пейзаж, обладающий повышенной экспрессией пространственных видов, представлял собою для выросшего в иных условиях русского дворянина необычную экзотическую картину. В представлении русского дворянства Таврида ассоциировалась с Элладой, Италией, Востоком. На восприятие романтического ландшафта накладывались многослойные культурно-исторические реминисценции. Сумма этих факторов во многом определила стилистические особенности южнобережной усадебной архитектуры Царского берега. Прочтение природы сквозь призму истории предопределило специфическую самобытность, нетрадиционные для средней России принципы организации усадебного пространства, иное понимание архитектурного облика дворца и особняка в обрамлении роскошного парка.

На крутом, скалистом склоне дворцовые сооружения были «врезаны в рельеф», поэтому почти любой дворец или особняк имеет с юга на один этаж больше, чем с севера. При этом южный фасад всегда открыт — галереями, балконами и террасами — к акватории моря, а северный фасад — сурово замкнут. Множественность исторических стилей, применённых в архитектуре дворцов, способствовала выражению индивидуальности построек, но структурный метод един.

Этапы формирования Царского берега

Всю 130-летнюю имперскую эпоху в Тавриде можно рассматривать как единый преобразовательский процесс, условно разделённый серединой XIX века на два крупных периода — ранний и поздний, каждый из которых делится на два неравнозначных этапа, начало и завершение каждого из них соотносятся с конкретными историческими событиями. Этапы различаются по хронологии, по принадлежности усадеб различным поколениям Дома Романовых, по целям строительства усадеб, по стилистической направленности, по степени освоённости территории.

Ранний период начался с научно-изыскательского этапа (конец XVIII — первая четверть XIX века), почти нулевого по итогам строительства. В 1792 году Турция ратифицировала договор о присоединении Крыма к России. В 1793 состоялась первая научная экспедиция по изучению Крыма под руководством П.С. Палласа. Благодаря усилиям князя Г.А. Потёмкина, вывезшего из Средиземноморья первые саженцы кедров, кипарисов и других экзотов, была заложена основа усадебного паркостроения. Происходил раздел земель между представителями русской аристократии. В 1823 генерал-губернатором края назначен граф М.С. Воронцов.

Ранний строительный этап (1824—1853) — начало строительства первых дорог и первых особняков. 1853 год — окончание строительства царского дворца в Ореанде и начало русско-турецкой войны 1853—1855 годов.

Главные заказчики этого этапа — Александр I, Николай I, М.С. Воронцов. В архитектуре это имитация элементов тюрко-татарской народной архитектуры, так называемого «стиля тюрк» или «стиля азиатик». С 1830-х годов — возрастающее влияние идей романтизма в мировоззрении, паркостроении, архитектуре. Разбивка пейзажных парков с минимальным введением искусственных элементов, имитирующих натуральные; акцентирование отдельных объектов природы — скал, ручьёв, водопадов и пр. Культ готики в архитектуре особняков. Своеобразным эталоном романтической усадьбы служил грандиозный дворцово-парковый комплекс графа Воронцова в Алушке, создававшийся в 1830—1848 годах. Исполнителями была группа архитекторов и мастеров садово-паркового искусства из стран Западной Европы.

Переходный строительный этап — 1860—1880-е годы. Приобретение Александром II имения Ливадия, позже — соседних поместий его братьями и приближёнными. 1877—1878 годы — Русско-турецкая война. Завершение перестроек в Ливадии, строительство первых дворцов в имении Ай-Тодор. Главные заказчики: Александр II и высшие са-

новники. Этот переходный этап не дал больших результатов в усадебном зодчестве. Самый значительный его итог — строительство в Ливадии по проекту архитектора И.А. Монигетти комплекса стилистически и функционально связанных сооружений — дворцов и сопутствующих зданий, имитирующих тюркотатарский стиль, прототипом которого служил ханский Бахчисарайский дворец.

Заключительный этап (1895–1920)

Это расцвет усадебного зодчества на Царском берегу. Строительство велось до 1915 года, но в связи с Первой мировой войной и революцией во многом не было завершено. В течение двадцати лет были заново построены либо реконструированы и перестроены десять дворцово-парковых комплексов Дома Романовых и приближённых к престолу лиц. В результате масштабных преобразований прибрежная полоса и приобрела название «Царский берег». Тогда же появилось название «Царская тропа», соединяющая имения Ливадию и Ай-Тодор.

Широкомасштабность преобразований позднего этапа была предопределена всем ходом социально-экономического развития. К этому времени на побережье сложилась развитая сеть дорог, были построены молы, тоннели, мосты, проведён превосходно устроенный водопровод, что дало возможность обустройства экзотических парков. Был возобновлён Гаспринский карьер по добыче натурального камня-известняка.

Важно отметить, что многочисленные проекты дворцов и особняков, выполненные в архитектурной группе Н.П. Краснова, могли быть реализованы только силами высококвалифицированных строительных артелей. В среде заказчиков происходило негласное соревнование в эксклюзивности и своеобразия своего дворца, каждый хотел наделить своё имение индивидуальными, неповторимыми чертами, вкладывая в преобразования дворцово-паркового пространства не только личные капиталы, но и своё представление о прекрасном. Все эти факторы и способствовали невиданному расцвету на Царском берегу строительства и паркостроения.

На Царском берегу не было своего периода упадка, поскольку революция грянула на пике его развития. Период упадка и запустения произошёл в послереволюционное время, в иной политико-экономической формации. В настоящее время происходит частичное возобновление былых методов в благоустройстве дворцов и парков бывших великокняжеских поместий, намечается повышение интереса общества к собственной истории. Если эта тенденция сохранится и

станет направляющей в сохранении национальных памятников архитектуры, то последующий этап можно будет назвать возрождением утраченных традиций культуры. На современном этапе массовой типовой застройки района Ливадия-Мисхор Царский берег присутствует как реликт канувшей в историю эпохи.

Система зонирования

В течение XIX столетия полудикая местность, включавшая пять древних селений, превратилась в многообразную антропогенную среду. Каждому временному этапу соответствует определённая зона территориальной освоенности, однако на всех этапах доминирующая роль принадлежит природному ландшафту.

В конце XVIII – первой четверти XIX века, до начала активного усадебного строительства, существовала всего одна зона поселений — в верховьях холмов. Бывшие греческие селения были соединены конным трактом в направлении Ялта–Симеиз, по которому в 1833–1836 годах было проложено Симеизское шоссе, разделившее верхнюю и среднюю зоны.

Во второй четверти XIX века в средней зоне возникли пять первых русских дворянских поместий, расположенных вблизи древних населённых пунктов и заимствовавших их названия: «Мисхор», «Кореиз», «Гаспра», «Ореанда» и «Ливадия». Таким образом пунктирно обозначился ареал размещения дворянских усадеб к югу от Симеизского шоссе. После окончания дорожного строительства в 1848 году это шоссе стало называться Севастопольским.

Первоначально усадьбы, включавшие пейзажные парки и сельскохозяйственные угодья, занимали весьма незначительное место в пространстве природного ландшафта. В путевых заметках того времени отмечаются следы былой культуры земледелия: запущенные сады и виноградники, деревья орехов, шелковицы, инжира, лавровые, оливковые и миндальные рощи. Некоторые из деревьев сохранились до настоящего времени и могут быть включены в список памятников природы.

Во второй половине XIX века, в переходный период (1860–1880-е), произошло объединение участков в огромные территории частных владений, содержащих зоны разного функционального назначения.

На заключительном этапе в конце XIX – начале XX века, с постройкой десяти дворцово-парковых комплексов и многих дач дворянства и купечества, произошло видоизменение самого ландшафта местности. В это время было проведено нижнее Алушкинское шоссе и

образовалась третья, нижняя зона, непосредственно у прибрежной кромки моря, занятая исключительно частными владениями.

Таким образом выявляется перемещение зон освоённости от верховья предгорий к берегу моря. К 1920 году территория Царского берега была разделена двумя транзитными дорогами — верхним и нижним шоссе — на три дугообразные зоны, проходящие на разных уровнях вдоль берега моря. Сформировалась верхняя, селитебная зона, значительно модернизированная; средняя — многофункциональная зона, включающая усадьбы и сельскохозяйственные плантации; нижняя, репрезентативная зона, занятая усадьбами высшего сословия. В последнюю входили дворцово-парковые комплексы, с их экзотическими парками, реликтовые сосновые, можжевельниковые и дубовые рощи на высоких скалистых берегах, в Орианде и Ливадии ещё и царские сады и виноградники. Наметившийся процесс создания единого ансамбля дворцово-парковых комплексов не был в связи с революцией завершён.

Усадьбы Царского берега

В течение одного столетия район Ливадия-Мисхор прошёл весьма неравномерный путь эволюции. В первый период были построены пять ранних имений, во второй период были построены пять поздних имений и значительно модернизированы предыдущие. Кроме того, в систему дореволюционного Царского берега входило множество дач дворянства и купечества, в сущности 2-х, 3-х-этажные дворцы в окружении парков, которые создавали прекрасный контекст, выдержанный в общем стиле исторического ретроспективизма. Рассмотрим главные объекты в хронологическом порядке.

Усадьбы раннего периода

1. Имение Софиевка-Мисхор (1824—1846), владелец — князь Лев Александрович Нарышкин; в 1847—1919 — имение графов Шуваловых и князей Долгоруковых. Стиль дворца — упрощённая неоготика; архитекторы: Карл Эшлиман, В. Гунт.
2. Имение Кореиз (1824—1838), владелец — княгиня Анна Сергеевна Голицына. Стиль особняка — подражание стилю «тюрк»; архитектор Карл Эшлиман.
3. Имение Гаспра, или Романтическая Александрия (1829—1838), владелец — князь Александр Николаевич Голицын; в 1867—1919 годах — имение графов Паниных. Стиль дворца — неоготика; арх. Ф. Эльсон, Вильям Гунт.

4. Имение Ореанда (1825), владелец — император Александр I, в 1826–1856 годах — император Николай I; далее — имение вел. кн. Константина Николаевича, вел. кн. Дмитрия Константиновича, с 1894 по 1919 год — имение императора Николая II. Стиль дворца — неоклассицизм; арх. А. И. Штакеншнейдер, идея — К. Шинкель.
5. Имение Ливадия (1834–1860), владелец — граф Лев Северинович Потоцкий; Стиль дворца — неоклассицизм; арх. К. Эшлиман.

Усадьбы позднего периода

1. Имение Ай-Тодор (1869–1919), владельцы — вел. кн. Михаил Николаевич, вел. кн. Александр Михайлович. Стиль первого особняка — подражание местной традиции, стиль здания парадной столовой — неоклассицизм; арх. В. Попов. Стиль позднего дворца — «неостиль», с элементами неоренессанса; арх. Н. П. Краснов.
2. Имение Дюльбер (1895–1919), владелец — вел. кн. Пётр Николаевич. Стиль дворца — «мавританский»; архитектор Н.П. Краснов.
3. Имение Чаир (1902–1919), владелец — вел. кн. Николай Николаевич. Стиль дворца — неоклассицизм; архитектор Н.П. Краснов.
4. Имение Харакс (1900–1919), владелец — вел. кн. Георгий Михайлович. Стиль дворца — подражание шотландскому шале; арх. Н.П. Краснов.
5. Имение Барбо-Христо (1904–1919), владельцы Карл Крамарж, Н. Абрикосова. Стиль дворца — неоклассицизм; арх. Ян Котера, Е. Татаринов.
6. Имение Кореиз (1867–1919), владелец — князь Ф.Ф. Юсупов старший. Стиль дворца — неороманский, с элементами неоренессанса; арх. Н.П. Краснов.
7. Имение Кичкенэ (1912–1919), владелец — вел. кн. Дмитрий Константинович. Стиль дворца — «арабский»; арх.-художник Николай Георгиевич Тарасов, инженеры Василий Георгиевич и Александр Георгиевич Тарасовы.
8. Имение Ливадия (1860–1919), владельцы — императоры Александр II, Александр III, Николай II. Стиль старых дворцов — «азиатик».
9. Поздний дворец (1910–1911) — стиль неоренессанс; арх. Н.П. Краснов.
10. Имение Сосновая роща (1912–1915), владелец Ф. Юсупов, кн. Ирина Александровна.

Характерные признаки усадеб раннего периода

Структура усадеб раннего периода и позднего периода существенно различались между собой. В 1960-х годах, когда бывшие имения находились в сравнительно первозданном состоянии, эти различия были хорошо заметны. Сейчас, когда всё видоизменилось, стёрлись и различия, и общие черты. Поэтому важно зафиксировать те эстетические идеи, которые изначально были вложены в эти дворцово-парковые комплексы.

В общих принципах построения все парки следуют одному канону. За сто лет была разработана определённая система нарастания упорядоченности форм от периферии усадьбы к её центру. Хаос леса сменялся лесопарковой зоной, переходившей к пейзажному парку, и наконец, к ясному геометризму партерного террасного сада, в который как его художественный и смысловой центр был встроен дворец. Таким образом, особенности природного рельефа получали различную степень художественной обработки. Выразительность облика парка определялась не плоскостной планировкой, а объёмно-пространственной структурой.

Первое отличие ранних парков от поздних состоит в том, что в ранний период центральное дворцово-парковое ядро занимало крайне незначительную часть в пространстве имения и составляло единственный элемент регулярной планировки. Второе отличие — в общем эстетическом мировоззрении. Природа в эстетике романтизма обожествлялась. Искусственные элементы призваны были не диссонировать с природным ландшафтом, а имитировать и подчёркивать естественные качества природы. Особое значение придавалось нагромождению скал и водным источникам. В парковом пространстве устраивались гроты, бассейны, небольшие водопады, фонтаны, в камнях выпиливались борозды для стока чистой ключевой воды. Даже скалистый глубокий каньон горной речки, увитый зеленью и вьющимися белыми кувшинками, представлял собою художественное зрелище. Произрастали дубовые, сосновые, кипарисовые рощи, в их среде встречались огромные экземпляры кедров, дубов и мамонтова дерева — секвойи. Рощи сменялись открытыми наклонными полянами, усыпанными маргаритками. От дворца серпантинные дороги вели к нижней дороге и морю.

Вся эта полифония художественных средств выражала созерцательную концепцию романтизма, сообщала паркам эмоциональную приподнятость.

Парадная въездная площадь перед дворцом всегда находилась с севера и фиксировалась круглым бассейном с фонтаном в окружении

высоких штамбовых роз. Этот принцип был сохранён в усадьбах позднего периода. Бассейн размещался по центральной оси дворца или особняка. На эту ось были «нанизаны» — главный гостевой зал, имеющий выход в зимний сад, открытый выходами к южной террасе, за которой следовала широкая лестница, ведущая к нижней площадке террасного сада, на котором был устроен небольшой бассейн с фонтаном. Отсюда открывалась широкая панорама на море и живописные окрестности.

В настоящее время многие из этих элементов утрачены, в частности — интерьеры, бассейны, фонтаны, белый мрамор, вековые деревья, источники, гроты.

Характерные признаки усадёб позднего периода

Усадебное зодчество позднего этапа, несмотря яркую индивидуальность каждого объекта, являлось целостным архитектурно-художественным явлением. Дворцы, построенные в различных исторических стилях, предстают отдельными гранями единого комплекса — Царского берега. В основе программной индивидуализации объектов лежало стремление заказчиков к духовной независимости и личному самовыражению, а также проявлялось творческое кредо архитекторов.

Путь эволюции усадеб отмечен нарастанием искусственных элементов в пейзажных парках, значительным расширением придворцового регулярного террасного сада и усложнением объёмной пластики архитектурных сооружений. Как уже упоминалось, романтизм в усадьбах присутствовал всегда, но со временем эволюционировал. Элегия и сентиментализм раннего этапа сменились изысканным порядком и нарочитой рафинированностью форм. Конкретные характерные признаки:

1. Организация «культивированного типа» пейзажного парка как системы взаимосвязанных открытых и замкнутых пространств, формирующихся на крутом, неравномерном рельефе. Введение в среду парка многочисленных искусственных элементов, малых архитектурных форм (видовые площадки, овальные подпорные стены с каменными сиденьями, беседки, фонтаны, лестницы с балюстрадами, скульптура, беломраморные вазы, резные столы и скамьи, изделия из кованого металла). Объёмно-пространственная структура парка определяется рельефом местности и сменой высоких и низких массивов растительности. Главная особенность всех парков — богатство экзотической растительности, высаженной по законам художественного восприятия, в расчёте на понижающийся рельеф и круговой обзор.

2. Оформление придворцового пространства в виде многоуровневой объёмно-пространственной композиции регулярного парка, по типу итальянских террасных садов. В творческом замысле этих композиций во всех имениях лежит идея синтеза, органичной слитности дворца и партерного сада. Террасы дворца плавно переходят в террасы парка. Если пейзажный парк самодостаточен в своей художественной выразительности, то регулярный сад приобретает свой смысл только как часть архитектурной композиции. В свою очередь и дворец вне садово-паркового обрамления теряет эстетическую ценность.

3. Постановка в рельефе усложнённого объёма дворца как неотъемлемой части террасного сада, его художественного и смыслового центра. Применение в архитектуре дворцов разных исторических стилей, создание выразительной объёмной композиции на основе функционально оправданной свободной планировки (как в модерне), сбалансированной асимметрии.

4. Использование в оформлении интерьеров разных исторических стилей. В некоторых случаях выдержано стилистическое соответствие экстерьера, интерьера и второстепенных построек.

Развитие дворцовой архитектуры остановилось на пороге перехода к «чистому модерну», не завоевавшему своих позиций в среде «старорежимного» дворянства.

Степень подлинности и сохранности объектов

В целом степень подлинности и сохранности бывших имений Царского берега достаточно велика, чтобы представлять собою памятники федерального значения. Ситуация, однако, неоднозначна. Разные памятники имеют разную степень сохранности и разный процент утрат. После революции, с переходом частных владений в общественную собственность, с полной переменой социальных и художественных взглядов, произошла девальвация «буржуазных» ценностей.

Низкий уровень историко-краеведческих знаний у чиновников и широкой массы населения приводит к деградации и уничтожению памятников. Современная ситуация отмечена полной бесконтрольностью нового строительства на территориях усадебных парков, часто — вблизи главных дворцов, вопреки всем требованиям охранных зон. Фактически это относится ко всем объектам Царского берега.

В период 1960–1970-х годов, когда бывшие дворянские имения были закрытыми правительственными дачами, в них поддерживался порядок, имелась подотчётность о сохранности ценных предметов дворцов и парков. Сейчас ситуация изменилась к худшему, и в ны-

нешнем виде великокняжеские дворцы в окружении парков представляют собой высокие образцы архитектуры и заслуживают должного к ним отношения общества.

Разобраны многие дореволюционные здания — дворцы, особняки, культовые сооружения. Во многих дворцах частично или полностью утрачены интерьеры. В бывших усадебных парках практически полностью истреблены рукотворные художественные элементы, составлявшие их специфическую черту и эстетическую ценность. Главный фактор, кардинально повлиявший на видоизменение усадебных пространств — многоэтажное панельное строительство, не соответствующее по масштабу и стилистике первоначальным дворцовым зданиям. Бывшие обширные парки, ставшие здравницами массового отдыха, имеют небольшие первозданные участки, где расположен дворец в окружении сравнительно ухоженного регулярного террасного сада.

Уникальность Царского берега заключается в трёх аспектах: его центральное расположение на Южном берегу, принадлежность ряда усадеб представителям Дома Романовых и их ближайшему окружению, неповторимая художественная ценность имений. Усадьбы объединены своим местонахождением, временем постройки, принадлежностью одному сословию, общей эстетической направленностью. Несмотря на индивидуальность каждого объекта, Царский берег представляет собой целостное явление. В системе аристократических усадеб царский Ливадийский архитектурный комплекс — первый среди равных.

Объективно оценивая архитектурную ситуацию, следует констатировать, что к художественным объектам, соответствующим критериям Всемирного наследия, можно отнести только Царский берег со всеми его усадьбами, в неперенном содружестве с близлежащим дворцово-парковым комплексом графа Воронцова в Алушке. Это самые ценные объекты не только на Южном берегу Крыма, но и на всём Крымском полуострове.

Царский берег и критерии Всемирного наследия

Царский берег соответствует многим культурологическим и природным критериям, предъявляемым к объектам Всемирного наследия ЮНЕСКО.

1. Вне всяких сомнений, он «является произведением творческого гения человека».

2. Царский берег в течение столетия был отражением ценностей дворянского сословия, предполагавших синтез архитектуры, парко-

строения и декоративно-прикладных искусств. Поэтому он «отражает важность взаимосвязей человеческих ценностей, существующих в течение определённого периода времени или в пределах определённой культурной области, и развития архитектуры, монументального искусства, создания ландшафтов».

3. Царский берег — уникальное свидетельство исчезнувшей культурной традиции, он вполне соответствует критерию «является уникальным либо, по меньшей мере, исключительным свидетельством культурной традиции или цивилизации, существующей либо исчезнувшей».

4. «Представлять собою выдающийся образец типа строения, архитектурного, или технологического ансамбля, или ландшафта, иллюстрирующего важный этап в истории человечества». Все указанные объекты в совокупности характеризуют важный этап в развитии Южного берега Крыма и являются высокими образцами архитектуры.

5. «Быть непосредственно или значимо связанным с событиями или традициями». Царский берег всегда, на протяжении последних двухсот лет был местом пребывания Российской власти, как в царский периоды, так и в последующие советский и постсоветский период. Многие важные исторические события происходили на этой полоске суши, перечень их весьма велик.

6. Природные достоинства Южного берега Крыма хорошо известны, поэтому соответствие критерию «Включать уникальные природные явления, или территории исключительной природной красоты и эстетического значения» не вызывает сомнений.

Заключение

В цепи курортов Южного берега Крыма район Ливадия—Мисхор занимает центральное положение, находясь непосредственно перед главными вершинами горы Ай-Петри, по обе стороны от мыса Ай-Тодор, над которым возвышается замок Генералиф, или Ласточкино гнездо — эмблема Крыма. В начале XX века этот район приобрёл неофициальное название «Царский берег».

За сто лет усадебного строительства здесь были возведены дворцы и парки раннего и позднего периодов, условно разделённых Русско-турецкой войной 1853—1855 годов и сменой монархов на троне. Принцип эклектизма, свободного выбора стиля, заложенный на раннем этапе, получил своё развитие на последующем этапе, отразившем стремление к широкому охвату художественного наследия.

Заключительный этап — 1895—1920 годы — наивысшая ступень в развитии Тавриды под эгидой царской России. Десять дворцово-

парковых комплексов для представителей Дома Романовых и высшего аристократического сословия, определивших архитектурный облик района, были построены — в соответствии с принципами архитектуры эклектики — в различных исторических стилях.

В этот же период было построено множество особняков и дач дворянства и купечества, в том числе в 1912 году перестроено знаменитое «Ласточкино гнездо» барона фон Штейнгеля. Царский берег — это единство в многообразии. Широкий диапазон художественных форм и приёмов способствует более полному раскрытию единой архитектурной мысли.

Царский берег изначально был комплексом дворцов-музеев в окружении парков. В каждом здании, помимо богатых интерьеров, хранились превосходные произведения живописи и предметы декоративно-прикладного искусства. В коллекциях имелись художественные изделия из фарфора, хрусталя и серебра, в частных библиотеках — редкие книги на русском и европейских языках.

В проектировании каждого дворца установка была на создание уникального объекта. В 1960—1970-х годах, в бытность их закрытыми правительственными дачами, эти дворцы и парки во многом ещё несли отпечаток своей первозданности. В настоящее время, на фоне массовой панельной и коттеджной застройки, они читаются шедеврами ещё более, чем когда-либо прежде. Стало совершенно очевидным, что нет им аналогов, нет конкуренции за последние сто лет.

В целом степень подлинности и сохранности объектов Царского берега достаточно велика. Вместе с тем, необходимо провести ряд крупных восстановительных мероприятий. Прежде всего это касается восстановления художественного убранства парков, возобновления многочисленных фонтанов, внедрения в среду парков скульптуры и мраморных резных изделий (скамьи, вазоны, ступени, балюстрады, pedestals, маски львов в обрамлении водных источников), возобновления художественного металла (беседки, калитки, ворота и т.д.), выращивания штамбовых роз, дополнения парков экзотами, многие из которых к настоящему времени погибли. К сожалению, такая задача даже не ставится — как заведомо невыполнимая.

Главная проблема Царского берега — полная бесконтрольность нового строительства на заповедных территориях, часто в непосредственной близости от дворцов. Вновь воздвигнутые корпуса, даже вне пределов дворцово-паркового ядра, разрушают первоначальные визуальные связи.

Можно привести неполный перечень уничтоженных строений: Малый дворец в Ливадии, особняк Н.Ф. Сазонова, дом Шлейфера, дача Нюра, дворцы гр. Тизенгаузен, Кляйн-Михель, дача Чаир, множество культовых зданий.

Комплекс усадеб Царского берега — это «лик царской эпохи в Крыму». Его уникальность и исключительность обусловлена высокой историко-культурной и эстетической ценностью данных объектов. Потребовалось около ста лет для выработки устойчивого единства методов преобразования пространства, основанного на синтезе разных видов художественной культуры. Произошло видоизменение самого ландшафта местности. Ранее малообитаемый, скалистый, безводный берег моря превратился в единую лесопарковую зону, где в среде аборигенного соснового, дубового, можжевельного леса, с включениями старинных греческих садов, появились многочисленные экзотические парки, обширные плантации садов и виноградников.

Эстетика дворянской культуры за одно столетие сформировала выразительный облик уникальной предметно-пространственной среды, что составляет главную историческую и эстетическую ценность данного района. Царский берег — памятник высокой, ушедшей в историю, аристократической культуры. Бывшие имения Тавриды — отдельная ветвь русского усадебного зодчества.

Несмотря на крайнюю индивидуальность каждого объекта, Царский берег — целостное явление. Дворцы, построенные в разных исторических стилях, предстают отдельными гранями единого художественного монолита и в своём многообразии способствуют более полному раскрытию общего архитектурного мировоззрения. В основе всей системы лежит определённая концептуальная модель, сложившийся в художественном сознании тип аристократической приморской южнобережной виллы.

Своеобразие природного ландшафта явилось тем объединяющим элементом, которое придаёт «узнаваемость» южнобережным виллам на любом этапе их развития. Широкая панорама гор, вечнозелёная растительность, наклонный рельеф, близость моря — вот те природные условия, которые требовали от рукотворных произведений столь же высокого эстетического уровня. Эволюция таврических усадеб отмечена нарастанием искусственных элементов в среде природных парков и усложнением объёмной пластики архитектурных сооружений.

Усадьбы Царского берега можно сопоставить с усадьбами и дачами тех же владельцев — сановой российской аристократии — в пригородах Москвы и Санкт-Петербурга. Наряду с общими чертами, связанными с единым социальным заказом и принадлежностью, они имели и существенные различия, обусловленные следующими факторами:

1. Резкое различие условий природы и ландшафта. Экзотика горной прибрежной местности и субтропической растительности Юж-

ного берега диктовала особые принципы и методы организации пространства, где выразительность определялась не плоскостной планировкой, а объёмно-пространственной структурой, в которой важную роль играла вертикальная составляющая.

2. Различие хронологических рамок. В России усадьбы формировались главным образом в XVIII — первой половине XIX века (лишь отчасти в конце XIX века), тогда как в Крыму это происходило позже: в XIX — начале XX века.

3. Различие стилистических ориентиров. Таврические усадьбы не были ориентированы на «московский классицизм», «псевдоготику» или «русское барокко». Европейские художественные тенденции внедрялись здесь в более чистом виде, иногда в сплаве с местной, восточной тематикой.

Место усадеб Царского берега в мировой культуре может быть достойно определено лишь после проведения крупных реставрационно-восстановительных мероприятий, которые не исчерпываются капитальными вложениями, но предполагают труд квалифицированных специалистов-реставраторов.

В мировой практике наиболее близким аналогом к данным объектам являются итальянские виллы Адриатики. Горный приморский пейзаж, тёплый климат, субтропическая растительность и крупные средства, вложенные в строительство богатыми меценатами, определяют сходство этих двух тенденций в архитектуре.

Список литературы

1. *Асеев Ю.С., Лебедев Г.А.* «Архитектура Крыма», НИИ теории и истории архитектуры. Киев, 1961.
2. *Безчинский А.* Ялта и ближайшие окрестности. Ялта, типография Бахтина, 1902.
3. *Беккер А.Ю.* Градостроительная охрана памятников истории и культуры: Сборник научных трудов. М., 1984.
4. *Берндт Э.* Воспоминания о Крыме. Лейпциг, 1869.
5. *Бернов М.А.* Из Одессы пешком по Крыму. Письма русского пешехода. СПб., 1896.
6. *Бумбер К.Ю.* Крым. Путеводитель. Симферополь, 1914.
7. *Вагапов М., Шекуров Г.* Большая Ялта: путеводитель для интуриста. М., 1970.
8. *Волошин М.П.* Парки Крыма. Симферополь, 1964.
9. *Голицын А.Н.* Переписка с кн. Голицыной А.С., бароном Беркгеймом в 1830-х годах // Русский архив. 1905. Т. III.

10. *Голландский П.Н.* К вопросу об охране исторических памятников // Известия Таврического общества истории, археологии, этнографии. Т. 58. Симферополь, 1927.
11. *Горчакова Е.С.* Воспоминания о Крыме. СПб., 1884. Ч. 1, 2.
12. *Кеппен П.И.* О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837.
13. *Колесников А.И.* Архитектура парков Кавказа и Крыма. [М.], 1949.
14. *Марков Е.А.* Очерки Крыма, картины Крымской жизни, истории и природы. СПб., 1913.
15. *Москвич Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму. Одесса, 1909.
16. *Муравьев-Апостол И.М.* Путешествие по Тавриде в 1820 г. СПб., 1823.
17. *Паллас П.С.* Краткое физическое и топографическое описание Таврической области. СПб., 1795.
18. Российский Императорский дом. М., 1898. Репринт. М., 1992.
19. *Сосногорова М.А.* Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса, 1872.
20. *Сумароков П.И.* Досуги Крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. СПб., 1803.
21. ГАРФ (Москва). Ф. 653 — вел. кн. Петра Николаевича; Ф. 671 — вел. кн. Николая Николаевича; Ф. 676 — вел. кн. Георгия Михайловича; Ф. 765 — вел. кн. Дмитрия Константиновича.
22. РГАДА (Москва). Ф. 1092 — князей Юсуповых; Ф. 1247 — графов Паниных.
23. ЦГАК (Симферополь). Ф. 219 — Ливадия; Ф. 248 — Ореанда; Ф. 326 — Ай-Тодор; Ф. 334 — Мисхор кн. Долгоруковой О.П.; Ф. 339 — Мисхор гр. Шувалова П.П.; Ф. 530 — Кореиз кн. Юсупова Ф.Ф.
24. ЦГИА СПб. Ф. 515 — Главное Управление уделов; Ф. 789 — Академия художеств. Оп. 13. Д. 208 — архитектор Н.П. Краснов. Ф. 521 — Управление двора вел. кн. Александра Михайловича. Ф. 1092 — графов Шуваловых.

Архитектура дворцов-музеев

Три очерка посвящены истории проектирования и строительства наиболее известных дворцов Южного берега Крыма — Ливадийского, Алушкинского, Массандровского. Это единственные дворцы Южного берега, которые являются государственными музеями. Ежегодно их посещает до полумиллиона человек. Все три дворца входят в список памятников архитектуры федерального значения (поставлены на учет распоряжением Правительства РФ от 17.10.2015 № 2073-р).

Эти дворцовые комплексы довольно хорошо исследованы, поэтому мы сочли возможным включить в сборник три очерка, построенных на опубликованных ранее материалах научных сотрудников этих музеев. Без них картина культурного наследия Южного берега Крыма будет не полной.

Воронцовский дворец в Алушке стал музеем в 1921 году (с перерывом в 1945–1955 годах, когда он использовался как закрытый объект), поэтому в нем сохранились интерьеры и многие подлинные предметы мебели и убранства. С 1990 года это Алушкинский дворцово-парковый музей-заповедник.

Судьба Ливадийского дворца сложилась иначе — в 1921 году во дворце был создан «Музей быта последнего царя», но уже в 1927 году его закрыли и разместили здесь первый санаторий для бесплатного лечения крестьян. До 1993 года, когда во дворце вновь появился музей, в здании располагался санаторий. Сейчас это Ливадийский дворец-музей.

Массандровский дворец стал музеем в 1992 году, до этого он использовался как санаторий, госдача, некоторое время в нем располагался даже институт виноделия «Магарач». К счастью, в нем сохранились уникальные элементы убранства и часть мебели. Ныне это филиал Алушкинского дворцово-паркового музея-заповедника.

Другие дворцы Романовых до настоящего времени являются санаториями (без открытого доступа для туристов) или принадлежат частным лицам (например, Харакс). И если в Дюльбер организуются экскурсии, то в Кичкине сейчас попасть невозможно. Вопросы сохранности интерьеров и художественного убранства этих дворцов требует специального исследования.

Ожерелье дворцов и парков Южнобережья является уникальным культурным наследием, важнейшей частью культурного ландшафта. Необходимо создать условия для их обстоятельного изучения специалистами, а также предоставить доступ к дворцам для публики, ориентируясь на пример трех действующих дворцов-музеев.

Г.Г. Филатова (*Алупка*)

Воронцовский дворец

г. Алупка, ул. Дворцовое шоссе, 18

Воронцовский дворец в Алупке был сооружен в 1828–1848 годах по проекту английского архитектора Эдуарда Блора (1789–1879) для генерал-губернатора Новороссийского края графа Михаила Семеновича Воронцова (1782–1856). Основным строительным материалом послужил диабаз, природные россыпи которого находились на месте будущего сооружения.

Дворцовый комплекс из пяти строений напоминает загородную аристократическую резиденцию эпохи Елизаветы Тюдор, созданную на базе древнего замка, от которого сохранились башни и часть оборонительных стен с корпусами, пристроенными к главному зданию в последующие времена. Такая стилевая многослойность характерна для многих английских дворцов и замков. В романтическом переосмыслении 1830-х годов она ярко отражена в ансамбле Воронцовского дворца в Алупке.

Дворец в Алупке — пример целесообразного и логически оправданного стилизаторства, органичной связи архитектуры и пейзажа. Горный рельеф с замыкающей цепью гор, с одной стороны, и безграничный простор моря с другой, создают редкостные по своеобразие архитектурно-ландшафтные условия, великолепно использованные автором проекта.

Генплан дворцового комплекса, несмотря на всю его сложность, довольно логичен и рационален. Дворцовый комплекс со всеми пост-

Западный фасад Воронцовского дворца.

Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником.

ройками, в том числе и службами, полностью соответствует единственно верной в условиях Алупки идее развития вдоль горизонтали рельефа. Именно этим обстоятельством объясняется композиционная компактность расположения всех частей дворцового комплекса, когда в непосредственной близости друг к другу оказались жилые постройки и хозяйственный двор с обширными службами.

Владелец имения сам выбрал место для будущего дворца, заказал проект и смету, распорядился о заготовке материалов и расчистке территории. В фондах музея сохранился первоначальный неосуществленный проект Алупкинського дворца, составленный, как доказали исследователи (Л.Н. Тимофеев), английским архитектором Томасом Харрисоном (1744—1829) в стиле английского палладианства.

В марте 1830 года были заложены первые камни фундамента, в следующем году строители начали возводить стены, однако в начале июня 1831 года граф Воронцов в письме из Лондона, куда он выехал в связи с болезнью отца, велел приостановить работы.

Воронцов заказал в Англии новый проект своего «Дома» в Алупке модному в аристократической среде архитектору Эдуарду Блору (1789—1879), приверженцу средневековой готики, другу и единомышленнику писателя-романтика Вальтера Скотта. В рекордно короткие сроки — за год с небольшим — им была подготовлена вся проектная

Воронцовский дворец. Шуваловский проезд.
Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником.

Воронцовский дворец. Северный фасад.
Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником.

документация, от акварельного эскиза с видом южной фронтальной части будущего дворца до шаблонов отдельных деталей. Все это написано и датировано Блором сентябрем 1832 года.

Двухэтажный объем центрального корпуса, вместе с опоясывающими его с южной стороны верандами, в плане представляет собой почти квадрат. В нем помещения нижнего этажа группируются по обе стороны от холла, образуя две разновеликие продольные анфилады. В случае необходимости эти интерьеры могут соединяться в одну торжественную поперечную анфиладу, проникающую через галерею в столовый зал. На втором этаже, разделенным узким коридором, предполагалось разместить личные покои.

Зимой 1832–1833 годов строители приступили к осуществлению проекта Блора. Руководил работами прибывший из Англии молодой энергичный архитектор Вильям Гунт, который оставался руководителем работ до завершения строительства.

Материалы, готовые изделия, инструменты доставлялись сначала в Одессу, затем морем в Алупку на специально предназначенном для этого парусном корабле «Святая Елизавета». Часть грузов перевозил пароход «Пётр Великий», который совершал регулярные рейсы Одесса–Ялта.

В 1834 году был возведен столовый корпус. Прямоугольный в плане объем столового «зала» был окружен с трех сторон глухими стенами, которые поначалу только на восточном торце имели один дверной проем. Со стороны южного фасада он украшен по центру трехгранным выступом эркера и двумя боковыми окнами-дверьми, застекленными по всей высоте стены. Снаружи их грани подчеркиваются чередой узких контрфорсов и разновеликих пинаклей. Крыша скрыта аттиком из кремальер.

С 1834 по 1837 год на готовом фундаменте строили главный корпус с десятиметровой нишей на южном фасаде. Уже по проекту видно, что композиция центрального и столового корпусов была рассчитана на игру разновеликих масс. Вместе с венчающими их большими и маленькими башнями, дымовыми трубами и пинаклями они намеренно выстроены в ритм движения расположенной за ними ломаной линии Ай-Петринской гряды. Стараясь максимально приблизить самые выразительные детали проекта к избранному историческому прототипу, Блор заимствует их из уважей по архитектуре знаменитых замков Англии и Шотландии XIV–XVI веков. Точно такие же приемы использовались во время строительства замка Аббатсфорд Вальтера Скотта в Шотландии, построенного при участии Блора.

Особенно наглядно традиции английской архитектуры XVI века отразились в северном фасаде главного корпуса дворца. Он отличает-

Воронцовский дворец. Библиотечный корпус.

Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником.

ся строгой симметричностью. По обе стороны от парадного входа расположены два эркерных выступа, характерные для тюдоровской архитектуры. Они примыкают к башням с купольными навершиями, завершающими композицию северного фасада. Фигурные фронтоны над каждым выступом-ризалитом, зубцы-кремальеры придают зданию гармоническую ритмичность и законченность.

Высокий портал стал центром архитектурной композиции южного фасада главного корпуса. Он напоминал вход в мусульманскую мечеть. Сочетание элементов архитектуры Англии и Индии XVI века применяли до Блора английские зодчие Х. Рептон, Д. Нэш, Р. Порден, на чей опыт и опирался Блор. Варьируя пропорции и формы тюдоровских декоративных деталей, он добился определенного эффекта: высокие башенки-пинакли, фиалы и купольные навершия южного фасада издали похожи на мусульманские минареты и купола. Восточный характер портала подчеркивает глубокая полуциркульная ниша с двойной зубчатой аркой, украшенная лепным орнаментом и декоративными балкончиками.

Портальная ниша мыслилась Блором как полуоткрытый интерьер, в проектных чертежах она называлась «салоном» (т.е. гостиной), имела бирюзовую окраску, гармониовавшую с цветом диабаза, из которого построен дворец. На фризе ниши надпись на арабском

Воронцовский дворец. Украшения на крыше.

Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником.

языке, шесть раз повторяющая изречение основателя Альгамбры (крепость XIII века в Испании) Мухамеда I: «Нет победителя, кроме Аллаха». С 1844 года эту часть дворца стали именовать Альгамброй. В августе 1846 ниша южного портала обрела особую достопримечательность — три балкончика из китайского фаянса.

К осени 1839 года бывшая открытая галерея получила сплошное остекление южного фасада и оцинкованную крышу. В центре ее появился световой фонарь. Так во дворце возникла оранжерея, будущий Зимний сад. В сентябре 1840 года шло возведение пристройки к западному торцу столового корпуса, в котором планировалось разместить бильярдную. Помещение с двумя большими французскими окнами на юг закончили весной 1841 года.

Одновременно занимались устройством открытых веранд, опоясывающих центральный корпус с юго-западной и юго-восточной сторон. Их легкие конструкции поддерживаются чугунными колоннами с капителями в виде распустившегося лотоса.

Библиотечный корпус фланкирует систему дворцовых зданий с востока. Это отдельное, двухэтажное здание с угловой трехъярусной прямоугольной башней, где при Воронцовых находилась небольшая астрономическая и метеорологическая обсерватория. При сооружении библиотечного корпуса учитывались резкие перепады рельефа,

Вид от Часовой башни на Ай-Петри.
 Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником.

Воронцовский дворец. Башни западного входа.
 Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником.

Воронцовский дворец. Шуваловский проезд.

Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником.

поэтому план библиотеки с тремя внутренними двориками, лестничными и коридорным переходами, соединяющими её с Главным корпусом, был особенно тщательно разработан Блором в 1832 году. Проект предусматривал наружные и внутренние коммуникации, в том числе два углубленных в землю лестничных перехода. Окончательное решение проект приобрел после доработки английским архитектором Вильямом Гунтом, который осуществлял руководство возведением дворца

Строительство библиотечного корпуса, начавшееся в ноябре 1838 года, завершилось лишь в конце августа 1848 года. К благоустройству окружающей его территории приступили в 1846 году. Оригинальные

Воронцовский дворец. Восточный фасад. Справа фонтан слез.
 Фото предоставлено Алушкинским дворцово-парковым музеем-заповедником.

по архитектуре Бахчисарайский и Грузинский дворики придали особую привлекательность общей композиции дворцового ансамбля.

Формы Шуваловского корпуса, примыкающего к главному зданию с запада, свидетельствуют о том, что он является органической частью архитектурного замысла Блора. В стилевом решении Шуваловского корпуса использованы те же формы английской тюдоровской готики, но в сочетании не с мусульманскими мотивами, а скорее, с позднеклассицистическими композиционными приемами, что особенно сказалось в решении его морских фасадов.

У южных стен дворца устроена первая терраса со спокойным уклоном в южном направлении. В части, примыкающей к главному зданию, она повторяет его симметричную планировку и по стилю напоминает «итальянские сады» Англии XVI века, которые ассоциировались с эпохой Возрождения. Украшают верхнюю террасу партеры с цветниками, вазы, установленные на низких диабазовых парапетах. Беломраморные скамьи (по две с каждой стороны), изготовленные по типу римской парадной скамьи, имеют по бокам невысокие подлокотники и опоры в виде львиных лап. Они обрамлены вечнозеленым стриженным буксусом, который, возвышаясь над скамьями, образует своего рода спинку. Малые архитектурные формы на фоне вечнозеленой растительности смотрятся исключительно эффектно.

Воронцовский дворец. Мраморный лев на южной террасе.
Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником.

Важную роль в композиционном решении верхней террасы играют два изящных по форме флорентийских чашеобразных фонтана. Изготовлены они из каррарского мрамора в 1846 году итальянским мраморщиком Варнетти по эскизам неизвестного художника. Фонтаны, высота которых от основания 2,5 метра, отличаются изящной проработкой всех деталей. Их верхняя часть выполнена в виде соцветия, напоминающего лотос. Каскад водных струй изливался в четырехугольный с волнистыми краями бассейн.

Отсюда широкая каменная лестница ведёт к морю. Шесть мраморных львов, созданные в мастерской итальянского скульптора Бонанни из Каррары, разместились вдоль марша по обе стороны лестницы. Водружались эти скульптуры с учетом их восприятия на разном расстоянии. Вся грандиозность композиции особенно впечатляет при взгляде на лестницу снизу, где её ступени заканчиваются.

Лестница со львами не была предусмотрена проектом Э. Блора, её идея возникла в ходе строительства по желанию Воронцова, который перевез итальянских львов в Крым морем. Разработкой проекта лестницы и включением её в ансамбль занимался инженер-архитектор В. Гунт. Следуя архитектурным принципам Э. Блора, он проявил большой художественный вкус в окончательном оформлении южных террас, где главной доминантой стала созданная им лестница.

В отделке интерьеров Главного корпуса использованы редкие породы дерева, ткани, циновки, ковры, резьба по дереву и камню. Каждая из комнат индивидуальна, имеет только ей присущий колорит, отразившийся в названиях: Китайский кабинет, Голубая и Ситцевая гостиные, Зимний сад, Парадная столовая. В них размещено великолепное собрание картин, скульптур, мебели, фарфора. Богатейшая библиотека, коллекция нот, гравюр, географических карт — свидетельство высокой образованности Воронцовых, их интереса к наукам, архитектуре, искусству.

Служебные корпуса дворца образуют отдельный замкнутый двор. В композиционном плане территория хозяйственного двора, составляющая вытянутый многоугольник с двумя противоположными короткими сторонами-въездами, выстроена рационально. Именно такая форма позволила на небольшом участке разместить большое количество служб.

Во двор ведут двое ворот. Восточные ворота, выходящие на парадный двор, фланкированы двумя прямоугольными трехъярусными башнями, одна из которых — Часовая (северная) — завершена башенкой с флагштоком. У западного входа — круглая башня.

Проект хозяйственных корпусов как части дворцового комплекса, принадлежит архитектору Э. Блору. Руководил строительными работами архитектор В. Гунт, который внес значительные изменения в первоначальный проект, сохранив при этом не только блоровский общий композиционный замысел, но и стилистическую связь с архитектурой других зданий дворца. К несомненной творческой удаче можно отнести обработку корпусов хоздвора архитектурными мотивами средневековых английских замков с зубчатыми башнями, кремальерами, узкими окнами-бойницами высоких внешних стен. Этот прием обеспечил дворцу необходимую замкнутость и изолированность и вместе с тем позволил не нарушить архитектурно-художественную и композиционную целостность авторского замысла.

Массандровский дворец

Ялта, пос. Массандра, ул. Симферопольское шоссе, 13

16 апреля 1828 года по купчей крепости, совершенной в Таврической палате гражданского суда, имение Массандра было приобретено у О.С. Нарышкиной графиней А.В. Браницкой для своей старшей внучки графини Александры Михайловны Воронцовой. После её смерти в 1834 году Массандра по наследству перешла к графу Семену Михайловичу Воронцову (1823—1882), за которым и была утверждена определением Симферопольского окружного суда 11 сентября 1871 года.

С 1828 года по 1856 год Массандру обустроивал отец Александры и Семёна генерал-губернатор Новороссийского края граф Михаил Семенович Воронцов (1782—1856). При нем имение, задуманное как экономическое, занимало в общей сложности 600 десятин. Земли его простирались от подножья гор до берега моря и традиционно делились на нижнюю, среднюю и верхнюю Массандру.

Массандровский дворец на фоне гор.

Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником.

В 1828–1830 годах в Одессе разрабатывался план Массандры, по которому нижняя часть отводилась для развития уже существующего парка с розарием, разведения фруктовых садов, виноградников, питомников для цветов. В средней предполагалось расположить управление южнобережными имениями Воронцовых и устроить винные подвалы. В верхней Массандре с её уникальным горным ландшафтом, археологическими древностями и реликтовыми рощами решено было построить господский дом, церковь, а также на площадях, расчищенных от негодных деревьев и зарослей, высадить маслины, каштан сладкий, сделать лес из белой акации и лавров и заложить рощу из фиговых и гранатовых деревьев (ГИМ ОПИ, ф. 60, оп. 2, ед. хр. 26, л. 148–149).

Из инструкций и указаний, направляемых из Одессы местным управляющим, было видно, что граф М.С. Воронцов не преследовал цели построить в Массандре дворец, подобный по величине тому, что был задуман в Алушке, а ограничился просторным домом на высоком фундаменте в стиле сельской архитектуры. Здание окружали большие деревья и густые кустарники, поражало обилие цветов на клумбах, а с открытых галерей, опоясывающих дом, можно было любоваться просторными лугами, горными отрогами и морскими далями. Внутри дом имел красивые, богато убранные комнаты с мраморными каминами.

Весной 1829 года архитектор Ф.Ф. Эльсон получил от Воронцовых 5000 рублей на разработку проекта и строительство церкви. Через два года (13 июля 1831 года) управляющий Эрнест Гибнер сообщил графу: «Церковь в Массандре приведена к концу, остановка за одними иконами и церковной утварью...» (ГИМ, ОПИ, ф. 60, св. 138). На изготовление мастером Пантелеем Бочаровым резного деревянного иконостаса и написание живописцем Иваном Ковшаровым икон ушло еще два года. К середине 1833 года новый храм с четырьмя дорическими колоннами на западном фасаде был полностью закончен.

С этого времени в инвентарный перечень строений, находящихся на территории усадьбы, была включена «Церковь домовая Иоанна Предтечи в Массандре в имении светлейшего князя М.С. Воронцова», которая, как гласил документ, была «построена по высочайшему соизволению на развалинах древней греческой деревни иждивением владельца светлейшего князя Воронцова, заложена 4 мая 1829 года, а освящена 29 августа 1833 года... с престолом во именование Усекновения честных главы святого Пророка Предтечи и Крестителя Иоанна» (ГАРК, ф. 300, оп. 2, ед. хр. 18, с. 18).

После смерти М.С. Воронцова в 1856 году его сын Семён Михайлович (1823–1882) продолжил развивать Массандру как экономиче-

Массандровский дворец. Восточный фасад.
 Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником.

Массандровский дворец. Северо-восточный фасад. Фото предоставлено
 Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником.

Массандровский дворец. Западный фасад.

Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником

ское хозяйство. Между тем, старый господский дом, который время от времени сдавали разным лицам под дачу, обветшал и стал мало пригодным для проживания. 18 марта 1878 управляющий Крымскими имениями А.К. Кебах сообщил жене С.М. Воронцова княгине Марье Васильевне: «В Верхней Массандре поврежденная от бури крыша исправлена, балкон исправляется, но в это лето предстоит серьезный ремонт в доме потолков и печей, которые от ветхости пришли в негодность, и требуют немедленной переделки». Хозяева решили не ремонтировать дом в очередной раз, а разобрать его и на этом месте построить дворец, который соответствовал бы знатности, положению и богатству светлейших князей Воронцовых.

Проект был заказан французскому архитектору Этьену Бушару. По мысли Бушара, здание должно было напоминать замки-дворцы XVI века на берегах реки Луары (Блуа, Шамбор, Шантильи и др.), в которых архитектурные элементы Возрождения сочетались со средневековыми формами. Это соответствовало общему направлению в архитектуре эклектики второй половины XIX века, где господствовали принципы историзма.

Во внешнем облике дворца, строившегося по проекту Бушара, преобладали черты архитектуры раннего французского ренессанса. Это отразилось в четком поэтажном членении стен, строгом ритме крупных оконных проемов и сложной конструкции разновеликой

Вид от дворца на Большую террасу.

Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником

четырёхскатной кровли. К основному объёму здания примыкала квадратная в плане башня, которая придавала западному фасаду живописную асимметричность. Восточный фасад с двумя круглыми башнями и внешней парадной лестницей был более строг и лаконичен.

В почти достроенном дворце оставалось провести внутренние коммуникации и заняться отделкой интерьеров, которые по роскоши убранства могли бы стать подражанием салонам парижских особняков эпохи «второй империи», в которых блистала красотой и нарядами часто посещавшая столицу Франции светлейшая княгиня Марья Васильевна Воронцова. Однако судьба распорядилась иначе. 30 ноября 1881 года архитектор Э. Бушар неожиданно скончался. Через полгода умер владеец дворца С.М. Воронцов.

Наследники С.М. Воронцова менее всего думали о недостроенном дворце. Массивное здание с выложенными из крупного известняка стенами постепенно превращалось в живописную руину, которую специально из Ялты отправлялись смотреть любители дальних прогулок. С. Филиппов писал в своем очерке (Филиппов С. По Крыму. М., 1889. С. 397):

«Красота вся — в Верхней Массандре. Это сумрачное дикое место чуть напоминает Ореанду, но оно величавее и угрюмее

последней... Имение далеко от моря на уступе Яйлы — южнобережного хребта. Оно всё из серых камней, скрашенных сосновыми и дубовыми лесами. Целые горы обломков образовали подземные гроты и загадочно темные галереи... Но венцом является недостроенный дом, который перед вами сейчас же, как вы приедете в Массандру. Он напоминает, в его настоящем виде, известную Царицинскую руину, что под Москвой. Но напоминает только отчасти, издалика. Эта серая глыба с башней и странными контрфорсами выхвачена прямо из средних веков. Она угрюма и мрачна, как остатки жилья какого-нибудь барона или маркграфа. Ее стиль неопределен: голландский или английский — трудно понять. Но она импонирует и навевает что-то суровое и холодное. Этой природе, этим скалам, этому насупившемуся молчанию окружающего нельзя было дать товарища более подходящего, нежели этот дом. Он не dokonчен за смертью князя Воронцова, но удельное ведомство, приобретшее это имение, не оставит его таким. Будет жаль, если его испортят пристройками или перестройкой».

Новый владелец Массандры император Александр III обратил на него внимание лишь в 1892 году. По мнению императрицы Марии Федоровны, часто совершавшей прогулки в Верхнюю Массандру, здесь можно было бы поселить их больного туберкулезом сына, вел. кн. Георгия Александровича, которому врачи рекомендовали горный климат. Для этого требовалось немного: достроить дворец и оформить интерьеры. К выполнению этой задачи привлекли одного из крупнейших русских архитекторов второй половины XIX века Максимилиана Егоровича Месмахера (1842—1906). Ему были предоставлены чертежи здания и поставлена задача разработать новый проект, не увеличивая существующих объемов. У Месмахера возникли сомнения относительно малой вместимости будущего императорского дворца, о чем он известил кн. Л.Д. Вяземского и вскоре получил возможность доклада у самого императора.

О разговоре с Александром III архитектор упоминает в «Памятной записке профессора А.М. Месмахера по постройке дворца Его Императорского Величества в Верхней Массандре», составленной в 1900 году (ГАРК, ф. 78, оп. 1, ед. хр. 119):

«1-го марта 1892 г. Государю Императору Александру III благоугодно было принять меня в Аничковском Дворце, где Он и соизволил дать мне общие указания относительно будущего Дворца. Государь Император желал, чтобы построены были жилые помещения для Него Государя Императора, для государыни Императрицы и для Их Августейших Детей; чтобы кухня была помещена

не во дворце, а в отдельном здании, и чтобы для лошадей было возведено также отдельное здание станков на двадцать. Вспомнив о существующей в Массандровском имении Церкви, Государь Император изволил высказать, что и её следует перестроить, но не сейчас, а по окончании Дворца».

Этот уникальный документ-отчёт содержал в себе полную картину второго этапа строительства дворца и связанных с ним событий, вновь помешавших увидеть императорскую резиденцию в полной своей красе.

Получив указания Александра III, Месмахер выехал в Крым для осмотра местности и тут же приступил к составлению проектов, которые лично предоставил Государю 6 июля 1892 года в петергофской Александрии. Проекты были одобрены, на архитектора возложили обязанность исполнить их в натуре и 5 августа 1892 года «на приступ к работе по постройке дворца в Массандре» разрешили кредит в 100 тыс. рублей» (ГАРК, ф. 78, оп. 1, ед. хр. 47, с. 5).

Ввиду сильной занятости в Санкт-Петербурге, Месмахер не мог постоянно находиться в Крыму. Для осуществления экономической и хозяйственной помощи главному архитектору был привлечен курирующий царские дворцы на Южном берегу архитектор Платон Константинович Теребенев (1841— ок.1902) с условием, что это не будет в ущерб «текущим его занятиям по Ливадии и Массандре» (ГАРК, ф. 78, оп. 1, ед. хр. 47, с. 5 об.).

При строительстве дворца Месмахер применял новейшие технологии. Он усилил конструкцию здания, уложив между этажами железные балки; своды заливались бетоном. Дворец оборудовали паровым отоплением, электрическим освещением, в стены искусно вмонтировали мощную вентиляционную систему, выполненную по проекту инженера С.Д. Лукашевича. Вокруг здания устроили новую дренажную систему. Все это обеспечило прочность и долговечность дворца.

Постройка Массандровского дворца требовала постоянного пребывания на месте опытного и надежного архитектора-исполнителя, который контролировал бы привоз, качество и количество материалов, нанимал лучших рабочих и постоянно руководил ими. Такой человек нашелся в лице архитектора Оскара Эмильевича Вегенера, много работавшего в Ялте. Благодаря ему затянувшееся на десять лет (до 1902) строительство дворца было доведено до логического конца и проект Месмахера воплощен в жизнь.

Какие же корректировки внес во внешний облик дворца профессор Месмахер? Почти не увеличив объема постройки, он сохранил ее средневековые детали, но приказал выровнять стены грубой камен-

Массандровский дворец. Химеры у западного фасада.

Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником

ной кладки и облицевать их светло-желтой метлахской плиткой и кирпичом. В декор здания Месмахер ввёл много декоративных элементов. В окончательном варианте дворец приобрел черты французской барочной архитектуры начала XVII века, характерной для времени Людовика XIII.

На Западном фасаде появились открытые галереи, террасы, балконы, витые лестницы с ажурными решетками и балюстрадами. Дворец обрел легкость и открытость, обращенность к природе, что соответствовало традициям южнороссийской архитектуры. Выразительную живописность зданию придавали высокие фигурные кровли с мансардами и многочисленными каминными трубами сложного рисунка.

Восточный фасад сохранил первоначальный вид небольшого французского замка. На месте остались две круглые башни с острыми коническим навершиями и узкими окнами-бойницами. Барочное звучание приобрел центральный ризалит с рустованными углами, орнаментированным фронтоном из резного камня и полукруглыми маршами наружной лестницы. Наличники, картуши, вазы подчеркивали характерные черты нарядной дворцовой постройки.

Сфинкс на Большой террасе.

Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником

К лету 1894 года М.Е. Месмахер подготовил рисунки внутреннего убранства массандровского дворца, которые были рассмотрены и одобрены императором Александром III. Архитектор тщательно продумал оформление парадных интерьеров. В отделке он собирался применить дерево разных пород, мрамор, изразцы, лепку. Плафоны и простенки предполагалось украсить альфрейной росписью.

Архитектор сам разместил заказы на изготовление особо сложных декоративных деталей в разных городах, привлек к работе своих талантливых учеников, воспитанников петербургского Училища технического рисования барона А.Л. Штиглица, которым он руководил в течение 20 лет.

Согласно моде того времени, в оформлении интерьеров дворца использованы элементы самых разных стилей — романского, готического, барокко, рококо, классицизма. Применены они с глубоким знанием истории архитектуры и высоким художественным вкусом. Интерпретация того или иного стиля всегда подчинена функциональному назначению помещения. Переходя из зала в зал, попадаешь то в строгую приемную императора, то в торжественный кабинет, то в интимную опочивальню или же в нарядную и праздничную гостиную императрицы. Как старинный рыцарский зал оформлена столо-

вая — один из лучших интерьеров. Разные породы резного дерева, сложная рельефная лепка, красочные изразцы, резной мрамор каминов в сочетании с красной и желтой медью обшивки их проемов, декоративные панно, выполненные в технике акварели по дереву, составляют великолепный убор комнат.

В 1894 году история с недостроенным дворцом повторилась. 20 октября в Ливадии умер Александр III. Новый император Николай II взял на себя обязательство непременно довести до завершения начатое отцом в Массандре строительство. На это потребовалось восемь лет. Расходы на завершение работ производились уже не за счет Уделов, а из денег кабинета Николая II. Месмахер не смог полностью перестроить дворец. После смерти Александра III некоторые работы по обустройству дворца были отменены.

Придворцовая часть парка разбита согласно рельефу местности на три террасы, со сложными изломами лестниц, подпорными стенами округлых форм, балюстрадами и скульптурными украшениями. Отсюда открывается вид на нижнюю террасу — небольшой партер, в центре которого расположен бассейн с невысокими каменными бортами и изящным фонтаном. Окружают его цветочные клумбы, могучие секвойи, исполинские пихты. Завершение площадки партера выровнено насыпным грунтом, что позволило отделить дворцово-парковый ансамбль от расположенного дальше большого луга. Партер был задуман, по всей вероятности, Бушаром, но окончательно его оформили ко времени завершения постройки.

Ближе к дворцу партер ограничен широкой лестницей и отходящей по обе стороны подпорной стенкой с балюстрадами, скульптурами сфинксов и двумя фигурными каменными столбами, украшенными резной орнаментацией и завершающимися стилизованными факелами. Они предназначались, очевидно, для укрепления на них фонарей.

Две небольшие лестницы с северной части дворца и дорожка по периметру второй террасы с юга от здания выводят на третью террасу, на которой стоит дворец, и завершающуюся с восточной стороны курдонерами. Она отделена от подступающего сюда леса подпорной стеной. Стены, балюстрада, лестницы, бассейн, фонтаны являются гармоничным дополнением к архитектуре дворца и характерными элементами для регулярных придворцовых парков Франции и Италии.

Важными элементами художественного оформления придворцовой части парка являются скульптуры. Сейчас их осталось шесть, было, вместе с декоративными вазами, 35. Те вазы, которые стоят на тумбах балюстрады партера, однотипны и появились в послевоенное

Большая терраса с фонтаном.

Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником

Лестница в парк.

Фото предоставлено Алупкинским дворцово-парковым музеем-заповедником

время. Вместе со скульптурами фасады дворца и его придворцовую часть украшали фонтаны, большей частью пристенные. Всего вокруг здания находится 15 фонтанов.

Придворцовая часть парка перед восточным фасадом завершается курдонером — своего рода двориком, ограниченным с одной стороны стеной здания, с другой — большой полукруглой стеной. Ее украшает разноцветная метлахская плитка, поливная черепица, фонтаны и в завершении — барочные элементы: балюстрада, большие каменные вазы, фонарные колонны и две арки. Посередине полукруглая лестница, ведущая на дорогу к церкви и далее в горы. Симметрично от нее расположены пристенные фонтаны, по три с каждой стороны в виде львиных маскаронов с большими чашами-раковинами. Раньше их украшали маскароны, изображающие головы Няяды и Сатиров, а львиные появились вместо них гораздо позже. Полукруглые стены по обе стороны завершают двускатные фонтаны, над которыми возвышаются полуциркульные арки.

Здание машинного отделения (1898—1901) Месмахер проектирует и строит сам. Здесь он мог свободно проявить свой талант и выразить дух эпохи. Если во дворце Месмахер выступает как предвестник модерна, то здание машинного отделения можно отнести к раннему модерну. Это одно из первых сооружений на ЮБК, построенное в этом стиле.

В решении основных объемов машинного отделения использованы элементы восточной архитектуры, стилизованные в формах модерна. Внешний вид здания тесно связан с функциональным назначением. Его мягкие обтекаемые формы словно повторяют очертания находящихся внутри машин, их геометрический абрис. Главный элемент в создании художественно-декоративного образа постройки — изразцы и поливная черепица, сверкающая на солнце яркими желтыми, красно-коричневыми и зелеными цветами.

Дворец и машинное отделение, разные по своим архитектурным формам, Месмахер объединяет цветом, вводя в их облицовку одинаковые светло-желтые метлахские плитки. Связующим звеном между ними являются подпорные стены, которые отделаны такой же плиткой и поливной черепицей.

Большой Ливадийский дворец

Ялта, пос. Ливадия, ул. Батурина, 44а

В 1860 году по распоряжению Александра II Ливадия была приобретена Удельным ведомством у наследниц российского дипломата графа Л.С. Потоцкого. Супруга Александра II императрица Мария Александровна стала первой из Романовых владелицей Ливадии, и с тех пор, вплоть до национализации имения, оно оставалось собственностью трёх поколений российских императоров.

Бывший владелец имения граф Л.С. Потоцкий к концу 1850-х годов сумел превратить его в прекрасно обустроенную усадьбу с большим и малым двухэтажными домами, со всеми необходимыми служебными и хозяйственными постройками и уникальным по разнообразию растительности парком, раскинувшимся на 40 десятинах. Требовалось только приспособить имение к условиям высочайших приездов — со свитой, прислугой и охраной.

В этих планах Мария Александровна приняла самое живое участие. В первую очередь было намечено расширить Большой дом, отделив от него церковь в самостоятельное здание, построить Малый дом

Ливадийский дворец. Восточный фасад.
Фото К.В. Постникова.

для великих князей, дома для свиты, садовника, новую кухню. Архитектор Ипполит Антонович Монигетти (1819–1878) подчеркивал, что большинство служебных и хозяйственных зданий выполнено им в «татарском вкусе» или «во вкусе татарской избы». Проект дворцовой Крестовоздвиженской церкви основывался на синтезе архитектуры культовых сооружений Закавказья и Византии.

Общность творческих идеалов архитектора дворца и «удельного садовых дел мастера» Климентия Геккеля (1810–1885), прибывшего в Крым из подмосковного имения Марии Александровны «Ильинское», привела к созданию в Ливадии прекрасного дворцово-паркового ансамбля, связанного единым художественным замыслом.

Большое значение для украшения парка Монигетти придавал малым архитектурным формам. Им были найдены удачные решения беседок, пергол с вьющимися растениями, подпорных стен, изящных фонтанов. До сих пор сохранилась «турецкая беседка» над тоннелем в парке, ставшая своеобразным символом Ливадии, фонтан «Мария» во внутреннем дворике Ливадийского дворца, «Мавританский» и несколько мраморных чашеобразных — в парке.

По сути, за пять лет работы И.А. Монигетти создал новый облик царского имения: по его проектам и под его руководством в Ливадии было возведено более 70 различного назначения построек.

Вторая масштабная строительная кампания в Ливадии началась в январе 1910 и продолжалась вплоть до 1914 года. Она связана прежде всего с возведением нового Большого Императорского дворца на месте старого. Одновременно проходила полная модернизация имения в соответствии с техническими достижениями начала XX века. Ливадия была электрифицирована, построен лучший в Европе гараж для царских автомобилей, подъездные дороги приспособлялись к этому новому виду транспорта, совершенствовалась система водоснабжения и т.д.

Составление проектов главных зданий дворцового ансамбля — Большого Белого дворца, Свитского и кухонного корпусов, нового притвора дворцовой церкви, а также общее руководство огромным объёмом работ в имении Николай II доверил ялтинскому архитектору Николаю Петровичу Краснову (1864–1939).

Архитектурный стиль нового дворца определил сам император. В Италии ему понравился дворец короля Виктора-Эммануила III в стиле раннего итальянского ренессанса. По возвращении в Ливадию он высказал пожелание иметь в своем южнобережном имении дворец, выстроенный в таком стиле. На Краснова была возложена «единоличная ответственность за полностью самостоятельную работу по

Ливадийский дворец. Восточный фасад.
Фото К.В. Постникова.

возведению в Ливадии нового дворца, светского дома и кухни с меблировкой этих зданий, с переустройством старого светского дома в Гофмаршалский, с прокладкой новой главной подъездной дороги и с переустройством прилегающей к дворцу части Ливадийского парка».

Крестовоздвиженскую дворцовую церковь надлежало сохранить, но сделать ее полный внешний и внутренний ремонт. Ведущий строительство архитектор наделялся полной свободой действий в подборе технического персонала, закупке необходимых материалов, выборе фирм, артелей и отдельных подрядчиков, правом заключать или прекращать с ними договоры и т.д. «Инструкцией» определялся срок окончания строительных работ и внутренней отделки помещений, включая меблировку Дворца, светского дома и кухни — конец августа 1911 года.

К слому старого дворца и кухонного корпуса, построенных архитектором И.А. Монигетти в 1862–1864 годах, приступили 21 января 1910 года. Через полтора месяца началась закладка фундаментов для новых зданий. В январе 1911 года дворец был уже подготовлен к внутренним отделочным работам. Сдали его практически в намеченный срок — 14 сентября 1911 года.

Вслед за дворцом одна за другой сдавались другие постройки, в том числе светский дом и здание главной кухни. Новая кухня имела 90 помещений, оборудованных новейшими механическими аппаратами и специальными холодильниками, винный погреб и льдодель-

Ливадийский дворец. Итальянский дворик.
Фото: <http://ливадийский-дворец.рф>

ню, приводимую в действие электрическими машинами. Заканчивалось строительство служебных зданий, возводимых под руководством архитектора Г.П. Гущина: гаража, электростанции, карантинного дома, насосных станций и т.д.

Николай II писал матери о своих первых впечатлениях: «Мы не находим слов, чтобы выразить нашу радость и удовольствие иметь такой дом, выстроенный именно так, как хотели. Архитектор Краснов удивительный молодец — подумай, в 16 месяцев он построил дворец, большой Свитский дом и новую кухню. Виды отовсюду такие красивые, особенно на Ялту и на море. В помещениях столько света, а ты помнишь, как было темно в старом доме».

Новый Ливадийский дворец оценила и художественная общественность России. Академик Ф.Г. Беренштам писал в журнале «Зодчий»: «Дворец спроектирован в итальянском ренессансе XV–XVI веков. Основными мотивами композиции служили памятники Флоренции, но при этом приходилось считаться с требованиями загородного дворца и современного комфорта. Надо было, сохраняя строгую красоту дворцовой архитектуры, дать уют и интимность дачи, соединить величавое впечатление дворца с мягким покоем загородного дома, расположить здание так, чтобы некоторые части его были особенно открыты солнцу и воздуху, а крыши использовались для террас, бельведеров и вышек».

Сам архитектор Краснов дал очень краткую характеристику Большого Ливадийского дворца: «Проектирован и выполнен в стиле итальянского Ренессанса из штучного инкерманского камня, со всеми орнаментальными частями, высеченными из того же камня. Здание дворца имеет 116 отдельных помещений, один большой внутренний двор и три малых световых двора. Парадные официальные комнаты дворца отделаны и меблированы в том же стиле».

Сопоставив размеры нового дворца со старым, запечатленным на старинных фотографиях, можно заметить, как рационально Краснов разместил довольно большое здание на весьма ограниченной площадке горного склона, ранее занятой гораздо меньшим дворцом. Используемое для этой цели оригинальное пластическое решение композиции, архитектоника составляющих частей совершенно не свойственны итальянским дворцам, зато характерны для модного в начале XX века стиля «модерн».

Архитектурными цитатами итальянских дворцов являются сдвоенные и строенные окна ризалитов и высокой башни, поставленной на углу северного и западного фасадов, арочное оформление входа, изящная аркада балкона-бельведера. Ордерное разделение восточного фасада, обращенного к морю, подчеркивается не только колоннадой балкона, но и пилястрами, которые четко выделяются на фоне гладкой кладки стены и поддерживают сложный карниз, разделяющий первый и второй этажи и украшенный русской геральдикой. Обращают на себя внимание прекрасные «брамантовы окна» с изящной резьбой по инкерманскому камню и ниши с яшмовыми вазами Колыванской гранильной фабрики.

Замечательным образцом Ренессанса служит и главное украшение западного фасада — парадный вход во дворец. Архитектор оформил его в виде портика: три полуциркульные арки, спаренные коринфские колонны, портал входных дверей, скамьи — все это сделано из белого каррарского мрамора итальянскими мастерами фирмы С.Л. Уберти по эскизам Краснова. Резная орнаментация по мрамору изображает грифонов, дельфинов, гирлянды цветов и фруктов, медальоны в обрамлении аканта. Между полукружьями арок — картуши с вензелями членов царской семьи. Верх мраморного наличника парадного входа украшает герб Романовых. Мраморные львы у парадного входа — копии львов святилища Изиды и Серрата в Риме III в. н.э.

Ренессансный стиль дворца подчеркивается одним из его важнейших структурных элементов — большим внутренним двориком, называемым «Итальянским». Такие дворики-патио были характерны для палаццо Флоренции и Венеции XV–XVI столетий, являясь центрами всей пластической композиции зданий.

Удивительно гармонично удалось зодчему соединить в единый ансамбль два рядом стоящие здания разных архитектурных стилей — дворец и Крестовоздвиженскую церковь. С большим тактом он вносит изменения в работу своего предшественника: увеличивает притвор церкви примерно вдвое, что позволило устроить новый вход в храм, соединяет его открытой галереей с аркой ворот Итальянского двора. Галерея выполнена в виде византийской аркады, покоящейся на мраморных колоннах и завершающейся воротами ажурной ручнойковки итальянских мастеров конца XVIII века.

Парадных помещений в Ливадийском дворце немного — всего пять залов. Это и понятно: он в основном предназначался для семейного отдыха, а не для официальных приемов. В их оформлении Краснов использовал лепные украшения, резные панели из каштанового, орехового и красного дерева, прекрасные мраморные каминные. Последние, хотя и действующие, имели скорее декоративное назначение, т.к. дворец отапливался от котельной.

К работам по дворцовым интерьерам были привлечены мастера известных в России и Европе фирм, которые осуществляли замыслы архитектора по его эскизам и рисункам. Так, фирма по производству лепных работ братьев Аксерио прислала в Ливадию из Италии профессора Николини, до этого успешно закончившего реставрацию собора Сан-Лоренцо в Генуе. Фирма Э.Р. Менционе по мраморным работам наняла для изготовления колонн и каминов скульптора К.Ф. Катто. В удивительно хорошем состоянии сохранились обивка стен и наличники дверей из орехового дерева в бывшем «ожидательном зале» дворца, которые являлись частью большого заказа, выполненного петербургской фабрикой Ф.Ф. Мельцера.

Самое большое помещение дворца — парадная столовая с лепным потолком, огромным мраморным резным камином, прелестной «Пенелопой» скульптора Брюгера. В расположении окон и дверей этого зала архитектор добился выразительного эффекта. Восемь больших застекленных дверей, разделенных пилястрами, соединяют столовую с Итальянским двориком. На противоположной стене этот прием повторяется, здесь вместо дверей такой же величины арочные окна. Ритмический рисунок разделения стен пилястрами определяется колоннадой двора.

Одним из самых красивых залов второго этажа был кабинет императора. Недаром Николай II в дневнике 1911 года записал: «Я в восторге от своего верхнего кабинета».

Комнаты для гостей, а также личные покои царской семьи были украшены и обставлены мебелью в стиле «модерн» с изысканным подбором материалов и обивочных тканей. Новые технические

Ливадийский дворец. Бильярдная.
 Фото: <http://ливадийский-дворец.рф>

Ливадийский дворец. Парадная столовая.
 Фото К.В. Постникова.

Ливадийский дворец. Фрагмент экспозиции.
Фото К.В. Постникова.

приемы обработки дерева позволяли добиваться исключительных декоративных эффектов. Так, в малой столовой использовалась байцовка красного дерева под медь, в спальне и ванной комнате императрицы — липа, полированная под белый мрамор, в гостиной старших дочерей — отделка «под птичий глаз» и т.д.

Царская семья приезжала во Дворец всего четыре раза — осенью 1911, весной 1912, осенью 1913 и весной 1914 года. 12 июня 1914 года они выехали из Ливадии, не подозревая, что навсегда простились с ней. 1 августа началась мировая война.

Вскоре после отречения Николая II от престола большинство служащих имения приняли присягу на верность Временному правительству. Была назначена новая администрация, в обязанности которой входили охрана Ливадии и сохранность имущества.

Масштабные потери материальных и художественных ценностей дворцовых зданий и церкви начались после окончательного установления советской власти в конце 1920 года. Недолгое пребывание дворца в ведении Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос) и размещение по его указанию в нескольких залах Большого и Малого дворцов «Музея быта последнего царя» позволило сохранить в них часть художественных ценностей.

Попытки специалистов-искусствоведов музейного отдела отстоять дворец оказались тщетными. Совнарком РСФСР решил использовать императорский дворец в пропагандистских целях и пере-

дал весь Ливадийский городок Народному Комиссариату здравоохранения (Наркомздрав) с указанием организовать в Большом и Малом дворцах, Свитском и Министерском домах санаторий для бесплатно-го лечения крестьян. Официально курорт начал работу 1 мая 1925 года, а 28 июня состоялось его торжественное открытие. Весь дворец был увешан красными стягами, транспарантами, гирляндами цветов.

С 1931 года — начала массовой коллективизации — санаторий для крестьян был упразднён, и вместо него в Ливадии организована профсоюзная здравница, получившая название «Климатический лечебный комбинат им. И. В. Сталина». Массивная скульптура вождя некоторое время возвышалась на площади перед дворцом. «Лечебный комбинат» просуществовал до начала Великой Отечественной войны.

Более двух с половиной лет Крым находился под оккупацией — сначала 11-й армии генерал-фельдмаршала Э. Манштейна, затем 17-й армии генерал-полковника Э. Енике. По свидетельству крымских партизан, которые наблюдали за всеми передвижениями немцев, Большой дворец тщательно охранялся и практически не использовался. В нём немецкое командование устроило в июле 1942 года грандиозное празднование в связи с падением Севастополя.

Ялта была освобождена 16 апреля 1944 года. Все сохранившиеся от разрушений здания санаториев и домов отдыха были оборудованы под профильные госпитали. В Ливадийском дворце разместили госпиталь для солдат и офицеров с челюстно-лицевыми ранениями, однако в конце сентября 1944 года начальник госпиталя получил строго секретную депешу НКВД, в которой ему без всяких объяснений предписывалось срочно освободить дворец. Спустя несколько месяцев мир узнал о том, что в Ливадии с 4 по 11 февраля 1945 года прошла встреча «Большой тройки» — И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля.

Ялтинская (Крымская) конференция глав великих держав стала важнейшей вехой дипломатии периода Второй мировой войны, высшей точкой сотрудничества союзников, а Ливадийский дворец вошел в число мировых памятников истории.

Для полной гарантии успешного проведения встречи «Большой тройки» в условиях военного времени с советской стороны были предприняты беспрецедентные меры безопасности. Вокруг территорий трёх южнобережных дворцов-резиденций глав делегаций — Ливадийского, Алупинского и Кореизского были установлены два кольца войсковой охраны; с наступлением темноты вступало в действие и третье кольцо войскового дозора со служебными собаками.

43 комнаты Ливадийского дворца были подготовлены для Ф. Рузвельта, его дочери Анны Беттингер и ближайшего окружения прези-

Ливадийский дворец. Фрагмент экспозиции.
Фото К.В. Постникова.

дента. Рузвельт был восхищен обстановкой и созданными для него удобствами. Всё было в его вкусе. И дворец, и окружающий его парк ему сразу понравились.

4 февраля 1945 года в 4 часа дня в Белом зале начала работу Крымская конференция. Трём лидерам предстоял важный диалог о будущем Европы и мире после Победы. Семь раз во дворце проходили официальные встречи Большой тройки. Трижды (4, 9 и 11 февраля) здесь встречались министры иностранных дел СССР (В. М. Молотов), США (Э. Стеттиниус) и Великобритании (А. Иден).

По окончании конференции Ливадийский, Алупинский, Юсуповский (Кореизский) и Массандровский дворцы перешли в ведение комендатуры № 8 НКВД СССР и использовались в качестве государственных дач, причём Ливадийский и Массандровский дворцы предназначались для летнего отдыха И. В. Сталина.

В 1953 во дворце разместили профсоюзный санаторий. В 1974 году были открыты для посещения пять залов, посвящённых Ялтинской конференции. Окончательно здание было освобождено от санаторных служб в 1992 году. Только через 20 лет, в январе 2015 года, дворец получил своё современное название Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник.

По материалам книг Н. Калинин, М. Земляниченко «Романовы и Крым» (Симферополь, 2009) и М.А. Земляниченко «Императорские имения Ливадия и Ореанда. Что было, что осталось» (Симферополь, 2016).

ПАРКИ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА

Часть 1

В садах и парках Южного берега Крыма, созданных в XIX — начале XX столетия, отражены эстетические идеалы той эпохи, стремление преобразить побережье, создать здесь цветущий южный сад.

Территория Южного берега Крыма в зональном плане относится к умеренному климату, но несколько факторов определяют средиземноморское своеобразие климатических условий региона. Прежде всего, это южная экспозиция макросклона Главной гряды Крымских гор, благодаря чему освещённость побережья прямыми солнечными лучами продолжительна и интенсивна в течение всего года. Большое значение имеет уклон местности 20–30° в юго-восточном направлении. Сумма прямой и рассеянной радиации достигает 100 ккал/см² поверхности в год и более.

Исключительное значение для климата имеет своеобразный теплорегулятор — Чёрное море. Зимой толща нагретой летом морской воды медленно отдаёт тепло, что существенно повышает зимние температуры воздуха на побережье. За год Чёрное море получает 80 ккал см² поверхности. Температура его поверхностного слоя летом от 22 до 28°С, зимой постепенно снижается до 7–8°С. Климат Южного берега Крыма по количеству и времени выпадения осадков является аридным, т.е. в целом засушливым. Ежегодный ход осадков сближает этот климат с климатом Средиземноморья.

Ещё один климатообразующий фактор — высота макросклона Главной гряды Крымских гор. Скорость ветра на плато в среднем составляет 6–7 м/сек., у моря — 2–3 м/сек. В летний период восточные суховеи, достигая южного приморья, снижают относительную

влажность воздуха на 15–20%. Если в средиземноморских странах она стабильно держится на уровне 90%, то в Южном Крыму — 70–75% осенью и зимой, и 55–60% летом [2].

Выразительные природные формы и благоприятные для паркостроения возможности Югобережья обусловили здесь в XIX — начале XX века широкомасштабный процесс строительства дворцов и парков.

Природные и культурные предпосылки стали причиной возникновения в Крыму нового типа русской усадьбы, заменившей постепенно угасающий культурно-хозяйственный комплекс старых родовых поместий. Учитывая сложность и живописность ландшафта и высокие эстетические требования, основанные на европейских образцах и достижениях в ботанике и естествознании, в архитектуре дворцово-парковых комплексов появились совершенно новые ориентиры: рафинированная эклектическая архитектура, укутанная вечнозелёной экзотической растительностью, романтическая наполненность парковых композиций, своеобразная восточная детализация. Всё это — специфическая и уникальная особенность Югобережных усадеб. Благодаря особым природным условиям полуострова сады и парки Крыма служили исключительно загородными резиденциями, хозяйственные задачи отступили на второй план.

Для общей характеристики парков приведу обширную цитату из статьи Анны Абрамовны Галиченко «Парки Южного берега Крыма».

«Южный берег Крыма приобрел черты культурного ландшафта менее чем за столетие. После присоединения Крыма к России в 1783 году Г.А. Потёмкин возвёл в ранг государственной политики колонизацию пустующих земель с неперменным на них разведением садов и виноградников.

С назначением в 1824 году генералом-губернатором Новороссийского края графа М.С. Воронцова начинается интенсивное строительство усадеб русской знати. Все пространство дороги от Алушты до Фороса представляло собой архитектурную летопись. Идеалом владельцев становится экономическое поместье в сочетании с романтическим ландшафтом. Растительный фон мыслился цветущим, вечнозелёным и по-восточному экзотичным.

Первым и основным источником саженцев для всех усадеб являлся ботанический сад в Никите, основанный Х.Х. Стевенем в 1812 году. К 1837 году его каталог насчитывал 711 видов деревьев и кустарников, но самой большой ценностью являлась коллекция роз — в каталоге 1833 года перечислено 210 новых сортов.

Красота и своеобразие лучших парковых ансамблей Крыма объясняется искусным включением в пейзажи естественных геопластиче-

ских и растительных образований: источников, холмов, нагроможденный скал, камней, особо интересных экземпляров деревьев. Отношение к хвойным деревьям в Крыму, особенно к крымской сосне и кипарисам, сопрягалось с образами стойкости, мудрости, гордого одиночества. Реликту южнобережных гор — земляничнику мелкоплодному — отводилась роль скульптуры. Уникально составленные композиции солитёров в парках южнобережья не имеют равных.

В объёмно-пространственных композициях отдельных парков (Алупка, Массандра, Ореанда) умело использованы особенности приморского рельефа, нередко имеющего форму амфитеатра. Создатели парков обязательно включали в обзор северных видов одну из выразительных вершин Крымской горной гряды, в восточные и западные — морские мысы, в южные — гладь моря. Почти в каждом парке наличествовал свой «глаз пейзажа» — небольшой водоём, в зеркальной поверхности которого отражалось как бы второе пространство парка, например, горная вершина.

В стилистическом плане ландшафтное искусство Крыма первой половины XIX века примыкало к направлению, заданному английским паркостроителем Хемфри Рэптоном и русским учёным Андреем Болотовым. Они придерживались принципов разумного выбора, «соблюдая меру и присматриваясь к местности», а также добавления одного стиля к другому. Синтез понимался не как сумма стилиобразующих признаков, а как общность художественных и содержательных идей, настроенных на восприятие человека, передвигающегося по объектам парка и как бы собирающего воедино образы различных исторических эпох, географических зон и разнообразных видов природы. Каждое архитектурное сооружение получало соответствующий природный ореол.

После короткого затишья, вызванного Крымской войной 1854–1856 годов, паркостроение переживает новый расцвет, связанный с притоком в конце XIX века средних слоев общества. Начинается бурное развитие буржуазного курорта. Проектируются виллы, сады и парки в духе «крымского модерна».

В самом начале XX века популярной идея «города-сада». В преобразовании ландшафта в духе Сен-Симона и Фурье приняла участие демократически настроенная интеллигенция — врачи, ученые, инженеры. По чисто экономическим соображениям образ желаемого парка представлялся им совсем небольшим, напоминающий душистый цветник. Тут уже не картины и композиции, а каждый компонент (статуя, дерево, цветок) обретали самоценность и символическое значение. К украшению парков стали привлекаться художники. В 1905–1913 годах при участии Е. Лансере, В. Замирайло,

П. Кузнецова, П. Уткина, А. Матвеева появился единственный в своём роде ансамбль, представляющий собой синтез разных видов искусств и природы — Новый Кучук-Кой».

В первые годы Советской власти были объявлены неприкосновенными и взяты под охрану памятники ландшафтной архитектуры: Никитский ботанический сад, Карасан, Гурзуф, Ливадия, Ореанда, Харакс, Мисхор, Алупка, Форос. При слиянии мелких парков образовались обширные санаторные парки, появлялись общекурортные городские парки. В 1935 году стал создаваться генеральный план развития курортов.

Война нанесла тяжёлый урон культурному ландшафту. В том числе была утрачена уникальная коллекция роз Никитского сада, разрушены или повреждены павильоны, статуи, фонтаны. В 1971 году благодаря постановлению Совета Министров УССР о сохранении, восстановлении и развитии парков уход за парками улучшился.

Сегодня общая площадь крымских парков превышает 2000 га, из них чуть больше 1000 га приходится на ЮБК. Они не только изобилуют прекрасными растениями, но и являют собой выдающиеся образцы ландшафтного искусства [10].

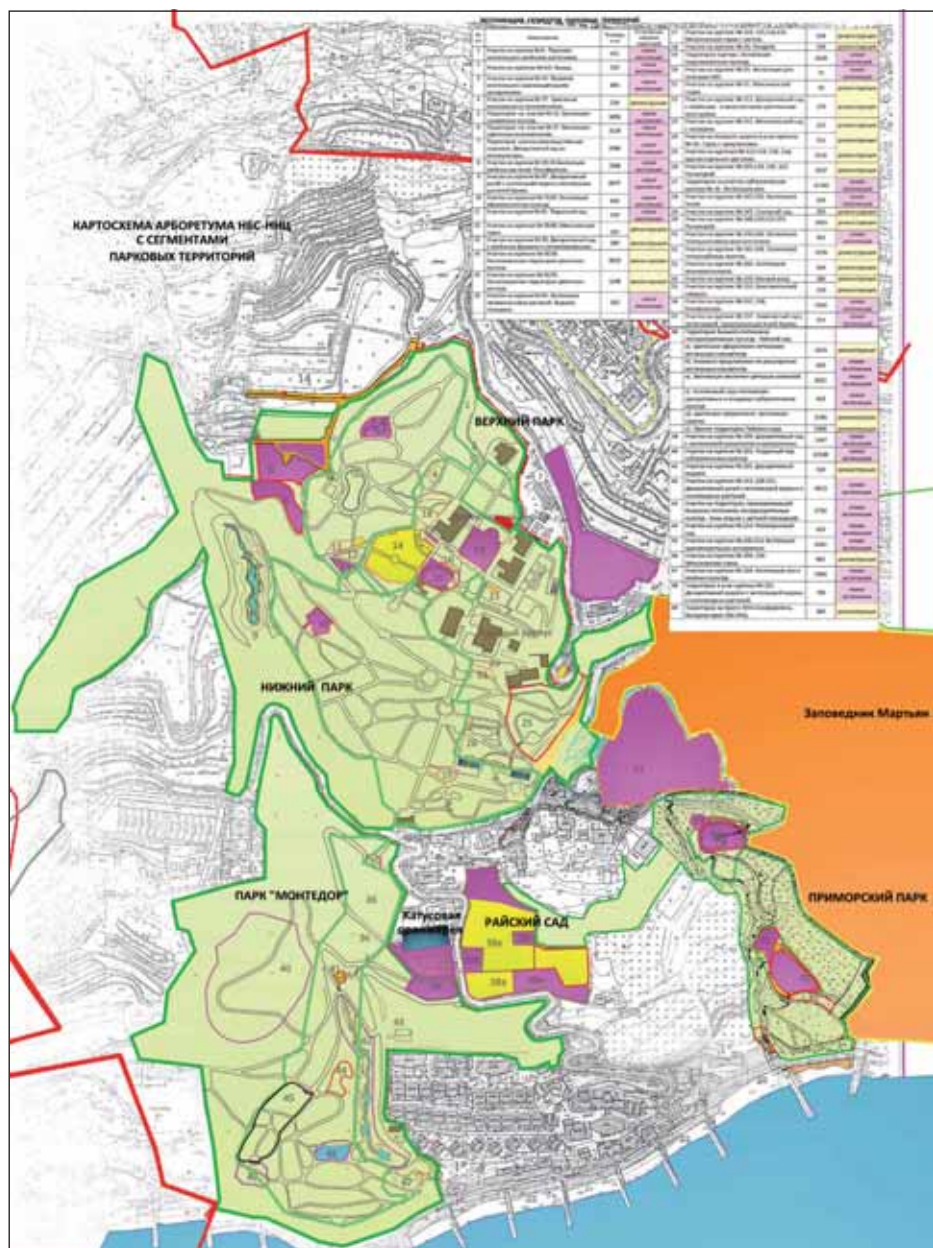
Никитский ботанический сад — Национальный научный центр РАН

*Республика Крым, г. Ялта, пос. Никита,
Никитский спуск, 52*

История создания

В июне 1811 года император Александр I подписал «Указ об учреждении в Крыму Императорского казённого ботанического сада», ассигновав на это до 10 000 рублей ежегодно. Указ появился по ходатайству херсонского военного губернатора герцога Эммануила Осиповича де Ришельё, управлявшего Новороссийским краем. Инициатива Ришельё была поддержана приближённым к императору графом Михаилом Семёновичем Воронцовым и главным инспектором по шелководству юга России Фридрихом Биберштейном, немецким ботаником, служившим в России почти двадцать лет.

В марте 1812 года, по рекомендации Ришельё и Биберштейна, на пост директора учреждённого «Императорского Таврического казённого ботанического сада» был назначен учёный-натуралист, ученик Биберштейна, 31-летний Христиан Стевен. Место для закладки сада

Генплан Арборетума Никитского ботанического сада.
И.И. Головнёв, 2017.

было выбрано в семи километрах к востоку от Ялты. Территория эта была подарена Екатериной II статскому советнику Смирнову (дача «Богоданная»), у наследников которого казна выкупила земли. Под сад выделялось 397 десятин 826 кв. сажен земли (433,03 га).

В 1812 году Стевен начинает строительство двух домов — для садовника из двух комнат и для работников. Для руководства садовыми работами Стевен нанял садовника Кондрата Вальда. Первые посадки начались только в сентябре, так как не нашли работников, желающих работать в этих местах. Принято считать, что фактически «сад основан только осенью 1812 года» [14]. Х. Стевен разрабатывает программу деятельности сада и ставит три основных задачи: максимальное обогащение сортимента сада всеми видами растений, разведение их для распространения по всей стране и размножение таких теплолюбивых растений, которые могли бы дать жителям южной России максимальный доход.

В марте 1827 года директором Никитского сада был назначен Н.А. Гартвис, Х. Стевен остался его непосредственным начальником по ботанической части. Н.А. Гартвис проработал в саду до 1861 года. Он не имел агрономического образования, но обладал богатым опытом садовода. Главной его заслугой является то, что он обратил особое внимание на развитие виноградарства и организовал, по предложению Х. Стевена, на базе Никитского сада Магарачское училище виноделия.

Так — несмотря на недостаток средств, рабочих рук, транспорта, отсутствие дорог — на Южном берегу Крыма начал свою деятельность Никитский ботанический сад, один из центров интродукции и акклиматизации, крупнейший рассадник растений, школа садоводства, виноградарства и виноделия России [18].

С первых лет основания сада Стевен максимально пополнял коллекцию перспективных растений для южного садоводства России. Внимание учёных было обращено на испытание таких растений, которые никогда в России не произрастали. Пример тому — акклиматизация чая и дальнейшая его передача для культивирования на юге Кавказа.

В результате активной деятельности Никитского сада на ЮБК появились рощи оливковых деревьев. Коллекция маслин в Никитском саду на тот период являлась одной из крупнейших в Европе и насчитывала до 40 сортов [1]. Известно, что в 1832 году сардинский король через своего консула приобрёл в Никите 100 маслиновых деревьев и посадил их недалеко от Турина. В 1838 году по повелению королевы Испании было приобретено 100 маслин для разведения в горной части Каталонии, пострадавшей от заморозков.

Никитский сад занимался выращиванием разнообразных сортов табака и распространением этой культуры в южных регионах России.

Первенство по акклиматизации цитрусов также принадлежит Никитскому саду. Н.А. Гартвис уделял большое внимание приобретению новых сортов фруктовых деревьев, в ходе испытаний выбирались самые устойчивые виды.

«Коллекции хвойных, роз, оранжерейных и цветочных растений пополнялись новыми видами. Выезжавшие за границу российские ботаники считали своим долгом направлять в Никитский сад новые растения. Широко шёл процесс обмена растениями. Граф Сен-При приобрёл в 1822 г. 1482 саженца... В 1838 г. в Англию были высланы “два ящика с разными сортами роз”. В свою очередь от английского ботаника Странвенса были получены сеянцы ново-голландских древесных растений. Прусский биолог (помолог) О. Бурхардт постоянно получал из Никиты таврические, кавказские, грузинские и персидские сорта фруктов, деревьев и винограда. Обмен шёл с Королевско-Баварским интендантом садов Фридрихом Людвигом Шкелль, с садоводами в Гааге и Эрфурте, обществом земледелия в Граце (Австрия), куда в обмен на виноград, каштаны и др. были высланы все сорта крымских и кавказских сортов винограда и плодов [27]. Только в 1858 г. было выслано древесных семян: Бусу в Флотбек — 36 фунтов, Гааге в Эрфурт — 48, Бенари в Эрфурт — 37, Фершафельду в Гент — 10 фунтов, ему же луковиц 120 штук, Хуг Ло в Лондон — 60 луковиц и 160 саженцев ели, Ловсану в Эдинбург семян 15 фунтов» [28].

Главным в работе сада было распространение новых сортов в России. Для того чтобы информировать население о возможностях сада, были изданы каталоги. За посадочным материалом стали обращаться государственные организации, земские суды, училища, военные части, общества. Популярность сада и круг его влияния из года в год растут. Посылки идут в Шигры Курской губернии, в Елизаветград, Николаев, Тулу, Смоленск, Литву, Тамбов [16, 12].

За счёт НБС ведутся насаждения декоративных растений по всему Южному берегу Крыма. В 1830 году Гартвис получил указание посадить «около всех казённых зданий на Южном берегу Крыма, начиная от Алушты до Байдар, деревья, которые бы не сбрасывали листья на зиму, а летом давали тень». Количество отпускаемых денег на содержание сада не перекрывалось доходами от продажи посадочного материала, поскольку государственным предприятиям и ботаническим садам растения и семена отпускались бесплатно. На базе Никитского ботанического сада за первую половину XIX века было создано более 80 казённых садов и питомников в разных районах России, из них 20 на Кавказе.

Для парка в Нижней Ореанде в 1832 году из Никиты было взято 2460 саженцев. В 1844 деревьями из Никитского сада был заложен сад

Нижний парк. Пальмовая аллея.

Фото Е.Е. Головнёвой, 2018.

вокруг Ай-Тодорского маяка. Саженцы отпускались в сады Партенита, Гурзуфа, Артека, Массандры, Ливадии, Алупки, Симеиза, Лимена (Голубой залив), Фороса и других населенных пунктов. До настоящего времени эти парки являются лучшим украшением Южного берега Крыма [18].

Характер, приёмы и ассортимент растительных композиций в них схож с растительными композициями Никитского сада: однопородные рощи, кипарисовые и пальмовые аллеи, акцентирующие висты (фиксированные точки обзора), пластика стрижек из лавра, обрамляющих опушки, райские уголки из экзотических растений.

Деятельность Никитского сада не ограничивается Крымом, «Более 400 000 отпущенных (проданных) саженцев, 1 700 000 розданных бесплатно, сотни тысяч прививочных черенков и десятки пудов различных семян, полученных из НБС, явились весомым вкладом в развитие садоводства на юге России. Крым в первой половине XIX в. стал своеобразным полигоном для испытания тысяч новых сортов растений, интродуцированных и акклиматизированных Никитским садом, явился плацдармом распространения этих растений» [18].

Общая характеристика

«В структурно-планировочном отношении Никитский ботанический сад представляет собой целую группу парков, композиционно обособленных друг от друга: так называемый Нижний (Центральный) парк — самый старый, заложенный ещё Х.Х. Стевенем; расположенный к северу от него и на более высоких отметках склона Верхний парк; Приморский парк, занявший полосу вдоль восточной периферии сада (более других защищён от северных ветров); можжевельниковый заповедник лесопаркового типа на мысе Мартьян, парк Монтедор на южной окраине сада, выходящей к морю. Этот парк создавался в течение последних десятилетий и формирование его ещё продолжается» [6].

Парки Никитского ботанического сада (Верхний, Нижний, Монтедор и Приморский), общей площадью 48 гектаров, создавались в разные периоды, но имеют схожую стилистику. Нижний парк заложен в 1812 году, Верхний парк — в конце XIX века, Приморский — с 1912 года, Монтедор с середины XX века. Общим планировочным принципом всех четырёх парков стало внимательное прочтение рельефа местности, свободная организация пространства и размещение растений не по ботаническим группам, а по декоративному принципу.

«Они расположены на разных отметках берегового склона, и их искусственные насаждения отражают особенности ветровых, инсоляционных, влажностных и других природно-климатических условий, что является большим достижением тех лет» [6].

В силу своей ботанической направленности коллекции Никитского сада не компоновались в единый парковый ансамбль, имеющий общую планировочную структуру с единым стилистическим звучанием. Формирование арборетума (дендрария) как парка началось фрагментарно с партерного участка в Нижнем парке и прогулочного пейзажного парка у министерской дачи в Верхнем парке. В начале XX века прогулочный парк был перепрофилирован в арборетум. Коллекционные растения дополнили природные растительные сообщества [6]. По мере роста коллекции происходило освоение промежуточных территорий, закладывались крупные однопородные рощи (кедра ливанского, дуба пробкового, оливковая, дзельквы граболистной, группа магнолии крупноцветковой в Нижнем парке). Такие приёмы характерны для многих парков первой половины XIX века.

В конце XVIII — начале XIX веков на полуострове начинается процесс обновления старых и развития новых городов. В соответствии с Высочайше утверждёнными требованиями, обязательным условием для строительства новых городов и посёлков в Крыму и придания

Парк Монтедор. Центральная поляна с декоративным бассейном.
Фото И.И. Головнёвой, 2017.

Верхний парк. Хвойная группа.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2018.

европейского вида городской среде стало обязательным устройство городских бульваров и ботанических садов. Первым ботаническим садом, в планировке которого воплотилась идея парка как системы прогулочных аллей вдоль многочисленных парковых картин, представляющих разные уголки мира, стал Никитский ботанический сад [8].

Верхний парк. Партер.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2018.

Верхний парк. Партер. Административное здание.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2018.

Наибольшее пополнение видового состава арборетума было осуществлено в 1927–1937 годах. В 1937 году — в год 125-летнего юбилея НБС — коллекция декоративных растений в открытом грунте насчи-

Верхний парк. Мальчик, извлекающий занозу.
Копия римской скульптуры I в. до н. э.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2018.

Фонтан слёз. Копия бахчисарайского фонтана.
Арх. Н.П. Краснов. Фото Е.Е. Головнёвой, 2018.

тивала 1057 видов и садовых форм деревьев и кустарников. Из них вечнозелёные лиственные и хвойные составили 1/3 всего видового и формового разнообразия дендрологической коллекции сада [10].

К 125-летию юбилею Сада было проведено архитектурное оформление Верхнего парка: сооружена колоннада с перголой, летний лекторий и бассейн [11]. В Нижнем парке появились мраморный бассейн с фонтаном и «Фонтан слёз». Установлены скульптуры: «Мальчик вынимающий занозу», «Девочка с лягушкой» (не сохранилась), «Мальчик, борющийся с гусем» (не сохранилась).

К началу 1970-х годов в арборетуме произрастало 1228 видов, 327 гибридов и садовых форм (всего 1555 наименований), принадлежащих к 90 семействам и 299 родам. Листопадные породы составляли 59% от общего количества растений арборетума, вечнозелёные 41%. Согласно уточнённым материалам каталога, в начале 1990-х годов в коллекции древесных растений арборетума насчитывалось всего 1797 таксонов, принадлежащих к 116 семействам.

В Никитском ботаническом саду собран коллекционный фонд плодовых, технических, декоративных древесных, кустарниковых и цветочных растений, который по видовому, сортовому и формовому разнообразию является одним из лучших в мире [9, 17].

Коллекции плодовых культур насчитывают около 7100 видов, сортов и форм 22 культур: семечковые (яблоня, груша, айва, хеномелес,

Верхний парк. Розарий.
Фото И.И. Головнёва, 2016.

Верхний парк. Экспозиция хризантемы.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2017.

Экспозиционная кактусовая оранжерея. Центральная куртина.
Фото И.И. Головнёвой, 2016.

подвои яблони и груши), косточковые (абрикос, персик, декоративный персик, нектарин, алыча, слива, вишня, черешня), субтропические (гранат, инжир, маслина, зизифус, хурма, фейхоа, киви); оре-

Экспозиция суккулентных растений в условиях открытого грунта.
Фото И.И. Головнёва, 2016.

Нижний парк. Бассейн в пальмариум с нимфеями.
Фото С. Халявина, 2017.

хоплодные (678 образцов), в том числе орех грецкий, миндаль (397 образцов), фундук. В арборетуме, на экспозиционных участках и в отделениях содержится более 2500 видов, сортов и форм цветочно-декоративных (роза, сирень, клематис, хризантема, ирис, лилейник, канна, тюльпан, нарцисс и др.), более 1200 таксонов древесно-кустарниковых (хвойные, вечнозелёные и листопадные лиственные, в том числе красивоцветущие и лианы) растений.

Собрана коллекция ароматических (эфиромасличных), лекарственных и пряно-вкусовых растений (346 таксонов). В условиях закрытого грунта представлена богатейшая коллекция суккулентов (786 таксонов), занимающая одно из первых мест среди российских коллекций.

В условиях *in vitro* сохраняется генофонд плодовых, цветочно-декоративных культур и редких видов природной флоры Крыма (более 1100 эксплантов) [9, 17, 23]. Гербарий насчитывает 160 000 листов, включая 24 типовых образца.

С 2014 года в Никитском ботаническом саду запущен современный научно-технологический комплекс «Биотрон», аналогов которому в России нет. На «Биотроне» проводятся исследования по биотехнологии, биоинженерии, физиологии, биохимии, вирусологии и диагностике растений. Вслед за «Биотроном» появилась лаборатория генноинженерных исследований, стратегическая цель которой — расшифровка растительного генома, улучшение сортов садовых культур с использованием современных генных технологий.

В 2017 году после реконструкции открыт парк «Монтедор». Восстановлены беседка, дорожно-тропиночная сеть, подпорные стенки, мостики; расчищены от 20-летнего самосева куртины, восстановлены древесно-кустарниковые растительные композиции; сформированы новые экспозиции: розарий (более 20 сортов роз), коллекция водных лилий (100 экз.), оливковая роща (100 экз.). В общей сложности высажено более 2800 растений [16].

В рамках гранта Российского научного фонда ведутся работы по созданию одного из крупнейших в России розария «Сад Розы», площадью 1,3 га, в котором будет представлено 2000 видов, форм и сортов из всех существующих 36 садовых групп — порядка 15 500 кустов роз [15].

В 2018 году совместно с сирийской делегацией высажена «Аллея дружбы» из маслины европейской. На экспозиционной территории «Райский сад» начаты работы по закладке экспозиции магнолий (7 видов, 2 формы, 10 сортов).

Уникальность

Начав свою интродукционную деятельность с 74 видов, Никитский ботанический сад интродуцировал и акклиматизировал к 1860 году 4067 видов и разновидностей плодовых, технических, декоративных и других растений, часть которых была внедрена в производство [18].

«Наряду с растениями, которые интродуцировались из пределов своего государства, значительная часть новых для России видов и

разновидностей была завезена из Англии, Австрии, Африки (Мыс Доброй Надежды), Бельгии, Баварии, Боливии, Бразилии, Вест-Индии, Гаити, Греции, Египта, Китая, Кубы, Македонии, Мексики, Манильских островов, Новой Зеландии, Непала, Патагонии, Парагвая, Персии, Перу, Португалии, Польши, Пруссии, США, о-ва Сицилии, Турции, Финляндии, Франции, Чили, Швейцарии, Японии. В свою очередь ряд стран: Англия, Австрия, Бельгия, Венгрия, Голландия, Германские государства, Италия, Испания, Польша, страны Северной и Южной Америки, Франция, Финляндия и другие — значительно увеличили сортимент плодовых и декоративных растений за счет получения российских растений, а также сортов селекции Никитского сада» [18].

На растениеводческой базе Никитского ботанического сада создавалось большое количество ботанических хозяйств, питомников и садов. На основе разработок НБС в Грузии, Абхазии, Аджарии и других регионах началось чаеводство. Никитский сад впервые в России акклиматизировал пробковый дуб, роща которого стала родоначальницей всех насаждений этого вида в нашей стране. Маслиновые рощи Крыма, Кавказа, Средней Азии возникли за счет получения посадочного материала из Никиты. Морозостойкие сорта олив из Никитского сада заняли прочное место в холодных районах Испании, Каталонии, Северной Италии и Южной Франции. Непревзойденные по качеству ароматические табаки Дюбек и Американ начали свой путь в Южной России, Бессарабии и на Кавказе, пройдя акклиматизацию и испытания в Никитском саду. Первые в России опыты по производству эфирного масла были проведены в Никитском саду. НБС активно занимался акклиматизацией и селекцией роз и цитрусовых для Закавказья.

Начав с нескольких аборигенных сортов винограда, НБС и созданное на его базе Магарачское училище виноделия увеличили к середине XIX века ампелографическую коллекцию до 400 сортов. После испытаний для массового разведения были рекомендованы 32 лучших сорта винограда, которые и получили широкое распространение [18].

Особой заслугой НБС является то, что он воспитал когорту отечественных садоводов, огородников, виноградарей и виноделов. Это научный центр изучения, развития и пропагандирования культуры выращивания растений и поддержания грамотного процесса садово-паркового строительства как на Южном берегу, так и в других регионах России.

В настоящее время в арборетуме Никитского ботанического сада сохранилось более 300 деревьев-интродуцентов, связанных с именами его первых двух директоров — Х.Х. Стевена и Н.А. Гартвиса. Это

Парк Монтедор.
Фото В.Ерёменко, 2010.

живое дендрологическое наследие является историко-культурной ценностью России и требует разработки специальной программы мониторинга и контроля [10].

Никитский ботанический сад — прообраз и уникальный образец создания единого культурфитоценоза на базе низкогорного пояса дубово-фисташковых, можжевельново-сосновых лесов и «шибляковых» зарослей, подтверждением чему является заповедник «Мыс Мартыан». Заповедная территория «Мыса Мартыана» — 120 га суши и столько же прилегающей морской акватории. Уникальный реликтовый лесной ландшафт сохранился на протяжении почти двух километров вдоль берега. На участке первозданного можжевельнового леса отдельные старые деревья имеют возраст 400–600 лет. Популяция земляничника мелкоплодного насчитывает около 3000 экземпляров [16].

На территории заповедника расположен археологический памятник — остатки средневековой прибрежной крепости XIII–XIV веков «Рускофиль-Кале».

Никитский ботанический сад — важный природно-культурный территориальный комплекс, выполняющий научные, социальные, экономические и экологические задачи.

Фисташка туполистная, возраст около 1000 лет.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2018.

Тис ягодный (*Taxus baccata* “Dovastoniana”),
возраст около 700 лет. Фото Е.Е. Головнёвой, 2018.

Маслина европейская (*Olea europaea* L.),
возраст около 1200 лет. Фото Е.Е. Головнёвой, 2018.

Земляничник мелкоплодный.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2012.

Заповедник «Мыс Мартьян».
Фото Е.Е. Головнёвой, 2012.

Парк-памятник садово-паркового искусства «Харакский»

*Республика Крым, г. Ялта, пос. Гаспра,
Алупкинское шоссе, 13*

История создания

Харакский парк располагается на мысе Ай-Тодор на высоте 40–60 метров над уровнем моря. Площадь парка — 17,5 гектаров.

Во второй половине I века на мысе Ай-Тодор был основан военный лагерь Харакс (по-гречески «форт»), ставший стратегическим опорным пунктом Рима на Южном берегу Крыма. На мысу была создана система крепостных укреплений. Памятник археологии «Крепость Харакс» в настоящее время расположен на территории санатория «Днепр», в пределах Харакского парка-памятника.

Посёлок Гаспра, к которому примыкает Харакский парк-памятник, возник в середине XVIII века как небольшая южнобережная деревня и стал известен после строительства в 1832–1836 годах дворцово-паркового комплекса князей Голицыных. Окружённая велико-

Указатель расположения античного некрополя римской крепости «Харакс» в заповедной роще можжевельника высокого (400–1000 лет).

Фото Е.Е. Головнёвой, 2010.

Генеральный план парка-памятника садово-паркового искусства «Харакский».
И.И. Головнёв, 2010.

Обрывистый берег парка «Харакский».
Фото Е.Е. Головнёвой, 2010.

Здание великокняжеского имения «Харакс».
Фото Е.Е. Головнёвой, 2010.

лепными виллами, Гаспра в середине XIX века превращается в модный курорт, место пребывания членов императорской фамилии и петербургской аристократии.

Имение «Ай-Тодор» вел. кн. Михаила Николаевича в Гаспре, приобретённое им в 1869 году, было самым крупным владением Романовых на Южном берегу Крыма после Ливадийского и Ореандовско-

Античная беседка.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2010.

го — около 70 десятин. В 1902 году имение увеличилось и занимало территорию более 200 десятин. В 1899—1900 годах по соседству с имением «Ай-Тодор» вел. кн. Георгий Михайлович купил 16 десятин земли и назвал своё имение «Харакс» в честь древней римской крепости.

Во время приездов на Южный берег Крыма любимыми занятиями Александра и Георгия Михайловичей были садоводство и археология. С их именами связано появление уникальной «горизонтальной тропы» (ныне она называется «Солнечная тропа»). В конце XIX века для обустройства имения «Харакс» владельцы пригласили ялтинского архитектора Н.П. Краснова. Архитектурный облик строений «Харакса», решённых в стиле шотландских коттеджей и загородных вилл («высокогорных шале»), соответствовал тогдашней моде.

В пределах Великокняжеского имения формируется великолепный парк. Высадка парковых экзотов началась сразу после разработки плана застройки имения «Харакс». Не случайным было появление в Харакском парке античной парковой беседки — она перекликается с расположенным неподалёку на мысе Ай-Тодор античным некрополем, сооружённым в III—IV веках.

После революции и гражданской войны в 1920-е годы на базе имения «Харакс» открывается одноимённый санаторий Нарком-

Античная беседка.

Фото: http://ai-petri.com/uploads/posts/2014-04/thumbs/1396594491_03-1-harakskiy-park-antichnaya-besedka.jpg

здрави Украины. В годы Великой Отечественной войны здесь располагался военный госпиталь, в послевоенный период шло интенсивное восстановление здравницы. Современный санаторий «Днепр» на 400 мест имеет нервно-соматический профиль и работает круглогодично [20].

Общая характеристика

В основу парковых композиций Харакского дворцово-паркового комплекса, одним из авторов которых был архитектор Н.П. Краснов, положен пейзажный стиль с элементами регулярной планировки в районе усадебных построек.

Общая композиция Харакского парка подчинена рисунку береговой линии и задаётся конфигурацией центральной прибрежной аллеи, проходящей над бровкой приморского обрыва. От неё парковые дорожки отходят либо к морю, где сформирована система лестничных переходов и площадок для отдыха, либо к центральной части парка.

Регулярная планировка сохранена в центральной и западной частях парковой территории, в районе бывшего великокняжеского дворца (корпуса № 1 санатория «Днепр»). В регулярных композициях, объёмно-пространственное решение которых подчинено стро-

Регулярная планировка около усадьбы.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2010.

гой геометрии, наблюдается чёткое деление на открытые и закрытые пространства.

Партер Харакского парка воспринимался целиком из окон парадных залов великокняжеского дворца и с верхних террас. В рисунке партера использованы растительные мотивы, хорошо сохранились объёмные декоративные полосы буксуса в партерной части. Неотъемлемой частью партера являлись периметральные непрерывные рабатки (полосы), выполнявшие защитную и декоративную роль. В их композицию включались скульптуры, фигурная стрижка, цветы.

Обрамляли парадную открытую часть дворцово-паркового ансамбля боскеты — компактные композиции из вечнозелёных деревьев и кустарников, в которые были включены фонтаны, бассейны, парковые скульптуры, партеры. Размер боскетов, с учётом камерности Харакского парка, был небольшим — использованы стриженные зелёные стены различной высоты (от 0,5–1,5 м до 2,0–5,0 м) из ягодного тиса, кипариса, буксуса и др. В боскетах применялась не только ровная стрижка (низкая по периметру и многоярусная), но и фигурная — в виде аркад, колоннад и других архитектурных форм.

Неотъемлемый элемент Харакского парка — аллеи, решение которых отличается значительным разнообразием. Ряд аллей в придворцовой части отличается строгим геометризмом, остальные решены в более свободном стиле. Основная порода деревьев для аллейных по-

Боскеты в партерной части парка «Харакский».
Фото Е.Е. Головнёвой, 2010.

Декоративный фонтан возле зелёного лабиринта.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2010.

Аллея в сторону моря, обрамленная двумя рядами пирамидальных кипарисов.

Фото: http://www.krym4you.com/files/catalog/456/gallery/big/haraks-13_1524401006.jpg

садок — кипарис вечнозелёный. Великолепна центральная аллея придворцового участка, обрамлённая двумя рядами пирамидальных кипарисов, создающих кулисы по бокам и обеспечивающих целенаправленную висту в сторону моря и обратно, в сторону дворцового здания. Эта аллея — главная композиционная ось, уходящая по прямой в сторону моря, завершается в нижней части парка, над приморским обрывом, смотровой площадкой, обрамлённой каменными скамьями в античном стиле.

Вторая главная композиционная ось проходит перпендикулярно первой от корпуса № 5, через бывший великокняжеский дворец в сторону мыса Ай-Тодор. Второстепенная композиционная ось проходит у приморской границы парка, вдоль бровки обрывистого приморского склона, где сформирована система видовых полукруглых площадок, ещё одна расположена в восточной части территории, в районе клуба-столовой.

Главный композиционный центр Харакского парка-памятника — здание бывшего великокняжеского дворца (корпус № 1) с партерной частью. Второстепенные композиционные центры — корпус № 5 и клуб-столовая с бассейном и прилегающими куртинами. В роли локальных композиционных центров выступают здание бывшего свит-

Аллея со смотровой площадкой и каменными скамьями.
Фото И.И. Головнёвой, 2010.

ского корпуса (корпус № 2), беседки над морем и спальный корпус № 6 с видовой площадкой.

На территории парка имеется восемь видовых точек, обеспечивающих обзор как самого объекта, так и прилегающих ландшафтов. На большей части территории парка, простирающейся в сторону мыса Ай-Тодор и моря, преобладает ландшафтный стиль. Пейзажные объекты построены на чередовании открытых и закрытых пространств. В состав парка входит часть уникальной можжевелевой рощи на мысе Ай-Тодор, остатки Харакской крепости.

Планировка Харакского парка приспосабливается к рельефу, в нём строгость линий классического плана соединилась с живописностью, вносимой рельефом. Для парка характерна система террас, обработанных подпорными стенками и растениями с декоративной стрижкой. Удачно произведено террасирование рельефа при размещении дворца. Оригинальна античная беседка, в которой колонны образуют уютный квадратный дворик, в центре которого размещён небольшой круглый фонтан. Колоннаду венчали подлинные римские карнизы, вероятно, найденные при раскопках крепости Харакс. По авторскому замыслу беседка символизирует связь времён — наших дней и античности.

В советский период были оформлены новые парковые дорожки и аллеи с учётом функционирования новых зданий санатория «Днепр» (водолечебница, корпуса и др.).

Уникальность

Харакский парк, как ценный образец паркового строительства на Южном берегу Крыма, взят под охрану в эстетических, научных, природоохранных и оздоровительных целях.

Научное значение парка состоит в высокой видовой насыщенности древесными растениями. Здесь произрастает 158 видов (более 50 декоративных форм) деревьев и кустарников, из которых хвойных пород 29 видов, лиственных деревьев — 69, кустарников и кустарничков — 54, лиан — 6 видов. Это самый высокий в Крыму показатель видовой насыщенности паркового ландшафта экзотами.

Физиономический тип парка примерно на 30% определяет можжевельник высокий. В сочетании с разными видами древесных интродуцентов он образует множество оригинальных типов паркового ландшафта, которые на ЮБК больше не встречаются. К ним относятся высокоможжевеловые рощи, можжевело-фисташковые редколесья, можжевело-кипарисовые композиции, грабинниково-можжевеловые участки, пушистодубово-можжевеловые естественные насаждения, можжевело-сосновые куртины, можжевело-кустарниковые парковые композиции, можжевело-лиственные типы посадок, можжевельник в солитерных посадках, можжевело-кедровые композиции.

На территории Харакского парка произрастает значительное количество деревьев-долгожителей. По количеству вековых растений это один из самых старинных парков Южнобережья, особая научная ценность которого состоит в том, что многие деревья-долгожители относятся к охраняемым видам: можжевельнику высокому и фисташке туполистной. Возраст большинства растений — от 200 до 300 лет, почти все находятся в хорошем состоянии. Имеются и другие породы деревьев-долгожителей, например, дуб пушистый. Среди интродуцированных растений насчитывается большое число вековых деревьев, прежде всего кипариса вечнозеленого. Все деревья-долгожители в той или иной степени являются центрами декоративных композиций и во многом определяют облик паркового ландшафта.

В Харакском парке произрастает 1707 экземпляров ценных древесных пород, относящихся к 13 таксонам: можжевельник высокий — 1157 экз., дуб пушистый — 149, фисташка туполистная — 138, тис ягодный — 88, земляничник мелкоплодный — 13, сосна алеппская — 43, пихта греческая — 6, пихта кавказская — 2, земляничник крупноплодный — 2, кипарис вечнозеленый — 58, кедр гималайский — 31, кедр атласский — 19, кедр ливанский — 1 экз. Состояние вековых деревьев и ценных экзотов хорошее, в парке созданы оптимальные условия для раскрытия их декоративных качеств.

Роща кедра атласского.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2010.

В парке выявлены 23 типичных культурфитоценоза, которые доминируют в парковом ландшафте и определяют его внешний облик. Их возраст — 100–150 лет, но есть можжевело-фисташковая роща, возраст отдельных представителей которой достигает 500–600 лет. В этой роще расположен античный памятник археологии «Крепость Харакс», относящийся к I–II векам н.э., что придаёт роще научную и историческую ценность.

Парк можно рассматривать как образец рационального использования территории без значительного ущерба для аборигенных растений. Это старинный парк с уникальным сочетанием аборигенной и культурной растительности, с выдающимися ландшафтными и археологическими памятниками.

Парк-памятник садово-паркового искусства «Утёс Карасан»

*Республика Крым, г. Алушта,
пос. Партенит, ул. Васильченко, 10*

История создания

Парк расположен в поселке Партенит, на территории санатория «Карасан», в 15 км от Алушты, на берегу моря, в бухте между горой Аю-Даг (Медведь-гора) и мысом Плака.

Парк бывшего имения Бороздина — один из старейших парков ЮБК, ровесник Никитского ботанического сада. В парке собрано более 200 видов, разновидностей и форм растений из Средиземноморья, Японии, Северной и Южной Америки. В основу парковых композиций авторы паркового комплекса «Утёс-Карасан» (среди них был французский садовод Э.Ю. Либо) приняли ландшафтный стиль с элементами усадебной архитектуры. Густая сеть спланированных дорожек вела к мысу Плака и небольшой пристани. Первоначально парк располагался вдоль всего побережья Кучук-Ламбатской бухты, по обе стороны от усадьбы, которая находилась посередине, на месте нынешнего стадиона санатория «Карасан». На этой территории имеются крупные старые деревья, свидетельствующие о месте расположения исторического парка.

Место старой усадьбы в парке «Утёс Карасан».
Фото Е.Е. Головнёвой, 2010.

Здание бывшего особняка графини Гагариной.
Фото: http://anapacity.com/Images/Objects/Big/3878_3404.jpg

Старый барский дом А.М. Бороздина не сохранился, как не сохранилась единая территория его имения и обширного ландшафтного парка. В западной его половине появилась усадьба Н.Н. Раевского (младшего) «Карасан», в центральной части обосновался наполеоновский маршал принц Мюрат. Мюратовский дом дожил до нашего времени, но значительно переделан и окружён новыми постройками. На мысе Плака, в восточной части бывшего имения А.М. Бороздина, разместился особняк графини Гагариной, вдовы М.Н. Раевского.

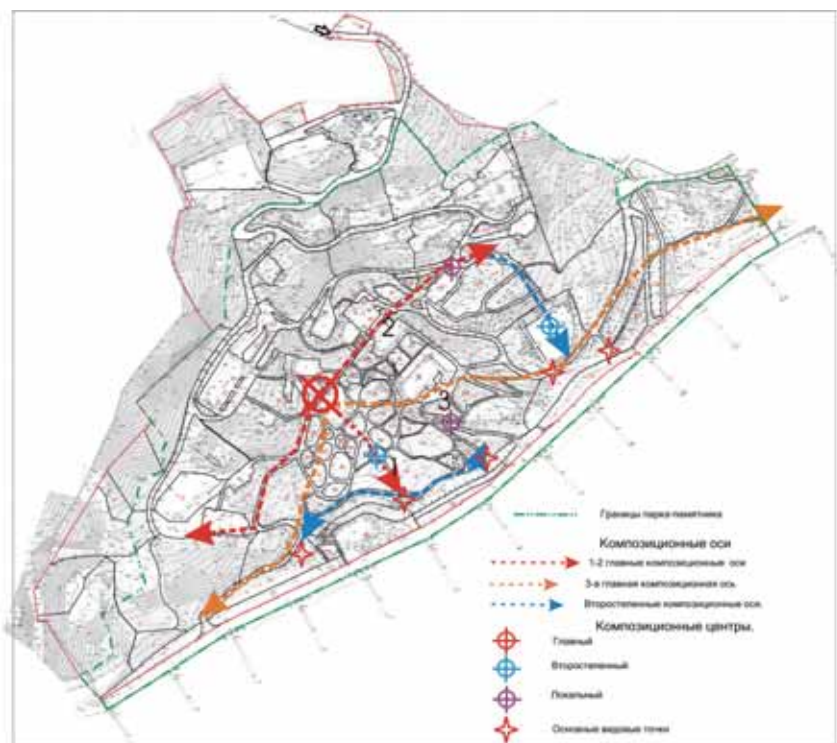
Николай Гартвис непосредственно помогал Раевскому в планировании парка и производстве посадок. Известно, что в Карасане имелись большие виноградники, помологический сад, огород, значительное место занимал винный погреб, стояла оранжерея с тропическими и субтропическими растениями, которые выставлялись на летний период.

Сын Н.Н. Раевского Михаил Николаевич построил в Карасане новый особняк, сохранившийся до нашего времени. Он много времени посвящал Карасанскому парку, будучи директором департамента земледелия России и президентом Российского общества садоводов [21].

Общая характеристика

Одна из главных композиционных осей проходит по центральной аллее в сторону моря, через рощу сосны итальянской, и завершается смотровой площадкой в нижней части парковой территории над приморским обрывом.

Вторая главная ось находится в северо-западной части парка и проходит от розария (у летнего кинотеатра), между корпусами № 2 и 5, к северному фасаду усадьбы Раевских. Это направление определяется многоярусной парковой композицией из декоративных стрижек и наличием спального корпуса на месте бывших хозяйственных усадебных построек.

Парк-памятник садово-паркового искусства «Утес–Карасан».
Расположение композиционных осей.
И.И. Головнёв, 2010.

Фрагмент озеленения у спального корпуса.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2010

Одна из главных композиционных осей парка, проходящая через стадион
(бывшая усадьба А.М. Бороздина). Фото Е.Е. Головнёвой, 2010.

Здание бывшего дворца в мавританском стиле.

Фото: <https://krym-portal.ru/wp-content/uploads/2018/06/1114-800x445.jpg>

Второстепенная композиционная ось проходит вдоль приморской границы парка, по бровке приморского склона и обозначена системой видовых точек.

Композиционный центр Карасанского парка-памятника — здание бывшего дворца, второстепенные композиционные центры — корпус № 1, стадион — место бывшего «барского дома» и площадки над морем.

Планировка пейзажного парка приспособлена к рельефу, в ней строгость линий классического плана соединилась с живописностью, вносимой рельефом и природными источниками, которые превратились в искусственный водоём с фонтаном и скульптурой нимфы. Пейзажные объекты построены на принципах чередования открытых и закрытых пространств.

Бывшая усадьба Раевских в мавританском стиле гармонично вписалась в существующий ландшафт, а раскинувшаяся перед дворцом роща сосны итальянской удачно дополняет дворцово-парковый ансамбль. Кроны высоких деревьев образуют зелёное облако, которое словно парит перед усадьбой.

По обе стороны от центральной поляны пространство незаметно перетекает в неглубокие балки, образованные, по всей видимости, ранее действующими водотоками. В восточной части парка наряду с вечнозелёными экзотическими растениями (земляничник крупноплодный, калина лавролистная, фотиния и пр.) увеличивается хвой-

Искусственный водоем с фонтаном и скульптурой нимфы.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2010.

Роща сосны итальянской перед усадьбой.
Фото: <http://krim.biz.ua/utes/utes-22-foto.jpg>

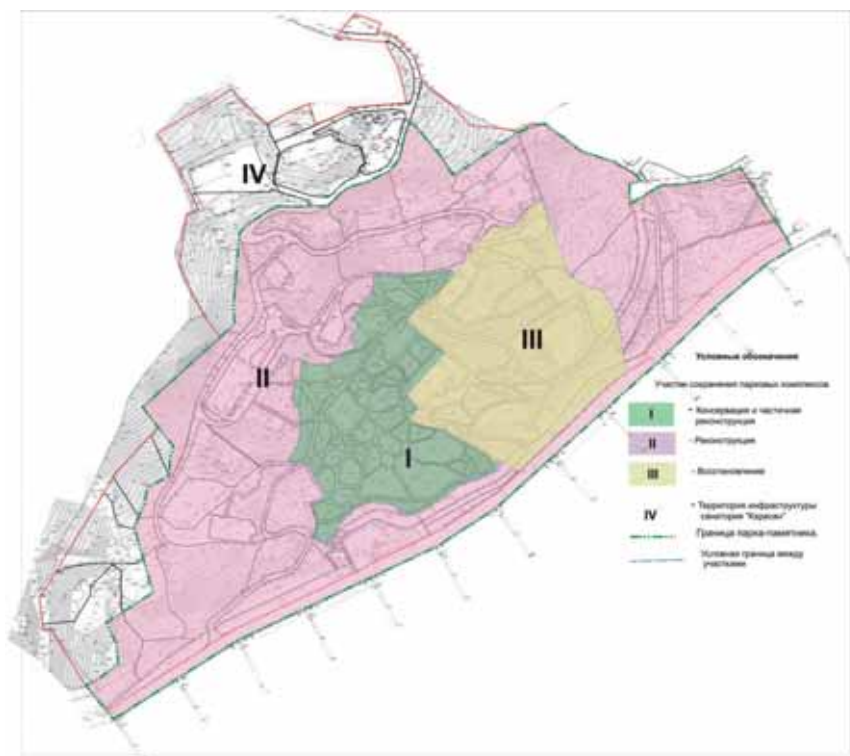

Схема сохранения парковых комплексов парка-памятника «Утес-Карасан».
И.И. Головнёв, 2010.

Роща сосны итальянской в восточной части парка.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2010.

Видовая площадка.
Фото: <https://crimeatourburo.ru/userfiles/3713.jpg>

ная группа (сосны, кедры, кипарисы, секвойи и либоцедрус). В западной части находится мощная роща дуба каменного, которая интересна своими плотными кронами, создающими глубокую тень и прохладу.

За прошедшие десятилетия парковая территория претерпела несколько реконструкций, связанных с разделом имения Бороздина, событиями 1917 года и изменением статуса территории после расширения инфраструктуры санаторного комплекса «Карасан».

В основе перспективного развития должна стоять научно обоснованная концепция создания здесь культурного ландшафта, в котором будет поддерживаться гармоничное соотношение между хозяйственной и рекреационной деятельностью человека и природными ресурсами территории.

Уникальность

Это один из самых старых парков на побережье. В нём имеется уникальная роща сосны итальянской в возрасте около 100 лет. На территории парка произрастает немало деревьев-долгожителей фис-

Роща кедра атласского.

Фото: http://anapacity.com/Images/Objects/Big/3890_3435.jpg

Роща сосны итальянской.
Фото Е.Е. Головнёвой, 2010.

ташки туполистной. Возраст большинства растений составляет от 200 до 300 лет, почти все находятся в хорошем состоянии.

Флористический комплекс насчитывает более 220 видов флоры, в том числе 30 видов редких, около 200 экземпляров деревьев, возраст которых достигает 100–400 лет, и более 100 экземпляров растений, занесённых в Красную книгу. На территории сохранилась усадьба Раевских в мавританском стиле.

Республика Крым,
пос. Гурзуф, ул. Ленинградская, 10

Парк-памятник «Гурзуфский» расположен в посёлке городского типа Гурзуф, в восточной части Гурзуфского амфитеатра, в 14 км к северо-востоку от Ялты, на берегу моря в устье горной реки Авунды. Он находится на территории Государственного предприятия «Санаторий “Гурзуфский”», граничит с землями Гурзуфского поссовета и занимает площадь 12,0 га.

193

На месте посёлка Гурзуф в III веке до н.э. — III веке н.э. существовало античное поселение Горзувиты. Во времена императора Юстиана I на берегу была построена каменная крепость Дженовез-Кая (Генуэзская скала). Остатки укрепления Дженовез-Кая находятся в пределах парка-памятника «Гурзуфский».

В конце XVIII века, во времена Русско-турецкой войны, Гурзуф был маленькой татарской деревушкой, насчитывавшей 179 жителей. Новый период начинается в 1783 году, когда владельцем Гурзуфа стал князь Потёмкин-Таврический, затем — герцог де Ришельё. В 1823 году Ришельё продаёт имение «Гурзуф» графу М.С. Воронцову, в 1840 году имение переходит к новому владельцу — сенатору И.И. Фундуклею.

В 1881 году крупный подрядчик П. Губонин купил большую часть имения у наследников Фундуклея и начал строительство большого курорта. Гурзуф стал одним из самых благоустроенных курортов Южного берега Крыма. В парке в начале XX века были размещены семь фешенебельных гостиниц европейского уровня на 200 номеров.

В парке имелись статуи и фонтаны, пьедесталы которых были украшены известняковым туфом, раковинами, сталактитами и вьющимися растениями. Сохранились фонтаны «Ночь» и «Рахиль», не сохранились «Дети», «Гречанка» и «Нимфа».

Фонтан «Ночь».

Фото: http://журналкрым.рф/uploads/posts/2015-08/1440604708_gurzufskiy-park-boginya-noch.jpg

Историческое здание лабораторного корпуса.
 Фото: <https://img.lookmytrips.com/images/look646j/big-57efe087ff9367071a0357c0-57f687d92ec08-1bvd1up-lbcvr.jpg>

Историческое здание спального корпуса «Гагаринский»
 с памятником В.И Ленину. Фото: http://www.turgurzuf.ru/images/aaaaaaaaaaaa/gurzufskii_6760.jpg

Скульптурная группа «Орфей».
Фото Е.Е. Головнёвой, 2009.

Скульптурная группа «Диана».
Фото: <https://f.otzyv.ru/photoalbum.php?id=115028:12478#photo347591>

Скульптура «Пушкин» в начале «Аллеи писателей».
Фото: <http://prcrimea.com/images/2861.jpeg>

Многофигурный фонтан «Ночь» — бронзовая копия фонтана в Вене берлинского скульптора Бергера — имел электрическую подсветку. «Шестьдесят мелких водяных струй, освещённых снизу разноцветным электросветом, в виде огненного снопа бьют из недр водоёма и рассыпают вокруг раскаленные искры. Масса воды то фиолетовая, то алая, то голубая» [24].

Старый дом герцога Ришельё стал Губонинской дачей и предназначался для высочайших гостей. Архитектурный облик курортных гостиниц напоминал богатые дачи разнообразием силуэта, резными кружевными карнизами, конусообразными башнями.

Эстетику курортной среды дополняла парковая зона, в которой для привлечения на новый курорт богатой публики были размещены декоративные фонтаны и скульптурные группы. В начале XX века Гурзуфский курорт вместе с парком стал собственностью московского акционерного общества.

С 1922 года на месте Губонинских дач был организован санаторий для красноармейцев. Позднее Гурзуфский центральный военный санаторий находился в подчинении Министерства обороны СССР, а потом Украины [22].

Общая характеристика

В конце XIX – начале XX века стали создаваться курортные комплексы, способные удовлетворить вкусы богатой публики. Гурзуфский курорт был организован на приморской территории в 15 десятин, композиция парка развивалась от морского берега вверх, по склону гор вдоль реки Авунда и представляла собой сеть тенистых аллей, соединённых дорогами и тропинками.

Центральная аллея, проходящая вдоль русла реки и далее вдоль пальмовой аллеи — от Гагаринского корпуса к морю, является центральной композиционной осью парка. Она акцентирована парковыми композициями из старых платанов, каштанов, кедров, маслин и кипарисов, формирующими микроландшафт. Протяжённые стриженные изгороди вместе с цветочными клумбами подчёркивают парадность участка. Вправо и влево от центральной аллеи располагаются отдельные пространственные композиции, перетекающие одна в другую и позволяющие наслаждаться уединением, минуя разнообразные парковые ландшафты. Здания размещены по периферии пространства, каждое здание имеет композиционный центр в виде фонтанов, скульптур либо клумб.

Важная особенность парка — преобладание закрытых пространств с вертикальной и горизонтальной сомкнутой растительностью. Это

Набережная вдоль реки Авунда.

Фото: <https://www.liveinternet.ru/users/dinka-irinka/post242301287/>

Пальмовая аллея.

Фото: <http://i.otzovik.com/2015/07/01/2217672/img/24204762.jpg>

Парковая композиция с рощей платана.

Фото: <http://fb.ru/misc/i/gallery/10506/976345.jpg>

Парковая композиция с топиариями.
 Фото: http://www.snpltd.ru/crimea/Big_Yalta/gurzuf/

Парковые пространства с сомкнутой растительностью.
 Фото: https://img-fotki.yandex.ru/get/110545/144337373.360/0_1488d8_92484095_XXL.jpg

Парковые пространства с сомкнутой растительностью.

Фото: http://my-krym.ru/wp-content/uploads/2013/06/Gurzufskij-park_0261.jpg

компенсируется включёнными в общую композицию перспективами на горы и море.

Гордостью первого владельца курорта были великолепные газоны — редкое для крымских парков явление. Постоянное водоснабжение позволяло содержать газоны гурзуфского парка в прекрасном состоянии. Со временем этот эффект был утрачен в результате бессистемных посадок и разрастания самосевных растений.

Восточная часть парка практически изолирована вертикально-сомкнутой растительностью, которая фланкирует висты (точки обзора) на горы. Юго-западная часть сформирована в пейзажном стиле. Его композиционный центр — фонтан «Рахиль». Когда-то здесь произрастало около 150 сортов роз, устанавливалась огромная клетка, в которой летом содержались певчие птицы.

Выше по рельефу находилась видовая площадка, называемая «Белью», с которой открывался великолепный вид на Гурзуф [24]. В конце XIX столетия Гурзуф был признан самым благоустроенным курортом Южного берега Крыма.

Фонтан «Рахиль».

Фото: http://suntime.com.ua/sight_item.php?id=2424#tab=1m

Скульптура фонтана «Рахиль».

Фото: <https://f.otzyv.ru/f/12/11/115028/12478/2511122027594.jpg>

Уникальность

Парк «Гурзуфский» — один старейших на территории Южного берега, его история связана с выдающимися личностями — герцогом де Ришельё, графом Воронцовым, семьёй Раевских и, наконец, с именем А.С. Пушкина.

Особой охране подлежат редкие культурфитоценозы, состоящие из пород, которые в парках Южного берега Крыма не являются ландшафтообразующими: софора японская, бундук канадский (или кентукское кофейное дерево), магнолия крупноцветковая, речной кедр сбежистый, альбиция ленкоранская. Они занимают в парке небольшие участки, но не менее ценны, чем крупные рощи распространённых видов. Эти сообщества заслуживают бережной охраны как объекты научного изучения и как композиционные узлы парковой структуры. Возраст сообществ различен — от 50 до 100 лет.

На территории парка сохранились исторические деревья и культурфитоценозы, возраст которых составляет 150–200 лет. Такие деревья и парковые сообщества отнесены к мемориальным. На территории парка находится около десятка сообществ-мемориалов и 13 мемориальных деревьев-долгожителей.

Мемориальная аллея З.П. Соловьёва состоит из кедра атласского (4 экземпляра) в возрасте 120–150 лет в хорошем состоянии. Рядом, на этой же куртине, находится кулиса из самшита болеарского (три многоствольных экземпляра) с хорошей жизненностью и почтенным возрастом (100–130 лет). Как аллея, так и кулиса — остатки архитектуры парка, заложенной в последней четверти XIX века, и потому представляют немалую ценность.

Особый интерес представляют сообщества интродуцентов, имеющие возраст 80–110 лет — сосен (в основном, сосны итальянской), кедрово-сосновые рощи, культурфитоценозы кипарисов (кипариса вечнозелёного пирамидальной и горизонтальной формы), конского каштана обыкновенного, кедров (атласского и гималайского). Интересна линейная посадка церциса европейского довольно почтенного возраста, располагающаяся вдоль пальмовой аллеи.

В составе флоры Гурзуфского парка помимо деревьев-долгожителей встречается немало редких растений-экзотов, которые в других парках Южного берега отмечены в единичном числе: каштан конский мясо-красный, гинкго двулопастное, ель гималайская, псевдотсуга Мензиса (дугласия) и др. Редких видов и форм растений парка — около 13% от общего видового состава древесных растений парка.

Число деревьев-долгожителей парка достигает 120 экземпляров, примерно 20% от всех древесных экзотов парка, т.е. каждое пятое

«Пушкинский дуб» — дуб черешчатый (*Quercus robur* L.)
возрастом около 300 лет.

Фото: <https://7dach.ru/uploads/images/00/00/70/2013/08/18/0e8c18.jpg>

дерево Гурзуфского парка — ценная особь возрастом более 100 лет. Редкие и краснокнижные виды парка насчитывают около 150 экземпляров. Таким образом, 40% от общего количества древесных растений парка относятся к категории особо охраняемых.

Один из долгожителей парка — дуб черешчатый (возраст 300 лет), произрастающий в западной части парка. Историческое название дерева — «Пушкинский дуб». Считается, что именно с ним связаны строки из поэмы «Руслан и Людмила»:

*У лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том...*

Список литературы

1. Агеенко В.Н. О культуре маслин в Крыму // Сельское хозяйство и лесоводство. СПб., 1901. Вып. 7–9. С. 157–172.
2. Антюфеев В.В., Казимирова Р.Н., Евтушенко А.П. Агроклиматические, микроклиматические и почвенные условия в приморской полосе Южного берега Крыма. Ялта: ГНБС, 2014. 87 с.
3. Бернов М.А. Из Одессы пешком по Крыму. Письма русского путешественника. СПб.: Тип. Глазунова, 1896. 218 с.
4. Бертье-Делагард А. Вечнозелёные растения в садах Южного берега Крыма. Одесса: Тип. Соколового, 1902. 24 с.
5. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. Культурный ландшафт как объект наследия // Культурная география. М.: Институт Наследия, 2001. С. 172–190.
6. Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. М.: Наука, 1988. 316 с.
7. Головинёв И.И., Головинёва Е.Е. К вопросу создания экспозиции магнолий в Никитском ботаническом саду // Бюллетень Никитского ботанического сада, 2017. № 124. С. 38–43.
8. Градостроительное развитие Черноморского побережья Крыма / Под ред. Т.В. Устенко. Киев: Будівельник, 1987. 104 с.
9. Плугатарь Ю.В., Коба В.П., Герасимчук В.Н., Папельбу В. В. Дендрологическая коллекция арборетума ГБУ РК «НБС-ННЦ» // Научные записки природного заповедника «Мыс Мартьян». 2015. № 6. С. 20–94.
10. Интродукция и селекция декоративных растений в Никитском ботаническом саду (современное состояние, перспективы развития и применения ландшафтной архитектуре) / Под ред. д.с.-х.н. Ю.В. Плугатаря. Симферополь: Из-во «Ариал», 2015. С. 150–209.
11. Крюкова И.В. Никитский ботанический сад. История и судьбы. Симферополь: «Н. Орианда», 2017. 418 с.
12. Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
13. Новиков М. Императорский Никитский сад (очерк) // Сельское хозяйство и лесоводство. № 10. СПб., 1907.
14. Одесский областной государственный архив. Ф. 1. Оп. 219. Д. 7. Л. 2.
15. Плугатарь С.А., Плугатарь Ю.В., Клименко З.К., Головинёв И.И., Головинёва Е.Е. «Сад Розы» и «Сад ароматов» — новые экспозиции Никитского ботанического сада (3.4) // Интродукция и селекция декоративных растений в Никитском ботаническом саду (современное состояние, перспективы развития и применение в ландшафтной архитектуре) / Под ред. Ю.В. Плугатаря. Ялта: ГБУ РК «НБС-ННЦ», 2015. С. 233–245.
16. Плугатарь Ю.В. Новая глава в истории Сада // В Никитском ботаническом саду. Симферополь: Из-во «Вперёд», 2017. № 1 (2). С. 3–15.
17. Плугатарь Ю.В. Никитский ботанический сад как научное учреждение. М.: Вестник Российской академии наук, 2016. Т. 86. № 2. С. 121.
18. Потехин В.Е. Чудо творения. Никитский ботанический сад 1812–1861 гг. Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 1999. 118 с.

19. Проект организации территории охраны и использования Харакского парка памятника садово-паркового искусства общегосударственного значения. Ялта: Крымский институт экологии и проектирования, 1999. 196 с.
20. Проект содержания и реконструкции парка-памятника садово-паркового искусства общегосударственного значения «Харакский» на территории санатория «Днепр» ГНАУ. Ялта: ГПТД «Никитский сад», 2010. 34 с.
21. Проект содержания и реконструкции парка-памятника садово-паркового искусства общегосударственного значения «Утёс-Карасан». Ялта: ГПТД «Никитский сад», 2010. 42 с.
22. Проект содержания и реконструкции парка-памятника садово-паркового искусства общегосударственного значения «Гурзуфский». Ялта: ГПТД «Никитский сад», 2012. 176 с.
23. *Клименко З.К., Зыкова В.К., Александрова Л.М., Улановская И.В., Зубкова Н.В., Смыкова Н.В., Плугатарь С.А., Андрюшенкова З.П., Кравченко И.Н.* Селекция цветочно-декоративных растений в Никитском ботаническом саду // Том научных трудов ГНБС. 2017. Том 145. С. 26–33.
24. *Щенетов В. А.* Гурзуф на Южном берегу Крыма и его лечебные свойства. Одесса, 1890. 184 с.
25. URL: <https://geographyofrussia.com/klimatoobrazuyushhie-factory-2//>
26. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3330352/post161900422>
27. Отчётный доклад о состоянии Никитского сада и Магарачского училища виноделия (Ед. хранения № 112) // Императорский Никитский сад, 1837. 33 листа.
28. Технический отчёт о действиях Никитского сада за 1858 г. и Магарачского училища виноделия. Отчёт о состоянии всех отраслей сельского хозяйства в Таврической губернии (Ед. хранения № 236) // Императорский Никитский сад — Министерство государственных имуществ, 1858. 174 листа.

А.А. Анненков (Ялта)

ПАРКИ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА

Часть 2

Парки-памятники на территории Международного детского центра «Артек»

На территории Международного детского центра «Артек» (пос. Гурзуф, ул. Ленинградская, 41) расположено пять парков-памятников садово-паркового искусства. Парк «Кипарисный» взят под охрану постановлением Государственного комитета Украинской ССР по экологии и рациональному природопользованию от 30.08.1990 № 18. Остальные четыре — решением исполнительного комитета Крымского областного Совета народных депутатов от 01.12.1972 № 579 и постановлением Верховной Рады Автономной Республики Крым от 20.12.2006 № 284-5/06.

Парк «Кипарисный»

История создания

Парк «Кипарисный» (площадь 9 га) расположен на самом западном участке территории «Артека», в урочище Черкез-Дере. Он начинается от высоко поднимающейся над морем Гурзуфской скалы Джеңевез-Кая с остатками древней крепости Гурзувиты VI–XV веков — памятника археологии национального значения.

Планировочная структура парка складывалась исторически, по мере освоения территории. Сначала были освоены участки возле скалы, где были построены дачи князя Н.Н. Кавкасидзе и гурзуфского

Дом А.И. Гучкова
(в настоящее время столовая детского лагеря «Кипарисный»)
Фото А.А. Анненкова.

врача Ф.И. Максимовича. В прибрежной полосе во второй половине XIX века был сооружён дворец миллионера А.И. Гучкова. В 1910 доктор Г.Н. Назаров выстроил дачу на берегу моря, а в 1911 В.В. Гуров — двухэтажную дачу «Болье». Все владельцы рядом с дачами закладывали парки и фруктовые сады.

Композиция

Территория парка представляет собой довольно крутой ступенчатый склон от скалистых утесов холма Балготур до моря. Характер рельефа, его крутизна и ориентация определяют пространственную организацию, композицию и фитоэкологическое качество растений. На верхних пологих и среднекрутых склонах, а также на террасах вдоль моря расположены самые интересные парковые композиции с видами на море. Одна из них — искусственная терраса у подножья Гурзуфской скалы с видовой площадкой.

В настоящее время растительный покров парка представлен экзотами, формирующими культурфитоценозы, и остатками аборигенной флоры. Культурфитоценозы занимают большую часть территории. Их доминантами являются 10 видов древесных растений: кипарис

Колоннада на видовой площадке у скалы Джenezез-Кая
с видом на Гурзуфскую скалу и Адалары.
Фото А.А. Анненкова.

Вид на Гурзуфскую скалу с набережной.
Фото А.А. Анненкова.

вечнозелёный (1818 шт.), кедр гималайский (85 шт.), лавр благородный (300 шт.), плоскоцветочник восточный (79 шт.), пальма веерная китайская (81 шт.), фишашка туполистная (322 шт.). Из кустарников: барбарис Юлиана (461 шт.), калина вечнозелёная (113 шт.). Культурфитоценозы нуждаются в постоянном уходе.

Парк «Горный»

История создания

Первым владельцем имения Артек был служивший в России польский граф Густав Олизар. В 1824 году он приехал в Крым вместе с М.С. Воронцовым, владевшим бывшим поместьем Ришельё в Гурзуфе. Олизар купил у татарина за 2 рубля серебром участок площадью 3/4 десятины под Аю-Дагом, красивый, но малопригодный для возделывания. За счет покупки соседних участков он увеличил размер своего имения до 200 десятин. Имение Г. Олизара выходило далеко за пределы нынешних комплексов «Горный», «Морской» и «Прибрежный» — от седловины Аю-Дага до моря. На крутых склонах сохранялась естественная лесная и кустарниковая растительность, на пологих были высажены виноградники, у моря — маслиновый сад.

В начале 1830-х годов имение было продано пяти новым владельцам. А.М. Потёмкин купил большую часть имения (80 десятин), — примыкающего к Аю-Дагу ступенчатого склона до моря. Участок на седловине Аю-Дага и часть территории современного комплекса «Горный» были куплены директором Никитского сада Н.А. фон Гартвисом. Владельцами участков нынешнего комплекса «Прибрежный» стали супруга начальника канцелярии графа М.С. Воронцова, А.Н. Казначеева, князь А.Б. Голицын и С.Б. Полторацкая.

Причиной покупки земли в Крыму для Потёмкиных стало, прежде всего, состояние здоровья Александра Михайловича и его супруги Татьяны Борисовны (урожд. Голицыной). Они провели в Артеке безвыездно три года (с 1835 по 1838). В эти годы велась большая работа по строительству жилых и парковых строений, устройству парка и виноградников. Таврида готовилась к встрече царской семьи, и граф М.С. Воронцов отвёл Потёмкиным особую роль — в имении предполагался первый ночлег августейших особ.

Усадьба Потёмкиных находилась на одной из верхних террас. Дом «небольшой, уютный и прекрасно меблированный, окружён ещё молодым, но прекрасно возделанным парком: вид из него в правую сторону на бухту прелестен; с левой стороны страшный Аю-Даг, ка-

жется, грозит завалить дом и прилегающие строения своею дикою громадою», писал участник путешествия генерал С.А. Юркевич. Известный путешественник Ф. Домбровский так описывает в 1867 году имение Потёмкиных: «Артек — прелестная дача госпожи Потёмкиной... Обширный виноградник (более 100 тыс. кустов), множество редких растений, оливковая роща, дома, беседки, выглядывающие из роскошной земли, фонтаны, ручьи, лужайки, попадающиеся в разных местах сада, винподвал ... прелесть залива, на берегу которого расположен Артек, благорастворенный климат — вот, в нескольких словах, красоты этой дачи, одной из лучших на Южном берегу».

Ниже участка с домом на сравнительно пологом склоне размещался виноградник. Через виноградник была проложена кипарисовая аллея к основному массиву парка, разбитому внизу на следующей террасе. Аллея подводила к розарию и беседке, расположенной на бровке склона, откуда открывался прекрасный вид на парк и море. Беседка была возведена на большом накопительном резервуаре, предназначенном для орошения парка. Из беседки в парк можно было войти по дороге, проложенной по восточной части участка и серпантинном спускающейся к морю. Дорога сохранилась и сегодня, только стала широкой и благоустроенной.

Композиция и художественная значимость

Ландшафтная композиция парка «Горный» (ныне 23 га) выстроена очень профессионально. Прекрасно выполнена пластика рельефа, где небольшие водоразделы, ложбины стока и прилегающие склоны незаметно переходят друг в друга, образуя единое пространство и индивидуальные уголки парка. Основу композиции составляют разного размера и направления поляны, разделенные группами деревьев, вечнозелёных и красивоцветущих кустарников с посадкой солитёров декоративных экзотов — секвойядендрона гигантского, средиземноморских пихт, болотных кипарисов, кедров, сосны лучистой, можжевельника косточкового и т.д.

Замечательны чистопородные рощи сосны итальянской, калоцедрусов, секвойи вечнозелёной, фотинии пильчатой, кипариса гималайского. Доминантой пейзажей служит Аю-Даг и морской залив, который открывается с видовой площадки на юго-западе парка и с дорожки, идущей по бровке террасы. Очевидно, здесь были и декоративные бассейны с фонтанами, и ручей, бывший начало из источника выше по склону, оформленного как характерный для побережья пристенный фонтан. Ручей, очевидно, протекал по дну ложбины — его следы сохранились. Он продолжался по оврагу и впадал в море на

Поляна с экзотами.
Фото А.А. Анненкова.

нижней приморской террасе. Подбор и размещение экзотов происходил явно под руководством Н.А. Гартвиса, соседа Потёмкина.

Композиционное решение пространства парка, возможно, также принадлежит Гартвису или другому профессиональному садовнику, имя которого не сохранилось.

В 1875 имение продали коммерческому советнику и купцу И.А. Первушину, который вместе со своими сыновьями главную ставку сделал на виноградные вина. Парк был заброшен, о чём в 1880 году свидетельствует княжна Е.С. Горчакова. Её любимым занятием была прогулка в «запущенный сад, разведённый бывшим владельцем А.М. Потёмкиным под самым Аю-Дагом». Но и тогда «можно было судить о прелести этого уголка, защищённого от ветра с чудным видом на море... Судя по одичалому виду, Потёмкины обладали эстетическим вкусом и умели выбирать самые лучшие места в своем имении, где устраивали павильоны, беседки, ротонды и ставили скамьи для отдыха и наслаждения живописными окрестностями Артека, великолепной панорамой открытого моря с зеленеющими берегами и величественными горами, служащими тёмным фоном этой грандиозной картины».

Интересен ещё один опыт преобразования местного ландшафта. К 50-летию смерти А.С. Пушкина братья Первушины решили про-

Группа сосны итальянской.
Фото А.А. Анненкова.

ложить прогулочную тропу вокруг Аю-Дага от Артека до Партенита. Они не только проложили её среди скал, но и высадили вокруг неё в естественном дубовом лесу саженцы сосны итальянской. Казалось бы, без ухода саженцы должны были погибнуть, но этого не случилось — их спасли мощные накопления продуктов выветривания Аю-Дага, насыщенные влагой стекающих с него осадков. Сейчас этот участок леса напоминает ландшафт Средиземноморья.

Парк «Комсомольский»

История создания

Будучи уже директором Никитского ботанического сада, Н.А. Гартвис в 1828—1832 годах прикупил у Г. Олизара к ранее приобретённым участкам земли на седловине Аю-Дага и вдоль ручья Артек. Сразу после образования именина Н.А. Гартвис заложил виноградник, сады и парк. В первые годы ассортимент растений сводился к фруктовым деревьям, начиная с 1831 в парке появляются юкки, питтоспорумы, аукуба, мушмула и предмет его особого увлечения — розы.

Можжевельник косточковый.
Фото А.А. Анненкова.

Понимая разницу условий в Никите и Артеке, Гартвис испытывает тут и там разные интродуценты. Эти посадки образовали существующий ныне парк «Комсомольский». По флористическому составу парк Гартвиса почти не уступал паркам Никитского сада. По инвентаризации 1938 года парков Артека, включавших бывшие имения Олизара, Потёмкиных-Первушиных, Метальниковых и фон Фиков, насчитывалось свыше 100 видов древесных пород-экзотов, многие из которых в Никитском ботаническом саду не произрастали. Из хвойных — кипарис болотный, можжевельник крупноплодный, в большом разнообразии пихты, сосны, из вечнозелёных лиственных — магнолия крупноплодная, пробковый дуб, пальмы, рододендроны и другие. Из листопадных — ликвидамбр, тюльпановое дерево, индийская сирень, азалии.

Композиция и художественная значимость

Рельеф определяет пространственную и композиционную организацию территории (7 га). Верхняя её часть представляет собой подошву водораздела, рассечённого дорогой, на которой сохранился естественный ясенево-дубовый лес с подлеском грабинника, иглицы и других местных видов, с редкими посадками сосны судакской. Почва покрыта плющом, что говорит об обеспеченности участка водой. Средняя часть парка расположена на нескольких террасах, разделённых небольшим пологим водоразделом. Нижняя часть территории — серия небольших оползневых площадок. В самом низу — текущий в узком глубоком овраге ручей.

Доминанта парка — расположенный на искусственной террасе двухэтажный дом Гартвиса с небольшим внутренним двориком, оформленным декоративным бассейном, стриженной зеленью и цветами, прежде всего розами. Рядом поставлена металлическая беседка, обитая розой Лэди Бэнкс, которая сохранилась.

Планировка парка в ландшафтном стиле в общих чертах сохранилась. Его центральная часть решена шестилучевой системой дорожек. Главная аллея проложена по линии, соединяющей два великолепных экземпляра таксодиума.

Дом Гартвиса.
Фото А.А. Анненкова.

Кипарис болотный (таксодиум).
Фото А.А. Анненкова.

Начинается она от небольшого круглого водоёма, расположенного на источнике. Сначала аллея оформлена тисом ягодным, затем, после перекрестка дорожек, платаном восточным, в центре устроена кипарисовая беседка. Замыкает аллею лестница с выходом на верхнюю террасу. В центральной части была высажена большая коллекция экзотов, частично сохранившихся.

Плохой уход за парком привёл к тому, что исчезли камелии, азалии, рододендроны, целый ряд красивоцветущих кустарников, ложнокамфорный лавр, погибает от вымокания, поскольку нарушена дренажная система, секвойядендрон и т.д. Сохранились лишь виды, приспособившиеся к местным условиям: болотный кипарис, кедр гималайский, калоцедрус, сосны (итальянская, пицундская, Сабина, Монтесумы), можжевельник косточковый, ликвидамбар, магнолия крупноцветковая, платаны, кипарисы (крупноплодный, лузитан-

Поляна с кипарисами.
Фото А.А. Анненкова.

ский, вечнозелёный), секвойядендрон гигантский, пихты (кавказская, греческая, испанская). Многие великовозрастные экзоты больны и нуждаются в лечении или замене.

На оползневых террасах, спускающихся к ручью, доминирует естественная растительность с единичными экзотами. В замкнутом пространстве вдоль ручья была организована зона отдыха. На нижней оползневой террасе на юге располагались хозяйственные постройки имения и жилые дома для работников. В парке на водоразделе построили семейный склеп из бетона с беседкой над ним, но там никого не похоронили.

Из малых форм можно отметить небольшой каменный грот, из которого открывается вид на Крымские горы

Благоустройство территории требует ремонта, проведения инженерных коммуникаций, восстановления малых форм архитектуры, но главное — стабилизации оползневых процессов, которые развиваются из-за углубления русла ручья и отсутствия дренажной системы.

Склеп в парке Гартвиса.
Фото А.А. Анненкова.

Каменный грот.
Фото А.А. Анненкова.

Парк «Лазурный»

История создания

Приморской частью так называемого «Лысого бугра», где расположен парк Суук-Су, в годы присоединения Крыма к России владел помещик Усейн Абдурахманов, который продал имение А.И. Султану-Крым-Гирею. Частым гостем Султан-Крым-Гирея в его имении Суук-Су бывал А.С. Пушкин. От Крым-Гирея имение ненадолго перешло к княгине А.Д. Гагариной, которая в 1874 году продала его сёстрам-княгиням Е.А. Голицыной и С.А. Ермоловой. В 1897 году имение у сестёр за 47 тысяч рублей серебром приобрели действительный статский советник В.И. Березин и его супруга, жиздринская купчиха О. М. Соловьёва.

Идея превратить Суук-Су в первоклассный российский курорт принадлежала В.И. Березину. Вдвоём со своей супругой они продумали все детали будущего предприятия, но 2 августа 1900 года Березин скончался, и все заботы о будущем курорте легли на плечи его жены, которая успешно справилась с непростой задачей.

Полученное наследство позволило Соловьёвой пригласить для устройства курорта ялтинского архитектора Н.П. Краснова, который выстроил прекрасный дворец в стиле французского Ренессанса.

Дворец «Суук-Су».
Открытка начала XX века.

В архитектуре здания широко применялись колонны коринфского ордера, лепные карнизы, мраморные вазы с искусственными пальмами и юккой. Эти «растения» стояли десятилетиями и выглядели как живые даже после пожара. Территорию вокруг дворца ограждала балюстрада, напротив главного входа во дворец возвышался фонтан из белого мрамора. Подпорные стены были возведены из тщательно подогнанных блоков известняка. С южной стороны от дворца в парк и дальше к пляжу ведёт лестничный ансамбль из белого известняка. Лестничные марши и площадки ограждены коваными узорчатыми решётками, справа и слева от средней лестничной площадки возлежали два бронзовых сфинкса, на нижней площадке, в специальной нише, стояла беломраморная фигура «Наяда». Из кувшина в её руках в чашу лилась струя воды. Перила на решётках были из полированного дуба, лестничные марши в вечернее время освещались электросветильниками.

С южной стороны к дворцу примыкал искусственный сталактитовый грот с огромным аквариумом, над гротом возвышалась музыкальная эстрада. На южной площадке у дворца в хорошую погоду устанавливали ресторанные столы под тентовыми зонтами, на эстраде играл оркестр. В дореволюционное время курорт «Суук-Су» и его дворец-казино пользовались большой популярностью. В так называемый «бархатный» сезон номера его гостиниц не пустовали. Здесь побывали Бунин, Чехов, Куприн, Суриков, Шалапов и многие другие деятели культуры.

На участке площадью 29 га были построены четыре гостиничных здания на 180 номеров со всеми удобствами и прекрасной мебелью. Во все помещения была проведена питьевая вода из местного источника «Суук-Су». Все помещения и территория курорта освещались от собственной электростанции. На курорте была сооружена канализационная система с отводом очищенных канализационных вод по глубоководному сбросу в море вдали от берега.

Северную часть курорта отвели под хозяйственную зону. Там находились дом владелицы курорта, административное здание и лечебный корпус с медицинскими и процедурными кабинетами. Расположенный здесь старый дом графа Олизара перестроили в гостиничный комплекс «Орлиное гнездо».

Через речку Суук-Су перекинули пять мостов с красивыми коваными решётками. На противоположном от дворца-казино берегу речки возвели двухэтажное здание водолечебницы. В ней находились лечебные души, сюда подавалась пресная вода из специальных ёмкостей, насосами качалась морская.

Склеп Березиных.
Фото А.А. Анненкова.

Из хозяйственных построек следует назвать конюшни, каретные и экипажные сараи, позднее автогараж. В специальном доме жили музыканты курортного оркестра. У главного въезда на территорию «Суук-Су» построили небольшое здание курортной комендатуры. Береговая полоса была превращена в благоустроенный мелкогалечный пляж. Вся территория имения, представлявшая ранее виноградные плантации, превратилась в парк, где высадили тысячи декоративных вечнозелёных деревьев и кустарников. Со временем парк Суук-Су стал достопримечательностью Южного берега Крыма.

На господствующем над местностью холме в западной части имения был сооружён фамильный склеп Березиных (арх. Н.П. Краснов). Изнутри его облицевали серовато-белым мрамором, у входа поместили большое мозаичное панно с изображением св. кн. Владимира и св. кн. Ольги.

В 1916 году в «Суук-Су» всё лето провёл Ф.И. Шаляпин с семьёй. Певцу настолько понравились эти места, что он решил воплотить здесь в жизнь свою заветную мечту — построить Замок искусств. Владелица курорта подарила великому артисту скалу.

Вскоре друг Шаляпина, архитектор И.А. Фомин, выполнил оригинальный проект «замка» в соответствии с замыслом певца. Начались строительные работы, Первая мировая война и революция 1917 года сделали завершение начатого дела невозможным.

В условиях анархии и нескончаемой смены властей в Крыму управляющему курортом «Суук-Су» Домбровскому удалось, в общем,

Скала, подаренная Ф.И. Шаляпину владелицей «Суук-Су».
Открытка начала XX века.

Современный вид на скалу.
Фото А.А. Анненкова.

Эскиз «Замка искусств».
Арх. И.А.Фомин.

сохранить здания курорта от разрушения, а курортное имущество от разграбления. По окончании гражданской войны курорт был национализирован, и в 1924 году он стал «Домом отдыха ВЦИК СССР».

Здания и сооружения бывшего курорта, его прекрасный парк, пляж и хозяйственные службы поддерживались в надлежащем порядке. В отличном состоянии содержался и дворец «Суук-Су», сохранился даже книжный фонд библиотеки, который в 1920–1939-е годы продолжал пополняться. В 1920–1930-е годы в доме отдыха «Суук-Су» отдыхали Э.Тельман, К.Цеткин, В.Молотов, японский коммунист С.Катаяма, писатели М.Горький, А.Барбюс, авиаконструктор А.Н. Туполев и другие.

Дом отдыха «Суук-Су» шефствовал над детской здравницей «Артек». Отдыхающие часто посещали лагерь, а дети — дом отдыха. Во дворце «Суук-Су» для артековцев устраивались приёмы, дети выступали перед отдыхающими с концертами.

В 1937 году дом отдыха «Суук-Су» был передан «Артеку» под круглогодичный лагерь. Дворец «Суук-Су» стал культурным центром нового лагеря. В нём по-прежнему находились библиотека, музыкальный салон, в двух ресторанных залах первого этажа — детская столовая, на третьем этаже проживали вожатые.

В период войны дворец «Суук-Су» был занят немецкими офицерами. Пьяные оргии оккупантов завершились, в конце концов, пожа-

ром, в пламени которого погибло всё, что находилось во дворце, в том числе живописное полотно В.И. Сурикова.

Бронзовых сфинксов немцы использовали в качестве мишеней, а скульптуру «Наяда» и вазу фонтана похитили. Когда 15 апреля 1944 года воины Отдельной Приморской армии вошли в «Артек», бывший дворец «Суук-Су» предстал их взору в виде опалённых пламенем руин.

В первые послевоенные годы к восстановлению дворца не приступали. В начале 1950-х начали разборку того, что осталось от здания. Работа продвигалась медленно, не хватало рабочих рук, отсутствовала механизация, всё делали вручную. Строителям оказывали помощь сотрудники Артека. Положение изменилось после того, как летом 1955 года при строительном тресте «Ялтастрой» было создано специальное управление работ для строительства в «Артеке».

Разработку проекта нового дворца «Суук-Су» на сохранившемся фундаменте поручили московскому архитектору С. Каневскому. Внешне новое здание напоминало прежнее, но внутренняя планировка помещений изменилась. С северной стороны появились большие залы первого и второго этажей и зрительный зал на 320 мест. Снаружи здание облицовали белым инкерманским камнем, территорию вокруг дворца благоустроили. Сталактитовый грот, остатки которого грозили обвалом, разобрали, реставрировали ансамбль лестничных переходов от дворца в парковую зону. Открытие дворца пионеров состоялось 23 апреля 1961 года, однако новое здание лишь внешне напоминало знаменитый архитектурный памятник, безвозвратно погибший в огне войны.

Новые задачи по отдыху и воспитанию молодого поколения изменили функциональную и планировочную структуру парка. В 1954 году была построена столовая в стиле дворцовой архитектуры, на Пушкинской площадке автор парка скульптур П.П. Безруков создал городок русских сказок, на месте плодового сада построили оранжевую и парниковую хозяйству.

Композиция и художественное значение

Парк занимает прибрежную часть так называемого «Лысого бугра», сформированного крупноблочными продуктами разрушения юрских известняков яйлы, сползшими к берегу моря. Островки Адалары — часть этого грандиозного оползня. В результате дальнейших эрозионных и оползневых процессов скопления крупных масс известняка образовали водораздельные пространства, в понижениях — приморские террасы и ступенчатые склоны между ними. Всё это сформировало отличающийся особой пластичностью рельеф, который и

определил композиционно-пространственную организацию парка. В центре парка расположен дворец, прилегающие к нему участки организованы в виде террас на небольшом водоразделе. Анализ проектирования и строительства парка Суук-Су показал, насколько тонко прочувствовал уроженец Москвы Н.П. Краснов необычный для него ландшафт Южнобережья.

В сохранившемся плане поместья 1908 года зафиксирована планировка территории, но отсутствует композиционная организация зелёных насаждений. Известно только, что до покупки имения здесь был сплошной виноградник, поэтому задуманную Н.П. Красновым парковую композицию можно восстанавливать по сохранившимся почти в первоначальном виде фрагментам парка.

На примерах парков Алушкинского и Суук-Су можно проследить, как идеи архитектора постепенно воплощаются в окончательный вариант парка, который может долгое время существовать без изменений.

Формирование Алушкинского парка продолжалось почти 40 лет, и сейчас мы восхищаемся продуманностью и красотой его пейзажей. Парк Суук-Су был создан всего за несколько лет, остался композиционно не проработанным и постепенно превратился в заросли экзотов и местных пород. Не сохранилось проектных и письменных материалов, раскрывающих задуманную автором образно-пространственную организацию парка. От проектной композиции сохранились фрагменты — дворец и прилегающие участки парка, набережная, территория гостиниц, хозяйского дома и дачи «Орлиное гнездо».

При открытии курорта эти функционально важные фрагменты парка, должно быть, эффектно выглядели, что возможно только при тщательном уходе за ними. В основном массиве парка молодые посадки экзотов ещё не претендовали на законченность композиции, основу которой, вероятно, составляла серия полей с цветниками и цветущими кустарниками. В композицию парка включены виды окружающего ландшафта — море с изрезанным живописным берегом и нависающие над парком скальные уступы «Лысого бугра». Для создания разнообразных перспектив на крутом склоне на разной высоте организованы видовые точки.

Территория парка разделена подпорными стенами и дорогами на три террасы. В самой высокой части расположены усадебные постройки, дача «Орлиное гнездо», лечебный центр и дворец. Отсюда должны были открываться широкие перспективы на море и узкие висты на скалы «Лысого бугра».

В средней части с более активной модуляцией рельефа визуальная связь с окружающим ландшафтом более скромная, зато внутренняя композиция парка более разнообразна. Композиционное решение приморской территории полностью подчиняется морским пейзажам.

Вид на дворец Суук-Су со средней террасы.
Фото А.А. Анненкова.

Центром парковой композиции является дворец. Главная композиционная ось — лестница к морю — демонстрирует органичную связь архитектуры с окружающим ландшафтом. Направление оси не строго перпендикулярно и не прямо вниз от дворца, а по изогнутой по рельефу линии, подводящей к главному акценту прибрежной части — бухте с гротом Пушкина и скалой Шалапина.

На первой и второй террасах лестница насыщена декоративными элементами: скульптурой, фонтаном, балюстрадой. По мере продвижения к морю оформление спуска становится более скромным, лестница превращается внизу в раздвоенную парковую дорожку, проложенную через рощу кедров и сосен, и выходит на набережную.

На первый взгляд кажется, что посадки крупных деревьев, закрывающих море при спуске — ошибка архитектора и садовника. Но перспектива на море от дворца сохранилась в виде висты, а по мере спуска море хорошо просматривается через кроны деревьев. Таким образом, посадка рощи задумана так, чтобы спуск к морю, композиционно насыщенный декоративными деталями, как бы «растворился» в естественной роще у моря и тем самым подготовил посетителя к

Вид на грот Пушкина и Адалары с верхней террасы дворца.
Фото А.А. Анненкова.

восприятию красот морского побережья, связав воедино архитектуру с природой.

Набережная занимает всю длину приморской аккумулятивной террасы и низ водораздельного склона.

Обрывистый берег со скалой Шаляпина, гротами Пушкина и Изумрудным обрамляет уютный галечный пляж. Романтическую окраску пейзажу придают два скалистых острова Адалары. Вид неприступных скал в море рядом с берегом — уникальное зрелище даже для Крыма. С востока перспектива набережной замыкалась беседкой для отдыха, на западе — эстрадной площадкой.

Через речку Суук-Су перекинут изящный каменный мост с коваными перилами, над морем парит на высоком постаменте скульптура богини победы Ники. Архитектурные детали композиции и всё пространство набережной подчинены красоте морского пейзажа.

На водораздельных участках в западной части поместья, где был сооружён фамильный склеп Березиных, преобразований ландшафта сделано гораздо меньше, чем в восточной. Авторы понимали незначительные фитоэкологические ресурсы этого места и трудности его преобразования в субтропический парк. Поэтому на вершине водораздела и по его южным склонам был сохранён низкорослый лес из

Вид на дворец и первые посадки экзотов.
Открытка начала XX века

Современный вид на дворец с того же ракурса.
Фото А.А. Анненкова.

Набережная.
Открытка начала XX века.

Набережная.
Фото А.А. Анненкова.

Мост через речку Суук-Су, спроектированный В.И. Березиным.
Фото А.А. Анненкова.

фисташки, дуба пушистого с включением можжевельников и земляничника мелкоплодного с кустарниковым подлеском. Изменения коснулись лишь участков естественных террас и понижений в рельефе, где в процессе эволюции накопился мощный корнеобитаемый слой продуктов выветривания известняков и глинистых сланцев. Это виноградник, плодовый сад в ложбине стока и пологий северо-восточный приводораздельный склон над морем в сторону набережной.

На северном приводораздельном склоне и на горизонтальных аккумулятивных площадках водораздела, где микроклимат и почвы более или менее пригодны для экзотов, они и были высажены в виде групп или отдельных экземпляров. Это средиземноморские сосны, кедры и вечнозелёные кустарники.

Самое значительное преобразование рельефа было сделано при подготовке террасы к строительству гостиниц, но это не вызвало негативных последствий для ландшафта. Напротив, засыпка плодородным грунтом пространства за высокой подпорной стеной, удерживающей террасу, позволило засадить её экзотами — средиземноморскими пихтами, кедрами, кипарисами, которые достигли сейчас 25–30 метров высоты. Вершина водораздела — прекрасная видовая площадка, откуда открывается круговая панорама на море и весь грузуфский амфитеатр.

Форосский парк

История создания

После присоединения в 1784 году Крыма к России территория поселения Форос и Байдарские ворота принадлежали светлейшему князю Г.А. Потёмкину, который использовал эти земли для первых опытов по устройству парков на Южном берегу.

В прошлом Форосский парк отличался от других тем, что в нем гармонично сочетались фруктовые сады и редкие экзотические растения. Большие площади занимали виноградники и три сада: инжировый, абрикосовый и персиковый. Год основания парка — 1834, когда были осуществлены первые посадки К.А. Нарышкиным в Форосе и Н.Н. Раевским в Тессели.

У Нарышкина имение купил в 1887 году купец первой гильдии А.Г. Кузнецов, внук чайного короля А.С. Губкина, который оставил наследникам огромное состояние. Большой туберкулёзом Кузнецов вынужден был по совету врачей отойти от дел и заняться лечением. Для этого он решил построить на Южном берегу Крыма имение по образу тех вилл, которые он посещал в Ницце и Ментоне, но с элементами русского и итальянского классицизма.

Строительство особняка А.Г. Кузнецова, начавшееся в апреле 1886 года, было завершено в декабре 1889. Об авторе проекта точных данных нет, архитектурно-строительная документация не сохранилась. Андрей Артамонов считает, что «авторский стиль, совокупность данных по времени начала строительных работ» говорит о том, что автором проекта дворца Кузнецова был Карл Иванович Эшлиман (а не Биллинг, как утверждают некоторые). Надо сказать, что Кузнецову эскиз Эшлимана не понравился, и он поручил работу по изменению проекта архитектору и инженеру-строителю Н.Г. Тарасову. Последний значительно переработал проект Эшлимана, упростил внешний вид здания, сделал более рациональную компоновку и усилил, предвидя возможные землетрясения, конструкцию здания.

А.Г. Кузнецов создавал поместье для себя и оснащал его лучшими техническими новинками. Были построены артезианская скважина со сложной водопроводной системой, проложенной по всему дворцово-парковому комплексу, стационарная электростанция, телефонная станция на 12 номеров. Во внутренней отделке особняка были использованы настенные панно, выполненные художником-пейзажистом Ю.Ю. Клевером. Снаружи дворец украшали большие чугунные вазы, стоявшие на каменных перилах и сохранившиеся до сих пор.

После смерти А.Г. Кузнецова в 1895 году имение унаследовал его племянник Г.К. Ушков, который продолжил благоустройство имения, но по иному замыслу. Во второй половине XIX века стали возникать усадьбы, предназначенные не для владельцев, а для приезжающей на курорт богатой публики. Если раньше владельцы строили дворцы и парки для себя и тратили на это большие средства, то теперь главной задачей стало превращение старого (или вновь построенного) имения в источник дохода — так и планировал поступить Г.К. Ушков. Сначала он решил превратить дворец в своеобразный санаторно-курортный объект для богатой публики, для чего увеличил количество помещений и украсил стены богатой коллекцией картин Клевера, Маковского, Айвазовского, Орловского, Риццони и др. В парке были построены конюшня с ахалтекинскими рысаками и ипподром с трибуной.

Чтобы понять, каким видели Форос путешественники того времени, обратимся к журналу начала XX века «Русский паломник»:

«Местность Форос удивительно красивая; обрывистый крутой берег образует бухту, где устроена пристань для лодок. Парк называемый “Парадиз” — сказочно хорош; на каждом шагу поражают вас дивные фонтаны, каскады, озера и гроты, проточные пруды с массой золотой рыбы; устроены беседки, площадки, павильоны с канарейками, лебедями, японскими утками. Растительность роскошная: громадные пальмы, папоротники, араукарии и другие редкостные растения здесь в изобилии. Обращает внимание громадное ореховое дерево, из-под которого бьет ключ чистейшей воды!»

Полномасштабное освоение территории Фороса началось после прокладки двухполосной дороги Ялта—Севастополь, что оживило освоение этой части Южного берега, и в 1914 году Г.К. Ушков решил устроить в Форосе «город-сад», курорт с фешенебельными гостиницами, санаториями, казино и т.д. Однако вмешалась Первая мировая война, и к Октябрьскому перевороту сохранилась композиционная и планировочная организация парка, созданная при А.Г. Кузнецове.

Композиция и художественная значимость

Купив Форос, Кузнецов остался недоволен состоянием территории имения (где Г.А. Потёмкин и К.А. Нарышкин пытались разбить двухуровневый лесопарк) и занялся, до строительства дворца, организацией парка. Для этого он пригласил из Германии молодого ландшафтного архитектора Фрица Энке, директора Императорского ботанического сада в Санкт-Петербурге Э.Л. Регеля, который разра-

ботал новую концепцию дворцово-паркового ансамбля, исполненную Ф. Энке.

Парк расположен на древнеоползневой аккумулятивной приморской террасе, поросшей можжевельно-дубовым лесом с примесью фисташки, который и послужил для него основой. Композиция решена в ландшафтном стиле с фрагментами регулярности возле главного здания, что продиктовано грандиозностью ландшафта, сформированного гигантскими обрывами Крымских гор, подступающими почти к самому морю, каменными хаосами древних оползней и «сахарными головками» древних сбросов.

По природным условиям и архитектурно-планировочной организации парк можно разделить на три зоны. Приморская занимает берег бухты и мысов. В условиях жёсткого ветрового режима мысы покрыты в основном низкорослой местной растительностью, а на берегах бухты высажена роща алеппской сосны, которая прекрасно себя чувствует и является главным украшением прибрежного пейзажа.

Средняя зона, расположенная на ровной аккумулятивной приморской террасе — главный композиционный участок парка. Здесь находится дворец и центральная аллея, проходящая с востока на запад через весь парк.

Вокруг дворца пространство особенно насыщено. С южной стороны терраса и партер с декоративным бассейном и стриженными кустарниками, парадная лестница и аллея подчеркивали вид на море. С севера площадку перед дворцом украшает фонтан «Мальчик и рыба» и пышная субтропическая растительность.

В средней части парка находится самое выразительное по композиции место, так называемый «Райский уголок», основу которому составляет водный каскад из 6 небольших искусственных водоёмов на разных уровнях, соединённых протоками. Экзотическая растительность, миниатюрные журчащие каскады, выступающие каменные глыбы — всё это придаёт этому месту романтический вид.

Обширный парк имеет богатую коллекцию экзотов — свыше 200 видов и форм. Отметим некоторые: секвойя гигантская (*Sequoia gigantea*) в возрасте 70 лет достигает высоты в 22 м, диаметра ствола в 100 см и диаметра кроны 10 × 8 м. 50-летние экземпляры секвойи вечнозелёной (*Sequoiadendron sempervirens*) достигают 17 м в диаметре кроны.

Коллекция хвойных здесь весьма разнообразна. Это кипарисы — пирамидальный, горизонтальный, аризонский, лузитанский, крупноплодный, макнаба (форма *aromatica*, Gord.) — особенно ценен для курортных парков благодаря своей ароматной листве, засухоустойчивости и холодостойкости. Из кипарисовиков в большом разнообразии форм представлен кипарисовик Лавсона; особенно эффектна его

Приморская зона Форосского парка.
Фото А.А. Анненкова.

Лестница с колоннами.
Фото: <https://www.pinterest.ru/pin/470978073503799941/>

Фонтан «Мальчик и рыба».
 Фото: <http://ponago.ru/novost/forosskii-park>

«Райский уголок».
 Фото: <http://ponago.ru/novost/forosskii-park>

Уголок парка с экзотами.

Фото: <http://xn—80aayerhcaodckf6a.xn—p1ai/service/park.html#gallery-5>

золотистая форма, растущая у озер, а также голубая плакучая форма. Из пихт имеются: белая, греческая, испанская, кавказская, нумидийская. Из сосен: алеппская, горная, итальянская, культера, монтерейская (*Pinusradiata*), приморская (*Pinuspinaster*), Сабина. Кедр представлен тремя видами — атласским, гималайским и ливанским и разнообразными их формами.

В советское время планировку парка мало изменили. Неудачно был сделан так называемый бетонный «капитанский мостик» через большой пруд «Райского уголка», что зрительно уменьшило площадь бассейна и внесло искусственный элемент в природную композицию.

В конце 1990-х годов близ парка был возведен многоэтажный корпус санатория и значительно расширена набережная, что резко изменило масштабность пространства в худшую сторону. На месте ипподрома построили спальный корпус и по проекту А.И. Колесникова разбит парк, центром которого должна стать трёхчастная аллея кедров, ведущая от корпуса к морю. При этом не учли сильный морской ветер, господствующий на этом мысовом участке — часть аллеи при подходе к морю погибла.

«Капитанский мостик».
Фото: <https://axis.travel/foros>

В последние десятилетия из-за отсутствия профессионального ухода в парке было утрачено большое количество видов субтропических растений, исчезли перспективы, которые открывались с дорожек парка на горы, море, церковь на Красной скале. Нет зрительной связи дворца с морем, которую раньше подчёркивал декоративный бассейн у дворца и открытое в сторону моря пространство.

Уникальностью Форосского парка является уже то, что он создан в западной части ЮБК, отличающейся рядом экологических и пространственных особенностей по сравнению с центральными районами. Скалы и море здесь почти смыкаются, оставляя узкую полоску берега, подверженного сильным морским ветрам. Грандиозные обвалы скал, каменные хаосы, покрытые лесом, формируют живописность и грандиозность ландшафта. Всё это определило композиционную и образно-пространственную организацию парка, где соседствуют контрастные парковые композиции: берег моря, приморская терраса и лесопарковая зона среди каменного хаоса.

На протяжении своего существования парк менял статус, а вместе с ним преобразовывались его функциональная и композиционная

структура. Он остаётся, тем не менее, уникальным образцом культурного ландшафта Южного берега Крыма, производящим глубокое впечатление на посетителей.

Заключение

Процесс освоения Южного берега Крыма продолжается с начала XIX века уже более двухсот лет. Он не был непрерывным, но всегда эволюционировал в сторону преобразования его территории. Исследователи выделяют два этапа этого процесса.

Первый — от присоединения Крыма к России в 1783 году до Крымской войны, когда грандиозные архитектурно-парковые ансамбли создавались по заказу самых знатных и богатых семей России как резиденции для отдыха. Это была эпоха романтизма, поэтому природа и наследие прошлых веков стали в Крыму важнейшим стилеобразующим фактором. К таким ансамблям можно отнести Алушкинский дворец М.С. Воронцова, «Александрию» в Гаспре А.Н. Голицына, «Софиевку» Л.А. Нарышкина в Мисхоре, усадьбу Ришелье в Гурзуфе, «Карасан» Раевских в Кучук-Ламбаде, Форосский парк А.Г. Кузнецова и др.

На втором этапе, в период господства в архитектуре эклектики, а затем модерна, усадьбы Южнобережья становятся источниками доходов и светских развлечений. Пространство некоторых парков переобстраивается для удовлетворения запросов богатой публики (Форос, Гурзуф). При этом используется опыт предыдущего периода по раскрытию живописных достоинств ландшафта и использованию его лечебного фактора. Дальнейшее освоение Южного берега превращается в формирование природно-антропогенного ландшафта, в основе которого «лежит идея гармоничного сочетания объединённых в общую структуру дворцовых комплексов, парковых массивов и дачной застройки».

Фактически это стало началом всеобщего преобразования ландшафта, который в современном понимании называется культурным. Главным оказалось то, что это преобразование поддерживалось государством — создавалась инфраструктура транспортных связей, устраивались поселения и города и т.д. В 1811 году был основан Никитский ботанический сад, задачей которого была интродукция растений, выращивание и распространение посадочного материала для развития субтропического плодоводства, виноградарства и паркового строительства.

В результате к концу XIX — началу XX века на Южном берегу начал формироваться природно-антропогенный ландшафт, основу

которого составляли живописные пейзажи побережья, определяющие художественный смысл всего паркового строительства. Этот процесс был прерван Первой мировой войной и политическими событиями, что стало причиной разрушения, перестройки и утраты некоторых парков.

Советская власть быстро поняла значение созданных парков и превратила их в санатории и дома отдыха для номенклатуры и трудящихся, не особенно заботясь о сохранности их как объектов культурного наследия, но процесс освоения территории Южного берега продолжался. Строились санатории, создавались новые санаторные и городские парки, композиционная организация которых, как и прежде, была продиктована живописностью окружающего ландшафта.

В настоящее время охраняются уникальные природные и культурно-исторические объекты, которые имеют особый правовой статус защиты. Все остальные территории ландшафта осваиваются новым строительством без должной проработки научными методами и лишены правовой защиты, что ведет к конфликтным ситуациям, постепенной деградации и исчезновению культурных объектов. Это особенно важно для парков-памятников, которые из всех объектов наследия наиболее тесно связаны с ресурсами ландшафта.

Сейчас в России понимается значение уникальных ландшафтов Южного берега как всероссийского рекреационного района. Необходимо ставить вопрос не столько об отдельных программах по содержанию и развитию его территории, но и о разработке теории и практических рекомендаций по формированию культурного ландшафта как «целостного территориального комплекса, в котором природные, культурные, социальные и хозяйственные компоненты и структуры находятся в системной взаимосвязи и исторической взаимообусловленности».

В нетронутой природе, где все элементы ландшафта подогнаны друг к другу, нас восхищает гармония. Так и визуальное пространство культурного ландшафта должно вызывать ощущение красоты и гармонии как проявления нерасторжимой и гармонической связи природных и антропогенных процессов. Эстетику культурного ландшафта можно рассматривать как устойчивый индикатор экологического и экономического благополучия общества, как его духовную потребность.

Концепция и методические подходы к организации культурного ландшафта основываются на «идентификации, инвентаризации и оценке всех компонентов ландшафта, как материальных, так и нематериальных», что определяет возможность территории «выполнять экологические, социальные, культурные, ресурсные функции». Южный берег Крыма — единственная в России область ландшафтов

сухих субтропиков субсредиземноморья с целебным климатом и огромными рекреационными ресурсами. Он достоин того, чтобы здесь началась научная и практическая деятельность в этом направлении.

Список литературы

1. *Анненков А.А., Галиченко А.А.* Парк в Тавриде // Декоративное искусство СССР. № 7. 1979.
2. *Артамонов А.* Госдачи Крыма. М., 2015. 540 с.
3. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как объект наследия // Культурная география. М., 2001. С. 172–190.
4. *Волюшин М.П.* Парки Крыма. Симферополь, 1964. 156 с.
5. *Галиченко А.А.* Парки Южного берега Крыма // Сборник научных трудов: Охрана и использование памятников садово-паркового искусства. М., 1990.
6. *Галиченко А.А.* Алушка. Дворец и парк. Киев, 1992.
7. *Исаченко А.Г.* Оптимизация природной среды. М., 1980.
8. *Колесников А.И.* Архитектура парков Кавказа и Крыма. М., 1949.
9. *Коляда Е.М.* Дворцы и парки Крыма XIX – начала XX века. История создания и стилистическая характеристика. Авт. дисс. СПб., 2002.
10. *Крюкова И.В.* Никитский ботанический сад. История и судьбы. Симферополь, 2017. 418 с.
11. *Лихачёв Д.С.* Поэзия садов. Л., 1982.
12. *Макарухина Н.М.* Первая жемчужина Южного Берега Крыма. Симферополь, 2012.
13. *Москаленко Л.Б., Кураמיшина Ю.В. и др.* Парки и усадьбы Крыма // Культурные ландшафты Крыма. Симферополь, 2016. С. 233–237.
14. *Нащокина М.В.* Восточная тема в архитектуре усадеб русской аристократии в Крыму // Русское искусство. 2015. № 2. С. 40–51.
15. *Осипов В.* Семь небес Воронцовского дворца // Деловой Крым, 2003. № 2.
16. *Романюта Г.* Жемчужины западного Южнобережья. Крым, 2003.
17. *Ширяев С.* Помещичья колонизация и русские усадьбы в Крыму в конце XVIII и пер. пол. XIX века / Крым: Общественно-научный журнал. 1925. № 1. С. 170–186.
18. Кадастровое дело. Парки-памятники СПИ Кипарисный, Лазурный, Комсомольский, Горный, Морской.

А.Е. Медведева (Санкт-Петербург)

ЛАСТОЧКИНО ГНЕЗДО В ГАСПРЕ: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ЮЖНОБЕРЕЖНОЙ ДАЧИ

В перечне объектов культурного наследия регионального значения ЮБК числится более 300 памятников, выявленных объектов — около 200. В перечне федерального значения — около 20 памятников. Все они в комплексе составляют среду, удивительно насыщенную историей и искусством. Один из самых известных памятников — дворец «Ласточкино гнездо». Это удивительное сооружение, кажется, чудом держится на обрыве Аврориной скалы. Для многих людей это первое изображение ЮБК, с которым они знакомятся, своеобразный символ Южнобережья. Мы выбрали из всего списка памятников именно Ласточкино гнездо, чтобы показать глубину исторического наследия этой территории и каждого из находящегося на ней памятников.

Нынешняя Гаспра занимает пространство от подножия горы Магоби до береговой линии и включает в себя мыс Ай-Тодор (от *греч.* Ἅγιος Τόντορος — три скалистых отрога, образующие почти недоступный с моря массив. У этой территории богатое прошлое: здесь найдены крупные таврские некрополи V—I веков до н.э., на Ай-Тодоре расположены остатки военного лагеря Харакс — крупнейшая известная римская крепость в Крыму. Плиний Старший упоминает ее под

другим названием — Харакены (Characeni), Клавдий Птолемей сообщает координаты Харакса.

Впервые натурная характеристика крепости на мысе Ай-Тодор была опубликована в 1837 году П.И. Кеппеном, который, ссылаясь на выполненный им глазомерный план, указывал, что остатки оборонительных стен имеют в длину 550 шагов (или 185 саж.), а внутри пространства, окруженного ими, видны следы «прежних строений». В.Х. Кондараки в 1873 дал близкое к действительности описание системы оборонительных сооружений на мысе Ай-Тодор, опубликовал латинскую «не вполне сохранившуюся надпись на раковистом камне», найденную смотрителями маяка, и упоминал античные предметы, «которые обнаруживаются на поверхности земли после дождей».

Инициатива раскопок Харакса принадлежала гр. Шувалову, однако результаты его любительских работ, проведенных в 1849 году, остались неопубликованными. Регулярные полевые изыскания на Ай-Тодоре предпринял вел. кн. Александр Михайлович в 1896 году. Были открыты все известные к настоящему времени архитектурные сооружения Харакса: две крепостные стены, нимфей, термы, святилище и пост бенефициариев (римской дорожной стражи), остатки других построек. По мнению М.И. Ростовцева, которое впоследствии стало традиционным, крепость возникла во второй половине I века н.э., когда на Ай-Тодоре высадился отряд Равеннской эскадры римского флота. При императоре Домициане (81–96 гг. н.э.) была проведена эвакуация войск, расквартированных в Таврике, в том числе отряда, стоявшего в Хараксе. Во II веке ай-тодорский форпост восстанавливался силами вексиляции I Италийского легиона, а в конце этого же столетия сюда была переведена часть XI Клавдиева легиона. Второй раз, и уже окончательно, римские войска покинули крепость в середине III века.

В 1979 году было зафиксировано нынешнее состояние древних сооружений и современной застройки, изменившей не только общий вид местности, но и ее прежний рельеф. Первый ущерб руинам крепости был нанесен в 1835, когда на вершине Ай-Тодора началось строительство. В.Н. Дьяков с полным основанием считает, что «здесь мог находиться *praetorium*, т.е. штаб-квартира, и должны были стоять главная наблюдательная и сигнальная башни вроде тех, что изображены на колоннах Траяна и М. Аврелия», и добавляет: «сооружения эти, конечно, безвозвратно погибли при постройке маяка».

Участки крепости, оказавшиеся за пределами маяка, к концу XIX столетия были разделены между именными двух великих князей, профессора Малышева и купца Шелапутина. Они почти не застраива-

лись, но при планировке имения «Харакс» находили вкопанные в землю пифосы, остатки древних кладок и античные предметы. Сохранились сведения лишь о четырех находках: обнаружение отвалов керамического брака на месте строительства великокняжеского дворца, открытие святилища бенефициариев у восточного фланга наружной оборонительной стены, рельефов с изображением Артемиды у ее западного фланга, а также известнякового алтаря с латинской надписью. К этому можно добавить обнаружение частей водопровода и остатки древней дороги. Римская крепость, в отличие от большинства других античных памятников Северного Причерноморья, не была разрушена или перестроена в средневековое время, что способствовало сохранению всех компонентов застройки.

Долговременному обитанию на южном склоне мыса Ай-Тодор в древности препятствовал ряд существенных обстоятельств. Здесь (и на достаточно большом пространстве вокруг) нет источников питьевой воды, а в период осенних и зимних штормов свирепствуют сильные ветры. Сооружение крепости на Ай-Тодоре могло быть вызвано необходимостью контроля прибрежного морского пространства, благодаря широкому обзору побережья от горы Аю-Даг на востоке до горы Кошка на западе. Это было наиболее удобное место побережья, где можно установить постоянный ночной указатель, необходимый для обеспечения каботажного плавания и захода в гавань римских военных и торговых судов. Таким надежным навигационным комплексом, прежде всего маяком, очевидно, и являлся Харакс.

Оборонительные сооружения крепости сильно отличаются от традиционной прямоугольной и фланкированной башнями системы римских укреплений. Главные ворота в крепость, очевидно, находились в северо-западной части склона. Разрушение построек, вероятнее всего, было произведено самими легионерами при ликвидации форпоста в середине III века н.э. с целью предотвращения возможного использования потенциальным противником. В крепости находились термы, состоявшие из комнаты для раздевания (*apodysteria*), бассейна с холодной водой (*piscina*) и жаркой бани (*caldarium*). К термам прилежала палестра, недалеко от терм располагался нимфей. Вода в термы и нимфей поступала по водопроводу из источников на Ай-Петри, бассейн нимфея использовался в качестве резервуара для питьевой воды.

С восточной стороны горы Магоби, на скале расположены остатки средневековых оборонных сооружений, но селение на современном месте возникло лишь в середине XVIII века и стало интенсивно развиваться в XIX веке. Местные жители в этот период в основном занимались земледелием: виноградарством и выращиванием табака.

Первое документальное упоминание села встречается в «Каме-
ральном описании Крыма...» 1784 года, судя по которому в послед-
ний период существования Крымского ханства *Гаспура* входила в
Мангупский кадылык Бакчи-сарайского каймаканства. После присо-
единения Крыма к России деревня вошла в состав Симферопольско-
го уезда. По «Ведомости о всех селениях в Симферопольском уезде
состоящих с показанием в которой волости сколько числом дворов и
душ...» (1805), в деревне Гаспра числилось 19 дворов и 88 жителей —
крымских татар. На военно-топографической карте генерал-майора
Мухина (1817) деревня Гаспра обозначена с 16 дворами, а на карте
1842 — с 22 дворами.

Вплоть до конца XIX века эта местность Южнобережья оставалась
малонаселенной. Согласно «Списку населённых мест Таврической
губернии по сведениям 1864 года», Гаспра — «казенная татарская
деревня с 37 дворами, 201 жителем и мечетью при безымянном род-
нике». В 1886 в селе «при речке Кучук-Узень», согласно справочнику
«Волости и важнейшие селения Европейской России», проживало 258
человек в 38 домохозяйствах, действовали православная церковь, ме-
четь и 4 лавки. На верстовой карте 1890 года в деревне обозначено 68
дворов с татарским населением. Существенно, что эта карта не пока-
зывает никакой застройки береговой линии у Гаспры, исключая маяк
на мысе Ай-Тодор. «Памятная книга Таврической губернии 1889 года»
сообщает: «Гаспра — небольшая татарская деревня на южном берегу
Крыма близ почтовой станции Мисхор. Жителей 488. Близ Г. развали-
ны старинного укрепления *Гаспра-исáр*. Это натуральная скала, с ма-
ленькой площадкой наверху; вход возможен только с восточной сторо-
ны, которая ограждалась искусственной стенкой».

На протяжении практически всей его истории жизнь поселка про-
текала в предгорьях Магоби, у источников пресной воды, в отдале-
нии от моря. Там же возникла и первая дворянская усадьба, ставшая
ярким стилеобразующим элементом не только Гаспры, но и всей
усадебной архитектуры Южного берега Крыма.

Гаспра как дачная местность

В 1829 году Главноначальствующий над Почтовым департамен-
том, член Государственного Совета и близкий друг Александра I,
князь Александр Николаевич Голицын (1773—1844) приобрел земель-
ный участок в 7 или 8 десятин на нижней границе селения Гаспра.
Имение в честь своего царственного друга он назвал «Александрия».
Строительством усадьбы на вновь приобретенной земле занималась
свояченица князя, после фактической высылки из Петербурга жив-

шая в Кореизе, княгиня Анна Сергеевна Голицына, сам хозяин во время возведения дворца в усадьбе не бывал.

Первый проект дворца был заказан архитектору О. Монферрану в 1829, но оказался слишком дорогим. После этого Александр Николаевич попросил Анну Сергеевну обратиться к архитектору, строившему дворец для графа Воронцова в Алушке — Филиппу Федоровичу Эльсону (1793—1867), первому казенному архитектору Южного берега Крыма. А.А. Галиченко полагает, что Эльсон мог использовать проект Монферрана для создания собственного. С 1834 работами над проектом руководил работавший в Алушке Уильям Джон Хант (Гунт, Гонт, Гант; ок.1800—1857). Как утверждает Е.М. Коляда, комплекс голицынского имения в Гаспре создавался именно по чертежам Ханта. Он же стал автором проекта небольшого домового храма Св. Троицы. Строительные работы в имении заняли 7 лет (1830—1837), по другим источникам — 4 года. Кровля была окончена в 1832, а в июле 1833 года производилась отделка помещений.

Доминантой планировочной композиции имения стал дворец, или «замок» (Castel). Двухэтажное, крытое черепицей, прямоугольное в плане здание, облицованное гаспринским известняком, фланкировано по северному фасаду массивными трехъярусными гранеными башнями. Хант максимально использовал возможности естественного рельефа, благодаря чему дворец воспринимается как неотъемлемая часть окружающего ландшафта. Северный и южный фасады дворца трактованы совершенно по-разному. Северный напоминает средневековый замок, он обращен на парадный двор, к которому ведет подъездная аллея — ось симметрии всей композиции усадьбы. Южный фасад дополнен выступающими террасами с ажурными металлическими решетками, обращенными к парку и морю. Перед ним находится небольшой партер, по сторонам оформленный лестницами, с мраморными скамьями и вазами на парапете, а в его центре расположен пристенный мраморный фонтан в виде львиной маски, из которой вода поступала в миниатюрный бассейн. Из южного дворика многомаршевая лестница спускалась в пейзажный парк. Восьмигранник каждой из башен завершался выносным зубчатым карнизом с декоративными машикули на месте карниза и зубцами парапета; башни и стены прорезаны рядами стрельчатых оконных и дверных проемов.

В интерьере дворца были использованы дубовые стенные панели и роспись потолка, имитировавшая дубовые своды (росписи выполняли мастера, работавшие у М.С. Воронцова в Алушке). Домовая церковь была построена в том же «готическом» духе, с «мавританским завершением», напоминавшим облик Воронцовского дворца. С восточным крылом дворца церковь соединялась висячим мостиком-пе-

Ф. Гросс. Гаспра. Литография, Одесса, сер. XIX века.
Рязанский областной художественный музей им. И.П. Пожалостина.

реходом. Выбор архитектурного стиля был продиктован в равной мере романтическим ландшафтом, модой эпохи и родственными связями с владельцами Алупки.

Н.С. Всеволожский, посетивший усадьбу Голицына в 1836, писал: «Вновь выстроенный, готический, прекрасный замок с башнями, окруженный обширным Английским садом, составляет владение Князя. Дом, богато и с отличным вкусом меблированный, наполнен всеми потребностями и ждет хозяина. Но хозяин никогда здесь не бывал, и вероятно не будет...». Восхищался путешественник и садовником имения, который «искусно умел воспользоваться всеми выгодами местоположения».

Владелец все же приехал в завершенную усадьбу и провел здесь последние два года своей жизни, принимая гостей. Н.И. Голицын в 1844 году писал: «Уже более 10 лет, как подле татарской деревни Гаспры возвысился замок готической архитектуры, который посреди роскошной природы этих мест довершает живописность пейзажа». После смерти А.Н. Голицына усадьба пришла в запустение, службы в церкви не совершались. Но образ «Александрии» в Гаспре стал широ-

*А.Ф. Рыльский. Гаспра. Слева — дворец графини С.В. Паниной.
Фото 1870–1880-х годов из альбома «Крым.
Города и местности Таврической губернии».*

ко известен, многократно воспроизводился на гравюрах и повлиял на формирование облика других усадеб южного побережья.

По завещанию А.Н. Голицына имение перешло его сестре по матери Е.М. Кологривовой с правом продажи или передачи по наследству племяннику, князю Н.С. Голицыну. Однако Кологривова вскоре скончалась, а в 1848 умер и Н.С. Голицын. В 1865 усадьба обрела нового владельца — графа В.В. Левашова, женатого на графине Ольге Паниной, племяннице которой, Софье Владимировне Паниной (1871–1956), «Александрия» отошла в конце XIX века.

Новая хозяйка, весьма известная в передовых петербургских кругах, развила бурную деятельность по обновлению гаспринского имения. А.А. Галиченко, опираясь на описание сада, сделанное в 1921 году, пишет, что в начале XX века усадьба пребывала в цветущем состоянии. Ею управлял К.Х. Классен, при котором проводился капитальный ремонт старых построек и возводились новые. Убранство дворца пополнялось за счет вещей из другой известной усадьбы владелицы — подмосковного Марфино.

Гаспра. Дача Паниной.
 Фото С.А. Толстой, 8—14 сентября 1901 г. Государственный мемориальный
 музыкальный музей-заповедник П.И. Чайковского.

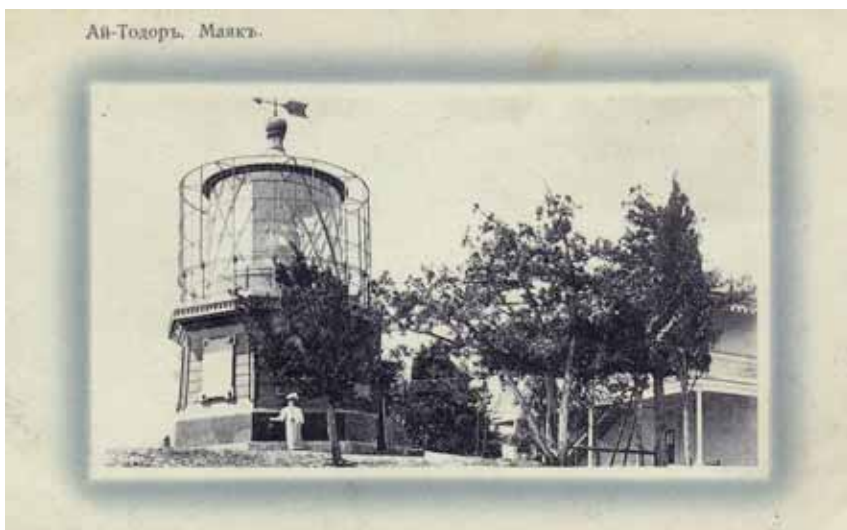
Гаспра. Дача Паниной.
 Фото А.В. Кобака, 2010 г.

*Карло Боссоли. Маяк на мысе Ай-Тодор.
1840-е годы.*

Знаменитой на всю Россию гаспринская «Александрия» стала, когда у Паниной гостил Л.Н. Толстой. Узнав о болезни писателя, графиня предложила ему пожить в Крыму, и Толстые приняли приглашение. Л.Н. Толстой пробыл в доме Паниной с 8 сентября 1901 по 26 июля 1902 г. После его отъезда владельцы усадьбы старались максимально сохранить обстановку, в которой жил и работал Толстой, вся мебель, которой пользовался писатель, осталась на своих местах. Вновь, как и в XIX веке, имение стало обязательным местом для посещения приезжающими на Южный берег Крыма.

Следующим сооружением, повлиявшим на облик Гаспринского побережья, стал построенный на морском берегу маяк. В феврале 1835 года, в докладе начальнику Главного штаба назначенный в 1833 командующим Черноморским флотом адмирал М.П. Лазарев изложил совместную с генерал-губернатором новороссийского края князем М.С. Воронцовым идею построить на скалистом мысе Ай-Тодор маяк. Строительство было закончено в ноябре 1835, окончательное освидетельствование и прием состоялись в мае 1836 года. Доботно

Ай-Тодор. Маяк.
Открытка начала XX века.

сложенная двухэтажная девятиметровая каменная башня была поставлена на высоте около 80 м над уровнем моря и снабжена большим фонарем, в котором разжигался огонь, видный в море с расстояния в 22 мили. Для его поддержания служитель постоянно должен был находиться в маячной башне, где были предусмотрены на первом этаже камин, а на втором — голландская печь. Существенную реконструкцию маяк претерпел в 1876 году, когда на месте старой была сооружена новая, восьмигранная башня. Тогда же закончилось строительство двухэтажного дома для служащих. В августе 1879 при маяке была открыта метеорологическая станция. Достоверные сведения об авторстве проектов первоначального и второго зданий маяка до настоящего времени не найдены. Ай-Тодорский маяк был, как и имение Голицына-Паниной, популярным местом для посещения отдыхающими, его изображения тиражировались в живописи и, позднее, на фотооткрытках.

Не была обойдена Гаспра и вниманием высочайших особ. Есть сведения, что в 1860-х годах вел. кн. Николай Николаевич Старший (1831—1891) недолгое время владел имением «Александрия». В 1869 наместник Кавказа вел. кн. Михаил Николаевич (1832—1909) приобрел у княгини Мешерской участок около 70 десятин на почтовом тракте для своей супруги, вел. кн. Ольги Феодоровны (1839—91), урожденной принцессы Цецилии Баденской. В короткие сроки на

[С.М. Прокудин-Горский] Крым. У Ай-Тодора.
Виноградники в имении Великого князя. 1905. Открытка.

территории имения возводится дворец и разбивают парк. «Ай-Тодор» становится третьим по величине (после Ливадии и Ореанды) южно-бережным владением семьи Романовых.

Имение занимало все пространство от дороги до берега моря. Большая часть земли отводилась под виноградники, как и в других крымских имениях императорской фамилии. В «Путеводителе по Крыму» Караулова и Сосногоровой (1883) говорилось: «За Ай-Тодорой по шоссеной дороге находится татарская деревня — Гаспра, окруженная великолепными виллами. Одна из них принадлежит Великому князю Михаилу Николаевичу: в последней даче находится домовая церковь. Около этой дачи, слева от дворца, идет дорога на мыс Ай-Тодор к маяку».

Позже имение «Ай-Тодор» было унаследовано двумя «Михайловичами» — вел. кн. Александру (1866–1933) досталась большая часть, а Георгию (1863–1919) — меньшая. Александр Михайлович был привязан к крымскому имению своей семьи с раннего детства: «Когда я был еще ребенком, моя матушка приобрела Ай-Тодорскую полосу земли на южном берегу Крыма. Я и Ай-Тодор выросли как бы вместе. С годами Ай-Тодор превратился в цветущий уголок, покрытый садами, виноградниками, полянами и прорезанный по берегу бухтами. На берегу был выстроен маяк, который позволял нам ориентировать-

Дворец в имении «Харакс».
Фото 1904 года.

Дворец и служебные постройки в имении «Харакс».
Фото 1904 года.

ся на море в туманные ночи. Для нас, детей, этот ярко сиявший сноп света Ай-Тодорского маяка стал символом счастья».

К началу 1890-х годов имение уже приносило существенные доходы, в основном за счет виноделия, а также от продажи фруктов и

Церковь Преображения
и св. Нины в имении «Харакс».
Фото около 1905 года.

цветов. При Александре Михайловиче были построены новые винные подвалы, в хозяйстве постоянно проводились работы по благоустройству и расширению. После свадьбы владельца дворец был приведен в порядок. Дети великокняжеской четы росли в Крыму, увеличение семейства сопровождалось расширением имения: «Я испытывал громадное наслаждение, сажая новые деревья, работая на виноградниках и наблюдая за продажей моих

фруктов, вин, цветов. Было что-то необыкновенно ободряющее в возможности встать с восходом солнца и говорить самому себе, скача верхом по узкой тропинке, окаймленной непроходимыми насаждениями роз: «Вот это реально! Это все мое! Это никогда не изменит! Здесь мое место и здесь я хотел бы остаться на всю жизнь».

В 1902 имение занимало территорию более 200 десятин. До наших дней сохранились так называемый «Малый дворец», построенный в 1869 году, службы 1860-х годов, «Детский дворец» и служебный корпус 1912 года. Более старая часть зданий, построенная в характерном для Южного берега «татарском стиле» второй половины XIX века, с богатым деревянным декором фасадов, вынесенными балконами и резными навесами, приписывается ялтинскому архитектору М.И. Котенкову. «Детский дворец» для сыновей Александра и Ксении построил крымский архитектор Николай Петрович Краснов (1864—1939). Это небольшое здание совмещает элементы неоклассики и модерна, главным его украшением служат подлинны античные рельефы, вмонтированные в стены. Именно к восточному входу в имение «Ай-Тодор» приходит Солнечная тропа вдоль побережья, начинающаяся в Ореанде.

В своей части разделенного гаспринского имения, в возвышенной части мыса Ай-Тодор, вел. кн. Георгий Михайлович планирует новую усадьбу, названную им «Харакс». Дворец в Хараксе был построен Н.П. Красновым из светло-серого гаспринского известняка, строго следуя изобретенному им самим «современному шотландскому» (или «швейцарскому») стилю, которому присущи черты, унаследованные от готики. Работы начались в 1904 году, к 1908 строительство было завершено. В следующем году император посетил имение, которым остался весьма доволен.

В 1908 по проекту Н.П. Краснова была построена домовая церковь имения «Харакс», освященная во имя Преображения Господня и св. Нины. Каменный высокий храм в грузинском стиле в плане представлял равносторонний крест. Он воздвигнут на другой стороне дороги и был хорошо виден, в отличие от комплекса дворцовых построек имения, намеренно «спрятанных» в зелени парка. Н.П. Краснов считал Преображенскую церковь одной из лучших своих работ.

Интимность, приватность гаспринской «фермы» Георгия Михайловича роднит ее с петергофским Коттеджем и прекрасно иллюстрирует предпочтения последних Романовых, желавших вести в Крыму подчеркнута «частную» жизнь, противопоставленную официальному Петербургу. Интерьеры Большого и Малого дворцов Харакса следуют канонам стиля модерн и личным эстетическим пристрастиям владельцев: в них сочетаются белая лаковая мебель в стиле модерн, английская мебель красного дерева и карельская береза. В Хараксе имелась значительная коллекция русской и западноевропейской оригинальной графики: акварели и рисунки В. Васнецова, И. Прянишникова, А. Шнейдер, К. Крыжицкого, Е. Бем, Мари и Альберта Стевенс. Для более полного соответствия образу «фермы» при имении содержался «превосходный коровник на 28 коров и все необходимые для молочных продуктов снаряды».

Последним из Романовых в окрестностях Гаспры обосновался внук Николая I вел. кн. Дмитрий Константинович. В 1913 году он построил на мысе Ай-Тодор собственный небольшой дворец «Кичкине», выдержанный в стилистике «татарской» архитектуры, как ее переосмыслили уже в начале XX века. В непосредственной близости к главным доминантам: Ай-Тодорскому маяку и уже прославленному «Ласточкиному гнезду» продавший Ореанду Дмитрий Константинович не планировал создавать роскошный дворцово-парковый комплекс. Ему были предложены два участка в идеальном и безопасном для проживания месте. Однако, он эти варианты категорически отверг и поручил своему помощнику выкупить небольшой участок на склоне крутого берегового обрыва. Великий князь четко сформулировал, что

Дворец «Кичкине».
Фото А.В. Кобака, 2010 год.

Дворец «Кичкине», вид с моря.
Фото А.Е. Медведевой.

он хочет получить небольшой уединенный дом для «непарадного» проживания с маленьким садом.

В марте 1912 ялтинские архитекторы братья Александр, Василий и Николай Георгиевичи Тарасовы представили великому князю проект дворца, гостевого дома, хозяйственных построек, гаража и подпорных стен. Учитывая, что проектируемый дворец и остальные постройки находились практически на краю обрыва, особое внимание архитекторы уделяли безопасности. Стены замка было решено делать шириной в аршин, перекрытия и фундаментная плита выполнялись из железобетона. Тарасовы не успевали сдать объект в срок: по договору, они должны были построить усадебный комплекс к 1913 году, а собственный дом Дмитрия Константиновича — уже в 1912 году. За неисполнение условий договора братья были вынуждены заплатить штраф.

Дальнейшее обустройство дворца было передано команде проведенных архитекторов — Н.П. Краснову, Л.Н. Шаповалову и Л.В. Коржиновскому. Шаповалов стал автором проекта лестницы, спускающейся к морю, а Коржиновский декорировал главный вход и фасады здания восточными орнаментами. Основной стилистической характеристикой дворца Кичкине можно считать эклектику, взявшую верх в архитектуре Крыма того времени. В Кичкине традиционные дворцово-замковые формы причудливо перемешались с восточными арабскими мотивами: башенками-минаретами, росписями.

Примечательна история интерьеров дворца. В имение Дмитрия Константиновича попадали фамильные предметы из разных дворцов и усадеб — из Ореанды и даже из Стрельны. Благодаря обилию мебели, которую успели вывезти из горящей Ореанды, парадную гостиную Кичкине называли «ореандская гостиная». Другой особенностью внутреннего оформления Кичкине стало смешение стилей: в вестибюле преобладал мавританский, в гостиных — ампир.

Близость именитых соседей мотивирует владельцев других имений на Ай-Тодоре и в окрестностях украшать и свои участки оригинальными постройками. Важно рассмотреть ту из них, которая играет роль в формировании ландшафта береговой линии вокруг «Ласточкина гнезда». В конце XIX века владельцем береговой полосы на скалистой вершине Ай-Тодора становится Павел Григорьевич Шелапутин (1847–1914), гапрынское имение которого известно под именем «Жемчужина», а главный дом его — «Белая ласточка». Шелапутин входил в элиту российского предпринимательства своего времени. Он происходил из почтенной старообрядческой семьи с Поволжья, обосновавшейся в Москве в конце XVIII века, за личные заслуги в 1911 был пожалован потомственным дворянством, стал действитель-

Дача «Белая ласточка».
Фото А.Е. Медведевой.

ным статским советником и почетным гражданином Москвы. Шелапутин был одним из организаторов и учредителей Товарищества Балашихинской мануфактуры бумажных изделий, организатором и бессменным председателем совета московского Общества Средних торговых рядов. Ему принадлежала старообрядческая моленная Петра и Павла, хотя позднее он вышел из старообрядчества и стал старостой сразу нескольких храмов в Москве, Московской губернии и Ялте. В 1900–1901 годы П.Г. Шелапутин построил мужскую гимназию, реальное училище, два мужских и одно женское ремесленные училища в Москве, пожертвовал землю для строительства училища в своём имении в Филях и средства на создание женской учительской семинарии. Участвовал в организации и финансировал строительство в Москве Педагогического (Учительского) института, которому пожертвовал собственную библиотеку редких книг. В 1893–1895 годах при Императорском Московском университете Шелапутин построил Гинекологический институт усовершенствования врачей. Он стал одним из учредителей Музея изящных искусств имени императора Александра III и выделил средства на создание «зала скульптора Лисиппа». Всего Павел Григорьевич пожертвовал на благотворительные цели свыше 8 млн. рублей, не считая затрат на строительство храмов.

Земли в Гаспре П.Г. Шелапутин приобрел по пяти купчим крепостям у разных владельцев. В завещании Шелапутина упомянуто, что он сам жил в «большом доме имения», но идентифицировать этот дом с «Белой ласточкой» трудно. В популярной литературе приводятся данные о том, что «Белая ласточка» была построена в 1888 году по проекту некоего Ю. Чумазина, вероятно, еще для предыдущего владельца. Вот что пишет Григорий Москвич в «Путеводителе по Крыму» (1913): «С восточной стороны маяка (ниже нижнего шоссе) — имение П.Г. Шелапутина «Жемчужина», занимающее свыше 13 дес. и имеющее 8 дач различной величины в 11, 4, 3 и 1 комнаты, которые сдаются ежемесячно от 25 до 40 руб. за комнату. Среди дач Шелапутина — одна расположена над обрывом между «Генералифом» и маяком и также известна под именем «Ласточкина Гнезда». В имении «Жемчужина» устроена цементная площадка со ступеньками к самой воде, где идеальное купанье».

На хранящихся в Музее Москвы планах отмечены дачи, входившие в имение Шелапутина. Видно, что у подножия Аврориной скалы склон был занят виноградниками, а на вершине Ай-Тодора вся территория была отведена под парк. Единственная достоверная историческая постройка имения, по которой можно судить о внешнем виде дач — сама «Белая ласточка», которую Г. Москвич называет «вторым Ласточкиным гнездом». Каменная, оштукатуренная двухэтажная дача стоит на самом береговом обрыве и уже в начале XX века выделялась светлым пятном на фоне скалы и зелени, в панораме с моря и из бухты между отрогами мыса Ай-Тодор. Бросается в глаза сходство отдельных элементов оформления фасадов здания «Белой ласточки» с дошедшими до нас изображениями первого строения на Аврориной скале: стрельчатые оконные проемы с характерными сандриками и открытые террасы с балюстрадами. Эти элементы могут быть названы типичными для усадебных построек Южного берега Крыма второй половины XIX века.

История имения «Ласточкино гнездо»

Территория дачи, впоследствии названной «Ласточкиным гнездом», не была императорским имением и никогда не принадлежала кому-либо из высшей аристократии Российской империи. Этим, в частности, вызвано отсутствие архивных документов по ее истории. Пока не найдены купчие документы, которые бы позволили точно указать на даты сделок, личности последовательно сменявшихся владельцев и материальные характеристики имения — размер, количество и материал построек, движимое и недвижимое имущество.

Не обнаружены и чертежи, относящиеся к строительству и перестройке дачи.

Большая часть доступных сведений содержится в скурых упоминаниях путеводителей по Крыму, издававшихся со второй половины XIX века. Трудно оценить объективность этой информации, а иногда и идентифицировать личности тех, кто упоминаются как общеизвестные персонажи. Второй проблемой является точная локализация строений на мысе Ай-Тодор. Единственным документальным источником могут служить карты Южного берега. Информация о внешнем облике сооружения богато представлена почтовыми открытками с репродукциями произведений живописи и графики, а позднее — фотооткрытками и любительскими фотографиями. Таких открыток известны десятки, что позволяет выстроить достаточно подробную строительную историю «Ласточкиного гнезда».

Вплоть до 1880-х годов на берегу Ай-Тодора карты обозначают лишь одно строение — здание маяка. В «Путеводителе по Крыму» Анны Москвич (Москва, 1889) уже упоминается дача: «Мыс Ай-Тодор, на обрыве которого стоит маяк того же имени; рядом с маяком, на таком же выступе над обрывом — дача доктора Тобина, которому принадлежит большое пространство земли в этой местности».

В популярной литературе «доктора Тобина» отождествляют с А.К. Тобиным и называют «придворным врачом имения Ливадия». Между тем, в списках дворцовых служащих императорского имения Ливадия, сохранившихся в РГИА, имени А.К. Тобина нет. Можно предположить, что Тобин работал в больнице для работников имения, построенной в Ливадии, или был приходящим врачом. Популярные тексты часто повторяют, что Тобин был «выходцем из Германии». Единственное упоминание об историческом враче с таким именем говорит о «4-го стрелкового батальона батальонном лекаре докторе медицины Адальберте Карлове Тобине, сыне советника г. Якобштадта, лютеранского исповедания». Якобштадт (ныне Екабпилс) — город в Курляндской губернии, так что доктор Тобин был коренным российским подданным. К 1880-м гг. Адальберт Тобин должен был уже выйти в отставку, осесть в Крыму и даже, по некоторым сведениям, стать гласным Ялтинской городской думы. В 1899 Тобин числится в списке ялтинских врачей и принимает «в собственном доме» в самой Ялте. В позднейших легендах военный врач в отставке мог, конечно, превратиться в генерала «турецкой войны». Упоминание принадлежавшего Тобину «большого пространства земли» помогает понять, где могла располагаться «лечебница», которую, по преданию, он открыл в Гаспре. Можно предположить, что Тобину принадлежала часть территории дачи «Жемчужина» с целым комплексом построек, хозяином которой позднее был П.Г. Шелапутин.

«Путеводитель» описывает местность очень подробно: «Восточный отрог этой скалы, на 7 саж. ниже главной горы, называется Аврориной скалою, в которой предполагается мифологическая пещера золотого руна. С восточной стороны от этой отвесной скалы врезывается в материк небольшая ай-тодорская бухта. [...] В настоящее время на Ай-Тодоре существуют следующие дачи: усадьба господина Куна с двумя дачами в лошине, напротив Ай-Тодорской бухты — 8 дач доктора Тобина от Ай-Тодорской бухты до маяка по берегу моря... Почти все эти дачи отдаются в наем. [...] В ай-тодорской бухте, принадлежащей к имению д-ра Тобина, отличная купальня, на лето ставятся там холщевые будки для раздевания и одевания купающихся». К этому описанию имеется примечание: «Один из домиков на даче г. Тобина, носящий название “ласточкино гнездо”, построен чрезвычайно смело на совершенно отвесной почти скале и с балкона вы видите внизу море лежащим как бы в глубокой бездне». Лечебница Тобина в Гаспре не упомянута, а вместо нее есть 8 сдающихся внаем дач, среди которых имеется и интересующая нас постройка. При этом точное местоположение «ласточкиного гнезда» не указывается. Было ли в 1889 году одно «гнездо» или два, как упоминалось позднее? Неизвестно. Какое из позднейших «гнезд» существовало уже в 1889 году? Тоже неизвестно. У обеих дач есть балконы, обе стоят над скальным обрывом мыса Ай-Тодор, при этом А. Москвич не упоминает о том, стоит ли какое-либо из строений дачи Тобина именно на Аврориной скале.

Рубежом XIX—XX веков датируются первые изображения дома на Аврориной скале — акварели Льва Лагорио. В 1902 В. Святковский пишет, что «Над самым обрывом мыса прилепилась дача покойного врача Тобина, называемая «Ласточкино гнездо», напоминающее каменные гнезда осетинских деревушек на Военно-грузинской дороге». А в «Путеводителе» Г. Москвича (1905) значится: «На Ай-Тодоре существуют следующие дачи: «Генералиф», — замок любви, принадлежащий барону Штейнгелю. Дача эта более известна под именем «Ласточкино гнездо», как построенная чрезвычайно смело на краю совершенно отвесной скалы... С восточной стороны маяка — имение П.Г. Шелапутина «Жемчужина», имеющее 8 дач различной величины. Среди дач Шелапутина — одна расположена над обрывом (между «Генералифом» и маяком) и также известна под именем «Ласточкино гнездо». Первые продажи участков имения Тобина П.Г. Шелапутину произошли еще в 1892 году, но впервые название «Генералиф» появляется только в 1905, причем специально упомянуто, что дача «более известна под именем «Ласточкино гнездо».

Популярные источники соревнуются в фантазиях на тему идентификации «барона Штейнгеля», приобретшего «Ласточкино гнездо»

*С.М. Прокудин-Горский. Ласточкино гнездо.
Фото 1905 года.*

до 1905 года и назвавшего его «Генералифом», предпочитая (как и в случае с доктором Тобиным) называть его «немцем из Германии». На самом деле династия эстляндских Штейнгелей была очень многочисленной, поэтому сложно доподлинно вычислить, кому именно из них принадлежала дача на Ай-Тодоре. Можно предположить, что владельцем «Ласточкина гнезда» мог быть барон Павел Леонардович Штейнгель (1880–1965), владелец многочисленных имений на Юге России, племянник железнодорожного магната барона Р.В. Штейнгеля (1841–1892). Обладателю дворца во Владикавказе, нефтяных вышек в Баку, виноградников на Кубани и конных заводов в Киевской губернии небольшая дача в Гаспре могла приглянуться исключительно ради светского общества. Судя по всему, он мало в ней бывал и довольно быстро перепродал. После революции 1917 года П.Л. Штейнгель вступил в ряды Добровольческой армии, покинул Россию и скончался во Франции, вопреки позднейшей мифологии, относящей отъезд «германско-подданного барона» к 1914 году.

Все изображения «Ласточкиного гнезда» 1905–1910 годов («период Штейнгеля») свидетельствуют о том, что внешний облик дачи никаких существенных изменений не претерпел. На основании изобразительных источников можно заключить, что главная постройка представляла собой одно-двухэтажное здание с башней, верандами и балконами на северном и южном фасадах, окруженное галереей, нависавшей над скалой со стороны моря. К этому времени, вероятно, относится постройка хозяйственного одноэтажного здания («кухни»), укрепление площадки подъезда к даче каменной подпорной стеной, окончательное установление границ усадьбы и их оформление оградой — низкой каменной стенкой с въездными воротами.

В начале 1910-х годов берег Ай-Тодора описывался в путеводителе так: «Не доезжая Айтодорской бухточки, близ берега, из моря поднимается одинокая скала — «Морской страж». Над обрывом Аврориной (восточной) скалы — красное башнеподобное здание — «Ласточкино Гнездо». Большой дом с застекленными галереями и др. постройки на седловине Ай-Тодора принадлежат Шелапутину. Желтая башня с фонарем — Ай-Тодорский маяк; за маяком (высота огня 315 фут.) группа зданий в швейцарском стиле (красные крыши), церковь в византийско-грузинском стиле, круглая серая крыша бассейна и пр. — им. «Харакс» Вел. Кн. Георгия Михайловича. У верхнего севастопольского шоссе расположены одна за другой татарские деревни: Гаспра, Кореиз, Мисхор. В Гаспре большое здание с двумя башнями и церковным куполом — дворец гр. Паниной и рядом им. Вел. Кн. Александра Михайловича «Ай-Тодор»».

Ялтинская газета «Русская Ривьера» 8 сентября 1911 информировала читателей: «Среди курортной публики возбудил много разговоров слух о том, что замок на скале «Ласточкино гнездо» сносится, и что, таким образом, одно из лучших мест Южного берега Крыма потеряет свою прелесть. Как нам передают, слухи эти преувеличены. Расположенный на скале замок уже отжил свой век и дал несколько трещин, почему новый владелец «Ласточкина гнезда» и решил его снести. Но зато на месте старых зданий предполагается соорудить новые здания, которые еще более украсят любимый публикой уголок».

Таким образом, около 1911 года «Ласточкино гнездо» вновь меняет своего владельца, ветшает и возникает необходимость его перестройки. «Путеводитель» Г. Москвича (1912) ничего не говорит о его владельце. 6 февраля 1912 года «Одесский листок» публикует заметку «Ласточкино гнездо»: «На месте знаменитого дома «Ласточкино гнездо, расположенного над морем на краю громадного утеса, теперь снесенного за ветхостью, решено соорудить роскошный замок в средневековом стиле». Владелец участка, проектирующий строительство

Ай-Тодор. Ласточкино гнездо.
Открытка начала XX века.

«роскошного замка», как и автор проекта, вновь не упомянуты.

Зато в августе 1913 «Крымский курортный листок» сообщал, что «перешедшее во владение московских миллионеров Рахмановых «Ласточкино гнездо» украсилось новым красивым в средневековом стиле замком, построенным алупкинским архитектором Н.О. Шервудом. Замок вчерне уже отстроен, внутреннюю же отделку его предполагается закончить месяца через полтора.

По словам осведомленных лиц, замок почти круглый год будет открыт для публики».

Подобно многим другим московским купеческим родам Рахмановы происходили из Гуслицкого уезда Московской губернии — традиционного центра старообрядчества. Родоначальником династии стал выкупивший свободу крепостной крестьянин, переселившийся в Москву в 1797 году. Рахмановы сделали состояние на торговле зерном и находились в близком родстве со всеми знаменитыми купеческими фамилиями: Солдатенковыми, Рябушинскими, Морозовыми. В близком родстве они были и с Шелапутиными. Как и Шелапутины, они внесли огромный вклад в строительство и содержание благотворительных учреждений Москвы. Семья Рахмановых снимала дачу в принадлежавшем К.Т. Солдатенкову имении Кунцево, частью которого владел П.Г. Шелапутин. В начале XX века Рахмановы были знакомы и с московскими художественными кругами, другом семьи был скульптор С.Т. Коненков.

Самым выдающимся из представителей младшего поколения Рахмановых был Георгий Карпович (1873—1931). В 1896 он окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета по кафедре физической географии и метеоро-

логии, стал профессором и гласным Московской городской думы. В 1899 женился на Софье Ивановне Осиповой, урожденной Чижовой (1866–1936), у них родилось трое детей. Георгий Карпович, увлекавшийся стариной, совершал поездки по поволжским селениям, собирая предметы для своей коллекции. Он стал обладателем выдающегося собрания древних икон, устроил в своем московском доме молельную, где все образа и утварь были подобраны из подлинных предметов старины. Это собрание после 1917 г. было передано в Исторический музей. По семейным воспоминаниям, «незадолго до революции папа приобрел небольшой участок в Крыму и с увлечением занялся проектом дома, планировкой участка и т.д.». Известно, что Софья Ивановна увлекалась живописью, писала, в частности, портреты членов семьи. В сентябре 1918 Рахманов с семьей уехал из Москвы на Кавказское черноморское побережье, где прожил до 1922 года, когда вернулся в Москву.

Брат Георгия — Сергей Карпович Рахманов — был женат на Агнии Павловне Свешниковой, представительнице известной московской старообрядческой фамилии. Е.М. Юхименко, исследовательница семейной истории Рахмановых, пишет, что о предпринимательских делах Сергея Карповича ничего не известно, «за исключением того факта, что на имя его супруги была приобретена дача под Ялтой — знаменитое «Ласточкино гнездо». При этом исследовательница ссылается на семейные воспоминания и «популярные сайты», относя покупку имения к 1903 году, якобы, у вдовы Тобина. Юхименко излагает одну из популярных версий о первоначальной постройке деревянного дома на участке, сообщает, что именно Агния Павловна Рахманова прозвала дачу «Ласточкиным гнездом», что в 1911 году она, якобы, продала дом фон Штейнгелю, который, якобы, и постро-

План участка земли возле Ай-Тодорского маяка, владения наследников умершего действительного статского советника Павла Григорьевича Шелапутина. 1915 год. Музейное объединение «Музей Москвы».

ил на скале каменный замок. При этом в книге опубликованы две фотографии из семейного архива потомков Рахмановых. Первая надписана «1913го года Апреля 19-го» и, согласно Е.М. Юхименко имеет еще и подпись «Ласточкино гнездо Рахмановых». Этот снимок показывает здание нового, последнего «Ласточкиного гнезда» в процессе строительства, с лесами и широкими подмостями для доставки строительных материалов в уровень второго этажа. Вторая фотография 1914 года изображает «Ласточкино гнездо» уже построенным, на его фоне стоит группа из мужчины, женщины и двух девочек (Юхименко полагает, что это Георгий Карпович Рахманов с семьей).

Можно с большой долей уверенности утверждать, что дом на Аврориной скале с 1911 года принадлежал семье С.К. Рахманова. К 1913 году дом был кардинально перестроен, приняв тот вид, который сохранился до настоящего времени. В 1914 Сергей Карпович скончался. Григорий Москвич в последнем издании (1914) «Путеводителя по Крыму» владельцем «Ласточкиного гнезда» называет «госпожу Рахманову», которая может быть как вдовой Сергея Карповича, Агнией Павловной Рахмановой (дата кончины которой неизвестна), так и его дочерью Марией Сергеевной (род. в 1889 г.).

На плане «владения наследников умершего действительного статского советника Павла Григорьевича Шелапутина» 1915 года из Музея Москвы можно видеть небольшой участок на оконечности мыса, со всех сторон кроме моря окруженный землей Шелапутина, — «Дача «Ласточкино гнездо» Рахмановой».

В 1921 году, при составлении описи национализированного имения, переходившего в ведение Управления Южнобережских Советских Хозяйств Крыма, бывшей владелицей (принадлежавшего ей «до последнего времени») «Ласточкина гнезда» называется «Марья Сергеевна Кюлева, урожденная Рохманова, за мужем за Владимиром Артемьевичем Кюлевым». Юхименко пишет о М.С. Рахмановой очень коротко: «Мария вышла замуж за грузинского или армянского князя, уехала во Францию, училась в Сорбонне». Дата ее смерти исследовательнице не известна, в книге приводится лишь одна детская фотография Марии Сергеевны. О ее муже, Владимире Артемьевиче Кюлеве мы не знаем ничего. Судя по фамилии, он не был ни грузинским, ни армянским князем.

В поисках информации о В.А. Кюлеве мы наткнулись на упоминания о другом человеке с такой же фамилией. Иван Артемьевич Кюлев родился в Ростове-на-Дону в 1893, учился в Московской школе живописи, ваяния и зодчества. Информация об обучении после этого в Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств не кажется вполне правдоподобной, если верить, что с 1914 он находился на

турецком фронте. После революции он оказался на Балканах, где зарабатывал продажей своих живописных работ, а также оформлением театральных постановок. В этот период он заинтересовался иконописью. По сообщениям биографов, в конце 1920-х годов И.А. Кюлев переезжает в Париж, «где жил его любимый брат с семьей». Имя И.А. Кюлева, в отличие от имени его брата, было широко известно в русских эмигрантских и французских художественных кругах. Он расписывал храмы, иллюстрировал литературные произведения, уже после Второй мировой войны прошло несколько персональных выставок художника. Скончался И.А. Кюлев в 1987 в Русском старческом доме в Монморанси. Вопрос о том, был ли он братом Владимира Артемьевича Кюлева, мужа Марии Сергеевны Рахмановой, требует окончательного разрешения, но несомненно, что именно Рахмановы-Кюлевы были владельцами имения «Ласточкино гнездо» вплоть до 1921 года.

* * *

Основные композиционные принципы застройки имения «Ласточкино гнездо» сформировались в первый период его существования, в 1890–1900-х годах. Стоявшее на обрыве скалы главное здание, окруженное со стороны моря галереями и балконами, имело двухэтажную башню и основной объем, постепенно понижаясь до одного

Ласточкино гнездо.
Открытка 1910-х годов.

этажа в сторону материка. Рядом было построено хозяйственное помещение, а площадка подъезда выровнена и засыпана. С восточной стороны устроена большая подпорная стена из бутового камня. Дорога к въезду в имение вела, живописно петляя, по верхнему уровню мыса Ай-Тодор, у ворот находилось еще одно строение, с западной стороны имела невысокая ограждающая территорию каменная стена. Имение не имело сада и своего выхода к морю. Первоначальное здание дачи было каменным, оштукатуренным и окрашенным в красный цвет, с характерными окнами со стрельчатыми «мавританскими» завершениями и плоскими сандриками, напоминающими окна ай-тодорской дачи «Белая ласточка» Тобина—Шелапутина.

При реконструкции построек имения в 1912–1913 годах не было изменено их местоположение и объемно-пространственное решение. Доминирующее положение в ландшафте сохранила ставшая уже легендарной дача в виде миниатюрного замка с башней на скале и галереями. Эффект был усилен за счет использования наиболее романтического из архитектурных стилей той эпохи — готики. Вместо цветной штукатурки фасады были облицованы блоками светло-серого газпринского камня.

Большую проблему представляют поиски автора проекта нового «Ласточкина гнезда». «Крымский курортный листок» называет его «алупкинским архитектором Н.О. Шервудом». Архитектор с такими инициалами не встречается ни в Алушке, ни в других местах. Исследователи пытались приписать «Ласточкино гнездо» представителям известной московской династии Шервудов: Владимиру Владимировичу (1867–1930), Александру Владимировичу (1869–1919), Всеволоду Сергеевичу (1882–1915) или Леониду Владимировичу (1871–1954).

Справедливости ради нужно отметить, что Николай Осипович (Н.О.) Шервуд встречается в источниках, но он родился в 1826 году и вряд ли мог построить что-нибудь в 1912. Ничего не известно ни о его месте жительства, ни о занятиях. По мнению историографов семьи Шервудов в России, автором «Ласточкиного гнезда» был В.С. Шервуд. Но никаких других его работ, а также доказательств его авторства этой постройки не приводится. При современном состоянии изучения источников приходится признать, что вопрос об авторстве проекта «Ласточкиного гнезда» 1912 года остается открытым.

По фотографиям из семейного архива Рахмановых видно, что уже в 1913 году строения приобрели новый облик. Предположительно, именно при этой перестройке под западную часть главного дома была заведена железобетонная плита с железными балками-двутаврами каркаса. Сохранившаяся практически без изменений композиционная структура и объемы здания, форма и расположение окон приво-

Ласточкино гнездо.
Открытка 1920-х годов

дят к мысли о том, что предыдущее строение могли и не разбирать полностью. Как и первоначальное «Ласточкино гнездо», новый замок решен в виде четырех развивающихся в сторону моря объемов: одноэтажного входного, состоящего из двух больших помещений; двухэтажного с комнатами на первом и втором этажах, и круглой в плане двухэтажной высокой башни, облицованных камнем.

Внутренняя планировка небольшого здания следовала конструктивному решению: анфилада из 4-х комнат (кабинет, спальня, столовая и комната в башне) в первом этаже, передняя и комната в башне — во втором. С площадки и внешней галереи можно было войти в кабинет, столовую и в башню. Внутренняя лестница вела из столовой в переднюю комнату второго этажа, из обоих помещений которого можно было выйти на кровлю здания и балкон башни. Фасады стилистически следовали образцам неоготики с цитатами из португальской готической архитектуры мануэлино. Кровля одноэтажных частей здания была сделана плоской и играла роль дополнительной террасы, соединяясь переходами с обеих сторон с балконом вокруг башни.

Некоторые из элементов архитектурного декора фасадов замка — выбор камня для облицовки; бучардированные стрельчатые сандри-

ки окон, декоративные контрфорсы, ритмически членящие фасад; машикули и зубцы башни и парапета кровли; оконные переплеты окон башни, оформление входной двери и изящная решетка балкона — вторили декоративным приемам оформления фасадов гапрынской «Александрии». Два самых больших окна в первом этаже (в кабинете и спальне) имели роскошные резные готические переплеты, подобных которым не было даже в Воронцовском алушкинском дворце. Резким стилистическим отступлением от канонов готики в сторону архитектуры модерна являются полуовальное окно на восточном фасаде и орнаментальное оформление нижней части пинаклей, придающее зданию узнаваемый привкус эклектики.

В едином с главным домом стиле было перестроено и хозяйственное строение, стоявшее на площадке к западу от дачи. «Кухня» была также облицована камнем в «готическом вкусе», с высокими зубцами парапета и двумя стрельчатыми дверными проемами. Необходимость оградить прилепившееся к скале строение от дождевой воды обусловила сооружение более высокого ограждения по западной стороне кровли. Крыша была сделана стеклянной, что оправдывалось не только декоративными, но и утилитарными нуждами (в имение не было проведено электричество, а окон в «кухне» не было). У въезда на территорию имения была в том же стиле, хоть и скромнее, перестроена «сторожка» — каменное оштукатуренное двухэтажное здание с зубцами по карнизу кровли.

Единственные сведения об оформлении интерьеров дачи дает нам Инвентарное описание 1921 года. Интерьеры были оформлены в эклектичном «историческом» стиле, с готическим камином из полированного диабаз в столовой, дубовыми панелями на потолке, стенами, обитыми тканью, и дубовой «древнерусской» мебелью. Это было не удивительно в контексте семейных увлечений Рахмановых русской стариной. Московские и пригородные владения Рахмановых сочетали старорусские «моленные», хохломскую мебель и старый московский ампир с последними модными достижениями модерна. Так и в «Ласточкином гнезде» гармонично объединились европейская готика южного бережья и «русский стиль».

Согласно Инвентарному описанию, в главном доме хозяйственные-бытовые помещения отсутствовали, пол был «цементный, в башне — покрыт линолеумом. Потолок оштукатурен, в 2 комнатах обложен дубом, стены оштукатурены». Стены всех комнат первого этажа, и дубовая мебель были обиты «материей темно-желтого цвета». При отсутствии дореволюционных фотографий довольно трудно понять, какой именно тканью был оформлен интерьер дачи. «Парусина» Инвентарного описания может быть холстом, плотным хлопком или

джутом (конопляной материей), скорее всего с рисунком в технике набойки в едином с мебелью «русском стиле», подобно тканям в интерьерах московских особняков Перцова или Рябушинского. В кабинете тканью был обтянут в том числе потолок, стояли «мужское бюро, крыто сукном, в древнерусском стиле, с украшениями из бронзовой жести», 4 стула и библиотечный шкаф. В Спальне располагалась большая резная кровать с балдахином из той же ткани. «Навес с куполом, резной, к нему подставка» и «столик с доскою для ног, — для молитвы» оформляли традиционный «красный угол». Комнату освещал «фонарик черной жести с розовым стеклом, висячий». «Сундук с резьбой в древнерусском стиле» был заполнен книгами, стеклами для фотографического аппарата, материалами для занятий живописью, эскизами и картинами, среди которых опись приводит «картину маслом на полотне — женщина на берегу моря в рамке, обитой серым полотном», «Портрет женщины на полотне, маслом, в черной раме» и «Портрет женщины карандашем в раме из узкого светл. багета».

Третья комната в анфиладе, столовая, имела отдельный вход с улицы, чтобы гости могли проходить сразу в нее, минуя личные комнаты. В столовой находились «шкаф в древне русском стиле, с изображениями сцен из боярской жизни, сделан. из бронзовой жести, кресла мягкие, широкие, в древнерусском стиле, с бронзовыми украшениями, диван-шкафчик, кресла без сидений, резные, в форме складных стульев, стол круглый, ясеневый, полированный, с откидными боками, столик с 1 ящиком» и три венских стула. Комната освещалась лампой-торшером. Комната в башне была практически пуста. Инвентарная опись фиксирует отсутствие особенной обстановки и в обеих комнатах второго этажа дачи. Сторожка использовалась для жилья и хранения хозяйственного инвентаря. Здание кухни было разделено на собственнo кухонное помещение с плитой и ванную комнату, в которой была установлена каменная ванна. Такой дача «Ласточкино гнездо» дошла до установления советской власти в Крыму.

Гаспра и «Ласточкино гнездо»: проблема сохранности исторического памятника в ландшафте

В 1917 году, опасаясь расправы над Романовыми, Временное правительство передало приказ вел. кн. Александру Михайловичу с семьей немедленно уехать из Петрограда. Александр Михайлович оставил Крым раньше остальных членов семьи. 11 декабря 1918 ночью на корабле «Форсайт» он покинул Россию, чтобы в Париже увидеть глав союзных правительств и представить им доклад о положении в Рос-

сии. В эмиграции, вспоминая это мгновение прощания с родиной, он напишет: «Когда я обернулся к открытому морю, то увидел Ай-Тодорский маяк. Он был построен на земле, которую мои родители и я возделывали в течение последних сорока пяти лет. Мы выращивали на ней сады и трудились в ее виноградниках. Моя мать гордилась нашими цветами и фруктами. Мои мальчики должны были закрываться салфетками, чтобы не испачкать рубашки, кушая наши великолепные, сочные груши. Было странно, что утратив так много лиц и событий, память моя сохранила воспоминание об аромате и вкусе груш из нашего имения в Ай-Тодоре».

По постановлению Крымревкома от 8 января 1921 года была упразднена волостная система, и село Гаспра подчинили Ялтинскому району Ялтинского уезда (в 1922 уезды получили название округов). По данным Всесоюзной переписи 1926 года, в Гаспре, центре Гаспринского сельсовета Ялтинского района, числилось 144 двора, из них 107 крестьянских, население составляло 696 человек, из них 534 крымских татарина, 91 украинец, 36 русских, 1 белорус, 2 немца, 31 грек, 1 записан в графе «прочие». В 1930 году Гаспре был присвоен статус посёлка городского типа.

После установления советской власти имение «Александрия» стало санаторием Дома ученых ЦеКУБУ. При землетрясении 11 сентября 1927 года усадьба сильно пострадала — обрушились кровли дворца и храма до первого этажа, появились глубокие трещины в остальных постройках санатория. Восстановлением усадьбы занялся ялтинский архитектор Л.Н. Шаповалов (1871–1957). Он максимально тактично и внимательно отнесся к памятнику, однако ему не позволили восстановить обрушившийся купол церкви, а сама церковь к тому моменту уже была закрыта для богослужений. Великокняжеское имение Ай-Тодор стало частью советского хозяйства «Гаспра» и являлось собственностью Райсовхоза, а предметы искусства и археологические находки из него были определены в различные музеи Крыма. В 1921 в имении был открыт дом отдыха металлистов, затем — санаторий для больных туберкулезом, затем уже детский санаторий получил имя Розы Люксембург. Санаторий был открыт и в имении «Харакс», еще один — на территории дач «Жемчужина». Ни одно из имений не было сочтено достаточно ценным для музеефикации.

По словам бывшего смотрителя ай-тодорского маяка П.Я. Павлова, в послевоенные годы при нивелировке площадки рядом с современной башней и домом, возведенным в 1876 году, был раскрыт и, к сожалению, удален фундамент большого, круглого в плане древнего строения. В 1948 в юго-западном секторе цитадели Харакс, близ терм, было поставлено здание радиомаяка с асфальтированной площадкой

и складскими постройками. Под ними оказались исследованные еще до революции, но засыпанные остатки здания первых веков н.э. Тогда же на территории, примыкающей с северо-востока к площадке маяка, были произведены значительные земляные работы, приведшие к разрушению больших участков культурного слоя и уничтожению римских строительных остатков. В 1980–1984 годах на месте жилых построек римского времени и бывших подсобных построек маяка возвели многоквартирный дом. Эти работы уничтожили архитектурные остатки Харакса. После приостановки строительных работ были проведены археологические исследования.

Национализация 1921 года сохранила для нас уникальное описание «Ласточкина гнезда» в том виде, в каком оно сохранилось с 1912 года, написанное в неожиданном для бухгалтерского документа «вышешном» стиле:

«Именье «Ластогкино гнездо» находится на южном берегу Крыма, верстах в 8 от г. Красноармейска (г. Ялта), верстах в 8 от г. Алупки и в 2 ¹/₂ верстах от ближайшей деревни Гаспры. Севернее имения, в разстоянии около 1/2 версты от него, проходит Нижне-Алупкинское шоссе, соединяющее г. Алупку с г. Красноармейском. Имение занимает около 1/3 десятины, расположено на горе, отвесно спускающейся к морю; обрыв скалы со стороны моря — около 30–40 сажень, с наклоном 90–100 градусов. Весь угасток горы, занимаемой имением, представляет сплошной камень — скалу, омываемую с востогной и южной стороны морем, с севера же и запада имение обнесено каменною стеною, высотой около 2–2 ¹/₂ аршин и толщиной около 1 аршина. В северозападном углу имения в каменной стене устроены железные въездные ворота, у ворот стоит двухэтажная каменная сторожка, а на востогно-южном конце выступающей в море совершенно отвесной скалы, высотой до 40 сажень, построено, как бы прилепилось к скале, каменное здание с плоской крышей, одноэтажное, с круглой башней, возвышающейся над самым обрывом, в востогно-южном углу этого дома-замка, напоминающего своею архитектурой небольшие замки средних веков готического стиля. Кругом дома устроена балюстрада с деревянными тогеными колонками, гась которой выступает над морем, будуги укреплена на железных сооружениях. На крыше, вокруг башни, устроена такая же балюстрада. Сама крыша цементирована и имеет барьеры. Посещение этих площадок доставляет поистине громадное удовольствие, так как виды, открывающиеся с «Ластогкиного гнезда» — захватывающие. Видны Ялта, Ливадия, Ореанда и на далекое пространство безбрежное море, вода которого с такой высо-

ты в разлитных местах имеет цвета и оттенки, редко наблюдаемые с плоского берега... Напротив дома прилепилась к скале каменная кухня без окон, со стеклянной крышей. Все 3 постройки занимают пространство около 50 сажень. Кроме зданий других сооружений в имении нет. Несколько старых можжевельников, дико растущих на западной границе имения, составляют всю растительность этой скалы. Собственного берега и пляжа имение не имеет, так как обрывающаяся отвесно скала глубоко уходит в море».

Описывая всю обстановку и имущество имения, Инвентарное описание бесстрастно констатирует:

«Имение оставлено без всякого присмотра, двери во все 3 здания заперты. Окна заколочены внешними ставнями. Одно из окон в южной стене здания оказалось разбитым и ставни на нем оторванными. При входе в дом через это окно внутренность 3 комнат нижнего этажа представилась в состоянии полного разгрома. Большая часть обшивки стен, покрытой темно желтого цвета материей парусинового вида, оказалась сорванной и унесенной. Такого же рода обшивка сорвана с диваника; покрышки матраца и двух тюфяков ободраны, все шкафы и ящики разломаны, крышки дверец отломаны, сундук взломан и полы комнат завалены горами разорванных книг, обломками рамок, письмами, журналами, картинками, фотографическими картонками, обрывками материй, пустыми бутылочками, разбитым стеклом и всяким мусором. Общий вид разгрома комнат свидетельствовал, что помещение “Ласточкино гнездо” посещалось любителями тужего добра неоднократно и воры оставались в доме подолгу. Кассовой книги и других каких либо документов и книг хозяйственного значения (кроме домоводной книги) в доме не оказалось. Запасов продовольствия, фуража, живого инвентаря — при имении не имеется. Внутренность разгромленных комнат была приведена в порядок, лишний хлам и мусор выброшен в море, после того составлена опись движимого имущества».

После национализации «Ласточкино гнездо» было передано в ведение совхоза «Гаспра». В 1920—1930-е годы в замке размещался красный уголок дома отдыха «Жемчужина», затем ресторан, столовая. Потом помещение, признанное аварийным, закрыли. Вероятно, в этот период большая часть мебели была изъята, а обивка стен тканью окончательно уничтожена. В середине 1920-х гг. фотографии фиксируют отсутствие остекления кровли «Кухни» и разрушение огражде-

Ласточкино гнездо после землетрясения
12 сентября 1927 года.

Ласточкино гнездо после реконструкции.
Фото 1970-х годов.

ния галереи и балкона замка. По всей вероятности, в это же время оказались утрачены и шпили пинаклей башни. На фотографиях перед землетрясением 1927 года они показаны лишь с металлическими стержнями, на которых шпили были закреплены. Еще до землетрясения упоминается, что «в настоящее время здание пришло в ветхость. Бродить по его полуразрушенным балконам и террасам, висящим над морской пучиной, доставляет жуткое, но вместе с тем приятное чувство».

На снимке, сделанном сразу после землетрясения 12 сентября 1927 года, «Ласточкино гнездо» запечатлено с практически уничтоженной башней, отсутствующими пинаклями и частью зубцов, обвалившейся дымовой трубой, балюстрадой ограждения галереи и балкона. П.А. Двойченко так описывает события: «На балконе, висевшем над морем, ужинало довольно много посетителей из соседнего дома отдыха «Харакс». Публика разошлась за 10 минут до главного толчка, от которого разрушилась башня этой затейливой дачи. Упавшие на балкон камни разбили столы и стулья, сломали перила и сбросили часть этой мебели в море, куда последовали бы и посетители, если бы они задержались на 10 минут. В башне, построенной из желтого евпаторийского камня, образовались две бреши, как будто ее прошило огромное ядро». Были почти полностью разрушены два верхних ее яруса. После землетрясения начались ремонтные работы. Сохранившийся уровень второго этажа был перекрыт кровлей с реставрацией утраченных элементов. Вокруг галереи и балкона было установлено временное ограждение из металлической сетки. Некоторое время здание эксплуатировалось в качестве читального зала дома отдыха «Жемчужина», вплоть до признания его аварийным в конце 1930-х годов.

Многочисленные любительские фотографии «Ласточкина гнезда» фиксируют его в неизменном виде вплоть до 1960-х годов. При этом полностью отсутствует информация о том, как выглядели интерьеры замка. Специфика отношения к этому сооружению (не признанному памятником архитектуры) подразумевала заботу о сохранении «вида», в особенности видового раскрытия с моря. К концу 1960-х годов вопрос о том, чтобы вновь открыть смотровую площадку «Ласточкина гнезда», вынудил государство озаботиться планами по реставрации здания.

Еще в 1957 году крымским филиалом института Гипроград был разработан проект полной реконструкции «Ласточкина гнезда», предусматривавший комплекс восстановительных работ, прежде всего по укреплению фундамента. Сходный проект В.Н. Тимофеева был исполнен институтом «Ялтаспецстрой» под руководством И.Г. Тати-

ева в 1967–1968 годах. Он предусматривал заведение под здание консольной железобетонной плиты основания, армирование всех уровней строения и самой скалы в ее верхней части, восстановление башни замка в железобетоне. Поскольку дворец-замок не охранялся государством как памятник архитектуры, то работы по его реконструкции не подразумевали собственно реставрационных методов. На практике предусмотренные проектом работы не были полностью реализованы: не были проведены буровые свайные работы на скале под фундаментной плитой. При ремонте были полностью разобраны башня замка и объем передней комнаты на втором этаже, утрачены исторические элементы интерьера, за исключением камина и одной из диабазовых подоконных плит. Новые перекрытия были выполнены из железобетона, затем воссозданы в общих чертах габариты второго этажа и башни. При воссоздании фасадов были соблюдены первоначальные габариты и материалы там, где они сохранились к 1967 году. Дверь на южном фасаде в помещение столовой была переделана в окно. Пинакли башни, ограждения карниза башни и кровли передней комнаты второго этажа, дымовая труба были выполнены из бетона.

В интерьере из-за нового железобетонного основания возник перепад высоты пола в помещениях, на исторических местах остались лишь камин в столовой и (предположительно) межэтажная лестница. «Обложенный дубом» потолок был заново воссоздан лишь в одном помещении. Резные оконные переплеты оказались утрачены. В начале 1980-х годов, при устройстве в здании ресторана, в здании были устроены полы из керамической плитки, стены расписаны декоративными «драпировками» в готическом духе. В начале 2000-х годов были установлены металлопластиковые окна. С 2011 года «Ласточкино гнездо» стало выставочным залом.

Особенности советской южнобережной жизни обусловили радикальное смещение акцентов в восприятии ландшафтной композиции мыса Ай-Тодор и всех сохранившихся вокруг него памятников. Активно благоустраивались доступные для туристов и отдыхающих места. Доступ к обзорной площадке у «Ласточкина гнезда» обеспечивали дорожки от шоссе наверху и пристани для прогулочных катеров внизу, соединявшиеся в лестницу, поднимавшуюся к территории бывшего имения вдоль обрыва со стороны бухты. Возникновение нового пути к этой даче было вызвано закрытием для публики всей остальной территории мыса Ай-Тодор, занятой санаторно-курортными учреждениями. Ни дача «Белая ласточка», ни Ай-Тодорский маяк не были доступны и пропали с любительских фотографий и почтовых открыток. Немногие из посещавших Южный берег видели дворец

Голицына в Гаспре, спрятанные в укромной зелени парков дачи великих князей. Единственным «местом притяжения» стал отныне «самый известный вид Крыма» — силуэт белого сказочного замка на романтическом обрыве скалы.

Процесс застройки склона бухты начался еще в довоенное время и значительно активизировался к 1970–1980-м годам. Естественное сдерживание этого процесса природными и административными факторами (в том числе, весьма небольшая площадь береговой полосы с пляжем и ее закрытая принадлежность санаторию) сослужило этому уголку южного побережья добрую службу, в достаточной мере сохранив исторический ландшафт. Единственным диссонирующим элементом стало позднее многоэтажное здание корпуса санатория «Парус».

Мыс Ай-Тодор остался рекреационной зоной с малоэтажной застройкой, скрытой густым парковым массивом, а вокруг маяка сохранился реликтовый южнобережный лес. Именно поэтому исключительно важно сохранять как архитектурные памятники и ансамбли на этой территории, обеспечивая доступ к археологическим, историческим и культурным объектам, так и ландшафтные характеристики этого уголка побережья, где архитектурные доминанты идеально подчеркивают природные.

Список литературы и источников

1. ГАРК. Ф. Р-361, Оп.2, Д.77.
2. Александр Михайлович, вел. кн. Воспоминания. М., 2000.
3. Вергунов А.П., Горохов В.А. Русские сады и парки. М., 2007.
4. Всеволожский Н.С. Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 годах. М., 1839.
5. Выгон М.И. Крымские страницы жизни и творчества Л.Н. Толстого. Симферополь, 1978.
6. Галиченко А.А. Старинные усадьбы Крыма. Симферополь, 2008. Электронная версия: http://sofpanina.ru/Doki/Galichenko_usadbi_Krimea.pdf
7. Годфейль Л.Г. Южный берег Крыма. М., 1927.
8. Головинский Н. Путеводитель по Крыму. Симферополь, 1894.
9. Двойченко П.А. Черноморское землетрясение 1927 г. в Крыму. Симферополь, 1928.
10. Карташов В.С., Карташов А.В. Награда врачам, участникам крымской войны и обороны Севастополя в 1854-1855 годах // Актуальные проблемы современной науки. 2016. №1(86).
11. Коляда Е.М. Архитектурные образы прошлого в садово-парковом строительстве южного берега Крыма первой половины XIX века. Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/arhitekturnye-obrazy-proshlogo-v>

sadovo- parkovom-stroitelstve-yuzhnogo-berega-kryma-pervoy-poloviny-xix-veka

12. *Коляда Е.М.* Дворцы и парки Крыма XIX—начала XX века. История создания и стилистическая характеристика / Автореферат дисс. на с.у. ст. канд. иск. СПб, 2002.
13. *Коляда Е.М.* Элементы готики в русской усадебной ландшафтной архитектуре. Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/article/n/elementy-gotiky-v-russkoy-usadebnoy-landshaftnoy-arhitekture>.
14. *Ливанов Ф.В.* Путеводитель по Крыму с историческим описанием достопримечательностей Крыма. М., 1875.
15. *Макаров М.* Мисхор, Кореиз, Гаспра. Симферополь, 1957.
16. *Москвич А.* Практический путеводитель по Крыму с приложением алфавитного указателя местностей, карты гористой части Крыма, плана гор. Севастополя, плана гор. Ялты, поясненного списком дачевладельцев, расписания движения пароходов и поездов и проч. Ялта, 1889.
17. *Москвич Г.* Путеводитель по Крыму. СПб, 1913.
18. *Москвич Г.Г.* Иллюстрированный практический путеводитель по Крыму: с приложением алфавита, русско-татарского словаря (крымское наречие), 8 карт, 7 планов, 44 иллюстраций, расписания рейсов пароходов Р. о. п. и. т. Рос. о-ва, тарифов пароходств и проч. СПб, 1912.
19. *Раевский М.* Таврическая губерния. Список населенных мест по сведениям 1864 г. СПб, 1864.
20. *Святковский В.В.* Южный берег Крыма от Ялты до Алупки. СПб, 1902.
21. Силуэты Крыма: Из путевой книжки А.Н. Нилидина. СПб, 1884.
22. *Сосногорова М.* Путеводитель по Крыму для путешественников. М., 1871.
23. Справочник географических названий на побережье СССР. М., 1985.
24. *Фирсова Л.В.* Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. Новосибирск, 1990.
25. *Шантырь С.* Мисхор, Кореиз, Гаспра. Симферополь, 1969.
26. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. VIII (1892).
27. *Юхименко Е.М.* Рахмановы: купцы-старообрядцы, благотворители и коллекционеры. М., 2014.

Б.В. Попов (Ялта)

АРХИТЕКТУРА ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Первый этап (1920–1941 годы)

С самого начала власть большевиков уделяла большое внимание национализации и использованию дореволюционных дворцов Романовых в Ливадии и Ореанде, а также усадеб, особняков и дач, возведённых на Южном берегу Крыма в конце XIX — начале XX века элитой царской России.

Направление развития курортного дела в Крыму определяли декреты, подписанные В.И. Лениным. Первый из них — Декрет СНК РСФСР от 20 марта 1919 года «О лечебных местностях общегосударственного значения» провозглашал национализацию курортов и намечал дальнейшие пути развития курортного дела, второй — Декрет СНК РСФСР от 21 декабря 1920 года «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» определял сроки и мероприятия по разворачиванию санаторного дела в Крыму.

14 декабря 1920 года приказом Крымревкома было сформировано Центральное управление курортами Крыма (ЦУКК), на которое возлагалась задача реализации программы организации советских курортов. Первоочередной задачей являлась организация работы санаторных учреждений по оздоровлению рабочих из промышленных городов. Руководителем ЦУКК был назначен Д.И. Ульянов. Создаются районные курортные управления в Ялте, Феодосии, Евпатории. На Южном берегу Крыма выделяются подрайоны со своими управлениями в Алуште, Гурзуфе, Алушке, Симеизе, Мисхоре, из чего следует, что Южному берегу Крыма уделялось первостепенное значение.

В декабре 1920 года была проведена инвентаризация, при которой Крымревком насчитал 1134 имения и охватил обследованием 1071 объект. В составляемую документацию, как правило, входил подробный статистический очерк, касающийся состояния угодий и строений, подлежащих национализации. Документы отражали полную историю функционирования поместья, включая даты приобретения земли и перехода её из одних рук в другие, указывались фамилии владельцев и имена архитекторов, садовников, виноделов, подшивалась архитектурно-строительная документация. Большевикам достался богатейший фонд дворцовых ансамблей, усадеб и особняков, на базе которых можно было сформировать как общедоступные, так и элитные курортные учреждения.

Уже в декабре 1920 года был определён перечень объектов для лечения и отдыха центрального аппарата ВЦИК и СНК РСФСР:

- ♦ Имение фабриканта С.В. Кокарева в Мухалатке;
- ♦ Имение О.М. Соловьёвой в Гурзуфе;
- ♦ Дворцово-парковый ансамбль в. кн. Петра Николаевича «Дюльбер» в Кореизе;
- ♦ Дворец кн. Юсуповых в Кореизе;
- ♦ Дача Тессели М.М. Паутиной (Раевской) в Форосе;
- ♦ Имение А.Г. Кузнецова (Г.К. Ушакова) в Форосе;
- ♦ Гостиница «Ореанда» А.Н. Витмера в Ялте.

Объекты санаторно-курортного назначения передавались из одного ведомства в другое до тех пор, пока своим постановлением от 4.04.1927 ВЦИК РСФСР не передал ряд объектов в ведение комиссариата здравоохранения РСФСР. Среди них:

- ♦ В Ялтинском районе: Джалита, Россия, Мариино, дачевладения Безобразовой и Вербицкой, Доссия, Квисисана, Яузлар, Слова-ти, вилла Елена, имение Сельбильяр, массандровские санатории Пироговский, Боткинский, Морская, дворец Александра III, дача Стахеева.
- ♦ В Ореандо-Ливадийском районе: Ливадия, Ореанда, горные станции Эреклик, Пендикюль с санаторием Тузлер;
- ♦ В Мисхорском районе: Нижний и Новый Мисхор (бывший Долгоруковский), здание Мисхорского санатория, имения Юсупова, Тизенгаузена, Морозова, Паниной (Гаспра), Ай-Тодор (парк со всеми постройками), Дюльбер, Барбо (б. Карамарж), Харакс, бывшие дачи Маламы, Комстадиус и Титушкиной.
- ♦ В Алупкинском районе: бывшее имение Воронцовой-Дашковой «Алупка» (дворец-музей Воронцова остался в ведении Народного комиссариата просвещения РСФСР), дома бывшего кордона

пограничной стражи, дачи Борисова, здания б. Общественного собрания, дачи Жуковской, дачи Седова, дачи Хремина, дачи Ай-Петри, дачи Де-Салишь, Баталова-Устинова, Минкина, Шлык, Циммерман, Фёдорова, Левандовской, Медже, Ивановой, Смуровой, Воскресенского, Атрыганьевой, Прянишниковой, виллы «Арамита», «Обрыв», здания санаториев духовного ведомства, пермского земства, Богданова и Гохбаума, детский санаторий им. Боброва.

- ♦ В Симеизском районе: Милютинское имение с парком, дворцом и службами, недостроенный санаторий Красного Креста, Мальцовское имение, Новый Симеиз со всеми строениями, Лимены, парк с дворцом Филибера. В ведение ЦИК Союза ССР — имение Мухалатка.
- ♦ В Гурзуфском районе: Гурзуфский парк со всеми находящимися в нём строениями, гостиницу и дачи № 1 и 2 Первушина, дачи Ледаптю, Скворцова, Гучкова, Максимовича, Наумова, (б. имение Соловьева «Суук-Су» с дачами Молодцова и Левицкого считать находящимися в ведении ЦИК СССР).

Приведённый перечень иллюстрирует скрупулёзность деятельности новой власти по организации санаторного дела на Южном берегу Крыма.

Необходимо отметить, что развитие курортологии в стране поддерживалось советской властью. В феврале 1921 года в Москве состоялся Всероссийский съезд по курортному делу, в 1925 создан Государственный центральный институт курортологии с филиалами на местах развития курортов, создаются новые институты этого направления. В целях координации создан Центральный научно-курортный совет, включавший и директоров основных профильных институтов.

В наследство советской власти на участке побережья от мыса Айя на западе до мыса Плака на востоке досталось изумительное по красоте и архитектурной ценности ожерелье курортов, усадеб, дворцов с обширными парками, благоустроенной территорией, развитой инженерной инфраструктурой, с крымским виноделием.

Приведем краткую информацию об имениях ЮБК накануне революции:

- ♦ В урочище Батилиман у мыса Айя в 1910 году кооператив Кравцова заложил 12 дач с благоустройством.
- ♦ В бухте Ласпи на площади 706 десятин началось строительство курорта «Ласпи» по проекту архитектора И.А. Фомина.
- ♦ Архитектором Алёшиным разработан проект города — сада на землях имения «Комперия» на восточных склонах мыса Сарыч.
- ♦ Имение «Тессели» г-жи Паутиной.

- ♦ Имение «Форос» Кузнецова и Ушкова, пытавшегося реализовать свой проект «Курорт и город-сад Форос».
- ♦ Имение «Мшатка» Данилевского.
- ♦ Дворцы с парком в имении «Меллас».
- ♦ Имения «Лименеиз» г. Олива, «Мухалатка» Е.В. Кокоревой.
- ♦ Курорт Первушиных в Кастрополе.
- ♦ Имение художника Куинджи.
- ♦ Имение «Кекенеиз» Е.А. Алчевской на южной оконечности полуострова (мыс св. Троицы).
- ♦ Курорт Половцева в Кацивели. Имение «Лимены» Фелибера западнее г. Кошка.

Имение «Симеиз» Мальцовых с курортом «Новый Симеиз» в западной части имения. Насыщенная гостиницами и пансионами Алупка с парком и дворцом Воронцовых, «Алупка-Сара» Трубецких.

Двенадцатикилометровое побережье Мисхор–Ливадия, которое получило название «Царский берег», город Ялта с обширными имениями и особняками. Санаторий императора Александра III. Мас-сандра с парком и дворцом Александра III. Магарач и Никитский сад. За Мартьяном — Ай-Данильские удельные виноградники и виноградники имения Гурзуф. Гурзуф с климатолечебной станцией, курортами Губонина и Соловьёвой. Имения Артека перед горой Аю-Даг.

Имение «Партенит». Имение «Саяны» Виннера с виноградниками. Имение Чукурлар Гагариных. Имение Удельного ведомства «Кучук-Ламбат» с виноградниками. Имение Карасан наследников графа Раевского на мысе Плака.

Все дореволюционные имения были, в основном, использованы советской властью как санаторно-курортные и оздоровительные учреждения с сохранением их парковых зон и благоустройства. Уже в 1924 году количество отдыхающих и посетивших курорты превысило 37 тыс. человек.

В начале 1930-х годов на побережье делаются первые шаги по строительству новых санаторно-курортных здравниц и объектов инфраструктуры:

- ♦ Санаторий «Долоссы» (Ялта, пгт. Советское). Начат строительством в 1925, введён в эксплуатацию в 1928 году.
- ♦ Санаторий «Курпаты» (Ялта, пгт. Курпаты. Алупкинское ш., 12). Санаторий на 150 мест, построенный на территории бывшего императорского имения «Курпаты» в 1936 году по проекту арх. П.К. Кржижановского и В.И. Ковальского.
- ♦ Детский лагерь в Артеке (Ялта, пгт. Гурзуф, ул. Ленинградская, 41). Создан в 1924 году, в 1930 году возводится первый

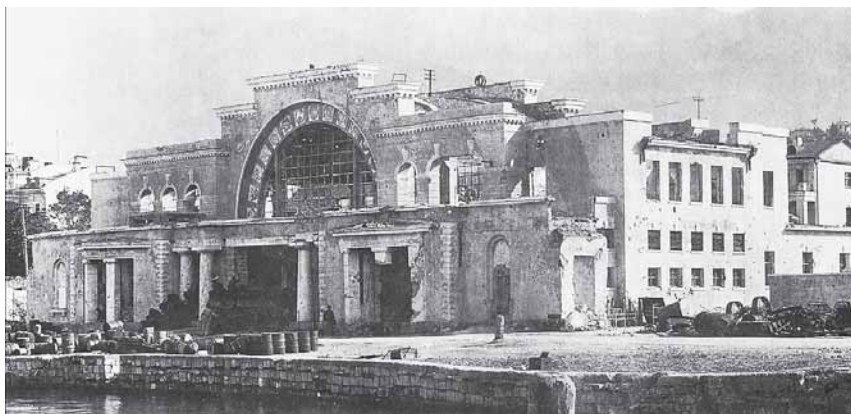
Школа № 7 в Ялте, 1938 год.
Фото Б.В. Попова, 2018.

спальный корпус «Верхний» круглогодичного использования. В 1937 к «Артеку» присоединён курорт «Суук-Су». В 1935–1938 годах был разработан и начал реализовываться проект «Большого Артека».

- ♦ Санаторий «Золотой пляж». Построен в 1937 году по проекту арх. П.К. Кржижановского и В.И. Ковальского. Санаторий располагался рядом с Ливадийским дворцом, у подножия горы Крестовой на бывших прибрежных владениях императорской семьи.
- ♦ Санаторий «Голубой залив» (пгт. Симеиз, ул. Советская, 78). Построен в 1939 году по проекту арх. В.И. Ковальского.

В конце 1930-х годов на ЮБК начинается строительство первых объектов социального и инфраструктурного назначения. В 1938 году в Ялте (ул. Кирова 9, литер А) построена школа по проекту арх. З.В. Перемилковского. В 1935 году по проекту З.В. Перемилковского строится здание Морского вокзала (разрушено во время войны, позднее восстановлено).

В конце 1920-х годов делаются первые шаги по разработке проектного планирования отдельных участков Крыма. В 1928 году группой московских архитекторов при участии Центрального научно-курортного совета были разработаны перспективные проекты по планировке крымских курортных районов Ореанда–Ливадия и Лимены (впоследствии «Голубой залив»).

Ялта. Здание морского вокзала, 1944 год.

Фото: <https://pastvu.com/p/454826>

С 1932 года начинается разработка градостроительной документации для Крыма, привлекаются опытные специалисты-проектировщики и учёные. Авторская группа проектного института «Гипрогор» под руководством архитектора М.Я. Гинзбурга детально обследовала южное побережье и выполнила первую в истории советского рекреационного строительства проектно-градостроительную работу — Проект районной планировки «Социалистическая реконструкция южного берега Крыма», которая предусматривала новое зонирование всей курортной зоны от Алушты до Фороса. Проектом выделялись зоны концентрации санаторно-курортных и туристских учреждений ёмкостью по 1,5—4 тыс. мест, зоны расселения обслуживающего персонала и зоны расположения сельскохозяйственных предприятий. В разработке проекта планировки принимали участие видные учёные страны: геолог, профессор Д.Н. Мушкетов, зоолог, профессор И.И. Пузанов, создатель основ гидрофизики В.В. Шулейкин. Авторская группа под руководством М.Я. Гинзбурга в 1937 году закончила разработку проекта. Профессор М.Я. Гинзбург в пояснительной записке писал: «Правильно понимать район, который приходится планировать — вот первая задача архитектора, и в Крымских условиях эта задача особенно сложна...».

Эта творческая работа легла в основу последующих проектных разработок. На основе районной планировки составлялись перспективные планы на 1938—1942 годы (третья пятилетка). Началось внедрение нового медицинского зонирования по видам заболеваний.

Если абстрагироваться от самой сути революционных событий и горестных утрат того времени, нужно отметить, что вся организаци-

онная деятельность новой власти на первом этапе архитектурно-строительной деятельности может быть охарактеризована положительно. На ЮБК продолжалось создание курортных комплексов с обширными парковыми зонами, что позволило сохранить и дополнить жемчужное ожерелье творений архитекторов и садовников прошлых десятилетий.

Охрана объектов культурного наследия в 1920–1941 годах

Декреты, изданные в первые годы советской власти, заложили основы советского законодательства по охране культурного наследия, фактически вышедшего из Декрета о земле, провозгласившего конфискацию земель и их переход к государству. Составляется опись конфискуемого имущества, его порча считается преступлением. Декрет СНК РСФСР от 13.07.1918 «О конфискации имущества... бывшего российского императорского дома» и Декрет СНК РСФСР от 20.08.1918 «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах» продолжили национализацию царского и дворянского имущества. Последующие декреты национализировали церковную собственность, издательская деятельность объявлялась государственной монополией и координировалась Наркомпросом. Инициировалась регистрация, приём на учёт и охранение памятников искусства и старины, «всех монументальных и вещевых памятников» с выдачей специальных охранных грамот. В 1920-х годах в связи с переходом к НЭПу государственная система сохранения культурного наследия была временно децентрализована, произошли невосполнимые утраты объектов культурного наследия.

В Крыму в ноябре 1920 года при отделе народного образования Крымревкома была образована секция по охране памятников старины и искусства (Крымохрис). Впоследствии — самостоятельный отдел при Крымнаркомпросе.

Важнейшими задачами Крымохриса, помимо руководства музеями, стала организация местных отделений, обмеры, фотофиксация, ремонт и реставрация памятников. В начале 1920-х годов при Крымохрисе было образовано Учёное совещание, в состав которого входили известные учёные и знатоки Крыма: Д.В. Анналов, Н.И. Кузнецов, А.И. Маркевич, П.П. Сушков и др. Приказами Крымревкома от 24 ноября 1920, 14 февраля 1921, 21 августа 1921 года была заложена правовая основа охраны исторических памятников, национализированы и взяты на учёт важнейшие из них. Постановлением КрымЦИКа от 20 ноября 1926 года утверждён новый обширный список архитектур-

ных и археологических памятников (более 300), подтверждены права Кымохриса.

Наряду с этим, по распоряжениям из Москвы, этим же сотрудникам предписывалась «ударная работа» по оказанию содействия специально созданному «Антикварному экспортному фонду» по сбору художественных ценностей, именовавшихся «сырьем» для обеспечения условий торгового договора с Англией. Большую помощь крымским музейным работникам оказали М.И. Калинин и А.В. Луначарский, благодаря активной позиции которых в 1922 году была прекращена деятельность специальной комиссии КрымСНК по продаже дворцовых ценностей за границу. Тем не менее, в Крыму, как и во всей стране, происходит децентрализация и упадок охраны объектов культурного наследия. Кымохрис в 1927 году был упразднён, а его функции переданы инспектору по делам музеев.

С 1929 по 1935 год в Кымнонаркомпросе отсутствовала даже должность инспектора, занимающегося вопросами охраны памятников и музейного дела. Лишь в 1935 году эта должность была восстановлена. Практически охрана памятников в Крыму в 1930-е годы была возложена на местные маломощные музеи. В 1931 году от охраны памятников были отлучены и краеведческие общества Крыма, которые вскоре упразднили. Несмотря на негативные тенденции, и в это время продолжались ремонтно-реставрационные работы, хотя и в ограниченном масштабе. Перед самой войной положение с охраной памятников в Крыму стало меняться к лучшему. В августе 1940 года Президиум Верховного Совета КымоАССР принял специальное постановление, в котором отмечалось неудовлетворительное состояние исторических памятников, предусматривался ряд мероприятий по учёту, пересмотру списка памятников.

Отношение к памятникам Крыма в довоенный период было противоречивым. Героические усилия музейных работников и краеведов по спасению художественных ценностей, охране архитектурных сооружений в 1920-е годы были вскоре сведены на нет деформационными процессами, происходившими в политике, экономике, культуре.

Второй этап (1945–1960 годы)

16 апреля 1944 года Ялта была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Через два месяца из Москвы прибыла группа специалистов во главе с архитекторами А.К. Буровым и М.Я. Гинзбургом для составления генплана центра Ялты. Одновременно другая авторская группа занималась разработкой генплана всего города с инвен-

таризацией всех уцелевших зданий. Новый генплан был утвержден в апреле 1948 года. Его авторы — арх. А.С. Соломинский и Л.Н. Букалова. По проекту сохранялась сложившаяся схема уличной сети, создавалась площадь с памятником В. И. Ленину (скульптор П.П. Яцино, арх. А.С. Фомин), предполагалось увеличение территории города к 1965 году от 700 до 1300 гектаров за счёт включения в городскую черту сёл Ущельного, Чеховского и Ливадийской слободки.

В результате осуществления этого генерального плана был создан ансамбль парадной озеленённой площади имени Ленина, которая выходит на набережную и является архитектурной достопримечательностью города-курорта. Пространственно замкнуло площадь 3-этажное здание горкома Компартии Украины с десятиколонным портиком коринфского ордера (1955, арх. И.Г. Татиев). Западная часть площади застроена 5-этажными жилыми домами. Среди них выделяется хорошими пропорциями фасад дома по ул. Карла Маркса, 9 (арх. Г.И. Браннинов, А.М. Журавлев).

Основная архитектурно-строительная деятельность на ЮБК на этом этапе была направлена на восстановление разрушенных и создание новых санаторно-курортных комплексов и объектов инфраструктуры. Реконструкция и новое строительство курортных учреждений в последующем велось по новому проекту районной планировки, который был утверждён в 1953 году в целях обеспечения комплексной застройки и благоустройства всего Южного берега. В проекте развивалась на более высоком техническом уровне сложившаяся в середине 1930-х годов концепция создания на Южном берегу единого города-курорта М.Я. Гинзбурга.

В послевоенное десятилетие на Южном берегу Крыма возведены первоклассные санаторные комплексы:

- ♦ Санаторий «Нижняя Ореанда» (Ялта, пгт. Ореанда, 12). Первый санаторий на ЮБК, построенный после окончания Великой Отечественной войны по проекту арх. М.Я. Гинзбурга в 1948–1958 гг.
- ♦ Санаторий «Горный» (Ялта, пгт. Курпаты, Алушкинское шоссе, 1). Архитектурный комплекс санатория «Горный» построен по проекту арх. И.В. Жолтовского в 1951–1964 годах.
- ♦ Санаторий «Горное солнце» в Алушке (ул. Дворцовое шоссе, 4). Построен в 1950–1954 годах по проекту арх. М.И. Павлова и Г.И. Парака.
- ♦ Санаторий «Симеиз» (Ялта, пгт. Симеиз ул. Советская, 3). В 1961 году в Симеизе закончено строительство санатория имени XXII съезда КПСС. Проект арх. И.В. Жолтовского воплотил в жизнь арх. А. Алексеев.

Ялта. Санаторий «Запорожье». Клуб-столовая.
Фото Б.В. Попова, 2016.

Ялта. Набережная.
Фото Б.В. Попова, 2001.

- ♦ Санаторий «Россия» (ныне «Руссия») (Ялта, ул. Коммунаров, 12А). В 1946 году началось проектирование санатория арх. И.В. Кузьминым, А.Я. Лангманом. В 1951–1957 годах он был построен.
- ♦ Санаторий «Украина» (совр. «Родина») (Ялта, пгт. Гаспра-2, Алупкинское шоссе, 15). Строительство санатория началось в 1950 году по проекту Б.В. Ефимовича. Основные здания и благоустройство были закончены в 1955 году.

В этот период создаётся ряд других новых объектов в Ялте — введён в эксплуатацию клуб-столовая санатория «Запорожье» (арх. П.А. Стариков), в 1958 году принимает первых пассажиров восстановленный морской вокзал (арх. П.И. Бронников, В.Ф. Стемпинский, в 1980 выполнена реконструкция, арх. А.Н. Золотов) В 1961 году расширена ялтинская набережная за счёт строительства «нижней набережной», её габариты сохранились до настоящего времени. В 1950-е годы построены новые корпуса санатория «Энергетик» на Пушкинском бульваре (арх. П.И. Бронников). В 1956 году закончена первая реконструкция Массандровского винзавода — построен главный корпус, дополнительные винподвалы, оборудованы Верхний, Средний и Нижний винподвалы.

Ведутся работы по благоустройству территории населённых мест ЮБК, в первую очередь, Ялты: западнее Набережной, на месте бывшего Желтышевского пустыря в 1950-е годы под руководством инженера Г.А. Вийпуса создан Приморский парк с широким ассортиментом зелёных насаждений и комплексным благоустройством, в том числе возведена входная колоннада и лестничный спуск от ул. Коммунаров, установлен памятник Горькому (скульптор И.М. Гончар, арх. В.Г. Гнездилов). Планировочное решение входа в Приморский парк со стороны Набережной выполнено по проекту архитектора П.А. Старикова. За памятником Горькому установлен обелиск в честь 30-й годовщины принятия декрета «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» (1951, авторы А.С. Хотелов и П.А. Стариков, в 1953 году установлен памятник А.П. Чехову (скульптор Г.И. Мотовилов, арх. Л.Н. Поляков).

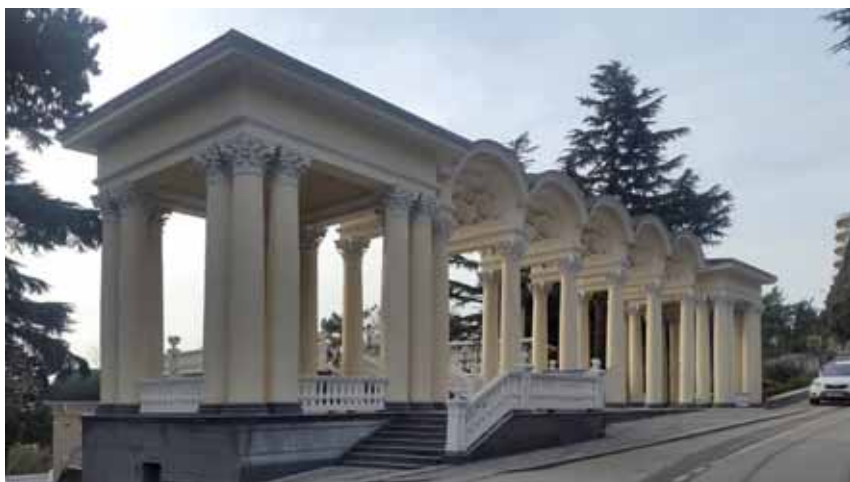
Западнее гостиницы «Ореанда» по проекту Е. Сорокиной и Н. Якобсона в начале 1960-х годов построена общекурортная водолечебница. Её архитектурное решение соответствует стилистике первого периода послевоенной архитектуры.

В 1958 году начат беспрецедентный эксперимент — строительство горной троллейбусной трассы Симферополь—Алушта—Ялта. С 1961 года троллейбусы ходили с 4:30 утра до 2 часов ночи с интервалом 5 минут. В 1960-х годах построена современная автотрасса Севастополь—Ялта (окончена в 1972 году).

Ансамбли жилых домов и общественных зданий Ялты, комплексы санаториев Южного берега — всё, что строилось в послевоенное десятилетие, сохраняет черты стилистического единства. Это ориентация на использование классических форм с обязательным формированием архитектурных ансамблей. В жилищном строительстве, которое уже тогда велось на основе применения типовых секций и первых серий типовых проектов, чаще всего встречаем рациональную и удобную планировку квартир, фасады в большинстве случаев решены просто, без излишнего декоративного убранства. Второй этап советского периода архитектуры можно считать закончившимся в 1960 году. После 1960 года на ЮБК утвердились новые индустриальные методы строительства и, соответственно, новая технология архитектурного проектирования.

В послевоенные годы выходят постановления Совета Министров СССР по охране культурного наследия, делаются шаги по постановке на учёт соответствующих объектов. Согласно постановлениям, подлежат государственной охране «... дворцы, архитектурные ансамбли усадеб, садово-парковые насаждения и отдельные здания гражданского и культового назначения, а также связанные с ними декоративные убранства». Значительным достижением стало принятие СМ СССР постановления № 3898 от 14 октября 1948 года «О мерах улучшения охраны памятников культуры», с большой полнотой ставившего теоретические и практические задачи сохранения культурного наследия в масштабах всей страны.

Однако в 1944–1953 годах программа по охране памятников в Крыму столкнулась с целым рядом проблем, серьёзно затруднявших её развитие. В их числе — всеобщая разруха, нехватка финансирования и квалифицированных специалистов. Остро сказывались ведомственная разобщённость и безразличие местной власти к вопросам охраны культурного наследия. Правительственные постановления, призванные улучшить охрану памятников, на практике оказались малоэффективными. Областной, районные и городские Исполкомы, непосредственно ответственные за охрану памятников, не выполняли возложенных на них обязанностей. В результате памятники ветшали, разрушались, перестраивались, сносились. Ответственные органы и чиновники вовремя не реагировали на факты многочисленных нарушений, а иногда умышленно старались их не замечать. Нередки были случаи целенаправленного уничтожения памятников по вине отдельных лиц и организаций. Многие уникальные архитектурные объекты использовались в хозяйственных целях без каких-либо арендных договоров. Средств, выделяемых государством на ремонт и охрану, не хватало, а иногда они использовались и вовсе не по назначению.

Ялта. Входная колоннада Приморского парка, 1954 год.
Фото Б.В. Попова, 2016.

Ялта. Памятник М. Горькому в Приморском парке.
Фото Б.В. Попова, 2013.

Охрана памятников в Крыму требовала серьёзной перестройки и усиления контроля за исполнением норм законодательства. На середину 1960-х годов приходится создание Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), которое было единственной общественной организацией по охране памятников за все советские годы. Главной задачей её было выявление, изучение, охрана и реставрация памятников истории и культуры. Имея значительные средства, общество оказывало огромную помощь государству в сохранении уникальных объектов культурного наследия. Отделения ВООПИиК были открыты и в Крыму, они проявили себя положительно в 1960–1991 годы, на следующем этапе архитектурно-строительной деятельности.

Третий этап (1960–1991 годы)

Этот этап характеризуется большими объёмами нового строительства. Характерной становится разработка градостроительной документации всех уровней детализации, которая, в основном, неукоснительно соблюдалась при практическом исполнении. В 1965 году Госстроем СССР утверждён второй послевоенный генеральный план Ялты. В 1970-е годы для обеспечения комплексной застройки курорта разрабатываются проекты застройки отдельных районов: Ущельное, Чайная горка, 8-й микрорайон, 10-й микрорайон, 11-й микрорайон, Массандра, Стройгородок и другие.

В 1975 году Совет Министров Украинской ССР утвердил генплан Большой Ялты, который был разработан коллективом специалистов Киевского научно-исследовательского и проектного института градостроительства (архитекторы В.М. Орехов, А.В. Барабаш, К.У. Гвоздь, А.С. Рахуба, К.А. Сидоров, инженер Н.В. Скаковская). Генпланом предусмотрено комплексное экономически обоснованное развитие региона как группы курортов общесоюзного значения, ориентированных на использование методов климатолечения для массового оздоровления. Предусматривалось создание системы общественных центров курорта, сооружение новых архитектурных ансамблей в увязке с комплексом мер по охране окружающей природной среды, сохранению существующих и созданию новых парков и зелёных зон общественного пользования.

Пионерский лагерь «Артек» стал первенцем массового применения сборного железобетона при создании объектов курортного, жилищного и социального назначения в Крыму. В 1960–1970 годах к проектированию «Артека» был привлечён ЦНИИ экспериментально-

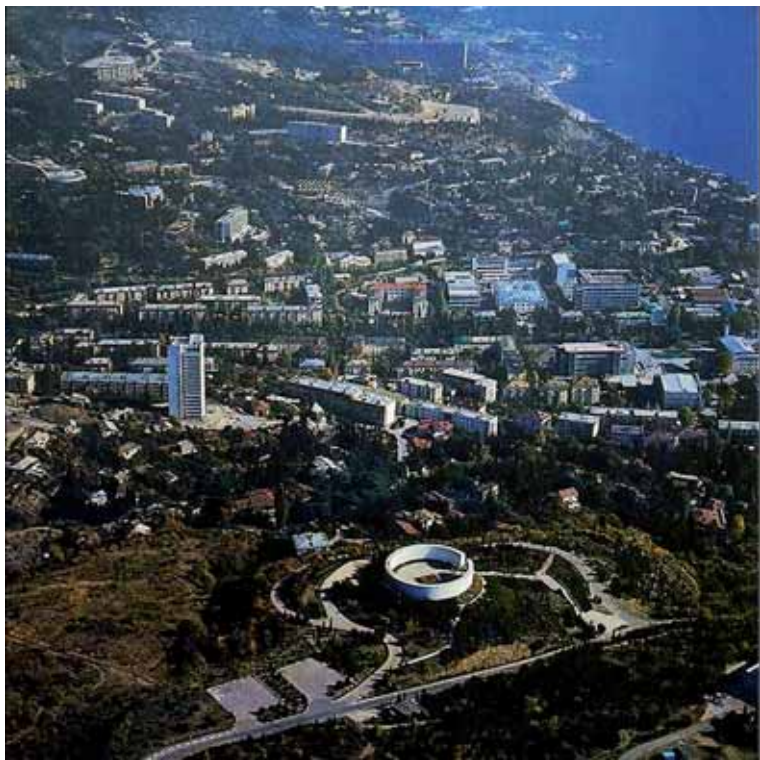
го проектирования лечебно-курортных зданий под руководством арх. А.Т. Полянского. Осуществлённые в Артеке проекты воплотили новую «монтажную» эстетику в сочетании с лёгкостью и простотой форм. Изящно нарисованные, пронизанные светом и воздухом павильоны над морем сразу после своего завершения стали символом новой архитектуры.

С 1960-х годов в архитектуре ЮБК прочно утвердился «индустриальный» принцип. Он характеризуется, прежде всего, широким внедрением индустриальных конструкций. Архитекторы удачно сочетали новые изделия с местными строительными материалами. Известняк-ракушечник и инкерманский известняк из крымских карьеров применялся для заполнения железобетонных монолитных и сборных каркасов зданий, возводились крупноблочные здания, а также выполнялись красивые облицовки, придающие отделываемым стенам сооружений тонкий кремовый оттенок.

С учётом общей индустриализации подвергалась изменениям и общая образная характеристика архитектуры. В 1960-е годы архитекторы ограничивались вариациями прямоугольных объёмов с горизонтальными и (или) вертикальными членениями, стремились к обилию стекла. В 1970-е и 1980-е годы здания получали сложную конфигурацию в плане и разнообразную этажность, появились приёмы пластической комбинаторики глухих плоскостей и оконных проёмов, с тщательной проработкой методов солнцезащиты с применением глубоких лоджий, горизонтальных и вертикальных членений фасадов, как правило, из сборных железобетонных конструкций. Широко применялись в жилищном строительстве крупные панели высокой заводской готовности.

Ялтинский филиал института «КрымНИИпроект» на базе основной номенклатуры Гаспринского завода ЖБИ создает проект точечного индивидуального 9 этажного жилого дома (который после Спитакского землетрясения 1988 года был рекомендован Госстроем для применения в Армении). Разрабатываются индивидуальные проекты монолитных жилых домов в объёмно-переставной опалубке, в скользящей опалубке, из крупных блоков инкерманского известняка с предварительным вертикальным натяжением.

В целях выполнения обширной программы проектирования и научных разработок, а также для координации всех проектных работ (для Крыма проектировали более 200 проектных организаций страны) в Симферополе был создан проектный институт «КрымНИИпроект» с рядом филиалов и отделов, где работал большой коллектив архитекторов, инженеров, учёных. Без положительных заключений института «КрымНИИпроект» и его филиалов на местах в этот период не мог быть начат строительством ни один объект на Южнобережье.

Ялта. Панорама с мемориальным комплексом на Дарсане.
Фото 1980-х годов из кн.: *Сергеев (2)*.

В Ялту была проведена «большая вода» с очистными сооружениями и водохранилищами на 10 млн куб. м. Для этого пробит 7-километровый тоннель в горах, по которому и поныне поступает вода в водохранилища. Построен канализационный коллектор от Ялтинских очистных сооружений с глубоководным выпуском в море на 7 км. В постановлении СМ СССР № 343 от 18.03.1986 «О мерах по дальнейшему развитию города-курорта Ялты в 1986–1990 годах» предусматривалось строительство 111 объектов городской инфраструктуры, не считая значительных объёмов жилья. Можно считать, что половина всех капитальных строений на ЮБК была возведена в период с 1976 по 1988 год.

Ежегодно вводились в строй 1–2 детских сада, каждые 3 года строилась школа. За год комбинатом «Крымспецстрой» сдавалось порядка 20 000 кв. м жилья для жителей ЮБК. Построены городской

Ялта. Автовокзальный комплекс, 1966 год.
Фото Б.В. Попова, 2002.

плавательный бассейн на морской воде, стадион, детские спортивная, музыкальная и художественная школы. Построены терапевтический, а в 1978 году хирургический корпус больницы в Ливадии, городская поликлиника, «Дома политпросвещения».

Одновременно продолжается интенсивное строительство санаторно-курортных объектов. Некоторые объекты 1960–1991 годов:

- ◆ Дом творчества писателей им А.П. Чехова в Ялте. Построены спальный корпус и клуб-столовая. В 1980 году построен спальный корпус. Арх. А.Н. Золотов.
- ◆ Мемориальный комплекс в честь героев Гражданской и Великой Отечественной войн у подножия холма Малый Дарсан (холм Славы). Арх. В.А. Петербуржцев, А.А. Попов, А.В. Степанов, П.А. Стариков, 1967, 1973 годы.
- ◆ Автовокзальный комплекс в Ялте, арх. Г.Н. Чахава, 1966 год.
- ◆ Гостиничный комплекс «Ялта-Интурист». Арх. А.Т. Полянский.
- ◆ ПТУ-21 в Массандре, арх. П.А. Стариков, 1970 год.
- ◆ Летний киноконцертный зал «Юбилейный» в Городском саду Ялты на 2740 мест с трансформирующейся крышей. Арх. В.Г. Берлин, А. Мирон, 1988 год.

Санаторий Ай-Даниль.
Фото Б.В. Попова, 2018.

- ♦ Санаторий им. Кирова в Ялте, где возведены спальные корпуса, клуб-столовая и др. Пансионат «Прибрежный» в Нижней Мас-сандре (бывший «Селям»). В 1960–1970-х годах построены клуб-столовая, ряд новых корпусов.
- ♦ Санаторий «Ай-Даниль» за мысом Мартьян, построены основной корпус-пластина 16 этажей, плавательный бассейн, лечебный блок и жилая группа для сотрудников. Арх. Б.С. Богословский, Б.С. Мезенцев. 1960 год.
- ♦ Санаторий «Крым» в Партените с парковой зоной 42 га (ранее имение Н.Н. Раевского). Арх. Ю.Г. Кривущенко, инж. М.Л. Кре-нин, 1974 год.
- ♦ Санаторий «Айвазовское» в Партените, в урочище «Чукурлар» с парком «Парадиз» площадью 18 га, 1964 год.
- ♦ Отделение «Дружба» санатория «Курпаты» в пгт. Курпаты. Арх. И. Василевский, инж. Н. Канчели, 1985 год.
- ♦ Корпус № 3 санатория «Дюльбер» в Гаспре. Арх. В. Шестопапов, 1978 год.
- ♦ Санаторий «Парус» в Гаспре на отроге Ай-Тодорского мыса Лимен-Бурун. Арх. В.Ф. Стемпинский, 1965 год.
- ♦ Санаторий «Черноморье» в Ливадии. 1961 год.
- ♦ Санаторий «Пограничник» в Ливадии. 1956 год
- ♦ Санаторий «Белоруссия» в Кореизе, построены два спальных корпуса и клуб-столовая

Отделение «Дружба» санатория «Курпаты».
Фото Б.В. Попова, 2018.

Благоустраиваются курортные посёлки Южнобережья, что напрямую связано со строительством санаторно-курортных учреждений, предназначенных для использования рекреационно-оздоровительного ресурса этой территории. Например, в Мисхоре, как наиболее плотно застроенном на этом этапе участке побережья от мыса Ай-Тодор почти до Алупки, разместилось много курортных учреждений:

- ♦ Санаторий «Ай-Петри» (современные многоэтажные корпуса построены в 1970–1980 годах); работают санатории «Красное Знамя», «Харакс», «Марат», «Советский полярник», «Днепр». Построена современная поликлиника и содержится в хорошем состоянии общедоступный Мисхорский парк.
- ♦ Санаторий «Понизовка» (Кацивели). 1980-е годы.

Панорама Ялты, Московская и Киевская улицы.
Фото Б.В. Попова, 2002.

- ♦ Дом творчества учёных в Кацивели. 1980-е годы.
- ♦ Санаторий «Зори России» в Понизовке (Симеиз). 1985 год.
- ♦ Санаторий «Южный» в Форосе. 1979 год.
- ♦ Санаторий «Форос» — современный корпус 1986 года. Архитекторы Лобзин, Чирков. Парк 47 га.
- ♦ Государственная дача № 11 «Заря» в Форосе. 1988 год.

Город заметно расширяет границы. Вдоль речки Дереккой строятся жилые здания, формируя Московскую и Киевскую улицы. В центральной части города по проекту арх. И.Г. Татиева в 1960 году сдаётся в эксплуатацию здание главпочтамта, которым окончательно формируется площадь Ленина и начало набережной.

Пушкинский бульвар получил современную планировку по проекту арх. А.Е. Студеникина в 1970-е годы. В 1984 году по проекту советских и югославских архитекторов восстановлена гостиница «Ореанда» на 234 места (архитекторы А.Т. Полянский, З. Родосавлевич).

Заключение

В советский период сохранение и развитие исторически сложившейся к 1921 году архитектурно-ландшафтной градостроительной структуры ЮБК стало возможным только благодаря действию закона о государственной собственности на землю и (позднее) принятию научно обоснованной государственной программы развития Южного берега Крыма как курорта общегосударственного значения. Благодаря этому удалось избежать хаотичного передела земельных участков, дробления землевладений и обеспечить возможность формирования на ЮБК полноценной курортно-рекреационной структуры.

Курортное строительство развернулось здесь со второй половины 1930-х, активно продолжаясь в 1950–1960-е, вплоть до 1991 года. Созданные в этот период санаторные комплексы демонстрируют мастерство советских зодчих, в том числе и в области градостроительного и ландшафтного проектирования, традиции которого на ЮБК существовали с начала XIX века. «Дворцово-парковые комплексы», каковыми, по сути, можно считать крупные санатории того времени, органично вписались в единую рукотворную ландшафтную среду Южнобережья, став её полноправными звеньями. Они могут быть классифицированы как объекты культурного наследия соответствующего периода, обладающие качеством уникальности и несущие на себе печать времени. Некоторые из них могут быть включены в список объектов культурного наследия как комплексные объекты санаторно-курортного строительства советского периода.

Архитектурные объекты позднего советского периода отражают переход к индустриализации, массовому применению сборного железобетона в архитектурном проектировании и строительстве. Изменившийся масштаб отдельных сооружений и комплексов, тем не менее, не трансформировал радикально общую структуру складывающегося веками культурного ландшафта. В соотношении урбанизированных вкраплений и живописного природного «фона» приоритет остался за последним. Немалую роль в этом сыграла труднодоступность обрывистых склонов Главной гряды Крымских гор и неизменно сохранявшийся строгий заповедный режим лесных массивов.

Прибрежная полоса, активно осваиваемая советскими санаторно-курортными комплексами, оставалась непрерывной структурой с историческими парками-памятниками и архитектурно-ландшафтными комплексами, сохраняя при этом приоритет ландшафтной компоненты. Уникальность Южнобережья как культурного ландшафта в советские десятилетия была, в целом, сохранена.

После 1991 года началась приватизация земель ЮБК и массовая застройка, в том числе элитным жильём, наиболее ценных земель прибрежной полосы, исторических парков и заповедных территорий. Происходила вырубка и резкое сокращение площади зелёных насаждений. Точечная, многоэтажная и уплотнительная застройка деформировала ранее сложившуюся среду. Эти тенденции сохраняются и после перехода Крыма в состав России. Необходимы кардинальные меры, пока не наступил последний этап — окончательная деградация среды и полная утрата Южного берега как уникального архитектурно-ландшафтного комплекса.

Список литературы

1. *Артамонов А.Е.* Госдачи Крыма. М.: Центрполиграф, 2015.
2. *Сергеев В.С.* Силуэты Ялтинского побережья. Архитектурно-исторические очерки. Ялта; Киев: ЧП «Яникс», ООО «Стиль и Дом», 1998.
3. *Галиченко А.А.* Старинные усадьбы Крыма. Симферополь: «Бизнес-информ», 2008.
4. *Килессо С.К.* Архитектура Крыма. Киев: Будівельник, 1983.
5. История советской архитектуры / Былинкин Н.П., Калмыкова В.Н., Рябушин А.В., Сергеева Г.В. М.: Стройиздат, 1985.
6. Декрет Совета Народных Комиссаров № 231. 20 марта 1919 [Электронный ресурс] // О лечебных местностях общегосударственного значения: <http://istmat.info/node/37912> (дата обращения: 09.10.2018).
7. Постановление ЦК КПУ и СМ УССР от 15.01.1985 [Электронный ресурс] // О дальнейшем комплексном развитии курортов на Черноморском побережье Крыма: http://online.budstandart.com/ru/catalog/doc-page?id_doc=1536 (дата обращения: 09.10.2018).
8. *Непомнящий А.А. Севастьянов А.В.* Глава 9: Красный Крым (1921–1941) // История Крыма / Ред. Кодзова С. Издательство: ОЛМА Медиа Групп, 2015; *Кузьмина А.В.* Глава 11: Всесоюзная здравница. Крым в 1945–1991 гг. // Там же.
9. *Хан-Магомедов С.О.* Архитектура советского авангарда. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996.
10. *Полянский А.Т.* Артек. М.: Издательство литературы по строительству, 1966.
11. *Алешин В.* Публикации [Электронный ресурс] // Сергей Килессо Архитектура Крыма: http://www.alyoshin.ru/Files/publika/kilesso/kilesso_krim_0.html (дата обращения: 09.10.2018).
12. *Крикун Е.В.* Архитектура Южного берега. Симферополь: Крым, 1970.
13. *Москвич Г.Г.* Путеводитель по Крыму. СПб., 1913.
14. *Крикун Е.В.* Архитектура Южного берега. Симферополь: Крым, 1970.
15. *Манцыгина И.В.* Архитектура усадеб «Царского берега» в Крыму в XIX – нач. XX вв. Авт. дисс. СПб., 1999.

16. *Пащенко В.Н.* Проблемы и пути восстановления рекреационного комплекса Крымской области в послевоенный период (1945–1965 гг.) [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека периодических изданий НАН Украины: <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/55675> (дата обращения: 09.10.2018).
17. *Бурдин Е.А.* Охрана объектов культурного наследия в СССР (1917–1991 гг.). Ульяновск: УлГПУ, 2013.
18. *Мальгин А.В.* Русская Ривьера. Симферополь: СОНАТ, 2006.
19. *Соколов А.А.* Взаимодействие государства и общественности в деле охраны памятников истории и культуры в Крыму (конец 60-х – 70-е гг. XX века) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014.

Б.В. Попов (Ялта)

ОСНОВНЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Первый этап
(1920–1941 годы)

Санаторий «Долоссы»

Ялта, пос. Советское

В 1925 году на средства ВЦСПС начат и в 1928 сдан в эксплуатацию противотуберкулезный санаторий «Долоссы» на 420 мест в среднегорной зоне Массандры. Строительство велось под руководством гражд. инж В.А. Защука. В период оккупации в зданиях санатория работал лесопильный завод с вырубкой соснового бора. С 1945 года начаты работы по восстановлению, к 1955 проведён капитальный ремонт всех зданий и санитарно-технических сооружений. С 1957 года открылось отделение по лечению сочетания диабета с туберкулёзом. В настоящее время площадь здравницы уменьшилась с 24 до 16,5 га, работает один корпус из двух, второй корпус требует капитального ремонта. Этот санаторий был первым санаторным комплексом противотуберкулёзного профиля в Крыму, построенным в советский период. Может быть восстановлен практически в первоизданном виде.

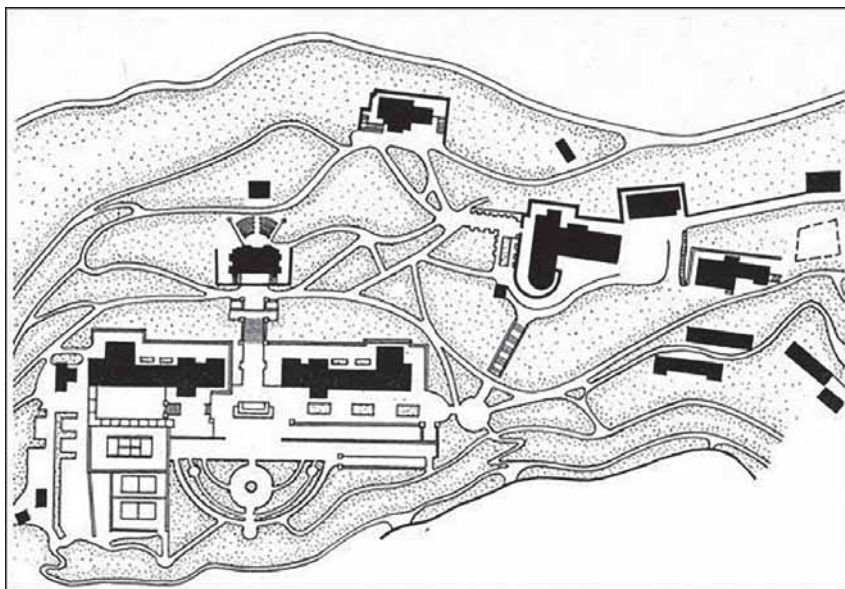
Санаторий «Курпаты»

Ялта, пос. Гаспра, Алушкинское шоссе, 12

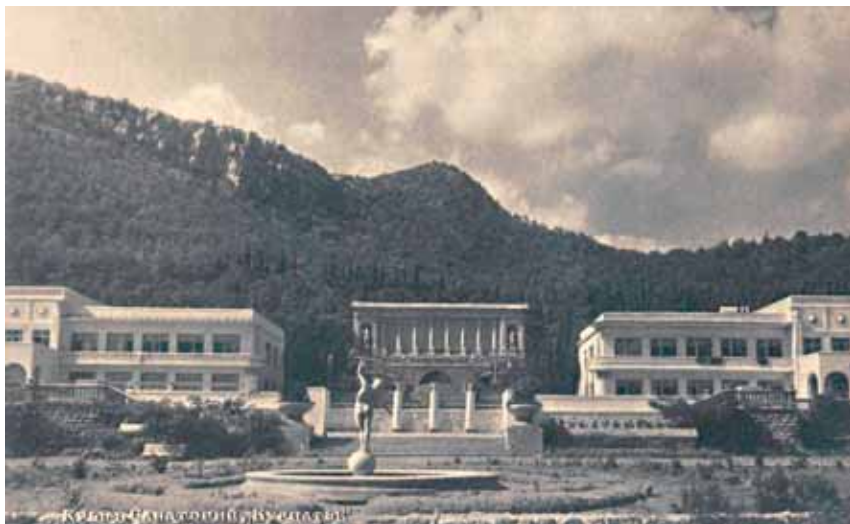
Санаторий на 150 мест построен на территории бывшего императорского имения «Курпаты» в 1936 году по проекту арх. П.К. Кржи-

Работающий в настоящее время корпус санатория «Долоссы».
Фото Б.В. Попова, 2018.

Санаторий «Курпаты». Проектный генплан.
Из кн. Хан-Магомедов (6).

Санаторий «Курпаты». Арх. П.К. Крижановский, 1936.
 Фото из кн. *Килесса* (4).

Современная застройка территории санатория «Курпаты».
 Фото Б.В. Попова.

жановского и В.И. Ковальского. Следует отметить проектную чёткость зонирования санаторного участка со спальными корпусами и летним театром. Клуб-столовая размещена в северо-восточной части комплекса и планировочно хорошо увязана с хозяйственной зоной и лечебно-административным корпусом. Вдохновляли архитекторов формы классики, каждая деталь свидетельствует о творческом подходе к архитектурному наследию, именно поэтому архитектурный ансамбль санатория стал значительной вехой в курортном строительстве Крыма. В советский период санаторий назывался «Пальмиро Тольятти». В украинский период на месте главных корпусов В.И. Ковальского построены новые санаторные корпуса «Пальмира Палас». На месте летнего кинотеатра построено высотное точечное здание, в котором продаются апартаменты. Оставшийся санаторный корпус советской постройки и бывшая клуб-столовая не отражают былого великолепия санаторного комплекса. Прибрежная территория также отведена другим землепользователям и застроена корпусами-новодолами. Приходится констатировать, что данный объект как памятник архитектуры раннего советского курортного строительства с парком утрачен.

Молодежный детский центр «Артек»

Ялта, пос. Гурзуф, ул. Ленинградская, 41

В 1924 году создаётся «Детский лагерь в Артеке». В 1930 году возводится первый спальный корпус «Верхний» круглогодичного использования. В 1937 году к «Артеку» присоединён курорт «Суук-Су». В 1935–1938 годах был разработан и начал реализовываться проект «Большого Артека». Под руководством арх. М.Я. Гинзбурга велась работа над масштабным проектом Всесоюзного санаторного пионерского лагеря «Артек». Общее руководство работой осуществлял арх. Т.Н. Сперанский. Непосредственное участие в работе над проектом принимал яркий представитель архитектуры конструктивизма И.И. Леонидов.

Санаторий «Золотой пляж»

Ялта, п. Ливадия-2

В 1937 году рядом с Ливадийским дворцом, у подножия горы Крестовой, на бывших прибрежных владениях императорской семьи создаётся санаторий «Золотой пляж» на 480 мест. Первое здание санатория — корпус № 1 построено в 1937 году в классическом стиле по проекту П.К. Крижановского и В.И. Ковальского. Парковая зона

Санаторий «Золотой пляж».
Фото Б.В. Попова, 2002.

составила 7,5 га. В 1970-х годах формирование застройки всего санатория было завершено. В 2006 году все постройки санатория снесены и в настоящее время территория пустует.

Санаторий «Голубой залив» *Ялта, пос. Семеиз, ул. Советская, 78*

В начале прошлого века усадьба «Лимена» принадлежала Амадею Людвигу Филиберу — швейцарскому аристократу, женившемуся на дочери полковника Шипилова, Анне. Поместье процветало, но после революции и дом, и прекрасный парк быстро пришли в упадок. Имение, оказавшееся в государственной собственности, осталось фактически без присмотра, а землетрясение 1927 года окончательно разрушило главное здание. Сохранились только два флигеля и винный подвал с подземными тоннелями, где хранили собственное шампанское Филиберов. На месте разрушенного главного здания по проекту арх. В. Ковальского в 1939 году построен санаторий для железнодорожников, больных лёгочными формами туберкулёза. Главный корпус — трёхэтажное здание в стиле итальянских палаццо. В первые

годы за санаторием сохранялось дореволюционное название «Лимена». В годы войны здание серьёзно пострадало; восстановление выполнено по прежним чертежам В. Ковальского, однако была произведена закладка лоджий верхнего этажа. Санаторий продолжил работать с новым названием «Голубой залив» с 1950 года. В советское время санаторий имел обширную парковую зону, спускающуюся к пляжу. В украинский период участок, прилегающий к зданию санатория, и вся нижняя часть территории была растерзана на частные землевладения и застроена. Ввиду возведения плотной окружающей застройки и изъятия исторической парковой зоны, объект как целостный архитектурно-ландшафтный комплекс утрачен

Второй этап (1945–1960 годы)

Санаторий «Нижняя Ореанда»

Ялта, пос. Ореанда

Санаторий построен на территории бывшего царского имения. Здесь уже в 1837 году был парк, именуемый «Императорским садом в имении Ореанда», созданный целой плеядой садовников во главе с Н. Гартвисом. Дворец проектировал арх. А.И. Штакеншнейдер (сгорел в 1881 году). Кроме парка и ротонды у горы Крестовой, из старых построек сохранились «Адмиральский дом» и «Докторский дом», которые ныне являются «выявленными объектами культурного наследия».

Санаторий «Нижняя Ореанда» — первый санаторий на Южном берегу Крыма, построенный после Великой Отечественной войны. Над проектом санатория «Нижняя Ореанда» арх. М.Я. Гинзбург начал работать ещё в 1940 году. Строительство первой очереди комплекса осуществилось только в 1948 году, уже после смерти архитектора. Парк площадью 27 га был сохранён и реставрирован при послевоенном строительстве. Первым был возведен корпус-люкс «Кремлёвский» в палладианском стиле с элементами конструктивизма. В плане он представлял собой замкнутый прямоугольник с арочными проёмами на фасадах и внутренним двором-атриумом и был рассчитан на 40 мест.

В 1950 году также по проекту М.Я. Гинзбурга было построено здание Лечебного корпуса с плавательным бассейном. В 1958 году на месте, где располагался царский дворец, по проекту М.Я. Гинзбурга был построен главный корпус санатория в виде роскошного двух-

Санаторий «Нижняя Ореанда».
Современное состояние территории с новой застройкой.
Фото Б.В. Попова, 2002.

ярусного «римского» дворца с широкими лестницами, ведущими на второй ярус (ныне корпус «Империял»). Первоначальный проект претерпел изменения в сторону обогащения архитектурными деталями внешнего облика и особенно интерьеров здания. Одновременно с корпусом «Империял» были построены береговой лифт, причалы и берегоукрепительные сооружения пляжа. В советский период «Нижняя Ореанда» была элитным местом отдыха руководителей страны, выдающихся деятелей науки, культуры и искусства.

Три корпуса, построенные в 1948–1958 годах, и парк являются яркими памятниками раннего послевоенного строительства и должны сохранять этот статус. К сожалению, в послеперестроечный период на территории санатория построены «внекомплексные», диссонирующие с основной застройкой крупномасштабные здания: одно между лифтом и корпусом «Кремлёвский», а другим обстроен лечебный корпус с востока и юга — как они будут эксплуатироваться далее, пока не ясно. Даже при наличии более поздних добавлений санаторный комплекс «Нижняя Ореанда» может рассматриваться как комплексный объект культурного наследия, сохранивший многие ценные

Санаторий «Горный».
Фото Б.В. Попова, 2018.

качества от дореволюционного периода и, одновременно, представляющий интерес как яркий образец архитектуры раннего послевоенного советского строительства.

Санаторий «Горный»

Ялта, пос. Курпаты, Алушкинское шоссе, 1

Санаторий «Горный» находится между городом Ялта и мысом Айя. Корпуса расположены в парке общей площадью 17,17 га. Корпуса санатория граничат с Царской (Солнечной) тропой, которая соединяет санаторий с Ливадийским дворцом.

Архитектурный комплекс санатория «Горный» построен в 1951–1964 годах по проекту академика архитектуры И.В. Жолтовского. Живописно разбросанные корпуса и беседки-ротонды, лёгкие и ажурные сооружения, пронизанные воздухом и южным солнцем, воплощали главную заповедь архитектора — архитектура должна гармонично соединяться с природой. Территория санатория хорошо зонирована, хозяйственная зона со своим подъездом вынесена в верхнюю часть участка. Ввиду сложного рельефа территория второго корпуса и клуб-столовой соединены транспортно-пешеходным тоннелем.

Пластика фасада главного корпуса создается ритмом аркад и лоджий, трактованных как облегченные колоннады ионического и коринфского ордера. Красивая галерея, завершающая центральный объём, и большой вынос деревянного карниза формируют неповторимый художественный облик здания. Этот санаторный комплекс — практически единственный на территории ЮБК, который сохранился до наших дней в первозданном виде и является ценным памятником архитектуры послевоенного периода.

Санаторий «Горное солнце»

Ялта, г. Алупка, ул. Дворцовое шоссе, 8

Санаторий в Алупке, рядом с Воронцовским дворцово-парковым комплексом, состоит из четырех небольших 2-этажных корпусов, размещённых на террасах горного склона. Архитекторы М.И. Павлов и Г.И. Парак в 1950–1954 годах запроектировали спальные корпуса с аркадами и лоджиями, защищающими спальные помещения от перегрева. Построен на территории Воронцовского парка-памятника и использует его рекреационный ресурс. Объектами культурного наследия регионального значения являются три здания (8А, 8Б, 8В, корпус № 2).

Санаторий «Симеиз»

Ялта, пос. Симеиз, ул. Советская, 3

Строительство санатория имени XXII съезда КПСС (сейчас санаторий «Симеиз») закончено в 1961 году по проекту академика И.В. Жолтовского, который воплотил в жизнь арх. А. Алексеев. По периметру здание опоясывает аркада с тонким рустом. Над аркадой на главном фасаде поставлен сложный четырёхколонный коринфский портик. На фасадах второго этажа размещены дорические колонны и коринфские — на третьем. Сооружение отличается красотой пропорций, прекрасной прорисовкой деталей. К востоку от главного корпуса расположено здание клуба-столовой.

Эта самый большой санаторий Симеиза с большим благоустроенным парком в семь гектаров (б. имение Н.С. Мальцова). Санаторий сохранён в первоначальном виде и достоин присвоения статуса комплексного объекта культурного наследия как выдающийся образец

Санаторий им. XXII съезда КПСС (ныне «Симеиз»).

Фото: <https://dubikvit.livejournal.com/13781.html>

Санаторий «Россия».
Фото Б.В. Попова, 2002.

объёмно-пространственного решения, обеспечивающего органическую связь с ландшафтом.

Санаторий «Россия» (ныне «Руссия»)

Ялта, ул. Коммунаров, 12А

Санаторий «Россия» находится на территории бывшего имения Чукурлар дворянского рода Корсаковых. Со временем наследники Корсаковых стали распродавать отдельные участки Чукурлара, на которых строились многочисленные каменные дома, главным образом, для сдачи внаём приезжим. Вокруг новых усадеб происходило формирование парковых зон. В начале XX века многие строения были уничтожены оползнями. Сохранилась двухэтажная офицерская казарма у входа в санаторий. В настоящее время площадь парка составляет 14,42 га (парк является памятником садово-паркового искусства регионального значения).

Санаторий построен в 1951–1957 годах по проекту арх. И.В. Кузьмина и А.Я. Лангмана. Главный корпус выдержан в стиле «сталинского ампира» с использованием местных строительных материалов — инкерманский камень сочетается с мрамором. Спальный корпус № 2 на берегу моря сдан в эксплуатацию в 1963 году. Спальный

Санаторий «Россия» в современной застройке.
Фото Б.В. Попова, 2018.

корпус № 3 и прилегающая к нему территория переданы санаторию в 1971 году. Полукруглое здание клуба-столовой было построено 1988 году. В целом санаторий представляет собой хорошо сохранившийся комплексный объект послевоенной советской архитектуры. Хотя современная «агрессивная» коммерческая застройка с западной стороны территории и застройка примыкающего Приморского парка с востока значительно ухудшили как природно-оздоровительные свойства санатория, так и условия восприятия этой территории как жемчужины побережья.

Санаторий «Украина» (совр. «Родина») *Ялта, пос. Гаспра-2, Алупкинское шоссе, 15*

Санаторий построен в 1950–1955 годах на землях бывшего великокняжеского имения «Харакс», принадлежавшего вел. кн. Георгию Михайловичу. Автор проекта — академик архитектуры Б.В. Ефимович. Решалась сложная задача по превращению крутого прибрежного склона в санаторный комплекс со всей необходимой инфраструктурой и парковой зоной. Главный пятиэтажный корпус представляет собой дворец в античном стиле, облицованный инкерманским известняком, а цоколь и подпорные стены — серым гаспринским камнем. Венчают здание статуи советских «граций» в венках из колосьев, с корзинами фруктов и букетами цветов. Интерьеры украшены колоннами цветного известняка, росписями, лепкой, хрусталём.

Грандиозный труд главного архитектора не был оценён по достоинству. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Мини-

Санаторий «Украина» в период окончания строительства.
Фото: <https://www.liveinternet.ru/users/4768613/post359175097/>

стров СССР от 4 ноября 1955 года «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» архитектор Ефимович за допущенные при строительстве санатория излишества был лишен всех званий и наград.

Особого внимания заслуживает парк с пальмовыми и кипарисовыми аллеями, ливанскими и атласскими кедами, лаврами и розами, центральной частью которого является грандиозная лестница к морю, с террасами, украшенными статуями, фигурными светильниками и фонтанами. Главный корпус санатория является объектом культурного наследия регионального значения.

Третий этап (1960–1991 годы)

Молодежный детский центр «Артек»

Ялта, пос. Гурзуф, ул. Ленинградская, 41

Детские пионерские лагеря «Морской» имени Пальмиро Тольятти (1960–1961), «Прибрежный» (1960–1964), «Горный» (1967) спроектированы и построены под руководством архитектора А.Т. Полянского. При строительстве были применены унифицированные сборные железобетонные конструкции, изготовленных на Гаспринском заводе ЖБИ (создан в 1953). Применённый в Артеке ассортимент конструкций получил название «Артековский» и широко применялся при строительстве объектов на ЮБК.

Все объекты Артека, построенные в 1960–1970 годах, являются архитектурными памятниками периода становления индустриального домостроения на ЮБК. В настоящее время ведётся полная реконструкция объектов Артека. При реконструкции некоторых зданий лагеря «Горный» (клуба-столовой, гимнастического зала и плавательного бассейна) удалось сохранить архитектурный облик, однако все остальные объекты радикально изменили свой облик. Былая архитектура «воздушного» комплекса «Артека» 1960–1970 годов утрачена. Но и сейчас гигантский по территории и вместимости детский комплекс не имеет в мире аналогов.

Дом творчества писателей им А. П. Чехова

Ялта, ул. Манагарова, 7

Дом творчества находится в старинном парке (бывшем до 1917 года во владении барона Эрлангера). В 1966 году по проекту архитекторов И.Г. Татиева и О.К. Быстрова построены спальный корпус и клуб-столовая (объекты культурного наследия республиканского значения). В 1980 году возведен спальный корпус (арх. А.Н. Золотов)

Гостиничный комплекс «Ялта-Интурист»

Ялта, ул. Драйзинского, д. 50

Комплекс завершен к 1977 году строителями комбината «Крымспецстрой» и югославского объединения «Унион инженеринг — ИНГА» по проекту академика архитектуры А.Т. Полянского, архитектора И.Н. Мошкуновой, инженеров К.Н. Васильева и Я.И. Духовного.

Панорама Артека 1970-х годов.
 Фото: <http://suuk.su/knigi/poljanski.htm>

Гостиничный комплекс «Ялта-Интурист».
 Фото Б.В. Попова, 2018.

Санаторий Кирова

Ялта, ул. Кирова, 39

Санаторий расположен на территории бывшей усадьбы кн. Барятинской в Ялте. Парковая зона составляет 4,76 га. В 1978 завершен спальный корпус (арх. Е.А. Луканев), возведена клуб-столовая, выполнено благоустройство территории, возрождён парк.

Санаторий «Белоруссия»

Ялта, пос. Кореиз, Мисхорский спуск, 2

В 1914 году министерство земледелия объявило о намерении построить санаторий для раненых и разослало по стране обращение о сборе пожертвований. В 1916 году закончились строительные работы. На территории санатория построены два новых спальных корпуса и клуб-столовая (1984, арх. В.А. Аладов). Парковая зона составляет 9 га.

Санаторий «Ай Петри»

Ялта, пос. Кореиз, шоссе Алупкинское, 15

Создан в 1923 году в Мисхоре на базе 6. дач Морозовой, Баулина, Мурзаевой, имения Долгорукова. После землетрясения 1927 года многие строения пострадали и были частично восстановлены. Современные многоэтажные корпуса построены в 1970–1980 годах.

Санаторий «Зори России» в Понизовке (Симеиз)

Ялта, пос. Оползневое, ул. Южная, д. 7

Санаторий в Понизовке (Симеиз) введён в эксплуатацию в 1985 году. Построен по проекту арх. Е.В. Перченкова и ЦНИЭП курортно-туристических зданий Госкомстроя СССР.

Санаторий «Южный»

Ялта, пос. Форос

Санаторий завершен в 1979 году (арх. Е. Шумов). Парк 17 га, ландшафтный архитектор А.А. Анненков.

РАЗВИТИЕ КУРОРТНОГО ДЕЛА НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА

Развитие курортологии и организация курортного дела на Южном берегу Крыма (ЮБК) начинается с 1783 года, после присоединения Крыма к Российской империи. Интерес к природным ресурсам Тавриды и их благотворному действию на здоровье проистекал из идей классической медицины, ориентированных на профилактику заболеваний целебными силами природы [1]. На территории Крыма это направление представлено античными памятниками Пантикапея и Херсонеса (V—I века до н.э.) — банями и фонтанами с фрагментами надписей об использовании их для лечения [2].

Весомым вкладом в изучение и последующее освоение природно-климатических и гидроминеральных ресурсов ЮБК стали первые масштабные экспедиции естествоиспытателей В.Ф. Зуева (1782), К.И. Габлица (1783) и П.С. Палласа (1793), основателя Никитского ботанического сада Х.Х. Стевена (1806), историка и географа П.И. Кеппена (1829) и их последователей — геологов Н.А. Головкинского (1874), Н.И. Андрусова (1896), В.И. Вернадского (1899), А.Е. Ферсмана (1905), В.А. Обручева (1916).

В советский период изучением уникальной природы ЮБК занимались центральные научные и производственные организации под руководством академиков Д.И. Щербакова, А.Е. Ферсмана, Н.С. Курнакова. В 1929 году в посёлке Кацевели академиком В.В. Шулейкиным основана первая в мире Морская гидрофизическая станция, позднее — отделение Морского гидрофизического института АН СССР.

В настоящее время мониторинг уникальных природных характеристик ЮБК проводят научные подразделения Никитского ботани-

ческого сада (осн. в 1812), Института вина и виноделия «Магарач» (осн. в 1828), Ялтинской метеостанции (осн. в 1868), Ялтинской гидрогеологической станции (осн. в 1913), Ялтинского НИИ физических методов лечения и медицинской климатологии (осн. в 1914), первой в СССР оползневой станции (осн. в 1930) [3].

Курортное дело в Российской империи

С первой половины XIX века в России распространяется увлечение поездками на приморские и горные курорты Италии, Франции, Швейцарии и Германии. Идея санаторно-курортного лечения возникла в Германии в 1854 году, когда Герман Бремер основал первый туберкулезный санаторий в Герберсдорфе, Силезия (ныне — польское местечко Соколовско) [4]. Крым и особенно его южное побережье также начинают привлекать зажиточную российскую публику [5]. В Ялту, ставшую в 1837 году уездным городом, потянулись столичные аристократы и военные, приобретшие или получившие здесь по царственному повелению земельные наделы. В Нижней Ореанде, Ливадии, затем в Массандре появились царские имения. Прибывающую влиятельную публику сопровождал мастеровой и дворовый люд, чьими руками ЮБК украсили великолепные дворцы, виллы, усадьбы. Активное освоение ЮБК и обустройство на его территории дворцово-парковых комплексов высших аристократических сословий стали привлекать в Ялту представителей разных социальных слоёв.

Самым частым мотивом приезда в Ялту стало «путешествие за здоровьем» и стремление к новым впечатлениям, которые щедро дарила крымская природа. Основная группа больных представляла собой «слабогрудых пациентов», страдавших чахоткой (лёгочным туберкулёзом), поэтому особенностью развития Ялты стало не только появление великолепных дворцовых комплексов и парков, но и неуклонный рост санаториев, в том числе для малообеспеченных пациентов. На их организацию благотворительные и попечительские общества собирали внушительные финансовые средства, а к строительству привлекались крупные архитекторы России. Не претендуя на роскошь, эти здания отличались функциональностью и строгим соблюдением санитарных норм, некоторые из них представляют большую историческую ценность как образцы курортной архитектуры XIX–XX веков. Так в 1860-х годах в Ялте начался «Век чахотки», продолжавшийся до 1960-х годов, когда большинство противотуберкулезных санаториев преобразовали в общесоматические. События этого важнейшего для ЮБК периода подробно описаны в монографии А. Колесника «Крым в объятии чахотки» (2010) [6].

На первых порах курортная медицина Ялты была представлена приезжими врачами, сопровождавшими царственных особ и аристократию при поездках в летние крымские резиденции [7]. Честь медицинского открытия Южного берега Крыма принадлежит профессору Сергею Петровичу Боткину, который в 1866 году обратил внимание общественности на его уникальный климат и предложил направлять больных с бронхолёгочными заболеваниями в Ялту — «климатическую станцию для слабогрудых» [8]. Зимой 1872 года Боткин назначается лейб-медиком двора Его Императорского Величества и весной того же года сопровождает императрицу Марию Александровну, страдавшую лёгочным заболеванием, в Ливадию. Императрица, таким образом, оказалась первой именитой пациенткой ЮБК [9]. По совету Боткина в 1873 году у западных лесистых склонов горы Могаби архитектор А.И. Резанов построил для императрицы небольшую виллу «Эриклик» (здание не сохранилось) в традициях русской деревенской архитектуры. Была организована молочная ферма, на лугах которой паслись коровы швейцарской породы. Когда позволяло здоровье, императрица совершала пешие прогулки по окрестностям и особенно любила посещать водопад Учан-Су по проложенной сапёрами относительно ровной горной тропе [10]. В последующем регулярные приезды императорской семьи в Ливадию с конца августа до начала октября задавали курортный ритм. По воспоминаниям доктора В.Н. Дмитриева, «уезжал двор, опустевала и Ялта...» Признаком особого статуса курортников стала возможность приезжать в Ялту в этот период, получившем название «бархатный сезон» [11] и связанным с деятельностью зачинателя городской санитарной службы Ялты, писателя и врача Степана Васильевича Руданского (1834—1873). После окончания в 1861 году Санкт-Петербургской медико-хирургической академии он направляется в Крым и назначается первым городским врачом Ялты, совмещая должности карантинного врача в порту и врача Ялтинского уезда до 1873 года.

С 1870-х годов приток больных на ЮБК с каждым годом увеличивается. Развивается курортное строительство. В 1847 году началось сооружение первого водопровода в Ялте, в 1888 году в городе построен канализационный коллектор — первая в России канализация по раздельной системе. В памятном издании 1888 года «Пятидесятилетие Ялты» отмечалось: *«Одновременно с постройкой морской набережной разрешён городским управлением и вопрос о канализации. Несомненно, что это санитарное улучшение будет играть немаловажную роль в дальнейшем развитии Ялты как курорта. Решительно ни один из русских городов не представляет примера такого быстрого расцвета и расширения»* [12].

Первым по-настоящему благоустроенным курортным отелем Ялты стала гостиница «Россия» (1875, арх. А.Е. Струве и А.И. Винберг, ныне отель «Таврида», ул. Ленина, 13) на 150 номеров, построенная в 1875 году на средства, собранные «Обществом для содействия к распространению удобств жизни в г. Ялте». Перед гостиницей, ставшей центральным курортным объектом Ялты, находился старый тенистый парк, вблизи моря большая площадка, на которой до глубокой осени играли оркестры. В 1884 году доктором М.П. Ограновичем в Ялте, на месте нынешнего Приморского парка, была открыта «Чукурларская климатическая станция» (здание не сохранилось) — первое в городе лечебное курортное заведение. В нём поправляла здоровье украинская поэтесса Леся Украинка. В этом же году напротив гостиницы «Россия» были обустроены частные купальни Прасковьи Кажуриной (не сохранились) с номерами для отпуска морских и пресных ванн, продажей лечебной минеральной воды и винограда.

Вслед за возникновением первых в Ялте климатолечебниц и пляжных купален, напротив Городского сада строятся купальни Чалого, за ливадийским мостом — купальни и ванны «Саглык-Су» А.Н. Витмера. Большой популярностью пользовался пляж доктора Лapidуса (ныне полуразрушенный пляж «Солнечный»), где наряду с взрослым существовало детское отделение. В нём под наблюдением врача проводились дозированные морские, воздушные и солнечные ванны, а также гимнастика.

Пользовалось популярностью ванное заведение А.И. Роффе (1897), где предоставлялись пресные и морские ванны, роскошный султанский номер и великолепное обслуживание посетителей. Здание в восточном стиле, фасад которого выполнил академик Н.П. Краснов, не сохранило первоначальный облик, оно реконструировано в 1991—1996 годах (ныне бутик-отель «Вилла София», набережная им. Ленина, 31). Среди известных купален — водолечебница женщины-врача А.С. Гурьян в Аутском переулке и водолечебница доктора Костецкого в Потёмкинском переулке.

По примеру заграничных курортов в Ялте стали появляться пансионы и доходные дома. Среди самых известных — пансионаты Засыпкина, Иммер, Карбоньер, Даксергоф, Савельзон, Прайктис, П.П. Розанова, С.В. Фортунато, П.Н. Шульц и других предпринимателей [13]. В них приезжие были освобождены от всяких хозяйственных хлопот. Наряду с общими услугами в некоторых пансионатах предлагали специальное лечение. Например, в Заречье, в климатолечебном пансионате «Квисисана» доктора Ф.Д. Вебера (ныне корпус санатория им. В.В. Куйбышева, ул. Щербака, 11) имелось операционное отделение, работавшее круглогодично [14].

Пляж доктора Лапидуса.
Открытка начала XX века.

Ялта обрела свой неповторимый городской облик усилиями академика архитектуры Н.П. Краснова, построившего Ливадийский дворец и многие ялтинские здания, и инженера А.Л. Бертье-Делагарда — строителя каменного мола в порту [15]. Архитектура курортных лечебниц и доходных домов отличалась большим разнообразием и сочетала романтизм, замковый «баронский» стиль, восточный мавританский стиль, позднее — русский модерн. Для сохранившихся ялтинских домов характерны навесные деревянные балкончики-эркеры, резные наличники и решётки, их специфическим отличием является местный строительный материал — твёрдый серый известняк, который с XIX века добывали на каменоломнях Гаспры и Верхней Массандры. В Ялте использовали особую укладку камня и способ его обработки для облицовки зданий и подпорных стен дорог-серпантинов, сходную с циклопической греческой кладкой. С внешней стороны все камни образуют ровную плоскость, а между собой складываются самым причудливым образом, формируя неповторяющийся рельеф. После 1920-х годов этот стиль каменной кладки утрачен.

Выдающуюся роль в становлении Ялты как приморского климатического курорта сыграл ученик С.П. Боткина, доктор Владимир Николаевич Дмитриев, приехавший в Ялту в 1868 году и посвятивший ей 36 лет жизни. Главная заслуга Дмитриева в курортологии —

Памятник В.Н. Дмитриеву на фоне главного корпуса
ГБУЗ РК «АНИИ им.И.М.Сеченова»
(быв. корпус «Пироговский» для чинов Военного ведомства).
Фото В.В. Ежова.

предложенные им методики применения местных лечебных факторов (морские купания, пешеходные прогулки, виноград, кефир и кумыс) и проведённые им многолетние метеорологические наблюдения [16], которые доказывают, что приморский субтропический климат ЮБК не уступает средиземноморскому климату итальянской Ривьеры и Лазурного берега Франции [17].

Соратники Дмитриева, врачи-энтузиасты Ф.Т. Штангеев, П.П. Розанов, Ф.Д. Вебер, С.Я. Елпатьевский, П.Ф. Фёдоров и постоянно приезжавший с 1894 в Ялту А.П. Чехов приложили немало усилий для организации квалифицированной медицинской помощи на курорте. В эти годы возрастает курортный потенциал и санитарное обустройство города и окрестностей, формируются сообщества врачей, применяющих в своей клинической практике естественные методы лечения. О значительности научных наблюдений того времени свидетельствует тот факт, что на первом Всероссийском съезде деятелей климатологии, гидрогеологии и бальнеологии в Санкт-Петербурге (1898) выступили с докладами более десяти ялтинских врачей. Работа В.Н. Дмитриева «Очерк климатических условий Южного берега Крыма» была удостоена серебряной медали Русского Географического общества. В 1893 году на первой Всероссийской гигиенической выставке в Санкт-Петербурге Ялта получает золотую медаль за образцо-

вое санитарное благоустройство города, а представители города — личную благодарность императора Александра III. В 1913 году на второй Всероссийской выставке Ялта удостоивается в этой номинации серебряной медали [18].

Увеличение притока больных из неимущих сословий, нуждавшихся в климатическом лечении, стало импульсом к организации благотворительных общин, в которых за пациентами проводилось врачебное и сестринское наблюдение. В 1872—1876 годах при содействии выдающихся подвижниц — Марфы Сабининой и баронессы Марии Фредерикс в посёлке Джемиет (в 6 верстах от Ялты) была создана одна из первых в России «Благовещенская община сестёр милосердия» Красного Креста. Освящение Общины состоялось в мае 1873 года в присутствии императрицы и августейших детей — Марии и Сергея. Императрица Мария Александровна взяла Общину под своё покровительство, а Сабинину назначили её первой настоятельницей. Вскоре крымскому отряду сестёр милосердия под руководством Сабининой пришлось на деле продемонстрировать свою самоотверженность и высокую профессиональную подготовку в период Балканского кризиса, вначале в Сербии, помогая мирному населению, а с объявлением русско-турецкой войны 1877—1878 годов при организации помощи солдатам и офицерам. Благодарность сотен спасённых русских воинов, ордена и медали за самоотверженную работу, но и гибель почти половины ялтинского отряда от тифа — так завершилась для Благовещенской общины сестёр милосердия Балканская кампания.

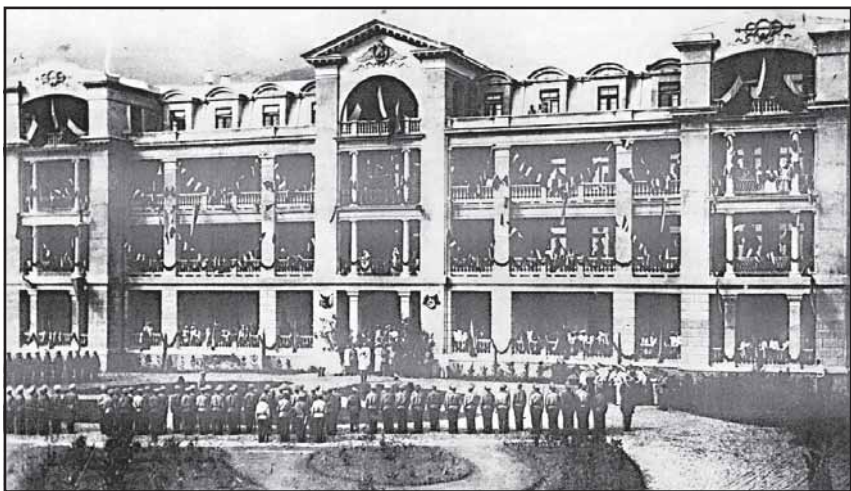
После возвращения в Крым М. Сабинина и М. Фредерикс продолжили свою деятельность в Джемиете. Главной целью Общины стало оказание бесплатной медицинской помощи людям, не имевшим средств для лечения. Тяжелобольных помещали в лазарет при церкви Благовещения, тех, кто мог ходить, обеспечивали лекарствами и постоянным наблюдением врачей и фельдшеров. В 1882 году общину постигло несчастье. Дача Сабининых сгорела дотла, в огне погибла мать Марфы Стефановны и её четыре сестры, здание общины также сильно пострадало и не сохранилось. В 1900 году Благовещенская Община вошла в состав Главного Управления Уделов при Министерстве императорского Двора. По просьбе баронессы Фредерикс Николай II безвозмездно передал всю территорию, занятую постройками общины, в распоряжение Ялтинского общества Красного Креста. Благовещенская Община была объединена с ялтинской Общиной «Всех скорбящих Радость», организованной графиней Е.Н. Клейнмихель и баронессой М. Фредерикс в 1886 году (ныне коммунальное здание, ул. Садовая, 11)[19].

Дом ялтинской Общины «Всех скорбящих Радость» на Садовой улице (на переднем плане — сестры милосердия). Фото начала XX века.

Начало XX века знаменует новый этап — открываются первые санатории на черноморском побережье Кавказа: в Анапе (Санатория д-ра Будзинского) и Геленджике («Черноморская санатория» д-ра Сульжинского). В них, наряду с предоставлением жилья, питания, водных и иных процедур, организуется особый распорядок дня и постоянное медицинское наблюдение.

Открываются санатории и в Ялте, но их важнейшее отличие — ориентация на малообеспеченных пациентов, в продолжение традиций, заложенных в деятельности благотворительных общин сестёр милосердия. В 1897 году организовано «Попечительство о нуждающихся приезжих больных Ялтинского благотворительного общества». Характерной особенностью развития города становится ориентация на медицинскую помощь малообеспеченным слоям населения. В 1894 году в швейцарских Альпах начинает работу первый горный противотуберкулёзный санаторий [20]. Уже через год Ялта перенимает этот опыт. Зачинательница первого в России противотуберкулёзного санатория — княгиня М.В. Барятинская, владелица небольшого пансиона для неимущих лёгочных больных. В 1898 году по её инициативе в России был начат сбор пожертвований для постройки в Ялте нового

Торжественное открытие корпуса «Пироговский».
Фото 1916 года.

санатория. Первый взнос сделал император Николай II, выделив из удельного имения Массандра участок земли в 19 десятин. Из государственной казны было предоставлено 50 тысяч рублей и получено разрешение на присвоение санаторию имени Александра III. В 1899 году заложена «Ялтинская санатория в память Императора Александра III». 12 (25) января 1901 года в присутствии императорской семьи освящён первый дом санатория [21]. В мае 1913 года, в ознаменование 300-летия дома Романовых, заложен корпус «Пироговский» для чинов Военного ведомства (архитектор Ю.Ф. Стравинский — брат композитора И.Ф. Стравинского), который после завершения строительства в 1916 году передаётся в ведение военного министерства.

В 1900 году по инициативе А.П. Чехова и С.Я. Елпатьевского открывается ещё одно благотворительное учреждение — «Санатория-пансион «Яузлар» Ялтинского Благотворительного Общества для туберкулёзных больных» (ныне ГБУЗ РК «Санаторий имени А.П. Чехова»). Сбор средств для его строительства вела кн. М.В. Барятинская. Выступая на III съезде российских хирургов (1902), профессор А.А. Бобров заявил: «Борьба с туберкулёзом не под силу правительствам, как бы они не были могущественны. Это может выполнить только само общество, народ, своим разумным отношением к указаниям науки и своими пожертвованиями на устройство санаториев и больниц». Его воззвание имело успех: в этом же году А.А. Бобров на свои собственные средства и на средства от добровольных пожертво-

ваний создаёт «Санаторию для детей в Алупке» для детей больных костным туберкулёзом (ныне ГБУЗ РК «Санаторий им. А.А. Боброва»).

Примером курортологического объекта культурного наследия (ОКН) Российской империи может служить созданная в 1901 году грунтовая дорожка от Ливадии до Кореиза, которую позднее назвали Царской тропой, — любимое место прогулок царской семьи пешком или верхом на лошадях. Дорожку сделали для восстановления здоровья Николая II после перенесённого в Ливадии тяжёлого брюшного тифа. По совету лейб-медика проф. П.М. Попова, выздоравливающему императору была предписана ходьба, но окружающий горный рельеф препятствовал этому [22]. Уже более ста лет тропа служит общекурортным терренкуром для пациентов из ближайших ялтинских санаториев.

Важной вехой развития курортов стал принятый в России «Закон о санитарной и горной охране лечебных местностей» (1914). Ялта превращается в крупную и популярную всероссийскую противотуберкулёзную здравницу. Её можно по праву назвать и колыбелью военной реабилитационной медицины. Задолго до создания в 1940-х годах в США специализированных реабилитационных центров для восстановления здоровья военных, в 1912–1914 годах в Ялте под патронатом императорской фамилии дополнительно к корпусу «Пироговский» для чинов Военного ведомства построена «Морская санатория для офицеров и нижних чинов флота», предназначенная для поправления здоровья больных и раненых военных. Сейчас на территории Морской санатории высятся каменные заборы, скрывающие дома её новых владельцев.

В 1912 году по официальной статистике в России действовало 72 курорта [23]. В этот период в Ялте работало 11 общественных, 16 благотворительных и 14 частных санаториев, лечебниц, приютов и амбулаторий, большинство из них круглогодично. Продолжительность лечения составляла в среднем 3–4 месяца. Около 50 врачей разных специальностей осуществляли наблюдение и лечение местных и приезжих пациентов (более 15 тыс. человек в год) [14].

На ЮБК окончательно сформировался специфический комплекс лечебно-оздоровительных процедур, сочетавших:

- 1) Широкое применение климатопроцедур (летом — максимальное пребывание на открытом воздухе, приём солнечных ванн и морских купаний, зимой — УФ-облучения, закаливающие воздушные ванны, обтирания морской водой).
- 2) Двигательные нагрузки (общая и специальная гимнастика, пешеходные прогулки в парках и вдоль моря, походы ближнего туризма по горным тропам).

Морская санатория в Ялте для офицеров и нижних чинов флота.
Фото около 1916 года. Из собрания РФК, Москва.

Больные второго дома
Морского санатория.

Гостиная в офицерском доме санатория.
У рояля — С.Н. Морошкин, за шахматами К.К. Пыгрев
и Э.-И.Г. Тенсо.

Одинарная комната в офицерском доме.
Гардемарин С.Н. Морошкин.

Третий дом (матросский)
Морского санатория.

- 3) Аппаратная физиотерапия (ингаляции, процедуры электро- и светолечения).
- 4) Хирургические операции (у пациентов с тяжёлыми формами туберкулёза лёгких, почек и костно-мышечной системы).
- 5) Местные диетические продукты (вино- и виноградоление, фрукты, кефир, кумыс).
- 6) Медикаменты (по клиническим показаниям).

Системное и целенаправленное изучение теоретических и практических сторон лечения природными методами начинается в Крыму в Севастополе, в первом в истории России «Романовском институте физических методов лечения», открытом в 1914 году с высочайшего соизволения Николая II по инициативе основоположника отечественной физиотерапии профессора А.Е. Щербака (в советский период Государственный институт физических методов лечения им. И.М. Сеченова). Посетивший в 1915 году институт Николай II писал в своём дневнике: «30-го января. Пятница. Посетил прекрасное учреждение — Романовский институт всяких лечений, где пользуются многие раненые офицеры...» [24].

Как следствие постоянного использования в лечении природных факторов, в начале 1900-х годов в России при участии ялтинских учёных и врачей сформировалась наука о курортах — курортология и были разработаны научные основы организации курортного дела и санаторно-курортного лечения [25]. Память о врачах-основателях ялтинского курорта и их пациентах — выдающихся деятелях науки, культуры и искусства — сохранена на ялтинском мемориальном кладбище «Поликуровский мемориал», расположенном в верхней части Поликуровского холма, неподалёку от собора св. Иоанна Златоуста [26].

Курорты в период СССР: «Всесоюзная здравница»

В период Октябрьской революции Ялта испытала массовое нашествие приезжих. Для многих из них, включая участников Белого движения, ялтинский берег стал последним жизненным прибежищем. Среди тех, кто чудом остались в живых, были и многие члены царской семьи. В апреле 1919 года они навсегда покинули Россию. Ялтинский берег опустел, дворцы и дачи были брошены на произвол судьбы. Отряды красноармейцев заняли дома своих бывших господ. На несколько месяцев Ялта была официально переименована в Красноармейск. Одумавшись, новые власти вскоре вернули городу его первоначальное имя.

В 1918 году все крымские курорты были объявлены государственной собственностью, управление ими было возложено на Наркомат здравоохранения РСФСР. Совнарком РСФСР в 1919–1921 годах издал декреты по развитию курортов: «О лечебных местностях общегосударственного значения» (1919), «Об использовании Крыма для лечения трудящихся» (1920), «О домах отдыха» (1921). В июле 1921 года в Симферополе проводится Первый Всероссийский съезд курортных врачей [27]. Многочисленные частные, общественные и благотворительные санатории и лечебницы в Ялте, все без исключения были национализированы. Подчёркивалось, что *«ни одно помещение на Крымском побережье, подходящее под санаторию или здравницу или для обслуживания их, гостиницы и т.д., не может быть занимаемо лицами и учреждениями без согласия Наркомздрава или уполномоченных им органов»*.

Бывшие аристократические имения стали использовать для размещения новых постояльцев — рабочих, крестьян, служащих и управленцев разных ведомств. В них размещали приёмные, административные кабинеты, библиотеки, в больших залах обустраивали клубы для культурного досуга. Крупные дворцы — Воронцовский, Ливадийский, Массандровский — со временем превратились в государственные музеи и главные экскурсионные объекты Большой Ялты.

В 1923 году создаётся главное курортное управление Наркомздрава во главе с Н.А. Семашко и специалистом по курортному делу М.И. Тезяковым. 16 апреля 1925 года в Гурзуфе открыт первый в стране пионерлагерь санаторного типа «Артек». 28 мая того же года в Ливадийском дворце — первый крестьянский санаторий. Через три года, в 1928 году, состоялось открытие в горном районе Ялты санатория «Долоссы» (ныне ГБУЗ РК «Санаторий Долоссы», г. Ялта, пгт. Советское) — первой крымской здравницы, построенной в годы Советской власти [28].

В 1920–1930-х годах на ялтинском курорте начинается формирование научных школ для изучения механизмов действия природных факторов и создания необходимых условий для рационального использования курортных методов лечения. В 1922 году в бывшей санатории памяти Александра III открывается клинический туберкулёзный институт, в 1928 году в бывшей вилле «Елена» — Климатофизиатрический лечебный институт. Оба института стали научно-практическими учреждениями, занимавшимися изучением лечебного применения природных и физиатрических факторов, а также клиническим усовершенствованием врачей по этому профилю.

В 1931 году оба ялтинских института (туберкулёзный и климатофизиатрический) объединили в Государственный институт медицин-

ской климатологии и климатотерапии (ГИМКК), занявшегося разработкой методов климатотерапии туберкулёза и нервно-соматических заболеваний. В 1936 году научным руководителем ГИМКК стал биофизик Всесоюзного института экспериментальной медицины, академик П.П. Лазарев. В 1940 году ГИМКК реорганизуется в Институт климатотерапии туберкулёза (ИКТ) с целью реализации государственной программы СССР по ликвидации туберкулёза как массового заболевания. Сейчас продолжатель этих традиций — ГБУЗ РК «Академический НИИ физических методов лечения, медицинской климатологии и реабилитации им. И.М. Сеченова» (Ялта), первое лечебное и научно-исследовательское учреждение России подобного профиля, в котором уже более ста лет для восстановления здоровья используют преимущественно физические методы лечения. Институт плодотворно функционировал в Севастополе до 1941 года, а после Великой Отечественной войны переехал в Ялту, где в 1955 году объединился с Институтом климатотерапии туберкулёза.

В 2014 году этот ведущий научный центр по изучению и разработке методов природного оздоровления отметил 100-летний юбилей. Институт располагается в корпусах бывшей «Ялтинской санатории для недостаточных чахоточных больных в память Императора Александра III» [29]. Значительная часть физических лечебных методов и подходов, предложенных в Институте, до сих пор востребована физиотерапевтами России и стран СНГ. Среди них: общая теория физиотерапии, объясняющая физиологический механизм лечебного влияния физических методов на организм и методик рефлекторно-сегментарной физиотерапии (Щербак А.Е., 1930), метод внутриорганного электрофореза (Соколов С.Б., 1978); схема дозирования солнечных облучений, одобренная на актинологическом конгрессе в Париже (Мезерницкий П.Г., 1929), разработка хирургических методов лечения туберкулёза лёгких (Керцман А.Я., Фурман А.С., Блох Г.И., Бременер М.М., Королёв Н.Д., Киш Л.С., Дитерихс М.М., Мухин Д.П., Соколов С.Б., 1930—1960). Важными итогами деятельности института в области курортологии явилась подготовка региональных показаний к отбору на санаторно-курортное лечение и предложения по медицинскому районированию курортов Крыма (Богущий Б.В., Татевосов С.Р., 1966). Разработаны способы дозирования климатопроцедур по холодовым нагрузкам и методология оценки метеореакций по биоклиматическому индексу погоды (Бокша Б.В., 1982); применение биологически активных соединений растительного происхождения и крымских натуральных виноградных вин (Мизин В.И., Ежов В.В., 2012), система диагностики поллинозов (Беляева С.Н., 2014).

К началу 1940 года в СССР было 3600 санаториев и домов отдыха на 470 тысяч мест, значительная часть которых располагалась на ЮБК. Во время Великой Отечественной войны ялтинские санатории находились под контролем оккупационного режима и были превращены в сеть тыловых госпиталей. В ходе боевых действий немало курортных учреждений было разрушено или повреждено. Сразу же после освобождения Ялты 16 апреля 1944 года начались работы по восстановлению курорта. Для послевоенного времени характерны значительный рост числа санаторно-курортных учреждений и количества мест в них; развитие новых методов лечения и форм обслуживания; планомерное изучение природных лечебных ресурсов; реорганизация исследовательских центров, изучающих курортные факторы [30]. Важным оказалось Постановление Совета Министров СССР № 985 о включение ЮБК в перечень курортов всесоюзного значения (1948). Уже в 1950 году количество коек в санаторно-курортной сети превышало довоенный уровень.

С середины 1950-х годов управление курортами, санаториями и домами отдыха сосредотачивается в Министерстве здравоохранения СССР, а в 1960-х годах большинство ялтинских санаториев, домов отдыха и пансионатов передаётся в подчинение профсоюзов.

В этот период были построены крупные ялтинские санатории — «Нижняя Ореанда» (1948, арх. М.Я. Гинзбург), «Украина», ныне «Родина» (1955, Б.Ф. Ефимович), «Россия» (1957, И.Г. Кузьмин), «Черноморье» КГБ СССР (1958, Л.Н. Инбер), «Горный» (1963, И.В. Жолтовский, П.И. Стокан), корпус «Дружба» санатория «Курпаты» (1985, И.А. Василевский, И.В. Канчели) и др.

Курортные преобразования в Ялте стали импульсом для развития дружественных международных отношений [31]. В 1955 году, после организации в Ялте подразделения «Интуриста», на ЮБК стали приезжать тысячи иностранных туристов. В 1959 году в Гурзуфе открылся международный молодёжный лагерь «Спутник». В 1960 были установлены побратимские связи между Ялтой и французским городом Ницца. В дальнейшем городами-побратими Ялты стали известные курорты: Поццуоли (Италия), Фудзисава (Япония), Риека (Хорватия), Санта-Барбара (США), Маргейт (Великобритания), Родос (Греция), Баден-Баден (ФРГ), Санья (КНР), Батуми (Грузия), Сальсомаджоре Терме (Италия), Шарм-эш-Шейх (Египет), Хачмаз (Азербайджан), Владикавказ (Россия), Эйлат (Израиль), Анталья (Турция), Латакия (Сирия).

К концу 1960-х годов столетний период существования Ялты как противотуберкулёзного курорта завершился. В лечении этого заболевания стали активно применять антибактериальную терапию, клима-

толение с длительным (подчас многомесячным) нахождением на курорте стало экономически не оправдано. Согласно клиническим наблюдениям Ялтинского НИИ им. И.М. Сеченова, профиль ялтинского курорта изменился и расширился. К медицинским показаниям для направления на курорты ЮБК относятся заболевания лёгких нетуберкулёзного характера, сердечно-сосудистые болезни, болезни нервной системы, в том числе неврозы и церебральный атеросклероз, болезни мочеполовой системы.

Особое развитие курортная система получила в 1970—1980-х годах, когда на курортах Ялты было развёрнуто масштабное капитальное строительство. Параллельно с перестройкой курортов развивалась и совершенствовалась медицинская служба здравниц. Фактически проведена её реорганизация, определён ведущий профиль каждого курортного региона, введена специализация санаторных отделений, что позволило направить основные усилия на рациональное использование крымских курортных ресурсов.

В 1970—1980-х годах была заложена интеллектуальная и материальная лечебно-диагностическая база нынешних здравниц Крыма. За 70 лет существования Советского Союза сформировалась уникальная система социального туризма, не имеющая аналогов в мире. Путёвки в санатории, пансионаты и дома отдыха за счёт социального страхования, как правило, выдавались трудящимся по месту работы: 20% из поступивших в распоряжение профкома путёвок — бесплатно, 80% — за 30% стоимости. По путёвкам в пансионаты пропорция была несколько иной: 10% — бесплатно, 90% — за 30% стоимости. Бесплатные путёвки предназначались прежде всего представителям льготных категорий — инвалидам и участникам Великой Отечественной войны, инвалидам труда, одиноким матерям и донорам. В течение года трудящемуся за счёт социального страхования выдавали не более одной путёвки на лечение и отдых, а путёвку на летний период — не более одной в 2—3 года [32]. К середине 1980-х годов в СССР насчитывалось 14 тысяч санаториев на 2,5 млн мест. Большая Ялта располагала самым большим курортным фондом. Если к 1989 году вся санаторно-оздоровительная сеть Крыма насчитывала летом более 202 тыс. мест (зимой 84,5 тыс. мест), то наибольший удельный вес круглогодичных мест имели здравницы Ялты — 74%, в Евпатории 57%, Алушты 51% [32].

Только за 1985 год Ялту посетило 1,4 млн пациентов и отдыхающих из числа граждан СССР и более 123 тысяч из-за рубежа [33]. В Большой Ялте как единой курортной агломерации в 1985 году насчитывалось 62 санатория, 24 пансионата и дома отдыха, 17 баз отдыха, 4 турбазы и 29 пионерских лагерей на 41,3 тыс. мест [34].

Наряду с санаториями, Ялта располагала крупнейшей на полуострове курортной поликлиникой, размещённой в здании дореволюционной гостиницы «Вилла Елена». Помимо лабораторий и кабинетов для медицинских процедур поликлиника имела большой лечебный пляж, на котором за день могли принять климатологические процедуры 8–10 тыс. отдыхающих, и собственную водолечебницу с действующим круглый год открытым плавательным бассейном. В 1988 году решением Президиума Верховного Совета СССР город-курорт Ялта был награждён орденом Дружбы народов.

Особые испытания курортная система ЮБК пережила в начале 1990-х годов, после распада Советского Союза, в период общей экономической нестабильности. Невостребованность путёвок в санаторно-курортные учреждения, услугами которых в своё время пользовалось население всего СССР, спад платёжеспособности и другие обстоятельства поставили курортную систему в сложное положение [35].

В 2000-е годы в Ялте была проведена полная реконструкция набережной, построено два фонтана и открыто два бювета с питьевой водой. Одновременно происходило сокращение курортного фонда в городе и прилегающем побережье. Часть государственных и профсоюзных санаториев были закрыты, часть — передана новым владельцам. Статистическая информация по этому вопросу в открытой печати отсутствует.

Курорт в наше время

После проведённого 16 марта 2014 года референдума за воссоединение Крыма с Россией был подписан указ президента России о признании Республики Крым в качестве независимого и суверенного государства, а затем — межгосударственный договор о принятии Крыма и Севастополя в состав России.

Начался новый этап истории крымских курортов. В соответствии с положениями нормативно-законодательной базы России, в первую очередь — федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», курорты ЮБК вновь заняли одну из лидирующих позиций среди лечебно-рекреационных территорий России. В 2014 году по распоряжению Совета министров Республики Крым создаётся ГУП «Солнечная Таврика», в которое, наряду с 117 здравницами, вошёл ряд ялтинских санаториев и пансионатов. Предполагалось, что деятельность этого объединения будет «обеспечивать исполнение прав граждан на санаторно-курортное лечение, отдых, охрану здоровья, культурное просвещение, путём максимального заполнения объектов санаторно-курортного назначе-

ния Республики Крым в течении всего года». Эту задачу выполнить пока не удалось, большинство ялтинских санаториев были переданы новым владельцам, некоторые вошли в систему Управления делами Президента РФ, федеральных ведомств и министерств. Процесс реформирования санаториев ЮБК продолжается. Рассматривается вопрос о придании Большой Ялте статуса курорта федерального значения.

Нынешний курортный комплекс ЮБК — большая социально ориентированная индустрия здоровья, ориентированная на применение природных лечебных ресурсов и не уступающая по своей эффективности популярным мировым курортам. Будущее ялтинских здравниц базируется на таких неоспоримых региональных преимуществах лечебно-оздоровительного туризма, как:

- ♦ Климатические особенности (сочетание приморского и горного климата).
- ♦ Наличие значительных массивов нетронутой природы и натуральных ресурсов, необходимых для восстановления здоровья силами природы.
- ♦ Традиционные оздоровительные южнобережные методы (активная климатотерапия, ландшафтотерапия, морелечение, лечебные питьевые минеральные воды, бальнеотерапия, фито- и ароматерапия, местные диетические продукты, энотерапия крымскими виноградными винами).
- ♦ Разнообразные программы экскурсий и инфраструктуры отдыха.
- ♦ Комфортная гостеприимная русскоязычная атмосфера.
- ♦ Конкурентные цены.

Выводы

Основные курортные памятники ЮБК

Объекты культурного наследия (ОКН) XIX века изначально представляли собой частные, общественные и благотворительные лечебницы, ванные заведения, пансионаты и санатории, в которых оказывали медицинские услуги приезжавшим в Ялту пациентам. Организовывали санатории представители царской фамилии, частные кооперации и светские благотворители — основательница Российского Красного Креста М. Сабинина, кн. М. Барятинская, кн. Е. Клейнмихель, бар. М. Фредерикс и др. К строительству курортных отелей и здравниц Ялты были привлечены видные российские зодчие А.И. Резанов, К.И. Эшлиман, О.Э. Вегенер, А.Е. Струве, А.К. Винберг, Н.П. Краснов, А.Л. Бертье-Делагард, А.Н. Бекетов, П.Н. Шаповалов, Ю.Ф. Стравинский, в даль-

нейшем — известные советские архитекторы М.Я. Гинзбург, А.Н. Душкин, И.Г. Кузьмин, Л.Н. Инбер, И.В. Жолтовский, П.И. Стокан, И.А. Василевский, И.В. Канчели.

После национализации в 1920-х годах самые крупные сооружения были переданы в Наркомздрав, в оставшихся лечебницах, дачах и пансионатах были организованы коммунальные квартиры. Среди ялтинских курортологических ОКН свой внешний облик и частично медицинский профиль сохранили ялтинская «Санатория для недостаточных чахоточных больных в память императора Александра III» в Массандре, благотворительный пансионат «Яузлар» для туберкулёзных больных, детская санатория имени профессора Боброва в Алупке, санаторий имени императрицы Марии Фёдоровны.

Часть действующих санаториев расположена в бывших дворянских усадьбах, до революции медицинская помощь в них не оказывалась. Здания сохранили свой первоначальный внешний облик, но подверглись внутренней перестройке и используются как административные корпуса, клубы, библиотеки:

- ♦ Военный санаторий «Ялта» Черноморского флота РФ (дворец Эмира Бухарского, санаторий им. императрицы Марии Фёдоровны, аристократические дачи).

- ♦ Комплекс «Лазурный» детского международного лагеря «Артек» (имение инженера Березина «Суук-Су»).

- ♦ Санаторий «Гурзуфский» (дачи-гостиницы П. Губонина).

- ♦ Санаторий «Меллас» (имение гр. Перовского).

- ♦ Санаторий «Форос» (имение Кузнецова).

- ♦ Санаторий «Дюльбер» (имение вел. кн. Петра Николаевича).

- ♦ Санаторий «Ясная Поляна» (имение гр. Паниной).

- ♦ Санаторий «Сосновая Роща» (дача «Чаир» вел. кн. Николая Николаевича).

- ♦ Санаторий им. Розы Люксембург (имение «Ай-Тодор» вел. кн. Александра Михайловича).

- ♦ Отель и музей «Летняя резиденция Князя Романова» (дворец «Кичкине» вел. кн. Дмитрия Константиновича).

- ♦ Санаторий им. Кирова (имение кн. Барятинской).

- ♦ Кардиологический санаторий «Ливадия» (расположен в корпусах Ливадийского дворцового комплекса, ныне закрыт).

- ♦ Санаторий «Днепр» (имение «Харакс» вел. кн. Георгия Михайловича).

В непосредственной близости от Большой Ялты, в посёлке Малый Маяк расположены санаторий «Утёс» (имение кн. Гагариной) и санаторий «Карасан» (имение Раевских).

Примерами удачного архитектурного решения служат оригинальные здания и парки санаториев советского периода, отнесённые к числу ОКН регионального значения: санатории «Россия», «Родина», «Горный», «Нижняя Ореанда», «Дружба-Курпаты».

Место курортных памятников ЮБК в русской и мировой культуре

Активное освоение ЮБК и обустройство на его территории дворцово-парковых комплексов оказались привлекательными для представителей самых разных социальных слоёв. Мотивами для приезда в Ялту стала красота крымской природы и целебный климат, что послужило развитию климатотерапии туберкулёза и открытию в 1901 году первого отечественного противотуберкулёзного санатория. Важным для санитарно-гигиенического обустройства курорта стало сооружение в Ялте канализации по раздельной системе.

Проекты курортных лечебниц и домов создавались в разных архитектурных стилях — эклектика, неоклассика, использование восточных мотивов, конструктивизм, сталинский ампи́р.

Ялта — колыбель отечественной и мировой военной реабилитационной медицины, в начале XX века здесь были построены первые санатории для чинов военного министерства России.

В последующем профиль медицинских показаний для санаторного лечения был расширен. С 1950-х годов стало практиковаться санаторно-курортное лечение пациентов с сердечно-сосудистыми, с 1960-х — нервными, с 1970-х — бронхолёгочными и почечными заболеваниями нетуберкулёзного характера.

С 1960-х годов Ялта имеет международные культурные контакты с разными странами мира, установлены побратимские связи с популярными курортами Европы, Америки, Азии и Африки. Развитию отечественной курортологии в XIX–XX веках способствовала деятельность представителей южнобережной школы учёных — Ялтинского НИИ физических методов лечения и медицинской климатологии, Никитского ботанического сада, Института вина и виноделия «Магарач», ялтинской метео- и гидрогеологической станций. Их деятельность была отмечена наградами Русского географического общества, Всероссийских гигиенических выставок, премиями и наградами СССР.

Значительная часть лечебных методов, предложенных в Ялтинском НИИ физических методов лечения, до сих пор востребована отечественной медициной. Среди них — методики рефлекторно-сегментарной физиотерапии и внутриорганного электрофореза, спосо-

бы дозирования климатопроцедур и оценки метеореакций, применение растительных биологически активных соединений и другие медицинские технологии.

Уникальность и/или исключительность курортных памятников ЮБК

ЮБК — единственный в России приморский курорт, обладающий сухим субтропическим климатом. Здесь сформировалась уникальная система социального туризма и курортного оздоровления с ориентацией на малообеспеченных пациентов, заложенная во второй половине XIX века деятельностью первых в России благотворительных общин сестёр милосердия.

Особенность развития Ялты — не только появление великолепных дворцовых комплексов и парков, но и неуклонный рост числа санаториев для разных социальных слоёв. На их строительство и обустройство попечительскими обществами были собраны внушительные финансовые средства. К их проектированию привлекались крупные архитекторы России, поэтому здания отличаются функциональностью, соблюдение существовавших при их постройке санитарных норм, оригинальность архитектуры. Некоторые здания представляют историческую ценность как образцы курортной архитектуры XIX–XX веков.

Нынешний курортный комплекс ЮБК продолжает развивать социально ориентированную индустрию здоровья на основе применения природных лечебных ресурсов. Неоспоримыми региональными преимуществами ЮБК являются его уникальные климатические особенности, значительные ресурсы нетронутой дикой природы, необходимые для восстановления здоровья.

В 1948 году, благодаря своим природным особенностям и курортному опыту, Ялта вошла в перечень курортов СССР всесоюзного значения. Уникальными региональными оздоровительными методами являются активная климатотерапия, ландшафтотерапия, талассотерапия, фито- и ароматерапия, ряд местных продуктов питания. Их применение сочетается с разнообразными программами экскурсий. Курорт располагает развитой инфраструктурой отдыха и предлагает комфортную русскоязычную атмосферу.

Подлинность и сохранность курортных памятников ЮБК, проблемы охраны

Большинство курортологических ОКН подверглись многочисленным перестройкам. Здания-памятники, относящиеся к госбюджетным учреждениям, как правило находятся в запущенном состоянии и требуют реставрации. Дворцы и аристократические виллы, находящиеся на территории современных частных и государственных здравниц, приведены в приемлемое состояние и используются как гостиницы, музейные или экскурсионные комплексы, библиотеки и клубы.

Ряд курортологических ОКН, переданных в частную собственность, во многом утратили свой первоначальный облик. Так, первый курортный отель Ялты «Россия», построенный в классическом стиле, крайне неудачно реконструирован. Ванное заведение Роффе перестроено в бутик-отель. На территории первой в России Морской санатории для офицеров и нижних чинов флота высятся каменные заборы, скрывающие её новых владельцев. Здание первой в городе благотворительной общины «Всех скорбящих Радость» содержится в неудовлетворительном состоянии. Отель «Метрополь» не используется и продолжает разрушаться, как и многие заброшенные исторические здания в центре города.

Особую озабоченность вызывает состояние дворца и парка создателя городской инфраструктуры Ялты XIX века графа Мордвинова и имения кн. Барятинской «Уч-Чам». Здания более 20 лет находятся в запущенном состоянии, не используются, парк запущен и замусорен. На протяжении трёх десятилетий не проводится восстановление памятников «Поликуровского мемориала» основателям Ялты и выдающимся деятелям культуры и науки России. Металлические фрагменты многих памятников в 1990-х годах утрачены.

Следует отметить наличие на курорте разнообразных объектов, отражающих историю курортной Ялты, однако значительное их число находится в неудовлетворительном состоянии. Государственные и муниципальные органы, отвечающие за ОКН, не проявляют должной принципиальности в их сохранении и восстановлении.

Список литературы

1. *Сорокина Т.С.* Медицина в рабовладельческих государствах Средиземноморья. М.: Изд-во УДН, 1979. 96 с.
2. *Кадеев В.И.* О медицине в Херсонесе Таврическом // Древности. Харьков, 1994. С. 63–69.
3. *Подгородецкий П.Д.* Крым. Природа: справочное издание. Симферополь: Таврия, 1988. 192 с.
4. Arturo Castiglioni History of Tuberculosis, Section 1. Medical Life, 50 (New York: Froben Press, 1933). P. 81.
5. *В.В.* Морелечение в Крым // Море (национально-маринистичне списание). Бургас (България). 1996. №4. С.23–27.
6. *Колесник А.* Крым в объятии чахотки (2010) [Электронный ресурс] // <http://prochtu.ru/info.php?avtor=169&kniga=1> (дата обращения 07.09.2018).
7. *Ежов В.В.* Крымские страницы биографии профессора Боткина // Асклепий. 2002. №2. С.33–37.
8. *Белоголовый Н.А.* С.П. Боткин, его жизнь и врачебная деятельность. СПб., 1892.
9. *Татьяна Мельник* (рождённая Боткина) Воспоминания о царской семье и её жизни до и после революции. М.: Анкор, 1993. 206 с.
10. *Галиченко А.А.* Старинные усадьбы Крыма. Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. 432 с.
11. *Мальгин А.В.* Русская Ривьера: курорты, туризм и отдых в Крыму в эпоху Империи: Конец XVIII – начало XX века. Симферополь: СОНАТ, 2004. С. 122.
12. *Шевченко Т.* История одного превращения: Как Ялта стала жемчужиной Крыма [Электронный ресурс] // Крымская газета: <https://gazetacrimea.ru/news/istoriya-odnogo-prevrasheniya-kak-yalta-stala-jemchujinoi-krim> (дата обращения 07.09.2018).
13. *Сосногорова М.А., Караулов Г.Э., Вернер К.А., Головкинский Н.А.* Путеводитель по Крыму. Киев: Издательский дом «Стилос», 2010. 416 с.
14. Крым: Путеводитель: [В 2-х ч.] / под ред. К.Ю. Бумбера и др. Крымское о-во естествоиспытателей и любителей природы. Симферополь: Тип. Тавр. Губ. земства, 1914. 688 с.
15. *Єжов В.В.* Історичний нарис етапів становлення вітчизняних курортів та їх еволюційного розвитку у сучасну соціально-медичну галузь економіки // Медична реабілітація, курортологія та фізіотерапія. 2009. № 1 (57). С. 43–46.
16. *Ежов В.В., Иванова Л.М.* Доктор Дмитриев — основоположник виноградо-лечения в России // Асклепий. 2000. №1. С.33–37.
17. *Дмитриев В.Н.* Очерк климатических условий Южного берега Крыма / [Соч.] В.Н. Дмитриева. СПб., 1890. 66 с.
18. *Ежов В.В., Богданов Н.Н., Каладзе Н.Н.* Крымская школа физиотерапевтов и курортологов // Асклепий. 2001. №3. С.52–57.
19. *Ежов В.В., Иванова Л.М.* Первые сёстры милосердия в Крыму // Асклепий. 2003. № 2. С.11–18.

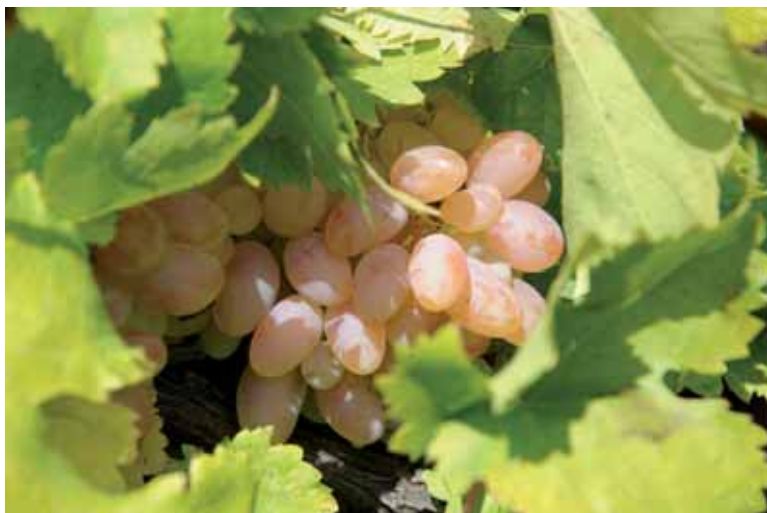
20. *Бабаева Л.* Туберкулёз и швейцарцы: История противостояния / La tuberculose contre les Suisses: l'histoire d'un combat [Электронный ресурс] // Наша газета: <http://nashagazeta.ch/news/zdor/18370> (дата обращения 07.09.2019).
21. *Ежов В.В.* Страницы истории морелечения на Южном берегу Крыма // Вестник физиотерапии и курортологии. 1996. № 3. С. 43–46.
22. Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым: «У всех нас осталась тоска по Крыму...». Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. 320 с.
23. *Борисова А.В., Иерусалимский Ю.Ю.* История развития санаторно-курортного дела в России [Электронный ресурс] // Современные проблемы сервиса и туризма. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-gazvitiya-sanatorno-kurortnogo-dela-v-rossii> (дата обращения 08.07.2018).
24. Дневник Николая II [Электронный ресурс] URL: <http://rus-sky.com/history/library/diariis/1915.htm> (дата обращения 07.09.2018)
25. *Гурьянова Н.М.* Памятники Большой Ялты: Справочник-путеводитель. Симферополь: Бизнес-Информ, 2008. 144 с.
26. *Ежов В.В., Иванова Л.М., Каладзе Н.Н.* Памятные медицинские места Ялты: Поликуровский мемориал // Асклепий. 2000. № 1. С. 92–96.
27. *Ветитнев А.М., Журавлева Л.Б.* Курортное дело: Учебное пособие. М., 2006. С. 121.
28. *Ежов В.В.* Знаменательные даты истории курортной медицины Крыма // Вестник курортологии и физиотерапии. 2001. № 1. С. 135–136.
29. *Ежов В.В., Пономаренко Г.Н., Круглова А.Ю.* Профессор Александр Ефимович Щербак и его роль в развитии отечественной физиотерапии по оценкам современников (К 150-летию со дня рождения) // Вопросы курортологии, физиотерапии и лечебной физической культуры. 2014. Т. 91. № 1. С. 63–67.
30. *Попов А.Д.* Восстановление туристской отрасли Крыма в послевоенный период (середина 1940-х – середина 1950-х гг.) // Культура народов Причерноморья. 2007. № 112. С. 140–144.
31. *Попов А.Д.* «Советская Ривьера»: Рекреационный туризм иностранных граждан на Черноморском побережье СССР в 1960–1980-е годы // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10. № 4. С. 102–114.
32. Инструкция о порядке планирования, выпуска, распределения, реализации и выдачи путевок // Сборник действующих постановлений ВЦСПС. Т. 3. М., 1981. С. 487–488.
33. ГА РФ. Ф. Р-9612. Оп. 3. Д. 1853. Л. 208; Город-курорт: сфера обслуживания, занятость населения, управление... С. 38.
34. По декрету Ильича: Курортное строительство в Крыму... С. 206–210.
35. *Попов А.Д.* Экономические реформы периода «перестройки» в сфере туристско-экскурсионных услуг Крыма (1985–1991 гг.) // Учёные записки Крымского инженерно-педагогического университета. Вып. 17. Экономические науки. Симферополь: НИЦ КИПУ, 2009. С. 121–125.

ИСТОРИЯ ВИНОГРАДАРСТВА И ВИНОДЕЛИЯ НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА

Виноградную лозу и гроздь винограда по праву можно считать символом Южного берега Крыма. Сегодня трудно определить, перенесена ли она на Югобережье греческими колонистами или каким-либо восточным племенем, пробравшимся сюда через Кавказ и избравшим своим местом пребывания «зеленеющие берега», как называли Крым персы. В любом случае, разведение винограда в Крыму очень древнее: ещё греческие и римские писатели описывают добываемые тут вина. Петер Симон Паллас полагал, что «несомненно, греки, первые ввели разведение винограда в Крыму, а генуэзцы улучшили его в занимаемых ими местностях».

Виноград был очень важной культурой, ведь вино — основной напиток, который использовали жители южных стран в древности. Оно не только утоляло жажду, но и служило важным лекарственным средством, предупреждая всевозможные кишечные инфекции. Так, в IV веке до н.э. в Херсонесе под виноградники отводились участки, значительно превосходящее по площади пахотное поле.

По всему ЮБК археологами обнаружено множество виноделен, в том числе при монастырях, и много гончарных мастерских, где изготавливали амфоры для вина. Большая часть вина вывозилась за пределы полуострова, а в саму Таврику доставляли вина с острова Родос. Херсонесские амфоры доходили до Александрии в Египте. В Ялтинском историко-литературном музее хранится большая коллекция амфор и сосудов для вина, как местного изготовления, так и импортных.

«Воронцовский подвал».
Кисть винограда 50-летней лозы.
Фото Р. Кушховой.

Виноградная долина.
Фото А. Бурдейного.

В XIII веке итальянские купцы из Венеции и Генуи основывают в Крыму свои фактории — Солдайю (Судак), Кафу (Феодосию) и Чембало (Балаклава). Лучшие виноградники находились в Солдае (Судаке), виноделием занимались греки. Виноградарству придавалось такое значение, что во время уборки винограда с 15 сентября по 15 октября не производился суд. Собранный урожай свозили к тарапанам, как в античности, сусло выдавливали сначала ногами, затем прессом. Его сливали в пифосы или в вырубленные в скале ёмкости. Вино разливали в круглодонные амфоры. Из виноградного сока варили сироп, часть урожая вялили на солнце и сушили в печах. Продавать вино на базаре имели право только генуэзцы или подданные генуэзской общины. По качеству на первом месте были судакские вина.

Крымские вина в малом количестве стали попадать в Россию с XVI века, а со времени походов в Крым Б.К. Миниха (1736) они вошли в широкое употребление. В таможенных тарифах начала XVIII века среди товаров, вывозимых из Крыма в Россию, упоминается виноградное вино. Как отмечал А.И. Маркевич, «виноградарством занимались в Крыму и греки, и евреи-караимы, пленные венгры, турки и татары». Главным образом — греки и армяне, и потому после вывода христианского населения из Крыма (1778) виноградарство и виноделие пришли в упадок.

Первые шаги по восстановлению отрасли после присоединения Крыма к России (1783) сделал генерал-фельдмаршал Г.А. Потемкин. В 1784 году он отправил в Токай находившегося на русской службе венгра Бимболазара для закупки виноградных лоз и приглашения виноградарей. Поручение было выполнено, и по возвращению Бимболазара посажено 6000 лоз в особо отведённом «венгерском» виноградном саду при деревне Фундуклы между Симферополем и Карасу-базаром, 5000 лоз в Старом Крыму, 6000 лоз в Каче, 5000 в Судак. Казённые венгерские сады скоро пришли в упадок, заведующий садом венгр Оле был уволен, а уцелевшие лозы перенесены в Судакскую долину. Первый опыт акклиматизации в Крыму токайских лоз оказался неудачным.

С 1784 по 1787 год директором казённых садов в Крыму был француз Иосиф Банк. Он почти не знал русского языка, деловые бумаги вёл по-французски. Банк заложил в Судак завод для изготовления из виноградных выжимок французской водки (коньяк) и ликёров. В казённых садах работали солдаты разных частей по наряду и вольнонаёмные. Разreshалось нанимать на работу татар. В июне 1787 года в Судак произошло сильное наводнение, причинившее садам изрядные убытки. При Иосифе Банке, как и при новом директоре

казённых садов Якове Фабре рабочие не получали своевременной платы и уходили, а с наступлением Второй турецкой войны и солдаты перестали обрабатывать сады.

По совету вице-губернатора Таврической губернии К.И. Габлица было принято решение раздать часть казённых садов во временную аренду частным лицам при условии, что половина снятого урожая поступит в казну. Интересно, что при распределении земель более состоятельные лица получали сады в Судаке и соседних долинах, затем шли долины впадавших в Чёрное море рек. Земли ЮБК, ввиду их «полной некультурности», раздавались лицам невысокого положения, не обладавшим большими средствами. Участки давались по 200 и 500 десятин. Немногие (Мордвинов, Гульд, Рувье), действительно понимавшие культурное значение ЮБК, брали там участки. В то время ЮБК ещё не вошёл в расценку категорий земель. Но уже в 1808 году ситуация изменилась. Было определено, что «1-й доброты сады состоят на Полуденном берегу, защищённом хребтом гор от севера, десятина 1000 р.». А в Судакской долине сады считались «3-й доброты» и оценивались по 650 р. за десятину.

В 1797 году Экспедиция государственного хозяйства пришла к заключению, что «по сходству климата Южного берега Крыма с климатом итальянским, казалось бы, полезным выписать для лучших сортов вина французские и итальянские лозы, могущие служить для делания ликёрных вин».

16 декабря 1802 года Александр I подписал указ об открытии в Судаке казённого училища виноделия. Предполагалось отвести для него удобное место, построить помещения для виноградаря, купюра и рабочих, провести к училищу воду, приобрести инвентарь по выписанным из Франции моделям и подчинить училище Таврическому губернатору. Открытие состоялось 21 мая 1804 года. Общее руководство было поручено проживавшему в Крыму академику Палласу, который в Судаке имел своё винодельческое хозяйство.

При открытии училища казённых садов было 61, из них 34 оставлены в ведении училища, а 27 отданы трём прибывшим из Франции виноградарям. Первые лозы для училища были привезены с островов Закинф и Тенедос, с Рейна, из Кизляра и Астрахани. Коммерции-советник Рувье вызвал из Франции садовника Берара и купора Антуана Кони, выписал лучшие виноградные лозы и прессы разных моделей. Из Испании он привёз малагские и мадерские виноградные лозы и двух малагских виноградарей. Но малагские лозы требовали более тёплого климата, чем в Судаке, и вскоре виноградары уехали домой. Также Рувье разрешили открыть частное виноградное училище на Южном берегу Крыма. На отведённых ему в Ласпи 20 десятинах

казённой земли с денежным пособием от казны он завёл образцовое виноградарство, перешедшее затем к его зятю Потье.

В 1810 году, после отъезда Палласа из Крыма, Судакское училище виноделия поступило в распоряжение Новороссийского генерал-губернатора Армана де Ришелье. Покидая Тавриду, Паллас оставил описание около 40 сортов местного винограда, выписал более 90 000 виноградных лоз из Франции, Испании, Астрахани, Кизляра, провёл опыты по выделке Крымского шампанского. Его труды стали пособием для изготовителей таких получивших мировую известность крымских вин, как Кокур, Токай, Бордо, Рислинг. Паллас называл Тавриду замечательной землёй в отношении физической географии и минералогии, а Крымские горы — «книгой, в которой естествоиспытатель весьма много найдёт того, что может послужить к изъяснению состава нашего земного шара». Именно он посоветовал Н.С. Мордвинову, положившему начало культурному виноградарству и виноделию на Южном берегу, взять там землю для разведения оливковых деревьев, гранатов, смоковниц и даже — в особо защищённых местах — лимонных и апельсиновых деревьев.

Многие путешественники, побывавшие в Крыму, отмечали отменное качество и экономическую выгоду разведения вышеупомянутых культур. Одним из первых после присоединения Крыма к России побывал здесь П.И. Сумароков, племянник поэта. Он считал, что казна могла бы значительно пополниться в случае привоза винограда и других товаров из Тавриды. В «Досугах крымского судьи» (1803) он писал:

«После винограда следует изюм, которого здесь почти не делают, но Таврида могла бы наделять им всю Россию. Его привезено было до 51 000 пуд, ценою на 182 тыс. рублей, следовательно, сей счёт прибавился бы к государственной казне.

Миндаль находится на нагорной части в малом количестве для образца только или свидетельства, что мы оной у себя иметь можем. В привозе его было до 12 500 пуд, ценою на 113 тыс. рублей.

Фиги, укореняющиеся толстыми деревьями без всякого призре-ния, созревали бы не только на берегу моря, но при малой защите и на северной стороне гор. Их было в привозе до 5 500 пуд, ценою на 25 000 рублей.

Чернослив не уступил бы, конечно, иностранному, который здесь только вялят и сушат для себя. В привозе его было до 25 000 пуд, ценою на 111 000 рублей, и это количество в Крыму легко бы получить было удобно.

Каперсы покрывают весь морской берег, и не достаёт только знающих промышленников, чтобы готовить оные. В привозе их было до 600 пуд, ценою на 4000 рублей.

Оливковые деревья попадаютя несколькими сотнями, и разведение их не требует затруднения. В привозе их было до 1000 пуд, ценою на 7000 рублей.

Оливковое масло стоило России 300 000 рублей, и число его 38 000 пуд, без сомнения, здесь приготовить возможно».

На высокое качество оливкового масла в Тавриде обращал внимание и французский маршал Огюст де Мармон, путешествовавший в Крыму в 1834 году. По поводу разведённых оливковых деревьев он оставил запись:

«Оливковые насаждения процветают здесь выше всякого ожидания. Исчислено, что десятилетнее дерево даёт 25 бутылок масла, потом количество увеличивается вдвое, а бутылка масла стоит в Крыму 1 рубль».

Сегодня эти культуры требуют особого внимания, как экономически выгодные для края, и защиты, поскольку застройка ЮБК привела к уничтожению многих старых посадок. Остались лишь отдельные оливковые рощи или деревья, к примеру, в Артеке, которые до сих пор плодоносят.

В 1794 году адмирал Н.С. Мордвинов подал прошение в Таврическое областное правление об отводе ему земли между Алуштой и Балаклавой. Ему было отведено 200 десятин земли в Ялтинской долине. Путешествующий по Тавриде в 1815 году В.Б. Броневский отмечал, что в Ялте виноград обычно стелется по земле или вьётся по деревьям и отличается отменной величиной и вкусом.

К 1817 году кроме Мордвинова виноградники на Южном берегу были заведены Бороздиным в Кучук-Ламбате, Ришелье в Гурзуфе, Рувье в Ласпи и в Ай-Даниле знатоком виноградарства бароном Беркгеймом.

Вначале виноградарство на Южном берегу было прихотью знатных лиц, строящих здесь дачи, но стараниями графа М.С. Воронцова приобрело экономическое значение. 1820-е годы открывают новую эпоху в судьбах виноградарства и виноделия в Крыму.

Граф М.С. Воронцов, никогда не бывавший в Крыму, в 1820 году по совету герцога Ришелье в Париже купил у Х.Х. Стевена землю в урочище Мартиан, близ Ай-Даниля. Через два года он приезжает в Крым, а в 1823 году назначается Новороссийским генерал-губернатором. Он живо интересуется Судакским училищем виноделия, увеличивает жалование смотрителю, хотя хозяйство училища пребывало в запущенном состоянии. С учреждением Магарачского училища виноделия Судакское было признано потерявшим своё значение и назначено в продажу с садами за 61 420 руб.

Теряла своё значение и Судакская долина как место проживания знатных лиц. Имена переходили из рук в руки, усилилось влияние местного населения — татар, армян, греков, а также иностранных виноградарей — французов и колонистов-немцев.

Представители знати стали скупать земли на ЮБК у прежних владельцев, заводили крупные виноградные хозяйства, строили дворцы, виллы, разбивали сады и парки. Академик П.И. Кеппен, горячо любивший Крым, где прошли его последние годы, оставил любопытные наблюдения о посадках винограда и владельцах имений Южно-бережья. Объезжая берега от Алушты до Ласпи, он отмечал рост посадок всего за год (1830—1831):

«Переправившись весьма удобной дорогой (шоссе) через горы, въезжаешь в Алушту. Первый образованный европеец, здесь приобретающий землю, был генерал-лейтенант А.М. Бороздин. Одним из первых был и тогдашний гражданский губернатор Д.В. Нарышкин, разведший виноградник, который ныне принадлежит Н.Я. Браилко. В саду своём имеет ныне более 18 000 виноградных кустов Рислинга, Какура, Бургонского, белого Корфу, белого и красного Муската. Его примеру последовали купец П.Д. Ковалёв — 12 000 кустов, и виноградарь из Франкфурта Г. Фельдман — 9800 лоз. Значительнее всех виноградное заведение у доктора А.Т. Арендта — 50 000 лоз.

Карабах было имение П.И. Кеппена, и он успел посадить только 3000 лоз преимущественно *Pineau-fleuri* и 200 лоз столового винограда.

“Кучук-Ламбат” своим положением при приморской бухте очаровывает путешественников. Здесь владелец генерал-лейтенант Андрей Михайлович Бороздин стал заботиться о посадке отборных иностранных и крымских лоз, каковых ныне более 64 000. Кроме лоз *Pineau-fleuri* тут разведён Какур, Занте, Корфу, Рислинг.

На западной стороне Аюдага, в урочище, именуемом Артек, основаны два виноградника: один графом Олизаром, а другой директором Никитского сада Н.А. Фон-Гартвисом. Первое из сих заведений содержит более 44 000 лоз, в числе которых по количеству первое место занимают лозы бордоские. В имении господина Гартвиса посажено 12.000 лоз, в числе каких много *Muscat de Frontignan*.

Несколько далее, по пути к Гурзуфу, в урочище Суук-Су (холодная вода) Султан А.И. Крым-Гирей посадил 3180 лоз и развёл виноградную школу.

В винограднике Гурзуфа, принадлежащем Его Сиятельству графу М.С. Воронцову, находится 5000 кустов крымского винограда

В Среднем Ай-Даниле, имени статского советника барона Беркгейма посажено 32 000 лоз. Главный сорт *Pineau-fleuri*.

В Большом Ай-Даниле, занятом под сады Его Сиятельства графа М.С. Воронцова посажено 104 000 лоз: белый Занте, Рислинг, *Pineau-fleuri*, большой чёрный Занте. Сверх того, в Ай-Даниле было посажено много лоз, которые через генерала Андреосси выписаны с берегов Роны, из Бургонии и других мест южной Франции. Ныне довершается здесь прекрасный погреб, построенный под надзором архитектора Ф.Т. Эльсона.

Антон Дмитриевич Князевич, член Ялтинского общества садоводов и виноделов, отмечал, что погреба в имениях значительных владельцев Южного берега построены большей частью со сводами из кирпича или керченского белого камня и с такой роскошью, которую не часто встречал он, объезжая виноградники южной Франции. А погреба в имениях Государыни Императрицы, князя Воронцова, генерала Шатилова могут служить образцом самых лучших погребов.

В Мартиане, который также принадлежит графу М.С. Воронцову, ныне 6000 кустов.

При Никитском саде разведено 4000 лоз, из каких третью долю составляють Коринка (белая и чёрная) и лозы десертного или столового винограда: Какур, *Pineau-fleuri*, *Pineau-franc* и все сорта, в Судаке разводимые. Сверх сего тут же находятся 500 лоз образцовых (*Sortiment*), составляющих 500 разных сортов, над которыми делаются наблюдения.

Близ Никиты в Магараче устроен казённый виноградник. Уже посажено 15 000 кустов: чёрного Бордоского винограда, *Pineau-franc* из Бургоньи, *Pineau-fleuri* и других сортов с берегов Роны, Прованского чёрного винограда, немного белого Рислинга Иоганнисбергского и *Muscat de Frontignan*.

В Марсанде, принадлежащей Её Сиятельству графине Воронцовой (дочери генерал-губернатора) посажено 18 000 лоз: Бордоских, Рислинга, Какуры, Токайского винограда.

Ялта есть некоторым образом средоточие собственно так называемого Южного берега. Между сим греческим поселением и татарскою деревнею Дереккой, в урочище Арапича посажено 15 600 лоз в саду Его Высочайшего Императорства Н.С. Мордвинова.

В долине Ауткинской, которая внизу соединяется с Ялтинской, житель деревни Гаспры Мулла Али посадил 3000 лоз Бургонского, Бордоского и Рейнского винограда.

На пути в Царскую Урьянду генерал-майор Т.Д. Ревелиоти стал устраивать новое имение, в коем уже довершён домик и посажено 6000 лоз Бордо, Рислинга, Токайского и Мускатного

винограда, разведено довольно кипарисов, несколько оливковых, лавровых, миндальных и других деревьев.

В Царской Урьянде посажено 2000 лоз Бордо, Рислинга, Асмансгаузена и столового винограда. Лозы прежней посадки (4500) отрезаны по корень и прищеплены на них Рислинг, Асмансгаузен и Бордо, а над дорогами также красный и белый Мускат.

Рядом сад фельдмаршала графа И.И. Дибича Забалканского, где посажено 25 000 лоз. В числе оных есть столовый виноград, именуемый *Sultanie*.

Смежно с имением Дибича находится сад, купленный графом И.О. Витте от Г. Ашера. Тут ныне разведено уже 40 000 лоз.

В Гаспре на земле князя Александра Николаевича Голицына уже начата постройка господского дома под сенью лип, на весьма приятном месте.

В Ай-Тодоре (св. Теодор) сад князя И.С. Мещерского вмещает в себя уже 30 000 лоз. Таковое же количество лоз посажено и в Хуреизе (Кореиз) княгиню А.С. Голицыной. Здесь строится погреб, для свода коего ноздреватый камень доставляется из Феодосии. Тут в Хуреизе и баронесса А.А. Беркгейм посадила несколько сотен лоз столового винограда.

В Мисхоре, имении Его Превосходительства Льва Александровича Нарышкина посажено около 30 000 лоз, из коих на 3000 прищеплен Рислинг и *Muscat-Lunel*.

В прекрасной Алушке графа М.С. Воронцова посажено уже 11 000 лоз, в числе которых много десертного винограда. Заслуживает внимания прекрасный столовый виноград, в большом количестве тут разведённый. В оливковом саду посажены между деревьями лозы, из Франции привезённые.

В Симеизе, в саду действительного статского советника Д.В. Нарышкина посажено 45 000 лоз. Там же, в имении г-на Мальцова — 40 000 лоз.

В имении полковника Петра Васильевича Шипилова «Лимена» посажено 70 000 виноградных кустов.

Кастропуло (Кастрополь) — здесь наследники тайного советника Николая Никитича Демидова (Павел Николаевич и Анатолий Николаевич) приобрели земли и уже посадили 27 700 лоз Бордоских, Бургонских, Корфинских, Рислинга, Какуры.

Мухалатка. В саду, принадлежащем графу А.Г. Кушелеву-Безбородко, находятся несколько тысяч лоз старой посадки.

Миатка — имение действительного статского советника Д.Е. Башмакова, где уже посажено 90 000 лоз, из коих 12 000 помещены в саду его, а прочие — к западу от Миатки близ моря на равнине, именуемой Абиль-бах. Заведения эти принадлежат к лучшим на Южном берегу Крыма.

Форос, имение обер-гофмаршала Кирилла Александровича Нарышкина. В прекрасном имении посажено уже до 15 000 лоз.

Ласпи, имение, принадлежащее генералу Потье, одно из старых заведений. Старой посадки 30 000 лоз, а вновь разведено 21 000 чубуков».

Помогло развитию отрасли и основанное в 1828 году «Общество сельского хозяйства южной России». Был создан премиальный фонд для лучших виноградарей и садоводов в сумме 10 000 рублей ассигнациями ежегодно. А после создания в Крыму в 1827 году Акционерной винной компании крымские вина стали находить сбыт за границей: в Гамбурге, Индии, Китае.

Крым становится колыбелью русского виноделия, традиции которого поддерживают и приумножают сегодня два винодельческих центра Южного берега Крыма — «Магарач» и «Массандра».

Всероссийский научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия «Магарач» РАН

Возникновение института «Магарач» тесно связано с Никитским ботаническим садом, существующим более 200 лет. В 1811 году генерал-губернатор Новороссийского края герцог Арман де Ришелье, в ведении которого находился Крым, внёс правительству предложение об организации на Южном берегу Крыма государственного сада с целью «возобновить древние сады в сих местах». В том же году для закладки сада было выбрано место в семи километрах к востоку от Ялты. Территория эта была ранее подарена Екатериной II статскому экономосветнику М.Н. Смирнову, назвавшего её «дачей Богоданной». Впоследствии она была выкуплена у его наследников и находилась в распоряжении казны.

Под сад выделялось 397 десятин 826 кв. сажен земли близ деревень Никита и Магарач, орошаемой источником, вытекающим из-под древней церкви. На должность директора Сада был приглашён ботаник Христиан Христианович Стевен, в будущем создатель Никитского ботанического сада, центра интродукции и акклиматизации, крупнейшего рассадника растений, школы садоводства, виноградарства и виноделия России. Именно Никитскому ботаническому саду были переданы функции Судакского казённого училища виноделия, созданного в 1804 году для подготовки квалифицированных виноделов.

За Никитским ботаническим садом (с 1828 года и за Магарачским казённым заведением) сохранилась обязанность заниматься вопросами виноградарства и виноделия не только для ЮБК, но и для Судак-

ской долины. Велись наблюдения за поведением высаженных сортов, их урожайностью, устойчивостью к болезням и вредителям, за качеством винограда, пригодностью для виноделия в Крыму. Это было начало науки о винограде и вине.

В 1824 году на пост директора Сада был назначен Н.А. Гартвис, стараниями которого количество сортов винограда увеличилось с 49 до 300, в том числе завезённых из Франции. При этом производственные насаждения винограда не расширялись — самыми ценными для виноградарства считались долины Судакского побережья и северные склоны Крымских гор по рекам Бельбек, Кача. Но вскоре все большее внимание стали уделять землям Южнобережья. Важную роль в перемене такого отношения сыграл М.С. Воронцов, Новороссийский генерал-губернатор и полномочный наместник Бессарабской области. Он считал ЮБК более перспективным для виноградарства и виноделия, чем Судакские долины.

Н.А. Гартвис обратился к Воронцову с докладной запиской (ставшей для будущего института «Магарач» исторической), в которой обосновывает необходимость создания образцово-показательного учреждения и училища при нём для промышленного виноградарства в Крыму:

«Заведения виноградного сада на даче, принадлежащей Императорскому Никитскому саду, именуемой Магарач, имея в предмете размножение и распространение в значащих количествах наилучших и способнейших для виноделия иностранных родов винограда, собрание которых, простирающееся до 300 разных сортов, уже находится в малом количестве в Никитском Саду».

В октябре 1828 года было основано Магарачское казённое заведение в составе Никитского ботанического сада. Одновременно по распоряжению М.С. Воронцова было закрыто исчерпавшее себя Судакское училище. С этого времени начинается эпоха становления виноградарства и виноделия на ЮБК. Вскоре Магарачское опытное заведение и училище виноделия при нем стали источником научных знаний, распространения высокоценных лоз и профессиональных кадров на юге России.

Под разведение образцового казенного виноградника по распоряжению графа М.С. Воронцова (на котором была и резолюция Николая I) в урочище «Магарач» Никитского ботанического сада, где прежде располагалась греческая деревенька «Мгараш», было выделено место площадью 6 га. Уже весной следующего года были посажены 4000 кустов винограда. Некоторые сорта и поныне пользуются известностью у виноградарей: Пино фран, Пти вердо, Гро вердо, Мальбек, Мерло.

В 1828 году для поощрения виноградарства на ЮБК М.С. Воронцов приказал изъять у Никитского ботанического сада часть неиспользуемых земель и раздать по пять-семь десятин помещикам, желающим завести виноградники. Сад был обязан обеспечить их посадочным материалом. После личного удостоверения Н.А. Гартвиса, что виноградники засажены по всем установленным правилам, они переходили в вечное и потомственное владение. Это было началом развития крупного виноградо-винодельческого производства силами людей, которые не ставили на первый план практическую выгоду. Самым значительным среди них был граф М.С. Воронцов. В своих имениях Алупка, Массандра, Ай-Даниль, Гурзуф он посадил множество сортов винограда, строил подвалы для вина, производил закупки винограда у мелких землевладельцев и крестьян, не имевших своих подвалов и дорогостоящего винодельческого оборудования.

В 1840-х годах на ЮБК насчитывалось более 350 винодельческих хозяйств, в которых виноделами, как правило, работали воспитанники Магарачского заведения. Известны крупные винодельческие торговые фирмы П.И. Губонина (Гурзуф), И.Ф. Токмакова и О.Я. Молоткова (Алушта), В.П. Таюрского (Кастель). Главным торговым заведением в Крыму была фирма купца первой гильдии Христофорова (Симферополь). Её основатель Георгий Николаевич Христофоров в 1853 году выкупил у Военного ведомства пороховые подвалы, закупил производимые на ЮБК виноматериалы и добился стабильно высокого качества выпускаемого вина, о чём свидетельствуют многочисленные золотые медали на российских выставках, в Италии, орден в Бельгии и «Гран-При» в Париже в 1905 году.

В 1833–1835 годах при Магарачском опытном заведении был построен винподвал для изучения способов выделки самобытных вин. Начиная с осени 1836 года, весь урожай из Никитского и Магарачского виноградников перерабатывался в Магарачском заведении. Было положено начало собственного бондарного производства. В знаменитой магарачской коллекции до сих пор хранятся бутылки вина «Мускат розовый Магарач» урожая 1836 года — первого сезона виноделия в Магарачском заведении. Этот чрезвычайно мягкий напиток с гармоничным вкусом и усталой нежностью занесён в книгу «Рекордов Гиннеса» как самое старое русское вино.

В 1836 году виноделом Магарачского училища стал Франц Гаске (в России — Франц Иванович), уроженец юга Франции. Хорошо зная французские сорта винограда и владея приемами виноделия, Гаске сразу оценил благоприятнейшие почвенно-климатические условия Крыма и его южного берега для выращивания винограда и создания вин. Он понимал, что особенности климата сухих субтропиков, ши-

ферные и каменистые почвы не смогут обеспечить производство качественных столовых вин, поэтому занялся экспериментами по приготовлению десертных и ликёрных вин из перезревшего и увяленного винограда.

В первый сезон виноделия Ф.И. Гаске приготовил сладкие вина из сортов Алеатико, Мускат белый, Мускат розовый, Мускат чёрный, Пино гри, Траминер розовый, Альбилио, Педро и Мальвазия. Он не ошибся в выборе: и сегодня эти сорта — одни из лучших в Крыму для приготовления десертных вин. Преемники Гаске — Анастас Петрович Сербуленко, Сергей Фёдорович Охременко, Александр Евграфович Саломон — достойно продолжили труды по созданию уникальных марок вин, не имеющих себе равных в других винодельческих районах мира.

Ими были найдены целесообразные формы ведения культуры винограда, технологические приёмы выделки самобытных вин как путём спиртования, так и без него, использующие виноградные ягоды позднего сбора, увяленные на кустах и стеллажах. В виноделии началось применение чистых культур дрожжей. Многие десертные и крепкие вина, выпускаемые в настоящее время в Крыму, готовятся по этим технологиям (с некоторыми современными модификациями).

Ф.И. Гаске вместе с директором Никитского ботанического сада Н.А. Гартвисом поставили задачу: «Делать хорошие здоровые вина, способные к долгому хранению, не стараясь приравнивать их непременно к вкусу или букету каких-либо иностранных вин». Вина предлагалось выдерживать «по крайней мере три года и только потом продавать, оставляя из лучших сортов малое количество для разлива в бутылки», чтобы таким образом получить вина, «могущие служить образцами лучших произведений сего края». Такой подход послужил в дальнейшем основой для создания знаменитых крымских коллекций вин (энотек).

Первое международное признание виноделов «Магарача» пришло в 1873 году на Всемирной выставке в Вене. Вина, приготовленные из винограда сортов Траминер, Мускат и Пино-гри, получили высшие награды. Было отмечено, что «вина эти в других странах не имеют ничего подобного ни по нежности вкуса, ни по аромату, ни по букету». Через три года последовала награда на Международной выставке в Филадельфии, медали за красные вина и «за отличное мускатное вино с тонким букетом» на Международной выставке в Чикаго в 1893 году. Вина «Магарача» получали награды на всех конкурсах, в которых они принимали участие.

Училище садоводства и виноделия с высшими магарачскими курсами по виноделию стало основой для создания в Ялте сельскохозяй-

зяйственного техникума южных и специальных культур (1923). Сейчас это учебное заведение (в Симферополе) готовит специалистов для винодельческой промышленности.

С января 1931 года «Магарач» выделился из состава Никитского ботанического сада в самостоятельную Крымскую зональную опытную станцию по виноградарству и виноделию. Позднее (1940 г.) станция была реорганизована в научно-исследовательский институт виноделия и виноградарства «Магарач». В настоящее время «Магарач» является Всероссийским национальным научно-исследовательским институтом виноградарства и виноделия РАН и с осени 1947 года располагается в зданиях-памятниках архитектуры. Два здания архитектора Густава Фёдоровича Шрейбера, построенные в 1898 году, — ценные элементы старой городской среды Ялты.

В аспирантуре института «Магарач» прошли обучение свыше 550 человек, защищено более 400 кандидатских и докторских диссертаций. Сегодня в институте работают 102 научных сотрудника, в том числе 13 докторов наук. Селекционеры, используя достижения отечественной и мировой науки, создают новые сорта винограда и передают их в производство. Ученые-виноделы, биохимики, микробиологи, химики совместно со специалистами отрасли ведут фундаментальные исследования по формированию и поддержанию качества вин.

К национальным достояниям относится ампелографическая коллекция винограда, насчитывающая 3357 сортов винограда — вторая в Европейском союзе, и четвёртая в мире. Со второй половины XX века коллекция является банком генетических ресурсов винограда. С исчезновением во многих местах дикорастущего винограда, реконструкцией старых насаждений, выращиванием интенсивных видов утрачено значительное количество сортов. Большинство аборигенных и малораспространённых сортов винограда сохранилось только благодаря коллекции «Магарача», в которой собраны образцы винограда из 29 стран дальнего и 12 стран ближнего зарубежья, представляющие местные и селекционные сорта различных виноградарских регионов мира — Европы, Азии, Африки и Северной Америки. Коллекция имеет мировое признание и официально зарегистрирована в ФАО (Food and Agriculture Organization of the United Nations). Сортаобразцы ампелографической коллекции «Магарач» используются для реализации международных научных программ и проектов, проводимых под эгидой Международного института по биоразнообразию (Biodiversity International, Италия), а их паспортная база данных включена в Европейскую базу данных генофонда винограда и в Международный поисковый каталог EURISCO.

Статус национального достояния имеют такие научные объекты, как старейшая на постсоветском пространстве коллекция микроорганизмов для виноделия, в которой хранится генофонд промышленно ценных штаммов дрожжей для всех типов вин (892 штамма, 1019 единиц хранения), а также энотека, насчитывающая свыше 21 тысячи бутылок вина, в том числе самого старого произведённого в России вина — «Муската розового» урожая 1836 года.

В научной библиотеке института собрано свыше 100 тыс. томов специальной литературы. Ценные документы по истории науки собираются и изучаются в Музее института, созданном три десятилетия назад стараниями Рафика Каримовича Акчурина.

Производственно-аграрное объединение «Массандра»

«Массандра» — одно из крупнейших предприятий России по выращиванию винограда и производству высококачественных виноградных вин.

Магарачское училище виноградарства и виноделия стало научным фундаментом «Массандры». Эта связь зародилась в то время, когда учёные продемонстрировали истинное назначение Южного берега Крыма — получение высокосахаристого винограда и приготовление из него крепких и десертных вин. Учёные «Магарача» впервые предложили спиртование десертных вин спиртом-ректификатом. Практика показала, что такой способ приготовления вина не только ускоряет процесс созревания, но и улучшает его достоинства. Накопленный в стенах училища опыт позволил создать первые прототипы крымских уникальных вин, ныне выпускаемых «Массандрой».

Первым владельцем земель поселка Массандра был французский маршал Карл Нассау-Зиген. После его отъезда земли перешли в собственность государства, затем были пожалованы эконо-советнику М.Н. Смирнову. Сменив несколько хозяев, Массандра переходит графу М.С. Воронцову, сыгравшему важную роль в становлении виноградарства в Крыму. Он заложил здесь первые виноградники, высаживал лучшие французские, рейнские, испанские и греческие лозы, построил подвал для выделки и хранения вина. Построил в Массандре винокурный завод, на котором работали приглашённые из Франции мастера. Хозяйство Воронцова становится образцовым центром, откуда окрестные помещики и местное население получают лучшие европейские сорта лоз и полезные консультации. Именно отсюда идут всемирно известные крепкие и десертные крымские вина, гус-

тые и необыкновенно душистые. В ряде путеводителей тех лет Массандру называли «стороной лучших крымских вин».

В 1889 году наследники М.С. Воронцова продали имения «Массандра» и «Ай-Даниль» вместе с торговой фирмой государственному Департаменту уделов. В 1890 году винподвал в «Массандре» возглавил первый русский винодел из крестьян А.П. Сербуленко, до этого 30 лет проработавший в Магараче. Именно А.П. Сербуленко создал первое в Крыму вино типа мадеры в 1889 году и назвал его «Крепкое из мадейрских лоз». Рецептов его вина не сохранилось, но многие годы работы в «Массандре» в качестве консультанта он посвятил поискам нового качества этого вина. Винподвал «Массандры» в бывшем имении М.С. Воронцова стал называться «Старый подвал», спустя несколько десятилетий «сердцем» этого чудесного места стало мадерное производство.

В 1891 году на должность заведующего удельным виноградарством и виноделием в Крыму и в Абрау был назначен Л.С. Голицын. Тонкий знаток природы, Голицын понял зависимость качества винограда от почвы. Он писал: «Кремнезёмные почвы придают винограду нежность, деликатность, букет; глинистые — мягкость и полноту, известняковые — огонь». Именно при Голицыне «широкомасштабное удельное виноделие стало в России основой промышленного производства конкурентоспособных марочных и шампанских вин».

В Крыму он поставил задачу поднять качество вина, ознакомить с ним потребителей и завоевать международные рынки сбыта. Лев Сергеевич настаивал на необходимости запрещения торговли водкой и замены её в простонародном обиходе натуральным вином, а также имел убеждение, что русское виноделие не поднять, пока к императорскому двору вино будут возить из-за границы. Было известно, что император предпочитает портвейны другим винам. По инициативе Л.С. Голицына винодел Ливадии И.А. Бианки приготовил крепкое вино типа портвейн из сортов Каберне и Мурведр. Эти первые работы настолько восхитили Николая II, что он отказался от закупок вина в Португалии.

С тех пор технология производства этих вин, названных «Портвейн красный Ливадия» и «Портвейн красный Массандра», никогда не менялась, и сегодня они являются фаворитами у многочисленных любителей и ценителей вина. Благодаря стараниям Л.С. Голицына и блестящей плеяды его учеников недоверие к русскому виноделию сменилось поначалу недоумением, а затем безоговорочным признанием. Талантливый учёный-винодел, князь Голицын не копировал иностранные технологии, а пользовался ими как аналогами с учётом природных условий ЮБК. Лев Сергеевич создал школу виноделия,

Памятная доска в Главном подвале.
Фото А. Бурдейного.

поднимающую ремесло винодела до степени искусства, когда мастер «следует не выхолощенным рецептурным правилам, а работает как художник, непрерывно и тщательно изучающий свои краски-виноматериалы, и искусным сочетанием их, умелыми купажами достигает наивысшего вкуса и аромата вин».

Производственная и научная деятельность Л.С. Голицына в своём имении «Новый свет» дала русскому виноделию, особенно «Массандре», очень многое. Именно здесь он решил создать крупное винодельческое предприятие, построить первый в России подземный завод туннельного типа для выдержки столовых, десертных, а по возможности и шампанских вин всех удельных имений.

В 1894—1897 годах в Массандре было сооружено семь туннелей, расположенных веерообразно от соединительной галереи, обеспечивающих идеальные условия для многолетнего хранения и выдержки виноматериалов в бочках. В специальном отделении можно было разместить миллион бутылок коллекционного вина.

Словно средневековый замок, здание из светло-серого крымского камня вписано в окружение лесистых гор. Камень природно благороден, безукоризненно обработан. Разрушительное землетрясение в Крыму в 1927 году не оставило здесь и трещины. Техническое решение подземной части не имеет себе равных. Всюду соблюдается необходимая постоянная температура, идеальная вентиляция за счёт перепада высоты над поверхностью земли и системы шахт.

Главный подвал «Массандры» (1894—1897 годы).
Фото А. Бурдейного.

Главный подвал. Памятная доска.
Фото А. Бурдейного.

Виноградники в окрестностях Ялты.
Фото Р. Кушховой.

В настоящее время единое целое с уникальным старинным подвалом составляет новая часть завода, выстроенная в 1938–1956 годах. В подземелье ярусами расположились подвалы: «Верхний» с выдержкой знаменитых и уникальных десертных вин в дубовых бочках, «Средний» на котором установлены 450 огромных дубовых бочек (бутов) для выдержки крепких вин, и «Нижний» — царство белых портвейнов и десертных вин в пяти тысячах дубовых бочек. Здесь можно встретить Мускаты, Пино-гри, Токай, Кокур десертный, Кагоры, Чёрный Доктор, Бастардо, Портвейны — вина разных лет урожаев, приготовленные из винограда автохтонных и европейских сортов.

Многие марки вин из нынешнего ассортимента, а также коллекционных экземпляров «Массандры» создавались А.А. Егоровым по принципам сортности, типа, районности. Им отшлифованы труды блистательной плеяды массандровских виноделов: И.А. Бианки, А.В. Келлера, Н.М. Преображенского, Э.А. Гейне, Я.А. Вадарского, Ж.Д. Скочиомаро, И.М. Андрущенко, М.А. Михайлова, В.А. Шахова, А.А. Решетинского, П.А. Новичкова.

Среди этих вин известны «Портвейн белый Сурож», «Портвейн красный Южнобережный», «Кокур десертный Сурож», легендарный «Мускат белый Красного камня». Наследие А.А. Егорова — это не только высококачественные вина, но и ученики, последователи великого винодела, которые продолжают развивать традиции крымского виноделия.

«Воронцовский подвал». Царские буты.
Фото А. Бурдейного.

Драгоценной россыпью по Южному берегу Крыма раскинулись виноградники, 12 производственных площадок Массандры, два вин-подвала («Воронцовский подвал» и «Подвал Ореанда»), восемь филиалов. Сортовой фонд «Массандры», представленный европейскими и уникальными аборигенными сортами, позволяет готовить большой ассортимент вин различного качества — от тонких и бархатистых столовых до огненного хереса. Оригинальные выдержанные вина с завораживающими названиями: «Пино-гри Ай-Даниль», «Алеатико Аю-Даг», «Мускат белый Красного камня», «Седьмое небо князя Голицына» снискали мировую известность. Вина выдающихся достоинств закладываются на многолетнюю бутылочную выдержку и выпускаются как «коллекционные».

«Воронцовский подвал» — комплекс старинных винподвалов, ведущих историю с 1830 года. Тогда была построена винодельня М.С. Воронцова, в которой сегодня бережно ухаживают за вином в дубовых бутах. Изготовленные массандровскими бондарями в 1896, 1903, 1912 годах, бочки сохранили на доньях герб Российской империи. В 1881 года напротив этого подвала сын М.С. Воронцова — Семён Михайлович Воронцов — выстроил из серого местного камня трёхэтажное здание винодельни и винохранилища. Принцип обустройства подвала позволял перемещать виноград, мезгу, сусло, моло-

«Воронцовский подвал». Винохранилище 1881 года.
Фото Р. Кушховой.

«Воронцовский подвал». Выдержка мадер.
Фото Р. Кушховой.

«Воронцовский подвал».
Кисть винограда 50-летней лозы.
Фото Р. Кушховой.

дое вино без использования насосов, а переработку особо ценных сортов вин производили вручную на деревянных терках. Эти приёмы способствовали выделке вин высокого качества. Под высокой двускатной двухъярусной крышей, покрытой марсельской черепицей, находились жилые помещения для виноделов.

Землетрясение 1927 года повредило строение, особенно крышу и верхний этаж, которые решено было не восстанавливать. Через десять лет, в 1937 году на крыше здания появилась открытая солнечным лучам площадка для выдержки мадеры. Сегодня под южным солнцем стоят 1200 бочек с мадерой разных лет урожая четырех марок: «Мадера Массандра» (впервые приготовлена из европейских сортов в 1892 году под названиями «Мадера Ливадия», «Мадера Ай-Даниль», с 1900 года неизменна технология и современное название), «Мадера Крымская» из аборигенного сорта (с 1905 года готовилась в разное время под названиями «Мадера Кучук-Узень», «Мадера Коктебель» и «Мадера Алушта»), «Мадера Серсиаль» и «Мадера десертная» (впервые приготовлены из европейских сортов винограда в 2009 году как «Эталита сухая» и «Эталита десертная»).

Технология приготовления мадеры требует для получения оригинального качества вина высоких температур, много воздуха (желательно морского, океанического или горного, хрустально-чистого), небольших размеров бочек из плотного дуба вёдер на 40–60 и, конечно, заботливых рук. Это классический способ, который в силу его

«Воронцовский подвал». Выдержка мадер.
Фото Р. Кушковой.

трудоемкости редко применяют даже на родине мадеры, в Португалии. Далеко не все винодельческие регионы мира имеют возможность приготовить мадеру — для этого необходимо поистине счастливое сочетание природно-климатических и технологических условий. Можно смело утверждать, что в «Массандре» в настоящее время самая большая открытая площадка для выдержки мадеры.

Цех выдержки «Воронцовский подвал» — колыбель отечественного хереса. Здесь в 1944 году стали впервые успешно готовить херес при непосредственном участии Т.А. Егоровой, дочери А.А. Егорова. Деликатнейшая технология приготовления хереса тщательно разработана и внедрена в производство виноделами «Массандры» в сотрудничестве с учёными страны. Херес набирает свои удивительные свойства в процессе развития под плёнкой особых дрожжей, затем проходит стадию сложного купажирования и, наконец, выдержку в дубовых бочках на открытых площадках или в тёплых полуподвальных помещениях. Сегодня производство знаменитых вин «Херес Массандра», «Ореанда херес сухой» сосредоточено в поселке Ореанда, в бывшем имении вел. кн. Константина Николаевича.

Филиалы «Массандры» перерабатывают виноград в количестве около 20 тысяч тонн ежегодно и создают свыше 60 наименований вин.

«Ливадия»

Является одним из старейших хозяйств «Массандры». Считается, что первые виноградники здесь заложил знаменитый греческий пират Ламбро Качионис (Качиони), который поступил на службу в российский флот и за свои заслуги перед новым отечеством в 1796 году получил от Екатерины II земли на склоне горы Могаби. Именно Качиони назвал это место Ливадией. Он не только заложил виноградники, но и начал изготавливать на продажу виноградную водку. После смерти Качиони у его наследников землю купил полковник Феодосий Ревелиоти, соратник и земляк пирата.

В 1834 году Ревелиоти продал Ливадию за 150 тыс. рублей дипломату Л.С. Потоцкому. Поместье не уцелело, но нынешний винзавод стоит на том самом месте, где построил его Потоцкий. Сохранились винные подвалы, а также источник с надписью «1849». В 1861 году имение приобрёл император Александр II. В XIX веке в Ливадии работали известные виноделы Л.С. Голицын, И.А. Бианки, К.П. Поляков, А.В. Келлер. Вина ливадийских виноделов подавались на столы императорского двора, придворных чиновников, иностранных послов. Вывозили ливадийские вина и за границу.

В настоящее время филиал располагает 310 гектарами виноградников, тремя гектарами садов. Основные площади занимают техни-

Виноградники в окрестностях Ялты.
Фото Р. Кушховой.

ческие европейские сорта винограда: Мускат белый, Каберне-Совиньон, Вердельо, Серсиаль, Альбилю, Пино серый. Гордость ливадийских виноделов — «Портвейн красный Ливадия», любимое вино императора Николая II, созданное в 1891 году, и уникальное вино «Мускат белый Ливадия», впервые приготовленное в 1892 году.

«Гурзуф»

Первые виноградники и винный подвал на месте нынешнего филиала заложил поляк Гюстав Олизар, владевший в 1820-х годах западной стороной Аю-Дага. Его имение под названием «Кардиатрикон» (с греческого «Врачевание сердца») в 1823 году купил граф М.С. Воронцов, затем оно перешло к Удельному ведомству. Действующий завод в Гурзуфе был построен купцом И.А. Федосеевым в 1895 году и принадлежал ему до самой смерти в 1909 году, затем он перешел его наследникам. Последними владельцами имения «Ай-Гурзуф» стали Н.Н. Бекетов и А.А. Бекетова, купившие его в начале февраля 1917 года. В 1920 году завод передали в ведение организованного совхоза «Гурзуф».

Коронная марка предприятия — «Мускат белый Красного камня» с нежным дыханием цитрусовых садов из винограда, выращенного в деревне Кизил-Таш (ныне Краснокаменка). Тысячелетия назад культивировался Мускат белый на землях Сирии, Египта, Аравии, позже во Франции. Оттуда он принес обаяние аромата, но всю свою прелесть раскрыл на крымском берегу Черного моря. Вино впервые приготовлено в 1944 году. В настоящее время вино имеет 21 золотую медаль, одну серебряную, три кубка «Гран-При» и кубок «Супер Гран-При». Как самое титулованное вино мира «Мускат белый Красного камня» внесено в книгу рекордов Гиннеса. Изысканность этого вина очаровывает и пленяет самых искушенных ценителей, в числе которых королева Великобритании Елизавета II.

«Таврида»

Находится на землях бывшего имения Кучук-Ламбат, располагавшегося между горами Кастель и Аю-Даг. В 1780-х годах эти земли были пожалованы по «императорскому повелению» принцу Шарлю Жозефу де Линю за заслуги перед российской короной. В 1813 году поместье приобретает гражданский губернатор Тавриды генерал-лейтенант А.М. Бороздин. К 1825 году Бороздин был вынужден продать часть своих земель, на месте одного поместья образовалось три: Кучук-Ламбат, имение принца Мюрата и Карасан. Во всех трёх имениях успешно развивалось плодоводство, виноградарство и выделка вин. В 1856 году современники писали об имении Карасан: «Ни одна южнобережная экономя не давала столько чистого дохода, как Карасанская».

В 1936 году на этих землях был организован совхоз «Биюк-Ламбат», вошедший в состав «Массандры». Сегодня в энотеке «Массандры» хранятся уникальные вина того времени: «Мускат чёрный Биюк-Ламбат», «Мускат белый Кастель», «Мускат чёрный Таврида», «Портвейн красный Таврида», «Алеатико Партенит». На 300 гектарах виноградников выращивают Мускат белый, Мускат розовый, Мускат чёрный, Алеатико, Пино серый, Каберне, Саперави, из которых готовят столовые крепкие и ликёрные вина, составляющие славу «Массандры».

«Алушта»

История виноградарства в Алуште началась с появлением в 1830 году в здешней долине хозяйства помещика Д.Р. Петриченко. Он заложил 25 десятин образцового виноградника и построил огромный подвал с высокими сводами. Грандиозное сооружение предназна-

лось для производства шампанского. Производство сухих вин без учёта особенностей почв и климата привело к появлению довольно качественных, но тяжеловатых по вкусу вин.

В начале 1870-х годов имение приобрёл «Торговый дом Токмакова и Молоткова», который успешно развивал хозяйство. Предприятие производило красные столовые и десертные вина, пользовавшиеся огромным спросом в России и за её пределами и приносившие огромные доходы. В разное время в Алуште производились все марки марочных портвейнов, «Мадера Крымская», «Мадера Массандра», «Столовое красное Алушта», «Алеатико Аю-Даг», «Бастардо Массандра». В настоящее время завод производит большой ассортимент столовых и ликёрных вин.

«Малореченское»

Первые упоминания о промышленных посадках завезённых европейских сортов винограда в этой местности относятся к 1834 году. С 1836 производством вина в Малореченском занимался владелец урочища Кучук-Узень А.Д. Княжевич, который внёс значительный вклад в развитие крымского виноделия, в частности, первым в России начал получать искристые вина, опубликовал сведения «О состоянии виноградарства и виноделия на южном берегу Крыма». В книге на 70 страницах проанализированы сорта, описана агротехника, экономика выращивания винограда, а также возможности сбыта вина. Благодаря его усилиям в Петербурге в Галерной гавани начали торговать крымскими винами, поставки крымских вин стали осуществляться в Москву, Харьков, Саратов, Нижний Новгород, Омск, Красноярск и другие города.

В ассортименте завода «Малореченское» вина 40 наименований, в том числе «Мадера Крымская» (здесь же впервые приготовлены её предшественницы «Мадера Кучук-Узень» и «Мадера Алушта»), «Портвейн Малореченский», «Седьмое небо князя Голицына», «Марсала Малореченская», «Малага Массандра», «Каберне Екатерины», «Церковное Удельного ведомства» и другие вина, в числе которых немало разработок современных виноделов.

«Приветное»

Приветненская долина, защищённая горным массивом от зимних ветров и на несколько километров удалённая от побережья, имеет отличный микроклимат, благоприятный для производства высококачественных вин.

«Морское»

В долинах селения Капсихор издревле произрастал высококачественный виноград, использовавшийся для приготовления великолепных вин, поэтому неудивительно, что в Капсихоре была построена одна из четырёх удельных виноделен для первого в России судакского училища виноделия, которое организовали в 1804 году. В настоящее время хозяйство имеет 939 га виноградных плантаций, его гордость — автохтонные сорта Кефесия, Кокур белый, Сары Пандас. Этот край — родина знаменитого вина «Чёрный доктор» (Эким Кара) и молодой марки вина «Белый доктор».

«Судак»

Судакская долина даёт превосходные ликёрные вина, хересные и шампанские виноматериалы, столовые вина. В Судаке в 1932 году впервые начали опытное виноделие из отдельных аборигенных сортов, что обогатило производство и позволило получить новые марки вин. Фирменные вина филиала — «Портвейн белый Сурож», «Кокур десертный Сурож», приготовленные из винограда Кокур белый.

* * *

Бесценное богатство «Массандры» — коллекция вин, получившая официальное начало благодаря распоряжению № 1060 от 26.10.1834, подписанному генерал-губернатором М.С. Воронцовым и заложенная Л.С. Голицыным. В подземельях «Массандры» хранятся десятки эталонов столетних напитков многих европейских стран, целая «генеалогия» отечественного виноделия, около миллиона бутылок вин более 1450 наименований, в том числе вина, возраст которых исчисляется столетиями. Энотека ежегодно пополняется высококачественными винами «Массандры», вобравшими в себя богатую гамму самых изысканных ароматов, которым предстоит долгое путешествие во времени.

Коллекция вин «Массандры» на сегодняшний день не имеет аналогов в мире. В 1988 году она занесена в Книгу рекордов Гиннеса не только из-за многочисленности хранимых образцов, но и благодаря их уникальности. Старейшее вино в энотеке родом из Испании, это «Херес де ля Фронтера» урожая 1775 года. Значительную часть коллекции составляют лучшие вина мира из собрания Л.С. Голицына, который не жалел сил и средств для приобретения эталонов мировых марок. Это херес «Новый свет» 1830 года урожая, мадера «Ольд Рибейро секко» 1837 года, херес «Солера» 1847 года, мускат «Люнель»

Галерея цеха коллекционной выдержки вин.
Фото А. Бурдейного.

Раритетные вина.
Фото А. Бурдейного.

Раритетные вина.
Фото А. Бурдейного.

1848 года, «Шато Икем» 1865 года, портвейн белый «Сандеман» 1870 года, мадера «Братьев Крон» 1871 года.

«Массандра» хранит уникальные образцы вин из ливадийского Царского подвала, подвалов имения вел. кн. Александра Михайловича «Ай-Тодор», имений светл. кн. Воронцова, кн. Юсупова, Токмакова, Голубева и других. Вина «Мёд с Алтайских лугов», «Мёд коронационный» князя Голицына, мадера «Индия» князя Волконского, мадера Елисеева, «Мускат розовый» Голубева, «Опорто» Келлера, «Токай» Токмакова, «Седьмое небо князя Голицына» — богатейшее наследие ушедших эпох. Работы всех предыдущих поколений массандровцев хранятся в идеальных условиях и представлены винами всех лет урожаев, начиная с 1891 года.

23 апреля 2010 года в дегустационном зале «Массандры» собрались авторитетные эксперты и любители вина из разных стран — Франции, Великобритании, Шотландии, Латвии, России. Они оценили раритетные вина: «Мускат розовый Гурзуф» 1937 года, «Пино Гри Ай-Даниль» 1945 года, «Мускат белый Кабель» 1947 года, «Кагор Южнобережный» 1973, 1987 и 2009 годов, а также другие великолепные вина — всего 30 позиций. Совершив путешествие по подвалам предприятия, где каждая каза дышит историей, гости эмоционально делились впечатлениями.

Гость «Массандры» светл. кн. С.М. Воронцов-Дашков.
Фото Р. Кушковой, 2004.

С пиететом о винах «Мадера Массандра», «Столовое красное Алушта», «Седьмое небо князя Голицына» и многих мускатах отзывался Денис Саверо (Denis Saverot), редактор журнала *La revue du vins de France*. Он отметил удивительную гармоничность, сбалансированность кислотности и сладости в десертных винах «Массандры». Себастиан Рили-Смит (Sebastian Riley-Smith), владелец одного из крупнейших частных винных подвалов в Лондоне и Манчестере Smith & Taylor, также был восхищён крымскими винами. Винный журналист и режиссёр, снимающий фильмы о крупнейших винодельнях и шато мира, произнёс резюме: «Как англичанин я хотел бы отметить, что удивлён талантом массандровских виноделов — вы работаете с невероятным, на мой взгляд, количеством разнообразных вин, но при этом с каждым из них достигаете потрясающих высот!» Хересы он отметил как очень пикантные, мадеру оценил за мягкость и в то же время мощь, а «Пино гри» и «Мускат белый Красного камня» назвал выдающимися винами, ароматы которых продолжают развиваться даже спустя годы бутылочной выдержки. Феноменальным назвали гости «Мускат белый Ливадия» 1975 года, богатый и экспрессивный, букет которого они сравнили с душистым нектаром.

В числе гостей «Массандру» в очередной раз посетил один из величайших коллекционеров вина в мире. Тот, чьё винное состояние оценивалось в 40 млн. евро, пока он не подарил его государственным фондам для будущих поколений, сделав коллекцию частью наследия ЮНЕСКО. Мишель-Жак Шессей (Michel-Jack Chasseuil) по итогам своих многочисленных путешествий издал книгу «100 экстраординарных вин из лучших погребов мира» (100 bouteilles extraordinaires de la plus belle cave du monde), которая переведена на 10 языков мира. В книге содержатся описания предприятий и вин, достойных внимания коллекционеров. В числе этой великой сотни, наряду с Chateau Yquem (1811), Romanee Conti (1921), Petrus (1914), бутылкой Marie Brizard (1912), которая побывала в коллекции печально известного лайнера «Титаник», есть восемь марок вин из собрания «Массандры». Это «Лакрима Кристи» (1897), «Кагор Аю-Даг» (1933), «Мускат розовый Гурзуф» (1934), «Мускат розовый десертный» (1945), «Портвейн красный Ливадия» (1891), «Мёд с Алтайских лугов Голицына» (1886), «Мускат Люнель» (1848), мадера (1837) года из подвалов «Массандры».

Мишель-Жак Шессей так прокомментировал присутствие в книге этих образцов:

«Мускат розовый Гурзуф» 1934 года в моей коллекции появился в память о всемирно известном космонавте Юрии Гагарине — это вино было произведено в год его рождения. “Кагор Аю-Даг” — самый старый кагор, который здесь произвели, это церковное вино, заслуживающее внимания коллекционеров. “Лакрима Кристи” было произведено в год, когда закончили строительство завода, во времена последнего русского императора. Это вино — также память о Голицыне, который создал “Лакрима Кристи” для аукциона Christie’s. “Портвейн красный Ливадия” 1891 года я приобрёл для коллекции, чтобы показать типичную бутылку того времени с царским гербом — это были бутылки из личного подвала Николая II, и это дата рождения генерала де Голля. Я хотел, чтобы мы вспомнили о последнем царе, которому принадлежал этот завод. “Мёд с Алтайских лугов Голицына” было куплено в память о Голицыне, который является апостолом виноделия. Он начал создавать многие знаменитые сегодня вина на сотню лет раньше, чем другие хозяйства мира, и основал легендарную коллекцию, которая хранится в “Массандре”. А мадера 1837 года из подвалов “Массандры” — это напоминание о печальной дате, когда на дуэли был убит Александр Пушкин. Я считаю, такие бутылки должны стать реликвиями, которые никогда не будут выпиты, чтобы сохранить память прошедших веков».

Сегодня «Массандра» выпускает специальные выдержанные и кол-лекционные вина и хранит ценнейшее собрание уникальных вин, национальную гордость страны. Вина «Массандры» удостоены четырнадцати Кубков «Гран-при», шести Кубков «Супер Гран-При», 299 золотых, серебряных и бронзовых медалей. Годами её бенефиса стали 1990, 1991, 2001 годы на аукционе «Sothebys» в Лондоне. Это большая заслуга всего коллектива «Массандры», который насчитывает сегодня 2500 работников, сохраняющих и приумножающих достижения предшественников.

Когда-то виноделие на Южном берегу Крыма было заложено в местечке под названием Мгараш, «Источник». За 200 лет из этого источника сформировались три уникальных учреждения Южного берега Крыма — Никитский ботанический сад РАН, Всероссийский научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия «Магарач» РАН, Производственно-аграрное объединение «Массандра» Управления делами Президента РФ.

Список литературы

1. *Бойко В.А., Загоруйко В.А.* Виноградарство и виноделие. Сборник «Ялта» / В.А. Бойко, В.А. Загоруйко. Симферополь: Черномор Пресс, 2006. С. 243.
2. *Бойко Н.К.* Гости Массандры. Львов, Гриф Фонд, 2011. С. 496.
3. Государственный архив Харьковской области. ГАХО. Ф.71. Оп. 5. Д. 3982.
4. *Дайнеко Л.А.* Виноградарство и виноделие в истории Крыма. Симферополь: Крымский Архив, 2000.
5. *Захарова О.Ю.* Светлейший князь М.С. Воронцов. Симферополь, Бизнес-Информ, 2005. С. 312.
6. *Кеппен П.И.* О виноделии на Южном берегу Крыма // «Северный муравей, газета промышленности». № 23, СПб., 1830.
7. *Кеппен П.И.* Об успехах виноделия на Южном берегу Крыма. СПб.: Типография мед. департамента Министерства внутренних дел, 1831.
8. *Клепайло А.К.* Лев Голицын и его дар. Киев, 2010. С. 140.
9. *Княжевич А.Д.* О состоянии виноградарства и виноделия на Южном берегу Крыма. СПб., 1868.
10. *Кушхова Р.Б.* Солнечные вина «Массандры» // Сомелье. Специализированный вып. 2. Донецк, 2002.
11. *Ламан Н.К., Борисова А.Н.* Князь Лев Сергеевич Голицын: Выдающийся русский винодел. М.: Наука, 2000. С. 383.
12. *Маркевич А.И.* Академик П.С. Паллас. К 100-летию со дня его смерти // Известия Таврической учёной архивной комиссии. № 47. Симферополь, 1912.
13. *Маркевич А.И.* Из прошлого крымского виноградарства и виноделия // Вестник виноделия Украины. № 9—12. Симферополь, 1927.

14. *Морозова Е.П.* Земли улыбка, радость неба. Путеводитель «Бизнес-Информ». Симферополь, 2006.
15. *Москвич Г.* Практический путеводитель по Крыму. СПб., 1914.
16. *Охременко Н.С.* Русские виноделия. Симферополь, 1965. С. 165.
17. *Павленко Я.П., Павленко П.Г.* «Массандра» — винная сокровищница России. История и современность. Симферополь, 2018.
18. *Паллас П.С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам русского государства в 1793–1794 годах. М.: Наука, 1999.
19. Сборник «Коллекционные вина «Массандры» / Под ред. Г.И. Митяевой. Массандра, 2003. С. 389.
20. Сборник «Солнечная Массандра». Массандра: Гриф-фонд, 1996. С. 409.
21. *Сумароков П.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб.: Императорская типография, 1803.
22. *Унгерн-Штернберг Ф.Р.* О виноделии на Южном берегу Крыма. СПб.: Изд-во А.Ф. Девриена, 1888.
23. Drinks plus. Специализированный журнал о напитках для знатоков [Электронный ресурс — http://www.drinks.com.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=1249:-lr-&catid=61:reportaj&Itemid=56 (дата обращения 10.09.2018).

СПИСОК АВТОРОВ

Адаксина Светлана Борисовна (Санкт-Петербург)

Кандидат исторических наук, главный хранитель, заместитель директора Государственного Эрмитажа, руководитель Южно-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа

Анненков Анатолий Анатольевич (Ялта)

Руководитель Управления по содержанию и развитию рекреационного ландшафта Международного детского центра «Артек»

Головнёв Игорь Иванович (Ялта)

Научный сотрудник лаборатории ландшафтной архитектуры Никитского ботанического сада — Национального научного центра РАН

Ежов Владимир Владимирович (Ялта)

Доктор медицинских наук, профессор, заведующий отделом физиотерапии, медицинской климатологии и курортных факторов Академического научно-исследовательского института физических методов лечения, медицинской климатологии и реабилитации им. И.М. Сеченова

Земляниченко Марина Александровна (Ялта)

Кандидат химических наук, историк-краевед, исследователь дворцов и парков Южного берега Крыма

Кушхова Рамета Беталовна (Ялта)

Кандидат технических наук, начальник цеха выдержки «Воронцовский подвал» ФГУП «ПАО «Массандра» Управления делами Президента РФ

Манцыгина Инна Васильевна (Ялта)

Кандидат архитектуры, член Союза архитекторов России, историк архитектуры Южного берега Крыма

Медведева Анастасия Евгеньевна (Санкт-Петербурге)

Историк, научный сотрудник ООО «ЕврогруппСПб», помощник управляющего недвижимостью Евангелическо-Лютеранской Церкви Ингрии

Морозова Елена Петровна (Ялта)

Член Союза журналистов России

Мысливец Владимир Иванович (Москва)

Кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник кафедры геоморфологии и палеогеографии Географического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Мыц Виктор Леонидович (Санкт-Петербург)

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа

Попов Борис Владимирович (Ялта)

Заслуженный строитель Республики Крым, лауреат Государственной премии в области архитектуры (2010), директор Ялтинского филиала института КрымНИИпроект (1998–2014)

Старикова Наталья Петровна (Ялта)

Ведущий архитектор Ялтинского инженерно-технического центра Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, член Архитектурно-градостроительного совета Республики Крым

Филатова Галина Григорьевна (Алупка)

Ученый секретарь Алупкинского дворцово-паркового музея-заповедника

ЮЖНЫЙ БЕРЕГ КРЫМА

Материалы
к описанию культурного ландшафта

Выпуск 1

Директор издательства
Е.Н. Калыцков
Оформление, оригинал-макет
Т.Б. Николаева

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60х90/16. Бумага офсетная
Печать офсетная. Печ.л. 24.
Тираж 350 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 27-29
E-mail: evrodom2006@list.ru

Отпечатано в типографии «Литография Принт»
191119, Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8, офис 14
www.spbprinting
тел. +7 (812) 712-02-08